

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
[XVIII – НАЧАЛО XXI В.]**

**ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ**

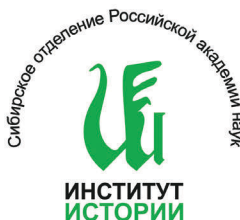
**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
НОВОСИБИРСК. 24-25 ОКТЯБРЯ 2025 Г.**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (XVIII – НАЧАЛО XXI В.): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Сборник научных трудов

Новосибирск
2025

УДК 94(33.025.12) «17/20»

ББК 63.3.(54)+65.9

М74

Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Р е д к о л л е г и я :

д-р ист. наук В.М. Рынков (отв. ред.),
д-р ист. наук С.В. Любичанковский, М.А. Косицын (отв. секр.),
канд. ист. наук А.И. Савин, Р.М. Сеитов

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук *М.В. Шиловский*
д-р ист. наук *Т.Ю. Красовицкая*

Модернизационные процессы в Центральной Азии
М74 (XVIII – начало XXI в.): проблемы и перспективы изучения: сб.
науч. тр. / отв. ред. В.М. Рынков; Институт истории СО РАН. –
Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2025. – 376 с.
ISBN 978-5-4437-1874-3

Сборник включает статьи по ключевым проблемам модернизации в государствах Центральной Азии. Авторы рассматривают теоретико-методологические вопросы, историографию, прежде всего самую современную, дискуссионные и малоизучаемые аспекты модернизационных изменений в экономике, общественных отношениях, социальной жизни, культуре. Статьи являются расширенной версией докладов, представленных по результатам одноименной международной научной конференции (Новосибирск, 24–25 октября 2025 г.). Публикуются также материалы научной дискуссии, состоявшейся в ходе конференции.

Книга адресована историкам, экономистам, социологам, политологам, служащим органов власти и управления, предприятий и организаций, осуществляющих международное сотрудничество, и всем интересующимся историей.

УДК 94(33.025.12) «17/20»
ББК 63.3.(54)+65.9

ISBN 978-5-4437-1874-3

DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3

© Институт истории СО РАН, 2025

От редактора

Современные государства существуют в постиндустриальном мире. Динамизм его развития, высокая скорость технологических изменений, адаптация к ним социума, с одной стороны, диктуют конвергенцию, с другой стороны, ведут к созданию национальных моделей развития и усилению межстранового неравенства. Многие сегодня зависят от того, каким багажом знаний, опыта и технологий обладают участники мировых процессов. Всегда ли модернизация связана с ломкой традиций? Как наследие далекого и недавнего прошлого влияет на успехи современной модернизации? Каково соотношение технологических и интеллектуальных факторов в обеспечении модернизации? Как эти факторы формировались на разных этапах исторического развития в разных странах?

Поиск ответов на эти вопросы у научного коллектива, который я представляю, прочно связан с интересом к истории наших южных соседей по постсоветскому пространству. Поэтому сектор Истории Центральной Азии XVIII – начала XXI в. Института истории СО РАН в рамках бюджетного проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI века)» провел 24–25 октября 2025 г. международную научную конференцию, материалы трудов которой составили данный сборник.

Организаторы конференции рассчитывали сделать предметом научной дискуссии исторический опыт модернизации в Центральной Азии. Под данным макрорегионом мы подразумеваем современные Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Кыргызстан, а также сопредельные регионы России и Китая. Модернизационный процесс осуществлялся здесь на протяжении двух – двух с половиной веков. Впрочем, у процессов такого рода нет и не может быть жестких хронологических границ и образцов, в разных субрегионах они могут различаться не только хронологически, но и типологически.

Активное участие коллег из Казахстана, России и Узбекистана обеспечило достаточно широкий круг обсуждаемых проблем и, благодаря не только разнообразию тематических подходов, но и несов-

падению научных дискурсов, полемика по ряду научных проблем оказалась интересной, а прозвучавшие доклады получили в ходе обсуждения новые, подчас неожиданные грани трактовок. Не удалось привлечь участников из Таджикистана, Туркменистана, Китайской Народной Республики. Зато уже на стадии составления программы конференции стало понятно, что мероприятие активно поддержано многими коллегами, обещает быть интереснее и богаче предложенных заранее к обсуждению тем.

Организационный комитет конференции, международный по составу, но сформированный из сотрудников сектора истории Центральной Азии XVIII – начала XXI в. ИИ СО РАН¹, отобрав 30 докладов, объединил их в четыре секции конференции. Первая включила доклады, сконцентрированные на общетеоретических проблемах, межстрановых сравнениях и анализе региональных моделей. Вторая секция объединила докладчиков, акцентировавших внимание на роли государства в модернизационных процессах. Третья секция предполагала сосредоточиться на драйверах модернизации, в которых докладчики видели прежде всего реализованные проекты развития экономики и общества. Наконец, последняя, четвертая секция нацеливала на обсуждение социальных аспектов модернизационных процессов. Деление на секции, оставаясь вполне реальным способом организаций большинства научных конференций, с большой долей условности подразделяло доклады на тематические блоки. Некоторые из них не вписывались изначально ни в одну из обозначенных секционных тематик в строгом смысле этого слова, учитывая куда более широкий спектр проблем. Участники в процессе обсуждения имели в виду сразу все проблемное поле конференции, более того, спокойно выходили и за него.

Мы изначально планировали публиковать не только статьи, подготовленные на основе докладов, но и научную дискуссию. К счастью, регламент конференции располагал к обсуждению каждого доклада. Вопросы к докладчикам и их ответы часто существенно

¹ Рынков Вадим Маркович – председатель, д.и.н., директор, Косицын Максим Андреевич – секретарь конференции, м.н.с., Аблажей Наталья Николаевна – д.и.н., в.н.с., Махмудов Ойбек Анварович – к.и.н., с.н.с., Пуговкина Оксана Геннадьевна – д.и.н., с.н.с., Савин Андрей Иванович – к.и.н., с.н.с., Сактаганова Зауреш Галимжановна – д.и.н., г.н.с.

расширяли проблемное пространство, неизбежно скованное временными и ситуационными рамками выступлений.

В условиях наукометрической гонки за высокорейтинговыми журнальными статьями собирать материалы по результатам научных конференций стало делом непростым. При редактировании мы не пошли по пути жесткой унификации объемов предоставленных текстов, поэтому полученные материалы оказались разными по формату – от тезисов доклада до вполне развернутых статей с обширным научно-справочным аппаратом.

Публикуемая дискуссия по результатам работы каждой из секций представляет собой правленную и авторизованную версию выступлений и наиболее содержательные ответы на заданные вопросы. Более того, в процессе редактирования мы сочли целесообразным в некоторых случаях снабдить публикацию ссылками на упомянутые в устных выступлениях издания.

Не все участники конференции предоставили статьи. Однако прозвучавшие доклады подчас вызвали страстную полемику, и к ним отсылали выступавшие позже докладчики и участники прений. Поэтому мы опубликуем аннотации к таким докладам, чтобы читатели не потеряли нить обсуждения. Сразу оговоримся, что аннотации докладов, не породивших серьезную научную дискуссию, не включены в сборник. Всего мы публикуем 24 статьи, 4 дискуссии и 3 аннотации.

Содержание публикуемых в данном сборнике текстов статей и дискуссий является материалом научной полемики, выраженные в них точки зрения являются авторскими и не совпадают с мнением редколлегии сборника. Задача редколлегии состояла в том, чтобы тщательно подготовить каждый текст к публикации в сборнике трудов, произвести научное редактирование, сохраняя авторскую приверженность концепциям и подходам, стилистику и терминологию.

Раздел 1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ И РЕГИОНАЛЬНОМ ПРИМЕНЕНИИ

УДК 94(470)“17/18”

DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3-6-19

И.В. Побережников¹

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ И В СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Аннотация. Доклад посвящен историографическому изучению применения концепции фронтальной модернизации в современной отечественной литературе. Выявлена определенная экспансия и диверсификация концепции фронтальной модернизации, сформулированной И.В. Побережниковым в 2010 г., на протяжении последующего периода. Показаны результаты ее применения при изучении истории окраинных регионов Российской империи XVIII – начала XX в. Основное внимание уделено исследованию в современных трудах трансформаций судебно-правовых систем в сообществах Казахской степи и Средней Азии под воздействием политики фронтальной модернизации.

Ключевые слова: фронтальная модернизация, правовая система, трансформация, Российская империя, Казахская степь, Средняя Азия.

¹ **Игорь Васильевич Побережников**, д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, директор, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, e-mail: pober1871@mail.ru

I.V. Poberezhnikov²

**TRANSFORMATIONS OF LEGAL SYSTEMS IN THE KAZAKH
STEPPE AND CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT
OF THE FRONTIER MODERNIZATION OF THE RUSSIAN
EMPIRE (IN MODERN HISTORIOGRAPHY)**

Abstract. The report is devoted to the historiographical study of the concept of frontier modernization application in modern Russian literature. It has been revealed that the concept formulated by I.V. Poberezhnikov in 2010 has undergone a certain expansion and diversification over the subsequent period. The results of its application in the study of the history of the outlying regions of the Russian Empire in the 18th and early 20th centuries are presented. The main focus is on the study of the transformations of judicial and legal systems in the communities of the Kazakh Steppe and Central Asia under the influence of the frontier modernization policy in modern works.

Keywords: frontier modernization, legal system, transformation, Russian Empire, Kazakh steppe, Central Asia.

Исторически российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения и освоения новых земель. Это объективно обуславливало значительное региональное разнообразие, а также способствовало формированию феномена так называемой «фронтирной модернизации». Концепцию фронтирной модернизации я сформулировал в 2010 г. на основе изучения уральского материала XVIII–XIX вв.³ Я посчитал, что Урал может рассматриваться как региональный пример фронтирной модернизации России, при этом отмечал, что включение еще недостаточно освоенных территорий в модернизационные процессы способствовало усилению их разнородности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиций и инноваций в производственной, социально-институциональной и управленческой сферах, формированию конгломератно-пространственной структуры. Впослед-

² **Igor Vasilyevich Poberezhnikov**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: pober1871@mail.ru

³ *Побережников И.В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ. Екатеринбург, 2010. С. 308–310.*

ствии рамки применения концепции фронтальной модернизации были расширены для анализа развития восточных (в первую очередь Сибири) и вообще периферийных регионов России имперского периода⁴. Была обоснована применимость концепции и для характеристики страновой модели российской модернизации, она была представлена как российский цивилизационный феномен⁵.

Историки попытались применить эту концепцию и к советскому периоду, в частности к развитию регионов нового освоения. В Институте истории Сибирского отделения РАН работала Альбина Ивановна Тимошенко, она опубликовала целый ряд книг, монографий и статей⁶. Недавно, в 2024 г., вышла восьмитомная академическая история Югры⁷ – в ней Елена Юрьевна Зубкова из Института российской истории РАН также применила эту концепцию при изучении советского периода освоения севера Западной Сибири. При этом данная особенность странового развития не была, конечно, абсолютно уникальной, характерной только для России. Она проявлялась также, например, в истории таких стран, как Соединенные Шта-

⁴ *Побережников И.В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 191–203; *Он же.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М., 2015. С. 179–200; *Он же.* Региональные варианты фронтальной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Оренбург, 2018. С. 173–178; *Он же.* Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80.

⁵ *Побережников И. В.* Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12: ежегод. С. 246–274; *Он же.* Фронтальная модернизация в истории России // Экономическая история. Саратов, 2013. № 2 (21). С. 18–23; *Он же.* Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М., 2017. С. 72–140; *Он же.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М., 2018. С. 283–298.

⁶ *Тимошенко А.И.* Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтальной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148; *Она же.* Индустриальное освоение Сибири во второй половине XX в.: фронтальное измерение // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 104–111.

⁷ Академическая история Югры: в 8 т. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 7: Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991). С. 13; *Зубкова Е.Ю.* Югра в контексте позднесоветской модернизации: региональная история в общенациональной перспективе // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 72–81.

ты Америки, Канада, Австралия, Новая Зеландия, страны Латинской Америки, Китай и т.д. При этом проявления эти всякий раз были вариативны. Различным было и влияние фронтирности на динамику и результаты страновых модернизационных процессов. Данное обстоятельство означает необходимость качественного анализа страновых и региональных вариантов фронтирной модернизации.

Для России как страны фронтирной модернизации я в свое время выделил ряд параметров. В качестве первого отмечу наличие определенной логики фронтирной динамики, которая включает вначале формирование пограничных зон, наделенных особыми признаками, с последующей постепенной интеграцией этих фронтирных территорий и утрачиванием периферийных черт. Второй – это особый освоенческий синдром, дифференциация пространства на центр, ядро и периферию, которые различаются по целому ряду показателей. Но граница между ядром и периферией гибкая и постепенно стирается. Третий – наличие доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов центра; потребность в дополнительной рабочей силе для разработки избыточных ресурсов фронтирных зон; миграционная активность и проблема адаптации; конечно, повышенная роль транспортной инфраструктуры; необходимость обеспечения условий для стабильного развития в ситуации пограничья, приводившая к милитаризации регионов освоения.

Разновекторная диффузия традиционного и современного типов вполне естественна в условиях освоения, притока мигрантов, межэтнических взаимодействий, а также модернизационного трансфера технологий, социальных институтов, культурных ценностей. Столь же естественна и фрагментарность социума и ландшафта как следствие пограничности, продолжение освоенческих процессов, межэтнической миксации, разнонаправленной диффузии. При этом еще раз важно подчеркнуть, что перспективой фронтирной модернизации следует считать постепенную конвергенцию центра и периферии по разным параметрам.

Существенный интерес, конечно же, представляет опыт применения концепции фронтирной модернизации при анализе трансформации судебно-правовых систем на окраинах Российской империи, которые постепенно включались в ее состав. Правовой инстру-

мент выступает в данном случае важным показателем включения, интеграции территории, ее унификации, ну и, по сути, модернизации.

Первый кластер – это цикл работ, написанных и подготовленных Романом Юлиановичем Почекаевым, посвященных Казахстану и Средней Азии. В 2012 г. в Оренбурге прошла конференция, посвященная проблемам власти и управления в России⁸. На этой конференции я как раз сделал доклад о фронтирной модернизации. Р.Ю. Почекаев тоже был участником этой конференции, он воспринял концепцию фронтирной модернизации очень позитивно и посчитал возможным применить ее к процессам политико-правовой модернизации в Казахстане и в Средней Азии XVIII – начала XX в. Уже в 2013 г. у него появилась первая статья⁹, которая опиралась на данный подход, затем их число росло, появились монографии, в частности несколько изданий монографии о взаимоотношениях региональных российских администраторов и центральноазиатских правителей¹⁰, о юридических аспектах модернизационных процессов на фронтире¹¹. В 2020 г. в Оренбурге он защищает докторскую диссертацию «Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.»¹². Он анализирует в своих трудах правовые аспекты взаимодействия Российской империи с обществами Казахской степи и государствами Средней Азии с начала XVIII в. до 1917 г. По мнению Почекаева, концепция фронтирной модернизации позволяет объяснить, как Российская империя в рамках своей политики стремилась повысить уровень развития окраин до уровня наиболее развитых регионов империи с

⁸ См.: Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века): сб. ст. Оренбург, 2012. 519 с.

⁹ Почекаев Р.Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтирной модернизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190.

¹⁰ См., например: Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2024. 384 с.

¹¹ Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации. М., 2020. 326 с.

¹² Почекаев Р.Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2020. 564 с.

целью эффективной интеграции окраин в имперское политическое, правовое, экономическое и культурное пространство. В итоге автору удалось охарактеризовать основные этапы формирования российского влияния на правовое развитие Казахской степи и среднеазиатских ханств, выявить главные направления проникновения этого влияния, идентифицировать средства и методы российской правовой политики в ханствах Средней Азии после установления над ними протектората.

Следующий историографический кластер связан с другой фигурой – это Виталий Александрович Воропанов, который подготовил целый ряд монографий, посвященных суду, правосудию, судебным учреждениям в регионах среднего и нижнего Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахской степи в XVIII – первой половине XIX в.¹³ В 2022 г. в Оренбурге он защитил докторскую диссертацию «Органы юстиции в политике фронтирной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775–1864)»¹⁴. Воропанов операционализирует концепцию фронтирной модернизации, выделяя среди периферийных регионов внутренние и внешние. В итоге задаются модельные состояния, так сказать, старт и финал, которые позволяют оценивать степень продвижения по пути фронтирной модернизации для отдельных территорий страны. Сам процесс фронтирной модернизации трактуется в данном случае как превращение областей внешней периферии во внутренние части империи, которое сопровождается изменением их политико-административных статусов, систем административного управления,

¹³ *Воропанов В.А.* Судебные учреждения как фактор общественной эволюции в Оренбургском крае в 1775–1866 г. Челябинск, 2001. 281 с.; *Он же.* Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780–1869. Челябинск, 2005. 314 с.; *Он же.* Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск, 2008. 606 с.; *Он же.* Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.). Челябинск, 2011. 528 с.; *Он же.* Суд и правосудие в провинции Российского империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016. 456 с.; *Он же.* Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М., 2017. 192 с.

¹⁴ *Воропанов В.А.* Органы юстиции в политике фронтирной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (177–1864): дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2022. 469 с.

внедрением стандартов, применявшихся в центральных губерниях¹⁵. В своих работах, в частности, он останавливается на таких аспектах, как внедрение развития систем органов юстиции в Младшем казахском жузе, Букеевском ханстве, создание, реформирование и развитие системы органов юстиции в Среднем и Старшем казахских жузах¹⁶. По сути, он впервые провел комплексный анализ судебных органов власти в восточных и юго-восточных периферийных областях Российской империи в период с конца XVIII в. по 1864 г. на основе использования теории фронтирной модернизации и выявил роль органов юстиции в процессах трансформации внешней периферии государства во внутреннюю и в создании однородного, гомогенного управления и общественных отношений в судебной сфере на территориях, которые ранее отличались большими особенностями.

Третий историографический кластер – это труды алтайских ученых из Алтайского государственного университета. Руководитель проектов – доктор исторических наук, профессор Юлия Александровна Лысенко. Они тоже занимаются Казахстаном, выпустили монографии о месте традиционного казахского общества в российской политике имперского периода¹⁷, в том числе и с использованием концепции фронтирной модернизации¹⁸, и в 2024 г. в Барнауле в Алтайском государственном университете Инна Владимировна Анисимова, участник этих проектов, защитила докторскую диссертацию «Судебная система Степного края в условиях фронтирной модернизации (конец XVIII – 20-е гг. XX в.)». В своих трудах участники этого проекта используют концепт «центральноазиатская модель фронтирной модернизации», которая, по их мнению, включает ряд признаков: военно-гражданская система административно-территориального управления, милитаризация региона, сдерживание процесса создания промышленного сектора экономики, акцент экономической политики на аграрное освоение

¹⁵ Воропанов В.А. Органы юстиции в политике фронтирной модернизации... С. 31.

¹⁶ Там же. С. 295–369.

¹⁷ Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основные механизмы реализации (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 272 с.

¹⁸ Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2021. 395 с.

земельных ресурсов русским элементом, стремление к встраиванию этноэкономик коренных народов Степного края и Туркестана в общую логику аграрной модернизации региона, курс на оседание кочевых народов региона, повышение доходности региона главным образом за счет увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения, формирование сети образовательных учреждений школьного и среднего профессионального образования аграрного профиля, внедрение русского языка в делопроизводство и образовательный процесс, а также сочетание традиционной и российской модели судопроизводства¹⁹. В работах выделены этапы формирования судебной системы Степного края в контексте фронтирной модернизации, показано постепенное сближение на протяжении изучаемого периода правовых систем периферии и центра.

Изучение преобразований судебной системы Степного края в контексте фронтирной модернизации содействовало фокусированию внимания на воздействии социально-экономической модернизации на упрочение в регионе общеимперских судебных институтов, постепенный перенос имперских судебных институтов, норм права общеимперского законодательства на население Степного края при длительном сохранении традиционного права для местного населения, продолжительный процесс сохранения традиционных норм и институтов и их адаптации к новым судебно-правовым средам, механизмам взаимодействия имперских и традиционных институтов и норм права, постепенной интеграции изучаемой территории и ее населения в общестрановое политико-правовое пространство и политико-правовую культуру. При этом можно отметить, что, наверное, следует вести речь лишь о применении концепции к очень узкому кругу аспектов, связанных с механизмами взаимодействия центра и регионов, организации региональных управленческих, в том числе судебных, структур правового пространства. Необходимо понимать, что основная масса населения, конечно же, в данный период по-прежнему существовала в условиях традиционного общества, а модели модернизации носили поверхностный характер и не проникали в толщу традиционного контекста.

¹⁹ Центральноазиатский регион Российской империи... С. 16–17.

ста даже к концу изучаемого периода, т.е. к концу в данном случае первой четверти XX в.

Подводя итоги краткого историографического экскурса, можно видеть определенную экспансию и диверсификацию концепции фронтирной модернизации, которая стала применяться для изучения разных масштабов (страновой, региональный, окраины) и аспектов и профилей, в частности правовых. При этом представляется, что концепция, синтезируя возможности фронтирной и модернизационной теории, расширяет и раздвигает исторические и содержательные границы применения как того, так и другого подходов, позволяя находить новые зоны изучения и новые методы обобщения материала.

Литература

Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р.Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. Т. 7: Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991) / отв. ред. Е.И. Зубкова, А.И. Прищепа. 712 с.

Воропанов В.А. Органы юстиции в политике фронтирной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775–1864): дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2022. 469 с.

Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.). Челябинск: ЧИ УрАГС, 2011. 528 с.

Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М.: Проспект, 2017. 192 с.

Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М.: Юрлитинформ, 2016. 456 с.

Воропанов В.А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск: ЧИ УрАГС, 2008. 606 с.

Воропанов В.А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780–1869. Челябинск: ЧИ УрАГС, 2005. 314 с.

Воропанов В.А. Судебные учреждения как фактор общественной эволюции в Оренбургском крае в 1775–1866 г. Челябинск: Околица, 2001. 281 с.

Зубкова Е.Ю. Югра в контексте позднесоветской модернизации: региональная история в общенациональной перспективе // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 72–81.

Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основные механизмы реализации (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2014. 272 с.

Побережников И.В. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 191–203.

Побережников И.В. Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 72–140.

Побережников И.В. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; сост. О.В. Воробьева. М.: Наука, 2015. С. 179–200.

Побережников И.В. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М., 2018. С. 283–298.

Побережников И.В. Региональные варианты фронтирной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Оренбург, 2018. С. 173–178.

Побережников И.В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ. Екатеринбург, 2010. С. 308–310.

Побережников И.В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. Саранск, 2013. № 2 (21). С. 18–23.

Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12: ежегод. С. 246–274.

Побережников И.В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80.

Почкаев Р.Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2020. 564 с.

Почкаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 384 с.

Почкаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтирной модернизации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 326 с.

Почекаев Р.Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтирной модернизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174–190.

Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века): сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 1150-летию российской государственности, памяти профессора А.В. Ремнева (1955–2012), 60-летию со дня рождения А.И. Репинецкого (Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.) / Российский гуманитарный науч. фонд и др.; под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. Оренбург: Пресса, 2012. 519 с.

Тимошенко А.И. Индустриальное освоение Сибири во второй половине XX в.: фронтирное измерение // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 104–111.

Тимошенко А.И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148.

Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.) / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул: АлтГУ, 2021. 395 с.

References

(2024). *Akademicheskaya istoriya Yugry in 8 vol's* [Academic history of Yugra]. Pikhov, R.G. (Ed.). Vol. 7: Vtoroe “pokorenie Sibiri”: Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug – Yugra v gody stanovleniya i razvitiya neftegazovogo kompleksa (1953–1991) [The Second “Conquest of Siberia”: The Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra during the Formation and Development of the Oil and Gas Complex (1953–1991)]. Khanty-Mansiysk, Novosti Yugry. 712 p.

Godovova, E.V., Lyubichankovskiy, S.V. (Eds.). (2012). *Regional'noye upravleniye i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII – nachalo XXI veka)* [Regional management and the problem of power efficiency in Russia (18th – early 21st century)]. Orenburg, Pressa. 519 p.

Lysenko, Yu.A., Anisimova, I.V., Tarasova, E.V., Sturova, M.V. (2014). *Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nye osnovnye mekhanizmy realizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual basic mechanisms of implementation (latter half of 19th – early 20th centuries)]. Barnaul, Azbuka. 272 p.

Lysenko, Yu.A. (Ed.). (2021). *Tsentrarnoaziatskiy region Rossiyskoy imperii v usloviyakh frontirnoy modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Central Asian region of the Russian Empire in terms of frontier modernization (latter half of 19th – early 20th century)]. Barnaul, AltGU. 395 p.

Poberezhnikov, I.V. (2010). Ural v XVIII–XIX vv. (primer frontirnoy modernizatsii) [Ural in the 18th–19th centuries (an example of frontier modernization)]. In *Vos'mye Tatishchevskie chteniya*. Yekaterinburg, pp. 308–310.

Poberezhnikov, I.V. (2011). Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya [Asian Russia: frontier, modernization]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 4 (96), pp. 191–203.

Poberezhnikov, I.V. (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen [Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon]. In *Rossiia reformiruyushchayasya*. Vol. 12, pp. 246–274.

Poberezhnikov, I.V. (2013). Frontirnaya modernizatsiya v istorii Rossii [Frontier modernization in the history of Russia]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 2 (21), pp. 18–23.

Poberezhnikov I. V. (2015). Periferiynaya modernizatsiya v Rossiyskoy imperii: regional'nye varianty [Peripheral modernization in the Russian Empire: regional variants]. In *Tsivilizatsii. Vyp. 10: Modernizatsiya i tsivilizatsionnye vyzovy XXI veka* / otv. red. A.O. Chubar'yan; sost. O.V. Vorob'eva. Moscow, Nauka, pp. 179–200.

Poberezhnikov, I.V. (2017). Paradigma modernizatsii, istoricheskie transformatsii, regional'noe razvitie [Modernization paradigm, historical transformations, regional development]. In *Rekonstruktsii mirovoy i regional'noy istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga*. Repina, L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, pp. 72–140.

Poberezhnikov, I.V. (2018). Frontirnaya modernizatsiya na vostoke Rossiyskoy imperii: regional'nye variatsii [Frontier modernization in the east of the Russian Empire: regional variations]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (61), pp. 72–80.

Poberezhnikov, I.V. (2018). Periferiynaya modernizatsiya v Rossiyskoy imperii: regional'nye varianty [Peripheral modernization in the Russian Empire: regional variants]. In *Tsivilizatsionnyye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoy perspektive*. Moscow, pp. 283–298.

Poberezhnikov, I.V. (2018). Regional'nye varianty frontirnoy modernizatsii v Rossiyskoy imperii v sravnitel'nom izuchenii (Ural, Zapadnaya Sibir') [Regional variants of frontier modernization in the Russian Empire in comparative study (Ural, Western Siberia)]. In *Regional'nye modeli rossiyskoy modernizatsii v XIX–XX vekakh: Ural, Sibir', Kazakhstan*. Orenburg, pp. 173–178.

Pochekaev, R.Yu. (2013). Evolyutsiya nalogooblozheniya v Kazakhstane v XIX veke v kontekste frontirnoy modernizatsii [Evolution of taxation in Kazakhstan in the 19th century in the context of frontier modernization]. In *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. No. 4, pp. 174–190.

Pochekaev, R.Yu. (2020). *Antropologiya vlastnoy kommunikatsii v rossiyskoy politike frontirnoy modernizatsii Kazakhskoy stepi i khanstv Sredney Azii v XVIII – nachale XX v.* [Anthropology of power communication in the Russian policy of frontier modernization of the Kazakh Steppe and the khanates of Central Asia in the 18th – early 20th centuries], Dr. hist. sci. diss. Orenburg. 564 p.

Pochekaev, R.Yu. (2020). *Rossiyskiy faktor pravovogo razvitiya Sredney Azii: 1717–1917. Yuridicheskiye aspekty frontirnoy modernizatsii* [Russian factor of legal development of Central Asia: 1717–1917. Legal aspects of frontier modernization]. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. 326 p.

Pochekaev, R.Yu. (2024). *Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachale XX v.* [Governors and khans. The personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: 18th – early 20th century]. Moscow, Izdatelskiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. 384 p.

Timoshenko, A.I. (2012). Industrial'noe stroitel'stvo v Sibiri vo vtoroy polovine XX stoletiya kak variant frontirnoy modernizatsii [Industrial construction in Siberia in the second half of the 20th century as a variant of frontier modernization]. In *Modernizatsiya v usloviyakh osvoeniya vostochnykh regionov Rossii v XVIII–XX vv.* Yekaterinburg, pp. 141–148.

Timoshenko, A.I. (2018). Industrial'noe osvoenie Sibiri vo vtoroy polovine XX v.: frontirnoe izmerenie [Industrial development of Siberia in the second half of the 20th century: frontier dimension]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (61), pp. 104–111.

Voropanov, V.A. (2001). *Sudebnye uchrezhdeniya kak faktor obshchestvennoy evolyutsii v Orenburgskom kraye v 1775–1866 g.* [Judicial institutions as a factor of social evolution in the Orenburg region in 1775–1866]. Chelyabinsk, Okolitsa. 281 p.

Voropanov, V.A. (2005). *Sudebnaya sistema Rossiyskoy imperii na Urale i v Zapadnoy Sibiri. 1780–1869* [The judicial system of the Russian Empire in the Urals and Western Siberia. 1780–1869]. Chelyabinsk, CHI UrAGS. 314 p.

Voropanov, V.A. (2008). *Sud i pravosudie v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX v. Regional'nyy aspekt: Ural i Zapadnaya Sibir' (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza)* [Court and justice in the Russian Empire in the latter half of 18th – first half of 19th century. Regional aspect: Ural and Western Siberia (comparative analysis experience)]. Chelyabinsk, CHI UrAGS. 606 p.

Voropanov, V.A. (2011). *Regional'nyy faktor stanovleniya sudebnoy sistemy Rossiyskoy imperii na Urale i v Zapadnoy Sibiri (poslednyaya tret' XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [The regional factor in the formation of the judicial system of the Russian Empire in the Urals and Western Siberia (the last third of 18th – first half of 19th century)]. Chelyabinsk, CHI UrAGS. 528 p.

Voropanov, V.A. (2016). *Sud i pravosudie v provintsii Rossiyskogo imperii vo vtoroy polovine XVIII v. (na primere oblastey Povolzh'ya, Urala, Zapadnoy Sibiri i Kazakhstana)* [Court and justice in the province of the Russian Empire in the latter half of 18th century (the case of Volga, Ural, Western Siberia and Kazakhstan)]. Moscow, Yurlitinform. 456 p.

Voropanov, V.A. (2017). *Sud i pravosudie v provintsii Rossiyskogo gosudarstva v XVI – pervoy polovine XVIII v. (na primere oblastey Povolzh'ya, Urala i Zapadnoy Sibiri)* [Court and justice in the province of the Russian state in the 16th – first

half of 18th century (the case of Volga, Ural and Western Siberia)]. Moscow, Prospekt. 192 p.

Voropanov, V.A. (2022). *Organy yustitsii v politike frontirnoy modernizatsii vostochnoy i yugo-vostochnoy periferii Rossiyskoy imperii (1775–1864)* [Justice bodies in the policy of frontier modernization of the eastern and south-eastern periphery of the Russian Empire (1775–1864)], Dr. hist. sci. diss. Orenburg. 469 p.

Zubkova, E.Yu. (2024). *Yugra v kontekste pozdnesovetskoy modernizatsii: regional'naya istoriya v obshchenatsional'noy perspektive* [Yugra in the context of late Soviet modernization: regional history in a national perspective]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (82), pp. 72–81.

В.В. Мартынова¹

ИЗРАИЛЬСКИЙ ОПЫТ ВОЗРОЖДЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ФОНЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Всегда ли модернизации сопутствует ломка традиций? Израильский опыт доказывает обратное. Успешное прохождение процессов модернизации, строительство высокотехнологического общества – государства старт-апа, или start-up nation, не только не привело к уничтожению древних традиций, а наоборот, способствовало их усилению. Именно такое сочетание традиций и модернизации способствовало в девяностые годы прошлого века обращению молодых государств Средней Азии к Израилю. Парадоксальным образом стремление к модернизации требует становления и развития нового национализма.

Ключевые слова: Израиль, Центральная Азия, модернизация, национальные традиции, возрождение традиций, start-up nation, национализм, высокотехнологичное общество, преемственность.

Victoria V. Martynov²

THE ISRAELI EXPERIENCE OF REVIVAL AND PRESERVATION OF NATIONAL TRADITIONS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION AND ITS IMPACT ON THE STATES OF CENTRAL ASIA

Abstract. Does modernization always involve a breakdown in traditions? The Israeli experience proves the opposite. Successful modernization and the construction of a high-tech society “a start-up nation-not only failed to destroy ancient traditions, but actually strengthened them. It was precisely this combination of tradition and modernization that prompted the young states of Central

¹ **Виктория Владимировна Мартынова**, PhD (Philosophy), научный сотрудник, Ариэльский университет, Ариэль, Израиль, e-mail: vik.martynov@gmail.com

² **Victoria Vladimirovna Martynova**, PhD (Philosophy), Research fellow, Ariel University, Ariel, Israel, e-mail: vik.martynov@gmail.com

Asia to turn to Israel in the 1990s. Paradoxically, the pursuit of modernization requires the emergence and development of a new nationalism.

Keywords: Israel, Central Asia, modernization, national traditions, revival of traditions, start-up nation, nationalism, high-tech society, historical experience.

Одним из главных парадоксов, характеризовавших становление независимых государств Центральной Азии – Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана после распада Советского Союза в начале 1990-х годов, был контраст между стремлением к возрождению древних традиций и этнической культуры и необходимостью борьбы с радикальным исламом и иранским фундаментализмом, а также движение в сторону западного мира. Их стремление заключалось в создании самостоятельной современной экономики и одновременно восстановлении традиций и религии, а также поиске моделей для реализации нового национального видения.

Исследователь Анатолий Хазанов писал, что одной из главных задач, стоявших перед этими государствами, было создание государства, государственное строительство и национализм, а также защита их независимости. «Многие бывшие коммунистические страны, включая государства Центральной Азии, в дополнение к другим проблемам, сталкивались с проблемами национального строительства»³.

Это ключевой момент для понимания процессов становления независимых государств в Центральной Азии. Кроме того, необходимость восстановления экономики и налаживания международных отношений поставила перед ними неотложную задачу формирования национализма. Исследователи национализма, ожидавшие создания в Центральной Азии государств западного образца, были разочарованы. Надежды на быстрый и гладкий переход к западному устройству общества не сбылись⁴. Обычно предполагалось, что они вступят в фазу перехода, в течение которой сгладят наш политический и экономический дефицит и догонят «современный Запад», поскольку либеральные демократии считались оптимальными политическими рамками для будущего⁵.

³ Khazanov A.M. Authorization and its Consequences in ex-Soviet Central Asia // Authority and Power in Central Asia: New Games Great and Small. London; New York, 2011. P. 19–38.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

Израильский опыт пробудил в них интерес и желание применить его к различным аспектам государственного строительства. В результате в девяностые годы прошлого века лидеры мусульманских государств Центральной Азии обратились именно к государству Израиль. О причинах, определивших именно такой выбор, поныне идут споры. Российский исследователь Евгений Сатановский писал: «Национальные лидеры центрально-азиатских государств пытались найти свой путь, руководствуясь примерами, иллюзиями и мифами советской эпохи. Одним из таких мифов был Израиль»⁶.

Исследователи называют несколько причин, определивших обращение лидеров среднеазиатских государств к Израилю. Первая лежит на поверхности и выглядит логически правильной. Это ментально-языковая общность, особое чувство обращения к «нашим», к своим людям, на понимание и поддержку которых можно было рассчитывать.

Чувство общности наиболее нашло выражение начиная с таких простых форм, как песни, анекдоты, которые были понятны всем на просторах бывшего Союза и понятны репатриантам из СССР-СНГ в Израиле. Советский народный поэт Владимир Высоцкий писал: «Вот жалко Голду Меир мы прохлопали, а там на четверть бывший наш народ»⁷. Знаменитую фразу мгновенно вспомнят в Ташкенте, Бишкеке или Астане. Помнят ее и в Израиле.

Это же ощущение отражают и оценки исследователей. Казахский исследователь Булат Султанов, руководитель Института стратегических исследований при Президенте Казахстана, в интервью для специального выпуска израильской газеты «Гаарец» заявил: «Казахстан и Израиль имеют сходство на когнитивном уровне. Израиль – очень привлекательный партнер, и не только потому, что еврейское государство считается одним из лидеров в области научных исследований. Важным преимуществом является то, что в Израиле многие важные должности занимают выходцы из стран бывшего Советского Союза, с которыми у казахов общая ментальная и языковая основа, что значительно облегчает совместную работу и улучшает взаимопонимание, в отличие, например, от Франции.

⁶ Месамед В.И. Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность. М., 2012. С. 6.

⁷ Высоцкий В. Лекция о международном положении, прочитанная человеком, посаженным на 15 суток за мелкое хулиганство, перед своими сокамерниками (запись от 29.02.1980) [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mkqlyUFB-8c> (дата обращения: 10.10.2025).

Я считаю, что у нас идеальная основа для сотрудничества с Израилем. Наша дружба уходит корнями в прошлое и устремляется в будущее. В Израиле также поняли необходимость развития национальной культуры»⁸. Он же отмечал, что Израиль не торопил Казахстан с продвижением демократии, в отличие от западных держав, которые надеялись на быстрый переход⁹.

О значении большой и влиятельной русскоязычной общины и ее роли в отношениях с государствами постсоветского пространства писал исследователь Зеев Ханин¹⁰. Узбекский ученый, академик Азимбай Садуллаев отношения своей страны и Израиля определил так: «Израиль для узбеков как родная страна»¹¹. Главный редактор газеты «Голос Узбекистана» Сафар Остонов отмечал в интервью газете The Jerusalem Post, что «у каждого узбека есть свой знакомый человек в Израиле. Это может быть врач, сапожник, учитель или просто сосед, который жил в том же доме и уехал в Израиль»¹².

В начале девяностых годов прошли визиты руководителей всех среднеазиатских государств в Израиль (кроме руководителей раздираемого гражданской войной Таджикистана). Узбекистан стал первой страной Центральной Азии, установившей дипломатические отношения с Израилем в феврале 1992 г. Становление и развитие узбекского национализма происходили на фоне угрозы конфликтов на религиозной и национальной почве. Узбекский лидер Ислам Каримов с самого начала намеревался поддерживать позицию Израиля в борьбе с терроризмом и экстремистским исламом, а также с иранским режимом. В мае того же года Узбекистан открыл прямое авиасообщение с Тель-Авивом, и Каримов, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе, заявил: «Наши цели – восстановление духовных и национальных ценностей и достижение гражданского согласия»¹³. Каримов, который часто проявлял уважение к евреям, что подчеркивалось во многих статьях, понимал практиче-

⁸ Sultanov B. We are Paving Our Own Way to Democracy // Kazakhstan, Open for Businesses. Central Asia's Economic Power: Special Supplement to Haaretz. 2010. Nov. P. 6.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ханин В.З. «Русские» и власть в современном Израиле. М., 2004. 216 с.

¹¹ Садуллаев А. Израиль для узбеков как родная страна // Эхо. 2017. 10 июля.

¹² Martynov V. The window of opportunities // The Jerusalem Post. 2016. Feb. 26.

¹³ Каримов И. Моя миссия состоит в установлении добрых отношений с Израилем // Время (Израиль). 1998. 14 сент.

скую значимость израильского опыта в государственном строительстве. Каримов надеялся сохранить особый характер религии в Узбекистане: «Мы отличаемся от исламских стандартов, – подчеркивал он, – потому что мы – светское государство»¹⁴. В 1999 г. Узбекистан пострадал от террористических атак. Каримов чувствовал опасность и пытался развивать сотрудничество с Израилем в сфере безопасности¹⁵. Однако главным для него было укрепление национализма. В интервью израильской газете Каримов подчеркнул познавательный аспект: «Нет другой страны в мире с таким интеллектуальным уровнем, какого достиг Израиль»¹⁶.

Первый президент независимого Кыргызстана Аскар Акаев посетил Израиль в 1993 г. На приеме, устроенном в его честь тогдашним президентом Государства Израиль Хаимом Герцогом, Акаев заявил, что Кыргызстан признает Иерусалим столицей Израиля и планирует открыть там свое посольство¹⁷. Реакция международных СМИ на его заявление об открытии посольства в Иерусалиме была бурной, особенно учитывая, что все иностранные посольства в то время располагались в Тель-Авиве¹⁸.

В апреле 1995 г. и феврале 1996 г. первый президент Туркменистана Сапармурат Ниязов дважды посетил Израиль. Газеты цитировали его слова: «Моисей много лет руководил народом Израиля, а затем евреи обрели свое государство. Я хочу сделать то же самое для туркмен, но в более короткие сроки»¹⁹.

Исследователь Владимир Месамед утверждает, что Ниязову, по видимому, были нужны «израильские технологии», по словам самого Ниязова, для достижения своей цели. В то же время можно заме-

¹⁴ Каримов И. Мы – светское государство // Народное слово (Ташкент). 1997. 20 янв.

¹⁵ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. С. 67.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Акаев А. «Я хотел бы вернуться на родину и послужить стране». Не пора ли говорить в России правду и о Кыргызстане? [Электронный ресурс] // Diesel Forum. URL: <http://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=3645420&page=18> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁸ Kyrgyzstan is planning Embassy in Jerusalem [Электронный ресурс] // The New York Times. 1993. Jan. 21. URL: <https://www.nytimes.com/1993/01/21/world/kyrgyzstan-is-planning-embassy-in-jerusalem.html> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁹ Месамед В.И. Иран и израильско-туркменские отношения. Часть 2 [Электронный ресурс] // Ин-т Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14284> (дата обращения: 12.10.2025).

тить, какое большое значение он придает прямой и глубокой связи между древней историей еврейского народа и современным Государством Израиль²⁰. Примечательно, что туркменский лидер сознательно называл Израиль «еврейским государством». Это, пожалуй, первый поворотный момент, который лучше всего свидетельствует о поддержке Израйля лидерами молодых государств Центральной Азии. Эти лидеры видели в Израиле современное западно-ориентированное государство, имеющее преемственность с древним народом, и рассматривали его опыт полезным для создания собственных национализмов²¹. Сказывалось и то обстоятельство, что чувство присутствия представителей «нашего народа» в далекой стране, экономически успешной, по-видимому, долго сохраняется в сознании граждан стран бывшего Советского Союза.

Другая, более глубокая причина – особое внимание к израильской национальной модели, диалектически сочетающей в себе старт-ап нацию и сохранение традиции. На наш взгляд, западный стиль не подходил для стран Центральной Азии, поскольку основывался на современном национализме, а не на традициях и религии. Фактор религии был очень важен для Средней Азии, его значимость подчеркивает российский исследователь Сергей Абашин²². Он, в том числе, ссылается на мнение российского востоковеда Василия Бартольда, который писал, что житель Средней Азии «прежде всего мусульманин»²³. Некоторые ученые отмечали тенденцию развития национализма в Центральной Азии как альтернативы рухнувшему коммунистическому строю. Мы же предполагаем, что требовалась модель, сочетающая уважение к традиции, и модернизацию, успехи в экономическом строительстве и развитие технологий. К этим критериям вполне мог подойти Израиль, старт-ап нация, сохраняющая и возрождающая древние традиции.

Израиль представлял уникальное сочетание современной западной страны – модернизацию в сочетании с традицией. Мы исходим

²⁰ Месамед В.И. Иран и израильско-туркменские отношения...

²¹ Bishku M.B. The Relations of the Central Asian Republics of Kazakhstan and Uzbekistan with Israel // Middle Eastern Studies. 2012. No. 48.6. P. 927–940.

²² Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007. 302 с.

²³ Бартольд В.В. Записка академика В. В. Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народов Средней Азии // Восток. 1991. № 5. С. 162–167.

из фактов, что в самих молодых государствах Центральной Азии оценили, что Израиль изначально показывал большее, чем другие западные государства, понимание и гибкость в отношении специфики их развития, особенности строительства демократической системы, в силу своей специфики – опыта создания современного государства, сохраняющего древнюю еврейскую традицию и поддерживающего трудный баланс между светским образом жизни и религией.

Гости из стран Средней Азии, побывавшие в Израиле, с удивлением убеждались в правоте мифов. Успешное прохождение процессов модернизации, строительство высокотехнологического общества – государства старт-ап или start-up nation, не только не привело к уничтожению древних традиций, а наоборот, способствовало их усилению.

Одно из лучших определений Израиля принадлежит Артуру Герцбергу, который назвал его как «новое здание из старых кирпичей»²⁴. Здание оказалось привлекательным для новых строителей – лидеров молодых независимых государств.

Процесс формирования национализма в странах Центральной Азии зачастую представляет собой процесс «осознания прошлого», который можно сравнить с процессом формирования национализма в Израиле, в центре которого находится процесс формирования «народного сознания». По словам Бен-Циона Динура, «термин «народное сознание» означает «самосознание народа, коллективное сознание, сознание его частей, единиц его существования как единого целого со своей собственной сущностью»²⁵.

Модель израильского национализма – явление сложное, остающееся в центре множества дискуссий²⁶. Рамки данной статьи не позволяют посвятить ему достаточно места. Но мы в качестве методо-

²⁴ Hertzberg A. (ed.). *The Zionist Idea: A Historical Analysis and Reader*. Philadelphia, 1997. P. 21.

²⁵ Dinur Z.B. Осмысление прошлого в коллективном сознании народа. В сборнике лекций, посвященном тринадцатой годовщине исторического общества. Иерусалим, 1969. С. 9–24. תיבוק (דיוע מש איל): דותב, הב רקעה תועיבו מעה העדותו רבעה תרכה, העדותו רבעה תרכה. תילארשיה תירוטסיהה הרבחה: מילשורי, ח"כשת הכונה, הירוטסיהב יויעל רשע-השולשה סנכב ועמשהש תאצרה 9-מ' 1969.

²⁶ *Spyer J.* Theories of Nationalism: The Israeli Experience as a Test Case // *Israel Studies Review*. 2005. No. 20.2. P. 45–62.

логической основы опираемся на этносимволическую теорию Энто-ни Д. Смита²⁷.

С этой же методологической основы, на наш взгляд, можно оце-нивать и становление национализмов в Средней Азии, в центре ко-торых находились попытки построить современное государство, стремящееся к модернизации и одновременно к восстановлению и развитию старых традиций.

В специальном приложении для читателей газеты «Гаарец» по-сол Казахстана в Израиле Галим Оразбаков использовал концепцию «национального дома», ключевого понятия в истории сионистского движения и создания Государства Израиль, заявив: «Наша цель – создание первого казахского государства, нашего национального дома, и в этом мы видим сходство с историей Государства Израиль»²⁸. В сопоставлении израильской национальной модели и моделей строительства новых национальных государств Центральной Азии, Казахстан выбрал особо весомый старый «кирпич» израильского производства – формирование системы возвращения этнических казахов на землю предков – правительственную программу «Орал-ман» [ныне Отандыстар]. Арье Левин, первый посол Израиля в Со-ветском Союзе, в своей биографической книге рассказал, что Казах-стан был первой страной, обратившейся к Израилю с просьбой о со-трудничестве в области «технологий», связанных с государственным строительством. В феврале 1992 г., когда страна намеревалась соз-дать национальное государство, лишь около тридцати процентов населения составляли этнические казахи. По словам посла, казахи изучили существующие модели, пришли к выводу об успешности израильской модели и искали способ ее использования. Посол Ле-вин назвал эту идею «казахским сионизмом»²⁹.

Прежде всего еще раз подчеркнем тот факт, что поныне в мире среди ста девяносто трех государств – членов ООН только четыре государства – Федеративная Республика Германия, Израиль, Россий-ская Федерация и Республика Казахстан занимаются возвращением иммигрантов на историческую родину. Этот факт отмечен в работах

²⁷ Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 171–198.

²⁸ Orazbakov G. Kazakhstan, Open for Businesses. Central Asia's economic power // Supplement to Haaretz. 2010. Nov. P. 2.

²⁹ Levin A. Envoy to Moscow: Memories of an Israeli Ambassador, 1988–1992. London, 1996. P. 56–70.

А.Б. Калыш и Д.Б. Касымовой³⁰, К.Н. Балтабаевой и ее группы исследователей³¹. Ими проводятся сравнения разных моделей иммиграции.

Даже для страны, обладающей четвертью мировых запасов урана, третью запасов меди и цинка, занимающей восемнадцатое место среди нефтедобывающих государств в мире³², человеческие ресурсы оказались более значимыми.

После первых неудачных попыток экономической эмиграции казахов еще до распада Советского Союза³³ подход был переосмыслен в пользу диалектического израильского подхода, который подчеркивает важную роль национальной истории и религии. На современном этапе такому подходу, на мой взгляд, соответствует этно-символическая теория Энтони Д. Смита³⁴.

Внимательный анализ созданной в Казахстане модели этнической репатриации четко демонстрирует ее израильские корни – как в понятийном аппарате, так и в практическом построении системы. Прежде всего, это право на возвращение на историческую родину, совпадающее с формулировками, закрепленными в израильском «Законе о возвращении»³⁵, одном из основных законов Государства Израиль. Применение израильской модели позволило Казахстану превратить экономическую эмиграцию в этническую.

«В Израиле общество в своей основе переселенческое, можно сказать, общество иммигрантов. Оно сформировалось и продолжает формироваться как результат беспрецедентного в истории явления – иммиграция со всех континентов сотен тысяч людей, сохра-

³⁰ Калыш А., Касымова Д. Репатрианты Казахстана. Казахстан в системе транснациональной миграции: учеб. пособие. Алматы, 2015. 164 с.

³¹ Казахская диаспора и репатриация. Алматы, 2015. С. 215.

³² Keiron H. Israel smiles as Kazakhstan takes presidency // The Jerusalem Post. 2011. June 17. URL: <https://www.jpost.com/Features/Front-Lines/Israel-smiles-as-Kazakhstan-takes-presidency> (дата обращения: 12.10.2025).

³³ Постановление Кабмина КазССР «О Порядке и Условиях Переселения в Казахскую ССР лиц коренной национальности, изъявивших желание работать в сельской местности, из других республик и зарубежных стран» от 18 ноября 1991 г. [Электронный ресурс] // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000759 (дата обращения: 10.11.2025).

³⁴ Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations...

³⁵ Закон о возвращении (1950) [Электронный ресурс] // Кнессет (Официальный сайт парламента Израйля). URL: <https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?lawid=1> (дата обращения: 10.10.2025).

няющих верность общей религиозно-культурной традиции»³⁶. Это высказывание сразу четко определяет причины тяготения Казахстана именно к Израилю и изучению его опыта: страна, относящаяся к числу западных демократий, сохраняла тем не менее верность общей традиции.

Возвращение этнических казахов стало нациеобразующим моментом, дало «статистическое и историческое оправдание существованию страны Казахстан». В страну прибыло большое количество этнических казахов, что не только помогло увеличить катастрофически снижавшуюся численность населения, но и изменить соотношение между казахами и другими группами населения, обеспечив процентное преимущество казахов.

Процесс возвращения этнических казахов тоже был определен как «репатриация» на «историческую родину». При этом большое внимание уделялось созданию мотивации, возрождению коллективной памяти и эмоциональной стороне – в дополнение к «административным мерам»³⁷. Изначально возвращение этнических казахов в Казахстан строилось как сознательный мотивированный процесс, а не просто поиск места, где созданы лучшие экономические возможности, «где трава зеленее»³⁸.

Несмотря на неоднозначную реакцию на приезд оралманов, особенно в первые годы осуществления программы, и критические голоса, в том числе и антиизраильские высказывания³⁹, программа оказалась успешной. Демографические последствия осуществления программы возвращения этнических казахов впечатляют⁴⁰.

Говоря об израильском обществе, исследователи подчеркивают, что, помимо объединяющей всех традиции, израильтяне «одновременно во многом усвоили образ жизни и культуру народов, среди

³⁶ Казахская диаспора... С. 215.

³⁷ Там же.

³⁸ Cerny A. Going where the grass is greener: China Kazakhs and Oralman immigration policy in Kazakhstan [Электронный ресурс]. Practical Action Publishing, 2010. URL: <http://www.practicalactionpublishing.org> (дата обращения: 12.10.2025).

³⁹ Kumenov A. Kazakhstan's refugees frustrated by cold shoulders [Электронный ресурс] // Eurasianet. 2018. June 1. URL: <https://eurasianet.org/kazakhstans-returnees-frustrated-by-cold-shoulders> (дата обращения: 25.12.2025).

⁴⁰ Доля казахов в этническом составе Казахстана приближается к 70% [Электронный ресурс] // Власть. 2021. 13 мая. URL: <https://vlast.kz/novosti/44845-dola-kazahov-v-etniceskom-sostave-kazahstana-priblizhaetsa-k-70.html> (дата обращения: 10.10.2025).

которых они жили»⁴¹. То есть факт общности культур с народами, с которыми израильтяне прежде жили раньше, сохранение уважения к их традициям создают особую уникальность Израиля и особую ценность для общения с ним.

Другой аспект влияния израильской национальной модели на формирование новых национализмов в Средней Азии – это формирование в государствах Центральной Азии систем диаспоры – целой системы связей между национальным центром и общинами, представляющими нацию, находящуюся в рассеянии, а следом и развитие диаспорологии. Как определил Д. Смит, «укорененность» нации имеет первостепенное значение⁴². Важным, на мой взгляд, можно считать определение узбекским исследователем Замирой Ишанходжаевой еврейской диаспоры в качестве «классической»⁴³.

Создание систем диаспор связано с задачами национального строительства в каждой из стран. Для Казахстана восстановление связей с этническими казахами развивалось как источник для притока в страну этнических казахов (роль, аналогичная той, которую выполняет Еврейское Агентство Сохнут). Всемирная Ассоциация казахов поддерживает связи с соотечественниками по вопросам образования, бизнеса и т.п.

Узбекистан продвигает установление связей с узбекскими диаспорами за границами страны и диаспорологию как науку. Он интересуется жизнью узбекских общин за рубежом, поддерживает язык и культуру, развивает экономическое сотрудничество. В этом плане интересны также работы по изучению жизни и обычаев бухарских евреев, проживающих в других странах. Профессор Р. Муртазаева пишет: «В Америке они, наоборот, стали позиционировать себя не просто как евреи, а именно как бухарские евреи»⁴⁴.

⁴¹ Казахская диаспора... С. 215.

⁴² Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations... P. 131.

⁴³ Ишанходжаева З.Р. Решение национального вопроса в исторической ретроспективе // Развитие диаспор в Центральной Азии – важный фактор устойчивого развития: сб. докл. междунар. конф. (Ташкент, 10–11 мая 2022 г.). Ташкент, 2022. С. 62–65.

⁴⁴ Муртазаева Р. Бухарские евреи из Узбекистана в Америке как особая этническая группа // Развитие диаспор в Центральной Азии – важный фактор устойчивого развития: сб. докл. междунар. конф. (Ташкент, 10–11 мая 2022 г.). Ташкент, 2022. С. 65–70.

С другой стороны, Узбекистан осуществляет ряд исследований по изучению различных диаспор, чьи представители жили или живут в Средней Азии.

Рамки данной статьи не позволяют подробно рассказать о расширении экономического, научно-технического сотрудничества Израиля с государствами Средней Азии, которое происходит даже на фоне сложной ситуации в ближневосточном регионе и при этом охватывает не только Казахстан, сотрудничество с которым включает, в том числе, и сферу безопасности, но также Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан и даже Таджикистан. Подводя итоги, можно сказать, что сочетание традиции и модернизации, характерное для Израиля и привлекавшее к нему еще в девяностые годы лидеров молодых государств Средней Азии, доказало свою эффективность на протяжении последних тридцати лет.

Литература

Bishku M. B. The Relations of the Central Asian Republics of Kazakhstan and Uzbekistan with Israel // *Middle Eastern Studies*. 2012. No. 48.6. P. 927–940.

Cerny A. Going where the grass is greener: China Kazakhs and Oralman immigration policy in Kazakhstan. Practical Action Publishing, 2010. 184 p.

Hertzberg A. (ed.). The Zionist Idea: A Historical Analysis and Reader. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1997. 656 p.

Khazanov A.M. Authorization and its Consequences in ex-Soviet Central Asia // *Authority and Power in Central Asia: New Games Great and Small* / ed. by R. Canfield, G. Rasuly-Palezek. London: Routledge, 2011. P. 19–38.

Levin A. Envoy to Moscow: Memories of an Israeli Ambassador, 1988–1992. London: Frank Cass, 1996. 416 p.

Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. 312 p.

Spyer J. Theories of Nationalism: The Israeli Experience as a Test Case // *Israel Studies Review*. 2005. No. 20.2. P. 45–62.

Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 302 с.

Бартольд В.В. Записка академика В.В. Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народов Средней Азии // *Восток*. 1991. № 5. С. 162–167.

Динур Б.-Ц. Осмысление прошлого в коллективном сознании народа // Сборник лекций, посвященный тринадцатой годовщине исторического общества. Иерусалим, 1969. С. 9–24.

Ишанходжаева З.Р. Решение национального вопроса в исторической ретроспективе // Развитие диаспор в Центральной Азии – важный фактор

устойчивого развития: сб. докл. междунар. конф. (Ташкент, 10–11 мая 2022 г.). Ташкент, 2022. С. 62–65.

Казахская диаспора и репатриация / науч. ред. С.Ф. Мажитов. Алматы: Елтаным, 2015. 568 с.

Калыш А., Касымова Д. Репатрианты Казахстана. Казахстан в системе транснациональной миграции: учеб. пособие. Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2015. 164 с.

Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: Узбекистон, 1997. 315 с.

Месамед В.И. Иран и израильско-туркменские отношения. Часть 2 [Электронный ресурс] // Ин-т Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14284> (дата обращения: 12.10.2025).

Месамед В.И. Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2012. 194 с.

Муртазаева Р. Бухарские евреи из Узбекистана в Америке как особая этническая группа // Развитие диаспор в Центральной Азии – важный фактор устойчивого развития: сб. докл. междунар. конф. (Ташкент, 10–11 мая 2022 г.). Ташкент, 2022. С. 65–70.

Ханин В.З. «Русские» и власть в современном Израиле. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2004. 216 с.

References

Abashin, S.N. (2007). *Natsionalizmy v Sredney Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: In Search of Identity]. St. Petersburg, Aletеyya. 302 p.

Baltabaeva, K.N., Mamashev, T.A., Ermekbay, Zh.A., Baymagambetova, A.Zh. (2015). *Kazakhskaya diaspora i repatriatsiya* [Kazakh Diaspora and Repatriation]. Mazhitov, S.F. (Ed.). Almaty, Eltanym. 568 p.

Bartold, V.V. (1991). Zapiska akademika V.V. Bartol'da po voprosu ob istoricheskikh vzaimootnosheniyakh turetskikh i iranskikh narodov Sredney Azii [Note by Academician V.V. Bartold on the issue of historical relationships between Turkish and Iranian peoples of Central Asia]. In *Vostok*. No. 5, pp. 162–167.

Bishku, M.B. (2012). The Relations of the Central Asian Republics of Kazakhstan and Uzbekistan with Israel. In *Middle Eastern Studies*. No. 48.6, pp. 927–940.

Cerny, A. (2010). *Going where the grass is greener: China Kazakhs and Oralman immigration policy in Kazakhstan*. Practical Action Publishing. 184 p.

Dinur, B.-Z. (1969). Osmyslenie proshlogo v kollektivnom soznanii naroda [Understanding the past in the collective consciousness of the people]. In *Sbornik lektsiy* [Collection of lectures]. Jerusalem, pp. 9–24.

Hertzberg, A. (Ed.). (1997). *The Zionist Idea: A Historical Analysis and Reader*. Philadelphia, Jewish Publication Society. 656 p.

Ishankhodzhaeva, Z.R. (2022). Resheniye natsional'nogo voprosa v istoricheskoy retrospektive [Solution of the national question in historical retrospect]. In *Razvitiye diaspor v Tsentral'noy Azii – vazhnyy faktor ustoychivogo razvitiya*. Tashkent, pp. 62–65.

Kalysh, A., Kasymova, D. (2015). *Repatrianty Kazakhstana. Kazakhstan v sisteme transnatsional'noy migratsii* [Repatriants of Kazakhstan. Kazakhstan in the system of transnational migration]. Almaty, KazNU. 164 p.

Karimov, I. (1997). *Uzbekistan na poroge XXI veka: ugrozy bezopasnosti, usloviya i garantii progressa* [Uzbekistan on the threshold of the 21st century: security threats, conditions and guarantees of progress]. Tashkent, Uzbekistan. 315 p.

Khanin, V.Z. (2004). “Russkie” i vlast’ v sovremennom Izraile [“Russians” and power in modern Israel]. Moscow, Iimes. 216 p.

Khazanov, A.M. (2011). Authorization and its Consequences in ex-Soviet Central Asia. In *Authority and Power in Central Asia: New Games Great and Small*. Canfield, R., Rasuly-Palezek, G. (Eds.). London, Routledge, pp. 193–215.

Levin, A. (1996). *Envoy to Moscow: Memories of an Israeli Ambassador, 1988–1992*. London, Frank Cass. 416 p.

Mesamed, V.I. (2012). Iran i izrail'sko-turkmenskiye otnosheniya. Chast' 2 [Iran and Israeli-Turkmen relations. Part 2]. In *Institut Blizhnego Vostoka*. Available at: URL: <http://www.iimes.ru/?p=14284> (date of access 12.10.2025).

Mesamed, V.I. (2012). *Izrail' v Tsentral'noy Azii: grezy i real'nost'* [Israel in Central Asia: dreams and reality]. Moscow, Iimes. 194 p.

Murtazaeva, R. (2022). Bukharskie evrei iz Uzbekistana v Amerike kak osobaya etnicheskaya gruppa [Bukhara Jews from Uzbekistan in America as a special ethnic group]. In *Razvitiye diaspor v Tsentral'noy Azii – vazhnyy faktor ustoychivogo razvitiya*. Tashkent, pp. 65–70.

Smith, A.D. (1986). *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, Blackwell. 312 p.

Spyer, J. (2005). Theories of Nationalism: The Israeli Experience as a Test Case. In *Israel Studies Review*. No. 20.2, pp. 45–62.

С.И. Ковальская¹

**ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВЫБОРЕ
МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ИННОВАЦИЕЙ
В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО
КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА***

Аннотация. Среди достаточно большого разнообразия мнений в зарубежной историографии по поводу того, чем вызвана и к чему в конечном итоге привела модернизация советских национальных республик, в данном докладе нам бы хотелось выделить то, что определяло ее причину в «подтягивании» заинтересованных народов до уровня «современных индустриальных обществ».

Естественно, что в процессе модернизации трансформировался весь традиционный уклад жизни казахского общества, от семейно-бытового уровня до его общественного и социально-культурного функционирования.

Мы остановимся на характеристике таких каналов модернизации, как литература, музыка и живопись. На их примере мы постараемся разобраться в такой достаточно сложной проблеме, как выбор между традицией и инновацией в процессе модернизации: что влияло на данный выбор, каким образом инновации проникали в культурную жизнь общества, почему одни формы приживались, а исчезновение других чуть ли не совпадало с их первым появлением.

Ключевые слова: традиция, модернизация, инновация, зарубежная историография, Казахстан, Центральная Азия, литература, музыка, живопись.

¹ Светлана Ивановна Ковальская, д-р ист. наук, в.н.с., Институт истории СО РАН, ассоциированный профессор (доцент), профессор кафедры истории Казахстана, НАО Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан, e-mail: Kovalskaya_SI@enu.kz

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

*S.I. Kovalskaya*²

FOREIGN HISTORIOGRAPHY ON THE CHOICE BETWEEN TRADITION AND INNOVATION IN THE PROCESS OF MODERNIZING TRADITIONAL KAZAKH SOCIETY

Abstract. Among the considerable diversity of opinions in foreign historiography regarding the causes and ultimate outcomes of the modernization of the Soviet national republics, this paper focuses on the interpretation that views modernization as an effort to «bring up» the concerned peoples to the level of «modern industrial societies».

Naturally, throughout the process of modernization, the entire traditional structure of Kazakh society underwent transformation – from the sphere of family and everyday life to its broader social and cultural functioning.

In this presentation, we shall focus on the characterization of such channels of modernization as literature, music, and painting. Through these examples, we will attempt to address the complex issue of the choice between tradition and innovation in the course of modernization: what factors influenced this choice, how innovations entered the cultural life of society, why some forms became firmly established, while the disappearance of others nearly coincided with their very emergence.

Keywords: tradition, modernization, innovation, Foreign Historiography, Kazakhstan, Central Asia, literature, music, painting.

Основной тезис большинства западных исследователей по развитию искусства в Центральной Азии состоит в том, что искусство, как оно понимается на Западе, едва существовало в Центральной Азии в досоветский период. Поскольку ислам запрещал изображение человека, живопись была в зачаточном состоянии и в основном была представлена в виде орнамента, скульптура как таковая не существовала. Музыкальное творчество же, наоборот, было широко распространено, исполнители пользовались огромным уважением, но дальнейшему его развитию мешало отсутствие нотной записи. Творчество находило выход в архитектуре, керамике, вышивке, ковроткачестве. В течение периода относительной безопасности, которая сопровождала российское завоевание, были отдельные призна-

² Svetlana Ivanovna Kovalskaya, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Professor of the Department of History of Kazakhstan, N.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: Kovalskaya_SI@enu.kz

ки развития по всем этим направлениям творчества, по крайней мере помех для их развития не было.

С самого начала советской власти вопрос развития искусства и драмы активно, с энтузиазмом, обсуждался и решался властью. Конечно, преобладала политическая и идеологическая пропаганда, но было решено воспитывать людей в канонах культуры и вкуса, которые бы соответствовали марксистским принципам социалистического реализма. Продукция живописи, скульптуры и музыки в соответствии с новыми эстетическими приемами и правилами сформировала феномен в истории искусств, когда художники, с одной стороны, только учились и становились таковыми, а значит должны были соответствовать этим новым требованиям, с другой – постепенно начали создавать свои собственные художественные средства и стилистические приемы. В Центральной Азии изобразительное искусство стартовало вместе с советской властью. Резко стали востребованы живопись, скульптура и новая, так называемая формальная музыка, созданная по определенным правилам, имеющая принципиально новую систему построения и организации, кардинально отличную от традиционной.

Цели искусства весьма широки, но Дж. Уиллер все свел к политической и идеологической пропаганде, подчеркивая при этом, что «оно также было призвано воспитывать людей в соответствии с канонами культуры и вкуса, которые были обусловлены марксистским принципом социалистического реализма». Дж. Уиллер при этом подчеркивает, что в результате широкого распространения западного влияния и того, что в условиях культа личности вплоть до 1950-х гг. одним из основных сюжетов, например ковроткачества, было изображение портрета вождя. Это, по его мнению, серьезно снизило художественный уровень работ и чуть было не поставило под угрозу существование данных направлений в художественном творчестве. Однако, по его мнению, высказанному в 1964 г., образ Ленина еще долгие годы останется популярной художественной темой³. Все это было примером того, как вместо традиционной культуры формировалась ее социалистическая модернизация.

Например, весьма проблематичными считались кочевые культуры, так как они не имели собственных монументальных традиций. «Неархитектурные» юрты, которые еще в 1923 г. экспонировались как часть

³ *Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia. London, 1964. P. 219.*

этнографической диорамы ВСХВ, в 1939 г. перестали удовлетворять советские идеологические цели. Теперь на классицистские базовые формы наносилась традиционная отделка в качестве «местного колорита». Такая гибридная архитектура призвана была производить впечатление аутентичности и одновременно легко понятые идеологические послания. «Архитектура всегда есть форма власти. Она идеальный инструмент создания “ментальных карт”», – пишет Моника Рютерс в своей статье «Советская родина как пространство городской архитектуры»⁴. Достаточно подробно о внутреннем колониализме применительно к кочевническим культурам также пишет Петра Ресманн⁵.

Вплоть до 60-х гг. XX в. качество продукции новых видов искусств, по мнению западных авторов, было неудовлетворительным, соцреализм способствовал широкому распространению дурновкусия, а исконно народное искусство находилось в упадническом состоянии. «Традиционное искусство и ремесла исчезают значительно быстрее в Советской Азии, чем где-либо еще, — пишет Дж. Уиллер, — и, хотя власти постоянно выступают против дурного вкуса, нет почти никаких сомнений в том, что именно регламентация искусства по непривычным правилам и смешение искусства с пропагандой во многом за это ответственны»⁶.

Изучая процесс проникновения модернизационных преобразований в сферу художественного творчества, мы неслучайно начинаем с анализа развития литературы. Национальная литература отображает переход от патриархального состояния общества и синкретической литературы со свойственным ему фольклорно-эпическим сознанием (когда она выполняет одновременно и функции знания вообще, религии, истории, морали, права, искусства) к гражданскому обществу частных индивидов и личностей и соответствующей ему системе разделенных форм общественного сознания (право, мораль, наука, искусство и, естественно, художественная литература). Художественная литература уже, чем синкретическая, так как писатель-художник не берется не за свои дела. В вопросах права, морали, науки уже есть свои специалисты. Но это и шире, чем син-

⁴ Рютерс М. Советская родина как пространство городской архитектуры // *Ab Imperio*. 2006. № 2. С. 195.

⁵ Rethmann P. Soviet Body Politics // *Anthropology of East Europe Review*. 1995. Vol. 13, № 2. Special Issue: Culture and Society in the Former Soviet Union.

⁶ Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia... P. 220.

кретическая литература, ибо предмет, метод, инструмент художественной литературы обладают универсальностью. Образ становится единством чувственного и рационального в познании. Все в бытии поддается художественному воспроизведению.

У истоков казахской литературы стоит творчество жырау. Носители вербального таланта традиционно почитались и высоко ценились в обществе. Акыны, как более поздняя форма жырау, являются уже фигурами переходными – от певца-сказителя к письменному поэту-литератору. На рубеже XIX-XX вв. произведения функционировали как в устном, так и в письменном модусе. Началом отчуждения становится пробуждение чувства смертности, стремление записать, создать иное, бессмертное бытие. Устное исполнение заменяло письменное прочтение. Оно и дешевле, и легче распространить.

Проза есть рефлексия о мире из «я» – частного человека. Поэтому и рождается она только тогда, когда обрываются патриархальные связи и человек оказывается в неродном для него мире. Георгий Дмитриевич Гачев пишет: «Проза – это уже гуманность и сострадание. Проза – стиль гражданского общества, писание социальное в принципе. Если первые прозаические опусы – это газетные заметки, очерки, то художественная проза начинается как оживление, собиранье мира вокруг “я” и из “я”»⁷.

«Асфальтовыми детьми» именуют в зарубежной историографии тех потомков кочевников, кто уже родился в городе, прожил в нем не одно поколение, но продолжал ностальгировать по утраченному кочевью. Прежде всего, апелляция к прошлому проявлялась в казахской литературе, где главными темами повествования были номадизм, шежире/родословная, казахский аул, родовые взаимоотношения. Особенно ярко эти настроения проявляются в жанре «энгіме» (рассказ в прозе). Большинство подобных произведений, с точки зрения советской власти, было аполитично, так как утверждало ценности простой человеческой жизни. Постепенно вне рамок партийного контроля оказывались все новые и новые творческие течения. На первом месте в официальных видах искусства стояли интересы страны, партии или класса, представленные зачастую излишне торжественно/напыщенно чрезмерным, притворным или поддельным патриотизмом.

⁷ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан. Киргизия. Космос ислама (интеллектуальные путешествия). М., 2002, С. 302.

Западные исследователи, как правило, подчеркивают утрату национального облика культур народов СССР, потерю национальной самобытности, пишут об утилитарности культуры в социалистическом обществе. По мнению некоторых из них, при социализме вообще невозможно какое-либо разнообразие культур, что коммунизм и национальные культуры – понятия несовместимые. Главный тормоз развития, по их мнению, – КПСС. Для большинства из них свобода творчества несовместима с принципом партийного руководства. Дж. Уиллер в своей книге «Народы Советской Средней Азии» пишет о попытках перевести культуру народов Средней Азии на русские, или советские, рельсы, сознательно отождествляя понятия «советское» и «русское»⁸.

Как правило, в зарубежной историографии отмечается наличие у казахов функциональных видов искусства и отсутствие «художественного искусства» как такового. Ширин Акинер, в частности, писал, что многое в культуре казахов было эфемерным, восходящим к многовековой традиции, но приспособленным к настоящему, к удовлетворению повседневных потребностей⁹.

Естественно, что в процессе модернизации трансформировался весь традиционный уклад жизни общества не только на семейно-бытовом уровне, но, в первую очередь, на уровне его общественного и социально-культурного функционирования – от языка и искусств до политического представительства и экономического права.

Практически все западные авторы сходятся во мнении, что инновации в вышеупомянутых сферах деятельности в Казахстане и республиках Средней Азии были импортированы первоначально из царской, а затем из советской России. Европейская Россия, по их мнению, долгое время являлась инициатором модернизационных преобразований. В контексте нашей проблемы вся художественная интеллигенция, трудившаяся над организацией новых жанров в искусстве национальных республик, а это музыканты, композиторы, дирижеры, оперные и балетные солисты, театральные артисты, художники, скульпторы, архитекторы и т.д., приехали сюда или до революции, или уже после нее. Причины приезда были самые разнообразные: от личной инициативы до оргнабора или служебной командировки, которая иногда была длиною в жизнь. Под влиянием российской художественной ин-

⁸ Wheeler G. The Peoples of Soviet Central Asia. London, 1966. P. 95.

⁹ Akiner Sh. The Formation of Kazakh Identity from Tribe to Nation-State. London, 1995. P. 18–19.

теллигенции сформировалась целая плеяда национальных деятелей искусств, часть которых получила образование в ведущих центрах страны, а другая обучалась непосредственно на местах.

На первых порах именно принадлежность к иной культурной традиции и стала для определенной части общества, по мнению большинства западных авторов, причиной неприятия и даже отторжения ряда привнесенных инноваций. Советское государство уделяло огромное внимание развитию и становлению новых жанров искусств в национальных республиках. С огромным энтузиазмом в крупнейших городах республик строились театры оперы и балета, создавались симфонические оркестры и организовывались хоровые коллективы, открывались консерватории и музыкальные школы, формировались различные художественные учебные заведения, а значит все, что касалось методов организации и контроля над ними, также могло вызывать некоторое раздражение со стороны интеллектуальной национальной элиты. Потребовалось время для того, чтобы инновации инкорпорировались традиционной культурой и постепенно стали неотъемлемыми характеристиками советской национальной культуры. Внедрение инноваций обычно включает в себя четыре этапа: селекция, воспроизведение или копирование, приспособление или модификация, структурная интеграция. В каждом конкретном случае названные этапы могут выпадать, смещаться или совпадать.

Например, в процессе получения музыкального образования важную роль играют такие дисциплины, как музыкальная теория, гармония и оркестровка. Именно они являются основными в учебных программах европейских консерваторий. Среди ключевых отличий различных музыкальных традиций необходимо назвать тональную систему, мелодическую и ритмическую модели, типы мелодий, формы и практику театрализованных представлений, а также музыкальные инструменты. Европейская музыка исполнялась в общественных местах, и казахские музыканты адаптировали услышанные мелодии, создавая тем самым новый европеизированный музыкальный словарь, отмечала Ширин Акинер¹⁰.

В статье «Музыкальные традиции и инновации», опубликованной в коллективной монографии «Центральная Азия. 120 лет российского правления», Дж. Спектор отмечала, что, сопротивляясь модернизации,

¹⁰ *Akiner Sh. The Formation of Kazakh Identity... P. 26–27.*

местная музыкальная элита по-прежнему отдавала предпочтение традиционной музыке и текстам, монофонии вместо полифонии и гармонии, симпатизируя особой манере пения и микротональной музыке вместо гетеротональной оркестровой музыки. Она же ссылается на высказывание советского композитора Дмитрия Кабалевского, который не мог понять, почему музыканты национальных республик, рожденные уже в советскую эпоху, все еще отдают предпочтение собственным полуграмотным мелодистам, когда у них есть все возможности изучать западную музыкальную культуру во всех ее проявлениях¹¹.

В этом плане весьма примечательна судьба Евгения Григорьевича Брусиловского, который в начале пути видел себя не автором первых казахских опер, а скорее аранжировщиком, который должен был приспособить западноевропейские формы к народной музыке. Он много экспериментировал. Живя в Казахстане, Е. Брусиловский активно общался с музыкантами и местной интеллигенцией, наполняя казахской музыкальной спецификой и в итоге пошел своим путем, внимательнейшим образом изучая казахскую народную музыку. Основным акцент его творчества пришелся на реализацию известной идеологической задачи – создать современное казахское оперное искусство «национальное по форме и социалистическое по содержанию», что Брусиловскому удалось сделать на высочайшем уровне. Канонического примера такой национальной оперы не существовало, и он его создал. Тому свидетельство живучесть данных произведений и сегодня, любовь зрителя и их современная популярность. В 2023 г. была издана книга «Евгений Брусиловский. Воспоминания с комментариями и иллюстрациями» под редакцией уроженца Казахстана Нари Шелекпаева, профессора Департамента славянских языков и литературы Йельского университета¹². Основной акцент книги приходится на анализ процесса советизации казахской культуры в 1930-е гг. В том числе это было отражением музыковедческой дискуссии по вопросу сочетания музыкальной традиции и внедряемых инноваций. Так, например, Брусиловский был сторонником симфонизации казахских мелодий и их переработки, а Ахмет Жубанов утверждал, что так как казахская музыка сама по

¹¹ *Spector J. Musical Tradition and Innovation // Central Asia. 120 years of Russian Rule. London, 1989. P. 480.*

¹² *Брусиловский Е. Воспоминания с комментариями и иллюстрациями. Алматы, 2023. 320 с.*

себе самобытна, то и не нуждается в оркестровке и симфонической обработке либо только в последнюю очередь.

Трудно не согласиться с утверждением Д. Бахри и С. Нехмас, что «влияние традиционной культуры может оказаться сильнее приманок «модернизации», особенно когда модернизация связана с иной культурой»¹³. В основе значительного большинства крупных музыкальных форм, созданных местными национальными композиторами, лежали легендарные и эпические истории, и только частично они были посвящены советской тематике. Вышеупомянутое утверждение авторов свидетельствует о том, что в условиях модернизации, особенно если она инициируется и навязывается внешними акторами, традиционные культурные ценности нередко демонстрируют большую устойчивость по сравнению с новыми идеями и технологиями, заимствуемыми из иной культурной среды.

Подобный эффект объясняется тем, что модернизационные проекты, ориентированные преимущественно на внешние – чаще всего западные – образцы, как правило, транслируют модели, неадекватно отражающие локальные культурные нормы и практики. Вследствие этого вместо последовательной и согласованной трансформации нередко формируется сопротивление нововведениям, а традиционная культура, несмотря на процесс ее частичной адаптации, сохраняет преобладающее и структурообразующее значение.

Подобная ситуация наблюдалась и в казахской живописи, основным мотивом которой на протяжении всего XX в. была степь. От простого изображения «вмещающего ландшафта» до поиска национального стиля живописи – так можно было бы охарактеризовать ситуацию в национальной живописи. Можно выделить этапы становления казахской живописи:

- IX–XVIII вв. – латентное состояние живописи, реализованное через народное прикладное искусство;
- XVIII–XIX вв. – зарождение казахской тематики в мировой художественной культуре;
- 20–40-е гг. XX в. – формирование основ профессиональной школы живописи Казахстана;
- 50–80-е гг. – сложилась «исполнительская школа» живописи как казахстанского академизма;

¹³ Bahri D., Nechemias C. Half full or half empty: The debate over Soviet regional equality // *Slavic Review*. Urbana (Illinois), 1981. Vol. 40, № 3. P. 370.

- 90-е гг. XX – начало XXI в. – формирование собственных концептуальных основ казахской живописи.

Николай Гаврилович Хлудов, Абылхан Кастеев, Аубакир Исмаилов, Кулахмет Хаджиков, Канафия Тельжанов – вот небольшой перечень основных авторов, ставших классиками, мэтрами казахской живописи. Творчество и наследие которых также являются источником базой для изучения анализируемой в историографии проблемы соотношения традиции и инновации. Не имея возможности представить все разнообразие подходов в данной статье, мы кратко остановимся лишь на ключевом образе Степи. Этот образ являлся национальным кодом и представлен практически в каждой работе указанных авторов. Есть две ключевые картины, которые демонстрируют нам внедрение инноваций извне и необходимость выбора, ведущего кочевника к разрыву с традицией. Это картина К. Тельжанова «Атамекен» (На земле дедов) (1958) и А. Кастеева «Турксиб» (1969).

Сам Канафия Тельжанов подчеркивал, что его картина «Атамекен» создана как дань памяти своим предкам. В центре картины всадник, рядом маленький жеребенок. На первом плане вздыбленная плугом земля, что можно понять как поднятую целину, а вдалеке, на заднем плане, мчится на всех парах поезд. Вчерашний кочевник окружен новыми приметами времени, есть ли у него выбор – этот и другие вопросы возникают, когда смотришь на эту картину.

К. Тельжанов. Атамекен (На земле дедов) (1958)

Картина А. Кастеева «Турксиб» была создана по заказу правительства Казахстана. На ней мы видим встречу старого и нового ми-

ров – мчащийся навстречу локомотив и уходящий в глубину картины караван верблюдов. Модернизация врывается в степь Казахстана извне, меняя ее до неузнаваемости, втягивая казахов в круговорот новой социалистической действительности.

А. Кастеев «Турксиб» (1969)

В монографии Мэтью Пайна «Сталинская железная дорога. Турксиб и строительство социализма» сооружение Турксиба рассматривается в различных аспектах. В том числе и как «пионер в прокладке пути для дальнейшего советского развития»¹⁴. Отдельно М. Пайн анализирует документальный фильм 1929 г. «Турксиб»¹⁵. По мнению исследователя, основной мотив автора фильма – Виктора Турина – столкновение природы с человеком, противостояние первобытного естества и машин, науки и мракобесия, современности и примитивизма, средневековой неторопливости и современных ритмов, все-

¹⁴ Пайн М. Дж. Сталинская железная дорога. Турксиб и строительство социализма. Алматы, 2006. С. 317.

¹⁵ Payne M.J. Victor Turin's Turksib and Soviet Orientalism // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2001. № 1. P. 37–62.

го того, что подчеркивает цивилизаторскую миссию Турксиба¹⁶. Возведение Турксиба завораживало, но в то же время внушало благоговейный страх, связанный с подрывом устоявшихся ценностей. Вокруг железной дороги вырастали поселки, власти стремились увеличить количество казахского пролетариата – все вместе формировало новый модернизированный облик, а главное – творило новую ментальность вчерашнего казаха-кочевника.

Апелляция к пасторальному, номадическому прошлому и прежде и теперь не исчезает в самых разнообразных проявлениях и формах. Подобные настроения присутствуют в экологических и урбанистических циклах, как классиков казахской поэзии, так и современных авторов. Например, стихотворение М. Жумабаева «Эй, Сарсембай!» как нельзя лучше иллюстрирует наш тезис о том, что город воспринимается как нечто необходимое, но чуждое. «Я в городе не прожил бы и дня, когда бы не учеба», – пишет Магжан.

*«Ты на него, оборотясь, взгляни:
Горе подобен, чудищу сродни,
Лежит он в шуме, гаме,
Ночь и туман колышутся над ним,
Дыхание его – огонь и дым,
В глазах не меркнет пламя.
Громкоголосый, что ни слово – яд.
А воздух? Как вдыхал я этот смрад?
Не задохнулся – выжил!...»*

Поэт подчеркивает, что в городе так сильно мечталось о степи, ведь там аул, родня. И только если «...к груди прижму степной простор, Волной озерной утолю свой взор, Тогда душой воспряну!»¹⁷.

То есть выбор однозначен: степь, аул, родня – вот жизненные императивы традиционного устоявшегося казахского общества. Долгое время они оставались незыблемыми. Сначала в силу того, что это был основной закон жизни, затем потому, что советский режим путем политико-экономических трансформаций сменил поведенческий императив вчерашних кочевников, не сумев все-таки разрушить его ментальную составляющую, а также семью как институт самозащиты. В годы независимости традиционные ценности стали проявляться с

¹⁶ Пайн М. Дж. Сталинская железная дорога... С. 338.

¹⁷ Жумабаев М. Стихи. Эй, Сарсембай! // Простор. 1992. № 1. С. 2–6.

новой силой. Как отмечают западные исследователи, сегодня Астана, а значит город как таковой, стала новым символом обновленного независимого Казахстана. Этот факт очень ярко демонстрирует изменение жизненного императива в пользу модернизации. Правда внешние оценки этого исторического момента по-прежнему весьма отличны друг от друга: от попытки «обмануть» пространство до продвижения суверенитета республики в северные регионы Казахстана и «... символического отделения от колониального прошлого, связанного с Алматы как казахстанским городом»¹⁸.

Степь – вместилище всего национального, отторгнутая и в значительной степени уничтоженная, вновь становится ключевым символом традиционной национальной идентичности в период независимости. Эти настроения выкристаллизовались к началу 80-х гг., когда город стал противопоставляться степи во многом потому, что значительно выросла доля казахского городского населения к этому периоду, сформировалось так называемое поколение «асфальтовых детей» вчерашних номадов. «Мощный позитивный символ казахской живописи – Степь – обретает свой антипод – Город... Горожанин, горожане, город – вот тот человек и та среда, которые уничтожили исконную традицию жизненного уклада казахов», – пишет Р. Ергалиева¹⁹.

В трудах отечественных ученых анализ демографического поведения казахов на рубеже XX–XXI вв. подтверждает тезис о том, что активно реализуется этап «количественного» освоения городского пространства вчерашними сельскими жителями. Основы «советской» демографической системы разрушились, а суверенная система сформировалась как раз к первому десятилетию XXI в., которая функционирует на социокультурных критериях казахского этноса. Впервые в истории казахского народа город стал частью национальной идентичности. «В настоящее время демографический ритм Казахстана определяют казахи, сохранившие, с одной стороны, социокультурные нормы прошлого, и, с другой, решающие проблемы ускоренного развития модернизации. Именно в этом сочетании ви-

¹⁸ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 300; Wolfel R. L. North to Astana: nationalistic Motives for the Movement of the Kazakh(stani) Capital // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30. P. 485–505.

¹⁹ Ергалиева Р. Этнокультурные традиции в современном искусстве Казахстана. Алматы, 2002. С. 75–76.

дится будущее социально-демографического развития Республики Казахстан», – подчеркивают авторы²⁰.

Современные трансформации общественного поведения происходят с беспрецедентной динамикой. Это, однако, не свидетельствует о полном исчезновении традиционных ценностей. Напротив, они укрепились, получили институциональное оформление и активную поддержку со стороны государства. Вместе с тем наряду с ними все более заметно утверждаются новые ценностные ориентиры – те, которые еще недавно воспринимались как чуждые и избыточные, но ныне стали неотъемлемой составляющей образа современного казаха, гражданина независимого Казахстана.

Англоязычная зарубежная историография, рассматривающая проблему выбора между традицией и инновацией в контексте модернизации традиционного казахского общества, прошла несколько этапов своего развития. Постепенный отказ от советологического подхода существенно расширил исследовательские возможности, открыв новые теоретико-методологические перспективы. Если ранее анализ советского опыта модернизации Казахстана осуществлялся преимущественно через «этническую призму», акцентируя внимание на вопросах межэтнических взаимодействий, то формирование «модернизационной» парадигмы подготовило почву для становления «имперской» парадигмы как самостоятельного направления в дискуссии о причинах распада Советского Союза. В современной западной историографии сформировался дискурс, позволяющий исследовать соотношение традиционных и модернизационных установок, а также динамику их взаимного проникновения в культурное пространство общества.

Ключевой вывод зарубежных исследователей заключается в том, что процессы модернизации радикально преобразовали национальную идентичность, сделав казахов одной из наиболее модернизированных, советизированных и русифицированных наций Центральной Азии. При этом казахский народ сумел сохранить свою национальную культуру, язык и этническую самобытность. Следовательно, несмотря на неизбежные потери, модернизация стала основой для формирования нового синтеза традиции и инновации, что позволило обществу адаптироваться к реалиям современности, пусть и ценой значительных культурных трансформаций.

²⁰ Алексеев А.Н., Аубакирова Ж. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан, 2020. С. 205.

Литература

- Akiner Sh. The Formation of Kazakh Identity from Tribe to Nation-State. London: RIIA, 1995. 83 p.
- Bahri D., Nechemias C. Half full or half empty: The debate over Soviet regional equality // *Slavic Review*. Urbana (Illinois). 1981. Vol. 40, № 3. P. 1–18.
- Payne M.J. Victor Turin's Turksib and Soviet Orientalism // *Historical Journal of Film, Radio and Television*. 2001. Vol. 21, № 1. P. 37–62.
- Rethmann P. Soviet Body Politics // *Anthropology of East Europe Review*. 1995. Vol. 13, № 2. Special Issue: Culture and Society in the Former Soviet Union. P. 45–49.
- Spector J. Musical Tradition and Innovation // *Central Asia. 120 years of Russian Rule* / ed. by E. Allworth. Durham; London: Duke University Press, 1989. P. 434–484.
- Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia. London: Oxford University Press, 1964. 272 p.
- Wheeler G. The Peoples of Soviet Central Asia. London: Chester Springs, Pennsylvania, 1966. 126 p.
- Wolfel R.L. North to Astana: nationalistic Motives for the Movement of the Kazakh(stani) Capital // *Nationalities Papers*. 2002. Vol. 30. P. 485–505.
- Алексеев А.Н., Аубакирова Ж. Казахи в контексте демографической истории. Нур-Султан, 2020. 400 с.
- Брусиловский Е. Воспоминания с комментариями и иллюстрациями. Алматы: Целинный, 2023. 320 с.
- Гачев Г. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан. Киргизия. Космос ислама (интеллектуальные путешествия). М.: Издательский сервис, 2002. 780 с.
- Ергалиева Р. Этнокультурные традиции в современном искусстве Казахстана. Алматы: Ғылым, 2002. 183 с.
- Жумабаев М. Стихи. Эй, Сарсембай! / пер. Л. Степановой // *Простор*. 1992. № 1. С. 2–6.
- Пайн М. Дж. Сталинская железная дорога. Турксиб и строительство социализма / пер. с англ. Б.М. Сужикова; сост. Ж.Б. Абылхожин. Алматы: Санат, 2006. 351 с.
- Рютерс М. Советская родина как пространство городской архитектуры // *Ab Imperio*. 2006. № 2. С. 193–231.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.

References

- Akiner, Sh. (1995). *The Formation of Kazakh Identity from Tribe to Nation-State*. London, RIIA. 83 p.
- Alekseenko, A.N., Aubakirova, Zh. (2020). *Kazakhi v kontekste demograficheskoy istorii* [Kazakhs in the context of demographic history]. Nur-Sultan. 400 p.

Bahri, D., Nechemias, C. (1981). Half full or half empty: The debate over Soviet regional equality. In *Slavic Review*. Urbana (Illinois), Vol. 40, No. 3, pp. 1–18.

Ergalieva, R. (2002). *Etnokul'turnye traditsii v sovremennom iskusstve Kazakhstana* [Ethnocultural traditions in the modern art of Kazakhstan]. Almaty, Gylym. 183 p.

Gachev, G. (2002). *Natsional'nye obrazy mira. Tsentral'naya Aziya: Kazakhstan. Kirgiziya. Kosmosislama (intellektual'nye puteshestviya)* [National images of the world. Central Asia: Kazakhstan. Kyrgyzstan. Cosmos of Islam (intellectual travels)]. Moscow, Izdatel'skiy servis. 780 p.

Payne, M.J. (2001). Victor Turin's Turksib and Soviet Orientalism. In *Historical Journal of Film, Radio and Television*. Vol. 21, No. 1, pp. 37–62.

Payne, M.J. (2006). *Stalinskaya zheleznaya doroga. Turksib i stroitel'stvo sotsializma* [Stalin's railroad. Turksib and the building of socialism]. Suzhikova, B.M. (Trans.), Abylkhozhin, Zh.B. (Ed.). Almaty, Sanat. 351 p.

Rethmann, P. (1995). Soviet Body Politics. In *Anthropology of East Europe Review*. Vol. 13, No. 2. Special Issue: Culture and Society in the Former Soviet Union, pp. 45–49.

Ryuters, M. (2006). Sovetskaya rodina kak prostranstvo gorodskoy arkhitektury [The Soviet homeland as a space of urban architecture]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 193–231.

Shelekpae, N. (Ed.). (2023). *Evgeniy Brusilovskiy. Vospominaniya s kommentariyami i illyustratsiyami* [Evgeny Brusilovsky. Memories with Commentary and Illustrations]. Almaty, Tselinnyy. 320 p.

Spector, J. (1989). Musical Tradition and Innovation. In *Central Asia. 120 years of Russian Rule*. Allworth, E. (Ed.). Durham, London, Duke University Press, pp. 434–484.

Tishkov, V.A. (2003). *Rekviem po etnosu* [Requiem for ethnos]. Moscow, Nauka. 544 p.

Wheeler, G. (1964). *The Modern History of Soviet Central Asia*. London, Oxford University Press. 272 p.

Wheeler, G. (1966). *The Peoples of Soviet Central Asia*. London, Chester Springs, Pennsylvania. 126 p.

Wolfel, R.L. (2002). North to Astana: nationalistic Motives for the Movement of the Kazakh(stani) Capital. In *Nationalities Papers*. Vol. 30, pp. 485–505.

Zhumabaev, M. (1992). Stikhi. Ey, Sarsembay! (Perevod L. Stepanovoy) [Poems. Hey, Sarsembay! (Translation by L. Stepanova)]. In *Prostor*. No. 1, pp. 2–6.

*Р.М. Сеитов*¹

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу развития американских и британских академических центров, занимающихся изучением Центральной Азии, а также изменению тематического фокуса их исследований. На основе изучения истории создания и развития научных центров, а также контент-анализа тем конференций, статей, выступлений и публикаций выявлено, что современное состояние исследований Центральной Азии во многом сформировано исторически сильной советологической традицией западных университетов, в рамках которой регион рассматривался через призму СССР и России, а также междисциплинарными подходами к исследованиям.

Ключевые слова: Центральная Азия, Евразия, советология, научные центры, США, Великобритания.

*R.M. Seitov*²

STUDYING THE HISTORY OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN AMERICAN AND BRITISH RESEARCH CENTERS

Abstract. This article analyzes the development of American and British academic centers studying Central Asia, as well as the changing thematic focus of their research. Based on an examination of the centers' histories and development, as well as a content analysis of conference topics, articles, speeches, and publications, it is revealed that the current state of Central Asian studies has been largely shaped by the historically strong Sovietological tradition of Western universities, which viewed the region through the prism of the USSR and Russia, as well as interdisciplinary approaches to research.

Keywords: Central Asia, Eurasia, Sovietology, research centers, USA, UK.

¹ Руслан Маратович Сеитов, м.н.с., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: seitofuruslan@gmail.com

² Ruslan Maratovich Seitov, Junior Researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia, e-mail: seitofuruslan@gmail.com

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

Изучение Центральной Азии в научных центрах Великобритании скорее можно отнести к области востоковедных исследований. История подобных центров отражает длительный и последовательный процесс формирования академического интереса к этому региону, который начинается еще в XIX в. с создания Королевского азиатского общества в Лондоне. Это общество, основанное в 1823 г., заложило основу для последующих специализированных исследований, предоставляя ученым платформу для обмена знаниями о различных аспектах азиатских культур и историй.

Распад СССР обусловил расширение исследовательских программ и формирование междисциплинарных центров, сосредоточенных на политике, экономике, культуре и истории Центральной Азии в контексте постсоветского пространства. Важными этапами стали создание различных специализированных центров и форумов в ведущих университетах, таких как Центр современной Центральной Азии и Кавказа (Centre of Contemporary Central Asia and the Caucasus) при Лондонском университете и Форум по Центральной Азии в Кембридже (Cambridge Central Asia Forum).

Последний был основан в 2001 г. и ставит перед собой цель объединить ученых из различных дисциплин и поощрять новые междисциплинарные исследования по Центральной Азии и Евразии³. С 2007 г. Центром проводятся регулярные семинары по различным вопросам политики, экономики, истории, культуры, международных отношений Центральной Азии, а также международные семинары, которые проходят, в том числе, и в странах Центральной Азии, по большей части в Казахстане и Узбекистане. Кроме того, можно отметить участие в семинарах дипломатов из стран Центральной Азии и британских дипломатов, работающих в странах региона.

В 2018 г. благодаря крупному анонимному пожертвованию был основан Оксфордский Центр Низами Гянджеви по изучению Азербайджана, Кавказа и Центральной Азии⁴. Центр предлагает курсы по изучению азербайджанского языка, а также семинары, посвящен-

³ История Форума по Центральной Азии в Кембридже [Электронный ресурс]. URL: <https://centralasia.group.cam.ac.uk/AboutUs> (дата обращения: 29.10.2025).

⁴ Об Оксфордском центре Низами Гянджеви по изучению Азербайджана, Кавказа и Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ongc.ox.ac.uk/about> (дата обращения: 01.11.2025).

ные политической и экономической истории стран Кавказа и Центральной Азии как части Российской империи и Советского Союза⁵.

Первым академическим центром в США, который занимался исследованиями России и Советского Союза, стал Русский Институт при Колумбийском университете. Он был основан в 1946 г. при поддержке Фонда Рокфеллеров. В 1984 г. центр переименовали в Институт углубленного изучения Советского Союза им. У. Аверелла Гарримана в честь промышленника и дипломата, который в 1941–1943 гг. являлся специальным представителем Президента США в Великобритании и СССР, а после войны был координатором плана Маршалла. У. Гарриман сделал щедрое пожертвование институту для «стимуляции и поощрения исследования советских дел»⁶. В 1992 г. институт вновь сменил название на Институт Гарримана и расширил сферу своих исследований, включив в нее все постсоветские государства и страны Восточной Европы. Институт объединяет исследователей с различных факультетов Колумбийского университета в междисциплинарных исследованиях.

Центральноазиатское направление исследований выделилось благодаря Эдварду Оллуорту, позже ставшему профессором тюрко-советских исследований в Колумбийском университете. В 1970 г. он основал программу по проблемам советской национальности (Program on Soviet Nationality Problems), в 1984 г. – центр по изучению Центральной Азии (Center for the Study of Central Asia)⁷. Центральная Азия также находится в центре внимания бывшего директора института Александра Кули, специализирующегося на геополитике региона. Среди его публикаций можно выделить книгу «Great games, local rules: the new great power contest in Central Asia» («Большие игры, местные правила: новая борьба великих держав в Центральной Азии»), в которой он рассматривает стратегии и взаимодействие США, Китая и России в Центральной Азии⁸.

⁵ Серия семинаров общества изучения Кавказа и Центральной Азии 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ongc.ox.ac.uk/event/oxford-society-caucasus-and-central-asia-seminar-series-trinity-term-2025> (дата обращения: 28.11.2025).

⁶ Об Институте Гарримана [Электронный ресурс]. URL: <https://harriman.columbia.edu/about-us/> (дата обращения: 02.11.2025).

⁷ Cooley A. Edward A. Allworth (1920–2016) // Central Asian Survey. 2016. Vol. 35, № 4. P. 570.

⁸ Cooley A. Great games, local rules: the new great power contest in Central Asia. New York: Oxford University Press, 2012. 252 p

Тем не менее Центральная Азия представляет лишь один из регионов изучения Института наряду с Балканами, Кавказом, Восточной Европой, Россией и Украиной.

Центр русских и евразийских исследований им. Дэвиса как междисциплинарный Центр русских исследований был основан в 1948 г. на средства, выделенные Корпорацией Карнеги – благотворительным фондом для поддержки образовательных программ. В первые годы своего существования центр занимался изучением СССР как противника США в «холодной войне». После распада Советского Союза центр сосредоточился на исследованиях Восточной Европы и постсоветских стран⁹.

В центре действует программа по Центральной Азии, в рамках которой проводятся семинары на различные темы современной истории, культуры и политики стран региона¹⁰. Центр также выступил организатором конференции «Toward New Transnational/Transimperial Histories of Central Asia» («К новым транснациональным/трансимперским историям Центральной Азии»), проходившей в Назарбаевом университете в августе 2025 г., посвященной «пересмыслению и пересмотру исторических представлений о регионе, который традиционно воспринимался как область межимперской конкуренции»¹¹.

В том же 1948 г. была основана Американская ассоциация углубленных славянских исследований (American Association for the Advancement of Slavic Studies) на базе Университета Питтсбурга. В 2010 г. организация сменила название на Ассоциацию славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies)¹². В настоящее время Ассоциация объединяет более 3000 членов по всему миру, в основном

⁹ История Центра Дэвиса [Электронный ресурс]. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/about/history> (дата обращения: 02.11.2025).

¹⁰ Семинар по Центральной Азии и Кавказу Центра Дэвиса [Электронный ресурс]. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/event-series/central-asia-and-caucasus-seminar> (дата обращения: 28.11.2025).

¹¹ Страница конференции «К новым транснациональным/трансимперским историям Центральной Азии» [Электронный ресурс]. URL: <https://nu.edu.kz/ru/events/conference-towards-new-transnational-transimperial-histories-of-central-asia-sources-directions-interpretations-2> (дата обращения: 28.11.2025).

¹² История Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://aseees.org/about/history/> (дата обращения: 01.11.2025).

представителей академических кругов, и базируется в Питтсбургском университете.

С 1964 г. ассоциация проводит ежегодные съезды, в том числе с участием иностранных ученых, а также с 1941 г. выпускает междисциплинарный ежеквартальный журнал по российским, евразийским и восточноевропейским исследованиям *Slavic review* («Славянское обозрение»)¹³. В нем публикуются оригинальные исследовательские статьи, рецензии на книги и фильмы, обзорные эссе и дискуссионные форумы по различным дисциплинам, таким как история, литература, социальные науки и культурология. Спектр публикаций довольно широк и включает, в том числе, исследования по методологии истории. Так, в последнем выпуске можно найти статью, посвященную исследованию горизонтальных связей «периферия – периферия» в противовес вертикальным связям «центр – периферия» в Российской империи¹⁴.

Институт европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона был основан в 1961 г. как Институт китайско-советских исследований с целью изучения и объяснения текущих событий в Советском Союзе, Восточной Европе, Китае и остальной Восточной Азии. Фокус исследований был направлен на изучение советско-китайских отношений как угрозы Западу. После распада Советского Союза институт переместил фокус на исследование России и постсоветского пространства¹⁵.

Институт ежегодно проводит более 100 мероприятий: конференции, круглые столы, книжные презентации, семинары и публичные лекции. Тематика варьируется от внешней и внутренней политики России и стран Центральной Азии до вопросов безопасности, прав человека, энергетики и региональной интеграции в Евразии. События IERES носят междисциплинарный характер: на площадке института встречаются ученые, представители государственных структур, международных организаций, дипломатического корпуса, НКО и бизнеса. Значительная часть мероприятий архивируется

¹³ Страница журнала «*Slavic review*» [Электронный ресурс]. URL: <https://aseees.org/slavicreview/> (дата обращения: 29.11.2025).

¹⁴ Gibson C., Kotenko A. Horizontal Threads: Towards an Entangled Spatial History of the Romanov Empire // *Slavic Review*. 2025. Vol. 84, № 2. P. 247–265.

¹⁵ 60-летие образования Института европейских, российских и евразийских исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://ieres.elliott.gwu.edu/ieres-60th-anniversary/> (дата обращения: 01.11.2025).

(видеозаписи, краткие отчеты), что позволяет использовать их как источник для дальнейших исследований¹⁶.

В институте действует программа по Центральной Азии (Central Asia Program), которая специализируется на современных исследованиях и служит для поддержания коммуникации между академическим сообществом и практической политикой, объединяя ученых, дипломатов, аналитиков и бизнес. Программа рассматривает Центральную Азию в широких географических границах: наряду с пятью постсоветскими государствами (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) в поле анализа включены Афганистан, Азербайджан, Синьцзян, Монголия, а также Урало-Поволжские регионы, Кашмир и Белуджистан. Программа ориентируется на междисциплинарный подход, сочетая политологию, социологию, антропологию, экономику, исторические исследования, исследования глобализации и безопасности.

В рамках Программы по Центральной Азии издается ежеквартальный журнал *Central Asian Affairs* («Центральноазиатские вопросы»)¹⁷, цель которого состоит в формировании научного дискурса по региону. Журнал привлекает экспертов из различных политических и академических сфер, опирается на широкий спектр дисциплин, включая политологию, социологию, антропологию, экономику, исследования развития и исследования безопасности.

В 2000 г. в США было создано Общество изучения Центральной Евразии (Central Eurasian Studies Society)¹⁸. Это некоммерческое научное сообщество, объединяющее исследователей Центральной Евразии из разных стран. Одним из ключевых направлений деятельности этого общества является организация ежегодных конференций, которые проводятся с 2000 г. и обычно проходят осенью на базе университетов США и Канады. Кроме того, с 2008 г. общество проводит международные конференции за пределами Северной Америки – первая такая встреча прошла в Кыргызстане в г. Чок-Тал.

¹⁶ События института европейских, российских и евразийских исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://ieres.elliott.gwu.edu/events/> (дата обращения: 29.11.2025).

¹⁷ Страница журнала «Вопросы Центральной Азии» [Электронный ресурс]. URL: <https://centralasiaprogram.org/publications/central-asian-affairs/> (дата обращения: 30.11.2025).

¹⁸ Сайт Общества изучения Центральной Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://centraleurasia.org/> (дата обращения: 30.11.2025).

Главной публикацией общества долгое время была *Central Eurasian Studies Review* («Обзор центральноевразийских исследований») – научно-информационный журнал, выходивший с 2002 по 2009 г. В журнале публиковались обзорные статьи и эссе, отчеты о текущих исследованиях, информация о конференциях и курсах лекций, материалы по образовательным ресурсам и учебным программам.

Таким образом, можно заметить, что в то время как изучение Центральной Азии в Великобритании получило развитие в основном в рамках востоковедения, американские организации начинали свою деятельность как центры по изучению славистики с целью закрыть необходимость в исследованиях СССР как основного противника в «холодной войне». Лишь позднее, с распадом Советского Союза, они расширили фокус своих исследований.

На примере американских и британских исследовательских центров прослеживается общая динамика – от становления в контексте «холодной войны» и постсоветских трансформаций к формированию устойчивого междисциплинарного поля, включающего политические, экономические, культурные и экологические аспекты. Эти институты сыграли центральную роль в формировании исследовательской инфраструктуры и в определении академических приоритетов, через которые Запад осмыслял Центральную Азию как часть более широкого евразийского пространства.

Изменение структуры академических центров, их исследовательских стратегий напрямую влияло на то, какие аспекты региона становились объектом изучения: от вопросов геополитики и безопасности в 1950–1980-х гг. до тем модернизации, идентичности и регионального развития после 1991 г. Однако для того, чтобы более точно проследить эти тенденции, требуется перейти от описательного анализа к количественному сопоставлению фактических материалов.

На основе контент-анализа докладов конференций, научных статей, подкастов и других форм публичных выступлений мы изучили, какие темы доминировали в разные периоды и как трансформировались исследовательские интересы. Такой подход позволяет проследить, как за последние годы менялся фокус исследований и восприятие региона в западной академической традиции.

Для выявления изменений в тематической направленности исследований был проведен контент-анализ материалов, связанных с академическими центрами и исследовательскими сообществами, занимающимися изучением Центральной Азии. В качестве основной эмпирической базы использованы темы докладов, представленных на ежегодных конференциях Общества изучения Центральной Евразии в период с 2000 по 2019 г. за исключением 2014 г., а также публикации, подкасты и аналитические материалы ведущих исследовательских центров США и Великобритании за 2019–2025 гг. Такое сочетание источников позволяет проследить не только долгосрочную динамику академического интереса, но и выявить новые тенденции в изучении региона в постпандемийный и посткризисный периоды.

Анализ данных осуществлялся с помощью цифровой платформы Voyant Tools, что позволило количественно зафиксировать изменения в частотности употребления ключевых слов и выражений, отражающих исследовательские приоритеты разных лет. Особое внимание уделялось сопоставлению доминирующих тем и понятий, а также выявлению их смещения с течением времени.

Результаты количественного анализа свидетельствуют о стабильном интересе к региональной тематике Центральной Азии на протяжении всего рассматриваемого периода, однако структура этого интереса заметно изменялась. Наиболее частотными терминами в корпусе стали слова «Центральная Азия», «Советский», «Казахстан» и «Кыргызстан», что отражает устойчивость фокуса на региональной идентичности и отдельных государствах региона. Учитывая, что тематика конференций не фокусируется только на регионе Центральной Азии, но включает в себя также страны Закавказья, Турцию, Монголию, Афганистан, некоторые регионы Китая и России, тем не менее можно заметить, что центральноазиатская тематика все же преобладает.

При этом пик употребления термина «Центральная Азия» приходится на первую половину 2000–х гг., что можно связать с процессом институционализации центральноазиатских исследований и активизацией академического интереса к региону после распада СССР. После 2005 г. интенсивность их употребления снижается и стабилизируется на умеренном уровне, что можно интерпретировать как переход от общего осмысления региона к более специализированным направлениям исследований.

Темы, связанные с конкретными странами, прежде всего Казахстаном и Кыргызстаном, становятся все более частыми примерно с середины-конца 2000-х гг. Это свидетельствует о фрагментации регионального подхода: исследователи все чаще обращаются к отдельным государствам и их политическим, экономическим и образовательным стратегиям. Казахстан становится наиболее часто упоминаемой страной, что отражает его роль как наиболее экономически и политически заметного актора в Центральной Азии. Упоминания Узбекистана наиболее часто заметны в начале 2000-х гг., и затем их количество начинает снижаться. Таджикистан упоминается в темах докладов реже, но относительно стабильно, а Туркменистан – спорадически.

Анализ показывает стабильный интерес к советскому периоду истории региона, что можно связать, в том числе, с исторически сильной советологической направленностью американских исследовательских центров. Менее часто, но все же стабильно встречаются упоминания Российской империи.

Менее частотные, но показательные термины – «образование», «идентичность», «развитие», «гендер», «ислам», «мусульманский» – указывают на расширение исследовательской проблематики: помимо вопросов государственного строительства и международных отношений, возрастает интерес к социальным и культурным темам, проблемам идентичности, религии, образования и устойчивого развития.

После 2022 г. заметными темами в исследованиях стала реакция Центральноазиатских государств на СВО, а также отношения стран региона с Россией на фоне украинского конфликта.

Проведенный анализ показывает, что исследования Центральной Азии на протяжении последних десятилетий развивались не как изолированное направление, а как часть более широкого поля евразийских и постсоветских исследований. Исторически академические центры в США и Великобритании формировались в рамках изучения Советского Союза и его наследия, и Центральная Азия постепенно включалась в этот контекст как один из региональных компонентов. Даже по мере институционального укрепления самостоятельных центров, специализирующихся на Центральной Азии, их деятельность продолжала быть тесно связана с исследованием имперских, советских и постсоветских структур, а также с анализом политики России и Китая в регионе.

Современные публикации и доклады на конференциях демонстрируют интерес к культурной истории, религии, идентичности, языковой политике и социальным трансформациям в отдельных странах региона – прежде всего в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. Этот переход отражает постепенное «внутреннее» осмысление Центральной Азии как комплекса разнообразных обществ, обладающих собственной исторической динамикой и культурной спецификой.

Таким образом, эволюция академических исследований Центральной Азии характеризуется двойственностью: с одной стороны, регион остается встроенным в рамки евразийских и постсоветских исследований, с другой – усиливается тенденция к его автономизации и переосмыслению в терминах внутренних процессов и локальных идентичностей.

Литература

Cooley A. Edward A. Allworth (1920–2016) // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35, № 4. Pp. 570–571.

Cooley A. *Great games, local rules: the new great power contest in Central Asia*. New York: Oxford University Press, 2012. 252 p.

Gibson C., Kotenko A. Horizontal Threads: Towards an Entangled Spatial History of the Romanov Empire // *Slavic Review*. 2025. Vol. 84, № 2. P. 247–265.

References

Cooley, A. (2012). *Great games, local rules: the new great power contest in Central Asia*. New York, Oxford University Press. 252 p.

Cooley, A. (2016). Edward A. Allworth (1920–2016). In *Central Asian Survey*. Vol. 35, No. 4, pp. 570–571.

Gibson, C., Kotenko, A. (2025). Horizontal Threads: Towards an Entangled Spatial History of the Romanov Empire. In *Slavic Review*. Vol. 84, No. 2, pp. 247–265.

П.И. Дятленко¹

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА В XIX–XX ВЕКАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей и этапов модернизации на территории Кыргызстана в течение XIX – XX вв. Также в статье рассмотрен вопрос степени изученности тематики модернизации в историографии Кыргызстана в советский и постсоветский периоды.

Ключевые слова: модернизация, туркестанская модернизация, капитализм, советская модернизация, китайские кыргызы, афганские кыргызы, Кыргызстан.

P.I. Diatlenko²

FEATURES OF MODERNIZATION IN KYRGYZSTAN IN THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Abstract. The article analyzes the features and stages of modernization in Kyrgyzstan during the 19th and 20th centuries. It also examines the extent to which the topic of modernization has been studied in Kyrgyz historiography during the Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: modernization, Turkestan modernization, capitalism, Soviet modernization, Chinese Kyrgyz, Afghan Kyrgyz, Kyrgyzstan.

Отражение модернизации в историографии Кыргызстана. Историография темы модернизации на территории Кыргызстана делится на советский и постсоветский периоды. В советскую эпоху подобные исследования были, о чем свидетельствует историогра-

¹ **Павел Иванович Дятленко**, канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории, Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Республика Кыргызстан, e-mail: p.i.diatlenko@krsu.kg

² **Pavel Ivanovich Dyatlenko**, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic, e-mail: p.i.diatlenko@krsu.kg

фический анализ³. В постсоветский период в исторической науке Кыргызстана появилось мало крупных исследований, посвященных процессам модернизации на территории республики в течение второй половины XIX–XX вв. К немногочисленным исключениям относятся монографии историков А. Джуманалиева⁴, Д.Д. Джунушалиева⁵ и А. Болпоновой⁶, коллективные монографии НАН КР⁷.

К большому сожалению, в настоящее время историческая наука республики находится в глубоком упадке и сильно политизирована (основной акцент делается на героизации и мифологизации древности и феодального средневековья), поэтому появление собственных крупных исследований модернизации маловероятно.

Значение модернизации. Тема модернизации крайне важна для исторической науки республики, так как современный Кыргызстан и его общество являются прямым результатом реализации двух этапов модернизации – царского и советского (социалистического). Царский период можно еще именовать туркестанским (по названию Туркестанского края, в состав которого входили земли тянь-шанских кыргызов) или российско-имперским. Первый этап носил капиталистический характер, второй этап – социалистический.

Влияние России на модернизационные процессы. Оба пройденных кыргызами этапа модернизации тесно связаны с прогрессивным влиянием российского государства (сначала с деятельностью Российской империи, а потом Советского Союза) и его институтов.

Модернизационные процессы начались у кыргызских племен Тянь-Шаня после присоединения к Российской империи, которое произошло в течение 1855–1876 гг. В туркестанский период у кыргызов происходило постепенное включение в российскую экономику и политико-правовое пространство, зарождение капиталистиче-

³ См. подробнее: *Шерстобитов В.П., Орозалиев К.К., Винник Д.Ф.* Очерк истории исторической науки в советском Киргизстане (1918–1960 гг.). Фрунзе, 1961. 145 с.

⁴ *Джуманалиев А.* Политическое развитие Кыргызстана (20–30-е годы). Бишкек, 1994. 148 с.

⁵ *Джунушалиев Д.* Время созидания и трагедий. 20–30-е годы XX в. Бишкек, 2003. 248 с.

⁶ *Болпонова А.* История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX – XXI вв.). Бишкек, 2013. 284 с.

⁷ Суверенный Кыргызстан: проблема традиций и социальной целостности. Бишкек, 1999. 178 с.; Кыргызстан в цивилизованном мире. Бишкек, 2016. 300 с.

ских отношений со всеми вытекающими из этого социокультурными и экономическими последствиями.

До момента принятия российского подданства кыргызские племена в течение нескольких веков находились в состоянии феодальных и родоплеменных отношений и жили родоплеменными группами под властью крупных феодалов из местной родовой знати, носившей титулы бий или манап.

Благодаря достижениям социалистической модернизации советская эпоха стала пиком социокультурного, политического и экономического развития кыргызов, завершением формирования этноса в границах республики, успешным включением в региональные и мировые процессы развития. Именно по этой причине в кыргызстанском обществе продолжает до сих пор сохраняться во многом позитивное отношение к советской эпохе как местному Ренессансу.

Гигантские успехи советской модернизации хорошо заметны при сравнении достижений кыргызов и Кыргызстана с уровнем развития кыргызов Афганистана и КНР. Афганские кыргызы продолжают жить, как жили их предки до прихода Российской империи в Среднюю Азию, в состоянии феодальных и родоплеменных отношений. Китайские кыргызы живут под влиянием китайской социалистической модернизации, но не достигли уровня развития Киргизской ССР⁸.

Родовые отношения у кыргызов пережили советскую эпоху и сохранились до наших дней. В постсоветский период общество республики переживает нарастающую социокультурную архаизацию, в которую входит усиление родоплеменных и феодальных отношений, сочетающихся с капиталистическими отношениями.

Накопленный опыт модернизации и выбор пути развития. Тщательный анализ накопленного опыта туркестанской и советской модернизации представляется необходимым использовать для определения оптимального пути развития и формирования образа будущего республики.

Считаем, что накопленный исторический опыт модернизации подтверждает перспективность участия Кыргызстана в ЕАЭС.

ЕАЭС можно рассматривать как прямое продолжение двух предыдущих этапов модернизации северной части Евразии и един-

⁸ См. подр.: Асанканов А. Кыргызы Синьцзяна (КНР). Бишкек, 2010. 492 с.

ственную возможность для самостоятельной модернизации в текущих условиях перехода к многополярному миропорядку.

Литература

- Асанканов А. Кыргызы Синьцзяна (КНР). Бишкек: Бийиктик, 2010. 492 с.
- Болпонова А. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX–XXI вв.). Бишкек: Maxprint, 2013. 284 с.
- Джуманалиев А. Политическое развитие Кыргызстана (20–30-е годы). Бишкек: Илим, 1994. 148 с.
- Джунушалиев Д. Время созидания и трагедий. 20–30-е годы XX в. / отв. ред. К.К. Каракеев. Бишкек: Илим, 2003. 248 с.
- Кыргызстан в цивилизованном мире. Бишкек: Maxprint, 2016. 300 с.
- Суверенный Кыргызстан: проблема традиций и социальной целостности / под ред. Д. Джунушалиева, В. Плоских. Бишкек: Илим, 1999. 178 с.
- Шерстобитов В.П., Орозалиев К.К., Винник Д.Ф. Очерк истории исторической науки в советском Киргизстане (1918–1960 гг.). Фрунзе: Киргизгосиздат, 1961. 145 с.

References

- Asankanov, A. (2010). *Kyrgyzy Sintszyana (KNR)* [Kyrgyz of Xinjiang (China)]. Bishkek, Biyiktik. 492 p.
- Bolponova, A. (2013). *Istoriya i evolyutsiya klanovoy sistemy v politicheskikh protsessakh kyrgyzskogo obshchestva (XIX–XXI vv.)* [The history and evolution of the clan system in the political processes of Kyrgyz society (19th–21st centuries)]. Bishkek, Maxprint. 284 p.
- Djumanaliev, A. (1994). *Politicheskoe razvitie Kyrgyzstana (20–30-e gody)* [Political development of Kyrgyzstan (20–30s)]. Bishkek, Ilim. 148 p.
- Dzhunushaliev, D. (2003). *Vremya sozidaniya i tragediy. 20–30-e gody XX v.* [The time of creation and tragedies in the 20–30s of the 20th century]. Ed. by K.K. Karakeev. Bishkek, Ilim. 248 p.
- Dzhunushaliev, D., Ploskikh, V. (Eds.). (1999). *Suverennyy Kyrgyzstan: problema traditsiy i sotsialnoy tselostnosti* [Sovereign Kyrgyzstan: the problem of traditions and social integrity]. Bishkek, Ilim. 178 p.
- (2016). *Kyrgyzstan v tsivilizovannom mire* [Kyrgyzstan in the civilized world]. Bishkek, Maxprint. 300 p.
- Sherstobitov, V.P., Orozaliev, K.K., Vinnik, D.F. (1961). *Ocherk istorii istoricheskoy nauki v sovetskom Kirgizstane (1918–1960 gg.)* [An essay on the history of historical science in Soviet Kyrgyzstan (1918–1960)]. Frunze, Kirgizgosizdat. 145 p.

Ж.А. Ермекбай¹

СОВЕТСКИЙ КАЗАХСТАН: ФЕНОМЕН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс социалистических преобразований, происшедших в Казахстане, находившемся в составе Советского Союза вначале как автономная, затем союзная республика. В целом за советский период в Казахской Социалистической Советской Республике, богатой минеральными ресурсами, была создана полноценная горнодобывающая промышленность, с 40-х гг. XX столетия появились очаги металлургической отрасли, предприятия машиностроения, легкой, обрабатывающей и химической промышленности. Это можно квалифицировать как индустриальную модернизацию. За годы советской власти казахское население от полукочевого животноводства перешло к седентаризации, т.е. к оседлости в сельской местности в колхозах и совхозах. Не менее глубокие изменения произошли и в культурной жизни казахстанского социума.

Ключевые слова: индустриализация, коллективизация, цветная металлургия, седентаризация, ашаршылык [голод], модернизация.

J.A. Ermekbai²

SOVIET KAZAKHSTAN: THE PHENOMENON OF SOCIALIST MODERNIZATION

Abstract. The article examines the process of socialist transformations that took place in Kazakhstan, which was part of the Soviet Union first as an autonomous republic and then as a union republic. During the Soviet period, the Kazakh Socialist Soviet Republic, which was rich in mineral resources, developed a well-functioning mining industry, and by the 1940s, it had established metallurgical, engineering, light, manufacturing, and chemical industries. This can be considered an example of industrial modernization. During the years of Soviet rule, the

¹ **Жарас Акишевич Ермекбай**, д-р ист. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Астана, Республика Казахстан, e-mail: ermekjaras@mail.ru

² **Zharas Akishevich Ermekbai**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: ermekjaras@mail.ru

Kazakh population transitioned from semi-nomadic animal husbandry to sedentarization, i.e., to settled life in rural areas in collective and state farms. Equally profound changes occurred in the cultural life of Kazakhstani society.

Keywords: Industrialization, collectivization, non-ferrous metallurgy, sedentarization, asharsik [famine], modernization.

Октябрьская революция 1917 г. в Петрограде и последующие события, связанные с установлением советской власти, Гражданской войной, восстановлением народного хозяйства на территории бывшей Российской империи, куда входил Казахстан вначале как автономная республика в составе РСФСР, затем преобразованный в союзную республику, привели к глубоким политическим, экономическим, социальным и культурным изменениям. В связи с курсом на индустриализацию в Казахстане были построены Чимкентский свинцовый завод, Балхашский медеплавильный и Ачисайский полиметаллический комбинаты, введена в эксплуатацию Туркестано-Сибирская железная дорога, связавшая Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь. В 30-х гг. XX столетия в ходе реализации первых пятилетних планов началось строительство Джезказганского и Текелийского полиметаллических комбинатов, Усть-Каменогорского свинцово-цинкового завода, которые составили основу цветной металлургии не только Казахстана, но и всего Советского Союза. Это дало толчок ускоренному развитию горнодобывающей промышленности Казахской ССР и вывело республику на второе место в СССР по производству цветных металлов.

На территории Казахстана, в Чимкенте (Шымкент) и Актюбинске (Актобе), появились предприятия химической промышленности, Караганда становилась третьей угольной базой СССР. На западе республики развивался Эмбинский нефтяной район, реконструировались старые дореволюционные нефтяные промыслы Макат и Косшагыл, началась разработка новых месторождений, таких как Кульсары и Сагыз. Строительство новых промышленных объектов требовало производства электроэнергии. Были построены Карагандинская ЦЭС, Ульбинская ГЭС, ТЭЦ Балхашского медеплавильного комбината. В Казахстане за годы довоенных пятилеток построили Семипалатинский (Семей) и Петропавловский мясокомбинаты всесоюзного значения, Гурьевский (Атырау) рыбоконсервный завод, Алмаатинский плодоконсервный завод, сахарные заводы в Джамбуле (Тараз), Мерке, Талды-Кургане (Талдыкорган).

Стратегические экономические планы, осуществленные до начала Великой Отечественной войны, принесли свои результаты. Промышленность Казахской ССР стала преобладающей отраслью народного хозяйства республики. Многие поселки превратились в города: Караганда, Лениногорск (Риддер), Балхаш и др. К примеру, если в 1926 г. в Казахстане было 44 города и поселков городского типа, то в 1939 г. их стало 81. Численность городского населения за этот период возросла с 8,2 до 27,7 %. С появлением промышленных предприятий формировалось сословие квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Если в 1926 г. рабочие на предприятиях республики составили 10,7 %, то в 1939 г. их стало 33,8 %³. Таким образом, за довоенные годы в ходе индустриализации была создана материально-техническая база промышленности с преобладанием горнодобывающей отрасли.

Форсированная индустриализация в Казахстане, как и в других республиках Советского Союза, осуществлялась за счет сельского хозяйства и иных средств, при этом промышленность имела сырьевую направленность. В республике не было полноценных предприятий по переработке нефти, газа, металлов, практически отсутствовали машиностроительные объекты, недостаточно было предприятий легкой, пищевой и обрабатывающей отраслей.

В годы Великой Отечественной войны в Казахстан было эвакуировано 220 промышленных предприятий из прифронтовых областей Украинской ССР и РСФСР. Их разместили во всех областных и районных центрах, связанных с железной дорогой. За счет эвакуированных предприятий в республике возникли новые отрасли промышленности: машиностроение и металлообработка, предприятия цветной и черной металлургии на базе оборудования передислоцированных заводов, фабрик и отдельных цехов. В Казахстане появились эвакуированные предприятия легкой промышленности, а именно текстильного, прядильного производства. В республике начали работать перемещенные из РСФСР и Украинской ССР предприятия пищевой отрасли: мясной, сахарной, кондитерской, табачной и др.⁴

³ Кан Г.В. История Казахстана: учебник для вузов. 2013. С. 219.

⁴ Ермакбай Ж.А. Эвакуированные предприятия в Казахстане в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2020. Т. 33. С. 60.

На протяжении всей войны Казахстан был основным поставщиком цветных металлов, угля, нефти. Карагандинский угольный бассейн стал основным поставщиком угля в СССР, а нефтяная промышленность республики максимально работала, особенно в 1942 г., когда линия фронта подошла к Волге и Кавказу и транспортировка бакинской нефти в центральную часть Советского Союза стала опасна. За годы войны в республике появилась новая отрасль промышленности – черная металлургия. Таким образом, волею судьбы Казахстан в 1941–1945 гг. превратился в крупный арсенал фронта и внес достойный вклад в Победу.

Ускоренные темпы развития промышленности Казахской ССР продолжались и в послевоенное время вплоть до распада СССР. В 1950–1960-е гг. в Казахстане продолжалось строительство новых объектов, в том числе машиностроения, химической и горно-металлургической промышленности. Республика стала важным поставщиком продукции машиностроения в СССР, например высоковольтной аппаратуры и металлообработки. В 1970–1980-х гг. прошлого столетия в Казахстане ускоренное развитие получила черная металлургия Соколовско-Сарбайского и Карагандинского комбинатов, цветная металлургия на Лениногорском (Риддер), Жезказганском, Павлодарском, Усть-Каменогорском комбинатах, нефтяные месторождения Мангышлака, горно-химический комбинат Каратау и другие объекты. В 1981–1986 гг. в республике было введено в строй более 400 предприятий. Казахстан превратился в важное звено военно-промышленного комплекса, в республике создана инфраструктура атомного полигона в Семипалатинске (Семей) и других военных объектов.

Сельское хозяйство Казахстана за годы советской власти претерпело ряд изменений, которые коренным образом изменили жизнеобеспечение и в первую очередь коренного казахского населения. В сельском хозяйстве, где было сосредоточена основная масса казахского населения, коллективизация проводилась насильственными методами, форсированными темпами, без всякого учета особенностей жизни коренного населения. Это была настоящая катастрофа для казахов, которые веками вели подвижное скотоводческое хозяйство. Такого не было, когда Казахский край был в составе Российской империи. Царские власти не принуждали казахов вести оседлый образ жизни, хотя всегда агитировали кочевников и полукочев-

ников переходить на седентаризацию (оседание) хозяйства и быта. Одновременно с коллективизацией осуществлялись мероприятия по ликвидации кулачества и байства как сословия. Так, 27 августа 1928 г. был принят декрет ЦИК и СНК Казахстана «О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов», по которому разрешалось конфисковывать байские хозяйства, а их владельцев высылать.

Апокалипсисом для казахов стало насильственное оседание кочевников и полукочевников за годы коллективизации. В 1930 г. на оседлость перевели 87 136 хозяйств, в 1933 г. – 242 208. В степи создавались колхозы-гиганты, объединявшие сотни хозяйств в радиусе до 200 и более километров. Обобществленный скот, находящийся в колхозных фермах и практически лишенный корма, стал погибать. В полеводческом хозяйстве Казахстана в результате отчуждения крестьянина от земли резко упала урожайность. Но настоящая трагедия развернулась в животноводстве, где было сосредоточено казахское население. Если в 1928 г. в Казахстане насчитывалось 6500 тыс. голов крупного рогатого скота, то в 1932 г. его осталось 965 тыс. Даже накануне Великой Отечественной войны, в 1941 г., доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Из 18 566 тыс. овец в 1932 г. осталось 1386 тыс. (перед войной численность стада едва приблизилась к 8 млн голов). В 1928 г. поголовье лошадей было 3616 тыс., физически выбыло 3200 тыс. (в 1941 г. – 885 тыс. голов). Почти перестала существовать такая традиционная для казахов отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. их насчитывалось 1042 тыс. голов⁵. Известно, что если накануне коллективизации в Казахстане было 40,5 млн голов скота, то на 1 января 1933 г. осталось всего 4,5 млн голов.

Предпринятые сталинским руководством страны мероприятия по колхозному строительству привели к трагедии голода 1930–1932 гг. По результатам первой переписи 1926 г., на территории Казахской АССР проживало 3 млн 628 тыс. чел., относившихся к коренному населению⁶, но уже через 12 лет в переписи 1939 г. значится его

⁵ История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы, 1993. С. 310.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. VIII. С. 15–46.

убыль в 1 млн 321 тыс. чел., т.е. произошло сокращение на 36,7 %⁷. Данные о численности казахов, погибших в период коллективизации и голода (по-казахски – ашаршылық), остаются предметом дискуссии. Российский исследователь Г.Е. Корнилов с опорой на результаты российских, казахских и зарубежных исследователей, занимающихся этой проблемой, определяет количество погибших в период коллективизации и голода в диапазоне от 650 тыс. до 4068,5 тыс.⁸ По мнению одного из казахстанских исследователей, в период коллективизации и голода погибло 1750 тыс. казахов и 400 тыс. граждан других национальностей. Из Казахстана эмигрировало 1030 тыс. кочевников, из которых не возвратилось 616 тыс. При этом невозвращенцами были все те, кто ушел за рубеж: в Китай, Монголию, Иран, Афганистан и Турцию. Установить же, куда сколько казахов мигрировало за пределы СССР и из Казахстана в другие регионы, не представляется возможным⁹. Приводимые исследователями фактические и статистические данные об убыли казахского населения свидетельствуют о тяжелых потерях. Безусловно, откочевки коренного казахского населения нанесли большой урон титульному этносу республики. Seriously сказалась и смертность, вызванная болезнями и эпидемиями. Также резко снизилась численность и других этносов, проживавших в Казахстане. Коренное казахское население республики смогло преодолеть эту катастрофу только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии демографического перехода. И только благодаря мощному демографическому взрыву, происшедшему в послевоенные годы, почти через 40 лет казахское население смогло восстановить прежнюю численность¹⁰.

Более подробная информация периода советской модернизации сельского хозяйства Казахстана собрана в сборниках документальной хроники, где на нескольких комплексах многочисленных источников отражены трагические события, связанные с насильственной коллективизацией казахских аулов, показана политика конфиска-

⁷ Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989. С. 79–80.

⁸ Корнилов Г.Е. Голод в Казахской ССР в 1930-е годы: историографический обзор // Новейшая история России. 2023. Т. 13, №1. С. 99–121.

⁹ Гонимые голодом. Сборник документов. Семей, 2010. С. 4.

¹⁰ История Казахстана с древнейших времен до наших дней... С. 311.

ции и искоренения байства как класса, рост напряженности и протестных настроений среди казахского населения¹¹.

Коллективизация сельского хозяйства и создание колхозного строя не решили вопрос продовольственной безопасности в СССР. В связи с нарастанием дефицита хлеба в 1954 г. февральско-мартовский пленум ЦК Коммунистической партии принял решение «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и освоении целинных и залежных земель». В 1954 г. в СССР было распаханно 13,4 млн га новых земель, в том числе в Казахской ССР 6,5 млн га земли. Этот мегапроект позволил решить зерновую проблему. С того времени и до настоящих дней в Казахстане решена задача обеспечения населения хлебом. Республика Казахстан является страной-экспортером зерна. Наряду с положительными тенденциями появились и негативные последствия: возникли эрозия почв и пыльные бури, окончательно пришло в упадок традиционное национальное животноводство, в связи с притоком около 2 млн людей казахи оказались в меньшинстве на своей территории, составив 29 % от общей численности населения республики. Вследствие изменения демографической ситуации резко сократилось число казахских школ, возникла опасность функционирования казахского языка.

Модернизация охватила и культурную сферу Казахстана, ее материальную и духовную жизнь. Советская власть решительно взялась за образование населения, которое в массе своей было малограмотным или почти безграмотным. Ликвидация неграмотности была поставлена на государственный уровень, заново создавалась система образования, включающая начальное, неполное среднее, среднее. Повсеместно открывались передвижные пункты ликбеза, школы для переростков, школы-интернаты, в аулах работали красные юрты, в городах рабфаки, особое внимание придавали работе с женщинами. В 1930 г. правительство Казахстана приняло постановление о введении всеобщего обязательного начального образования. Были написаны учебники на казахском языке, например учебник алгебры и географии. В 1928 г. казахская письменность была переведена с арабской графики на латинскую, через десять лет с латинской на кириллицу, тем самым один и тот же человек трижды обучался начальной грамоте. Такие алфавитные реформы стали от-

¹¹ Ашаршылык. Голод. 1928–1934. Документальная хроника. Сборник документов. Алматы, 2021. Т. 1–3.

ходом от национальных традиций и культуры и нанесли урон развитию языка. Отмечая невероятные успехи в области образования, надо указать, что административно-тоталитарный режим идеологизировал школу. Во всех партийных, советских культурно-просветительских организациях, школах, средних и высших учебных заведениях пропагандировали догмы сталинизма.

Несмотря на нехватку учителей, учебников, пособий, письменных принадлежностей, уже во второй половине 30-х гг. XX столетия определились районы, колхозы и совхозы сплошной грамотности. В 1939 г. уровень грамотности людей в республике достиг 83,6 %. Однако полностью искоренить азбучную неграмотность помешала начавшаяся война. В послевоенный период эта работа возобновилась и приняла повсеместный размах, когда в 1950-е гг. прибыли из Китайской Народной Республики десятки тысяч репатриантов-казахов. Например, в 1959 г. 12 тыс. учителей Казахстана, используя опыт 1920–1930-х гг., участвовали в мероприятиях по ликбезу. Окончательная ликвидация неграмотности в республике завершилась к концу 60-х гг. прошлого века. В 1970 г. доля неграмотных в составе населения республики составила 0,3 % против 3,15 % в 1959 г.¹²

Руководство Советского Союза в центре внимания держало вопрос подготовки кадров интеллигенции. Педагогические, аграрные, инженерно-технические, медицинские кадры готовили в техникумах и высших учебных заведениях. В Казахстане, где до революции не было высшего учебного заведения, в 1928 г. впервые открыли Казахский педагогический институт, которому в 1935 г. присвоили имя Абая, в 1929 г. Алма-Атинский зооветеринарный институт, в 1930 г. Казахский сельскохозяйственный институт, в 1931 г. Алма-Атинский медицинский институт, горно-металлургический институт и первый Казахский государственный университет в 1934 г. В 1950-х гг. открылось 13 институтов, в том числе зооветеринарный и медицинский в Семипалатинске (Семей); медицинский, политехнический и педагогический в Караганде; педагогические институты в Гурьеве (Атырау), Кустанае (Костанай), Чимкенте (Шымкент) и др.

За годы советской власти в Казахстане впервые появились научно-исследовательские заведения, в том числе станция защиты растений, ветеринарно-бактериологический институт, институт

¹² История Казахстана с древнейших времен до наших дней... С. 387.

удобрений и агропочвоведения. В 1932 г. в тогдашней столице Алма-Ате (Алматы) открылась стационарная база Академии наук СССР, затем преобразованная в Казахский филиал АН СССР, а в 1946 г. в республиканскую Академию наук Казахской ССР.

Больших успехов достигли казахский театр и в целом художественное искусство. Так, в 1934 г. открылся казахский музыкальный театр, ныне это Театр оперы и балета имени Абая, в том же году создан оркестр имени Курмангазы, в 1936 г. филармония имени Джамбула. В мае 1936 г. в Москве открылась первая декада казахского искусства, где блистала на сцене Большого театра народная артистка СССР К. Байсеитова. В Казахстане в 1934 г. открылась первая студия художественных фильмов, а в 1938 г. на студии «Ленфильм» поставили первый казахский звуковой художественный фильм «Амангельды». Кстати, в годы Великой Отечественной войны в Алма-Ату (Алматы) эвакуировали «Мосфильм» и «Ленфильм», которые выпустили художественные и документальные фильмы, посвященные борьбе советского народа против немецко-фашистских оккупантов.

Таким образом, социалистическая модернизация экономики имела как положительные результаты, так и недостатки. Стратегические задачи советского руководства в области развития промышленности позволили Казахстану стать индустриально-аграрной страной. А вот в сельском хозяйстве и особенно в животноводстве перевод коренного казахского населения на оседлый образ жизни при конфискации скота на основе принудительной коллективизации и создания колхозов привели к голоду и потере людей, к уменьшению численности казахов в республике среди других этносов. Культурная модернизация в целом подняла уровень образованности и способствовала формированию граждан с новым социалистическим мировоззрением. Однако и здесь наметились тенденции отхода от традиционного образа жизни, в сознании масс внедрялись атеистические взгляды, пропагандировались коммунистические догмы.

Модернизация народного хозяйства продолжается. В настоящее время в Республике Казахстан приоритетными направлениями развития являются агропромышленный комплекс, животноводство, растениеводство, в промышленности – машиностроение, химическая, строительная отрасли, дорожное строительство, горно-металлургический комплекс.

Литература

Ашаршылык. Голод. 1928–1934. Документальная хроника. Сборник документов. Т. 1–3 / отв. ред. Б. Әбдіғалиұлы. Алматы: Атамұра, 2021.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. Т. VIII. Казакская АССР. Киргизская АССР. 256 с.

Гонимые голодом. Сборник документов / сост. Е.Б. Сыдыков. Семей, 2010. 693 с.

Ермакбай Ж.А. Эвакуированные предприятия в Казахстане в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2020. Т. 33. С. 55–62.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы: Дәуір, 1993. 416 с.

Кан Г.В. История Казахстана: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Алматы: Алматыкітап баспасы, 2013. 304 с.

Корнилов Г.Е. Голод в Казахской ССР в 1930-е годы: историографический обзор // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 99–121.

Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1989. 128 с.

References

Abdigaliuly, B. (Ed.). (2021). *Asharshylyk. Golod. 1928–1934. Dokumental'naya khronika* [Famine. 1928–1934. Documentary chronicle]. Almaty, Atamura.

Ermekbai, Zh.A. (2020). Evakuirovannyye predpriyatiya v Kazakhstane v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [Evacuated enterprises in Kazakhstan during the Great Patriotic War 1941–1945]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 33, pp. 55–62.

(1993). *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dnei (ocherk)* [History of Kazakhstan from ancient times to the present day (essay)]. Almaty, Daur. 416 p.

Kan, G.V. (2013). *Istoriya Kazakhstana* [History of Kazakhstan]. Almaty, Almatykitap baspasy. 304 p.

Kornilov, G.E. (2023). Golod v Kazakskoy SSR v 1930-e gody: istoriograficheskiy obzor [Famine in the Kazakh SSR in the 1930s: a historiographical review]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 13, No. 1, pp. 99–121.

Sydykov, E.B. (Ed.). (2010). *Gonimye golodom. Sbornik dokumentov* [Driven by hunger. Collection of documents]. Semey. 693 p.

Tatimov, M.B. (1989). *Sotsial'naya obuslovlennost' demograficheskikh protsessov* [Social conditioning of demographic processes]. Alma-Ata, Nauka Kazakhskoy SSR. 128 p.

(1928). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [All-Union census of 1926]. Moscow, Izdatelstvo TsSU SSSR. Vol. VIII: Kazakskaya ASSR. Kirgizskaya ASSR. 256 p.

Заседание 1.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ И РЕГИОНАЛЬНОМ ПРИМЕНЕНИИ

В.М. Рынков. Уважаемые участники, мы открываем прения по итогам первой секции. Предлагаю задавать вопросы докладчикам и высказывать мнения по поводу сказанного в той последовательности, в которой шли выступления. Первым был доклад Игоря Васильевича Побережникова *«Трансформации правовых систем в Казахской степи и в Средней Азии в контексте фронтирной модернизации Российской империи (в современной историографии)»*.

С.В. Любичанковский. Спасибо большое, Игорь Васильевич, за интересный доклад. Я бы хотел спросить вас, как основоположника данной концепции, какие, на ваш взгляд, аспекты темы фронтирной модернизации остаются наименее изученными? Какие требуют дальнейших исследований?

И.В. Побережников. Фактически любая тема, к которой можно применить данную концепцию, изучена недостаточно. В последние годы было опубликовано несколько монографий, посвященных преимущественно Казахстану и Средней Азии, их авторы фокусировались на правовых и юридических аспектах модернизации фронта. Это же касается не только периферийных регионов, но и России в целом – концепцию можно применять в целом к стране, поскольку российская модернизация по сути была фронтирной, т.е. осуществлялась в условиях незавершенного освоения территорий. Мне кажется, что представляет интерес изучение социальных, институциональных, экономических, культурных измерений и механизмов фронтирной модернизации, ее движущих сил, конфликтов в процессе ее осуществления. Здесь еще многое предстоит сделать. Конечно, перспективны компаративные и типологические исследования в данной области. Горизонты открыты, мы планируем в будущем году подготовить монографию, в которой будут рассмотрены разные уровни фронтирной модернизации: страновой, региональный, а также взаимодействие между регионами. И я считаю, что в книгу необходимо включить материалы по Казахстану и Средней

Азии, приглашаю коллег принять участие в этом исследовании. Если вы посмотрите сайт нашего журнала «Уральский исторический вестник», то увидите, что мы запланировали на будущий 2026 г. соответствующий тематический блок, посвященный проблемам фронтальной модернизации¹. Подумайте, можно выступить в этом блоке с критикой или подать нам статью.

С.В. Любичанковский. Спасибо, Игорь Васильевич.

А.И. Савин. Игорь Васильевич, спасибо за доклад. Насколько я понял, зона комфорта для применения вашей теории – это все-таки XVIII–XIX вв. Можно несколько слов о специфике применения теории фронтальной модернизации к советскому периоду? Насколько она «работает» в контексте советских реалий? Например, вы говорили, что одна из объясняющих моделей фронтальной модернизации – это модель гомогенизации, стирания культурных и социально-экономических границ между центром и периферией. В советский период на национальных окраинах происходят процессы автономизации, как бы мы их ни трактовали, возникали новые, и не только формальные границы, что противоречит модели гомогенизации.

И.В. Побережников. Опираясь на концепцию фронтальной модернизации, Альбина Тимошенко рассматривала процессы освоения регионов Сибири в советский период. Елена Зубкова, известный исследователь российской истории, тоже применила в целом успешно эту концепцию к региону нового нефтегазового освоения – Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре. В зарубежной историографии фронтальная теория применяется для анализа широкого спектра явлений и процессов, причем как для XX в., так и применительно к современности. Что касается автономизации или роста различий и разграничений, то Борис Миронов применительно к концепции российской модернизации² пишет о том, что в силу более позднего старта, в силу специфики экономических структур и социальных отношений, совпадения во времени процессов колонизации и вестернизации в рамках модернизации, как это ни удивительно, дифференциация и разнородность могли увеличиваться. Я, в

¹ См. аннотацию тематического выпуска «Фронтальная модернизация в истории России» на сайте Уральского исторического вестника. URL: <http://uralhist.uran.ru/393/449/502/>

² Скорее всего, имеется в виду: *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014–2015.

свою очередь, показываю, что модернизация в условиях освоения тоже приводит к тому, что разнородность может нарастать. Но, в конце концов, в итоге все равно, как мне кажется, происходит гомогенизация и сближение Центра и периферии. Другое дело, когда это происходит.

А.И. Савин. Но в советский период процессы модернизации национальных окраин, несомненно, характеризовались спецификой, которую надо осмысливать.

И.В. Побережников. Процессы модернизации всегда в какой-то степени характеризуются уникальностью и большим своеобразием. На самом деле подходов много, причем многие все-таки считают, что модернизация Средней Азии и Казахстана – это гибридная история. Так, известный антрополог Сергей Абашин использовал гибридный антропологический подход, в котором сочетаются концепты модерности и «империализма». Анатолий Вишневский применительно к «советской» Средней Азии писал о незавершенном процессе модернизации. То есть можно использовать разные теоретические фильтры и оптики.

В.М. Рынков. Я обратил внимание, что о применении данной концепции в историографии Казахстана и других государств Центральной Азии в докладе не прозвучало. Насколько я могу судить, в Казахстане эту концепцию также активно применяют, но в других среднеазиатских странах она практически не используется. Российские историки также слабо используют эту концепцию, когда пишут о дореволюционной или советской Центральной Азии. Между тем, как мне кажется, это «рабочая» концепция, поскольку становление индустриального сектора экономики происходило в Центральной Азии преимущественно в рамках советского периода.

В.М. Рынков. Переходим к докладу **Виктории Владимировны Мартыновой «Израильский опыт возрождения и сохранения национальных традиций на фоне модернизации и его влияние на государства Центральной Азии».**

Виктория Владимировна, единственное, в чем можно усмотреть использование опыта Израиля государствами Центральной Азии в интересах сохранения национальных традиций в условиях вызовов модернизации, – это темы, связанные с реэмиграцией населения «на историческую родину». Другие моменты вызывают вопросы: ис-

ламские государства, особенно в нынешних условиях затяжного конфликта Израиля с арабским окружением, четко приняли сторону арабского мира. Нет ли у вас ощущения, что большинство стран Центральной Азии не готовы к сотрудничеству с Израилем, не говоря уже о переносе его опыта?

В.В. Мартынова. Вы знаете, это сложный вопрос. С одной стороны – да, потому что СМИ и социальные сети переполнены возмущенными откликами, проклятиями и т.д. С другой стороны, есть много людей, которые понимают, что радикальный ислам – это большая проблема, в том числе и для государств Центральной Азии. Если мы вспомним, то в 1990-е гг. одним из мотивов обращения к Израилю было понимание того, что восстановление и развитие религии абсолютно неизбежны, если мы говорим, например, об Узбекистане. Одним из первых, кто понял неизбежность восстановления религии и ее институтов, был Ислам Каримов, и это было сделано им очень осторожно. Нурсултан Назарбаев, в свою очередь, отделил религию от государства. Но идея того, что необходимо развивать религию и при этом избегать радикализма, – одно из важных побуждений обратиться к опыту Израиля, где сохраняется определенный баланс, присутствует сочетание светскости и религиозности. Что касается нынешней ситуации, то если раньше тот же Узбекистан голосовал в ООН вместе с Израилем, то сейчас его позиция изменилась из-за внутренних факторов. Как бы то ни было, государства Центральной Азии 30 лет поддерживали отношения с Израилем в разных плоскостях. Израильский опыт репатриации – алии евреев в Государство Израиль был тщательно и творчески переработан в Казахстане и послужил основой формирования государственной программы возвращения этнических казахов на историческую родину, что в свою очередь стало основой укрепления национальных основ государства, возрождения казахского языка и развития культуры. Если говорить о развитии национального языка, то если раньше казахский язык сохранялся в аулах, то сейчас язык процветает в городах, и именно города становятся центрами национальной культуры, как и в Израиле.

Но вопрос гораздо глубже, чем вопрос иммиграции: сохранение традиций при уважении религии и возможности избежать радикализации. Сегодня отношения, в том числе экономические, развиваются: только что Узбекистан на фоне конфликта и эмбарго со сторо-

ны Турции начал поставлять в Израиль медь. Казахстан имеет проекты в сфере безопасности, в том числе поставки вооружений. Арабские мусульманские страны также заимствуют израильские технологии. Это очень неоднозначный вопрос: индустриализация и традиции. Израильский пример привлекает к себе большое внимание в мире как государство старт-апов, соблюдающее при этом древние традиции. Предположительно сделка государств Центральной Азии, достигнутая в рамках саммита C5+1 с президентом Дональдом Трампом, приведет к всплеску сотрудничества Израиля с мусульманскими странами и в свою очередь закрепит «соглашения Авраама»³. Страны Центральной Азии, например Узбекистан, поддерживают соглашения Авраама и не отказываются от них, визиты представителей различных институтов и организаций продолжаются. Если же говорить о сферах сотрудничества, то можно перечислить и экономику, и передовые технологии, и университетские совместные семинары, археологические экспедиции и т.д.

В.М. Рынков. Спасибо вам, Виктория Владимировна, за столь обстоятельные ответы. Будем считать прения по докладу законченными. Теперь мы переходим к следующему интереснейшему докладу, который нам представила **Светлана Ивановна Ковальская «Зарубежная историография о выборе между традицией и инновацией в процессе модернизации традиционного казахского общества».**

А.И. Савин. Светлана Ивановна, насколько в современной казахской историографии присутствует понимание того, что были как форсированные, так и естественные модернизационные процессы? Насколько просматривается это соотношение между естественными процессами урбанизации, индустриализации и т.п. и соответствующими мероприятиями советской власти? И еще вопрос: не хватило нескольких слов о науке как об инструменте модернизации

³ «Соглашения Авраама» или Авраамические соглашения – серия договоров 2020–2021 гг., подписанных при посредничестве США в целях нормализации отношений между Израилем, ОАЭ, Бахрейном, Суданом и Марокко и названных так в честь общего патриарха Авраама, почитаемого в иудаизме, христианстве и исламе. В ноябре минувшего 2025 г. президент Дональд Трамп объявил о присоединении Казахстана к Авраамическим соглашениям. Узбекистан, поддерживая соглашения извне, договорился о крупнейших сделках: в течение ближайших трех лет Узбекистан будет приобретать и инвестировать на сумму 35 млрд долларов в ключевые сектора американской экономики, включая минералы, авиацию, автомобильное производство, инфраструктуру, сельское хозяйство, энергетику и химикалии, информационные технологии и т.д.

в Казахстане и всем, что с этим связано. Например, проблемы развития казахского языка в XX в. В какой мере казахский язык стал языком науки и образования?

С.И. Ковальская. Каждый вопрос достоин отдельного исследования. Что касается первого вопроса: конечно, появляются работы о том, что выбор в пользу модернизации был неизбежен и являлся частью общего цивилизационного процесса. Тем не менее, насколько позволяют судить публикации, вышедшие в свет в Казахстане на русском языке, основной историографический тренд – это описание того, что все насаждалось сверху, насильственно, «через колена», особенно если речь идет про 1920–1930-е гг. К сожалению, такой тезис сейчас доминирует. Например, у нас в Алматы защищалась работа по казахскому дворянству. Ожесточенные споры вызвало даже утверждение темы, так как казахи-дворяне некоторыми воспринимались как коллаборационисты, предатели национальных интересов. К сожалению, есть очень политизированные точки зрения.

Второй вопрос: тема собственной научной школы крайне важна. Только что в Казахстане прошли мероприятия в рамках празднования юбилея Чокана Валиханова как одного из первых казахских ученых. Но и в 1920–1930-е гг. было предпринято немало усилий для развития науки в республике, воспитания национальной интеллигенции. Так, первые вузы в Казахской ССР были сельскохозяйственными и педагогическими. Конечно же, языком науки и образования долгие годы выступал русский язык, в чем была сложность для выпускников, закончивших казахскую школу, которые не могли поступить в вузы, потому что не знали русского языка. В то же время советская власть предпринимала огромные усилия в области так называемой «коренизации», были созданы комиссии, занимавшиеся терминологическим аппаратом, словарями, это был огромный вклад в развитие казахского языка как языка науки и образования. Издавался научный журнал на казахском языке, люди, которые знали казахский язык и работали на административных должностях, получали надбавку к зарплате, это длилось вплоть до Великой Отечественной войны. Это было время распространения и развития казахского языка, расширения его терминологического аппарата, выпускались специализированные словари. Но война затормозила этот процесс, а большой демографический сдвиг 1950-х гг., когда в

Казахстан в ходе освоения целинных земель прибыло 2,5 млн человек, способствовал сворачиванию политики «коренизации».

Спасибо, переходим к обсуждению доклада Руслана Маратовича Сеитова «Изучение истории стран Центральной Азии в американских и британских научных центрах». Пожалуйста, вопросы суждения.

А.Ю. Быков. Спасибо за доклад, у меня такой уточняющий вопрос. Что имелось в виду под странами «Северного Кавказа»?

Р.М. Сеитов. Извините, если я где-то неаккуратно обошелся с терминологией. Я имею в виду Азербайджан, Грузию и Армению. Они тоже занимают значимое место в этих исследованиях.

А.Ю. Быков. Точнее было бы назвать их «Южным Кавказом».

С.В. Любичанковский. Точнее даже Закавказьем. Я хотел бы спросить, насколько «мейнстримовая» терминология на западных конференциях коррелируется с терминологией, применяемой в российской науке. Явно, что в отношении, например, колониального подхода мы если не антагонисты, то явные дискунтанты. Еще бы хотел задать такие вопросы. Насколько эти программы конференций являются «барометром» текущей социальной и политической повестки? Можно ли проследить, что такие события, как вывод американских войск из Афганистана или протесты в Казахстане 2022 г., оперативно формируют новые кластеры докладов? О чем, с вашей точки зрения, не говорят исследователи? Какие темы и регионы остаются на периферии внимания научного сообщества?

Р.М. Сеитов. Да, действительно, представленные на конференциях темы слабо коррелируют с темами, которые разрабатываются в российской исторической науке и СНГ в целом. В основном это исследования культуры, образования, модные темы, как, например, имеет ли какая-то группа населения представительство и слышат ли ее «голос» в Центре или замалчивают ее проблемы. Также поднимаются темы гендера, социального равенства. Переходя ко второму вопросу, я могу сказать, что заметно влияние политической и культурной повестки на формирование тем. Я не могу сказать насчет докладов CESS, потому что они доступны только до 2019 г. Но в других исследованиях громко звучат темы попыток переворотов, революций, войн. Изучается роль студентов, женщин, социальных сетей. В российской исторической науке обращают внимание на традиционные сюжеты, связанные с модернизацией и индустриальным

строительством. На Западе больше превалирует культурно-историческая тематика.

А.И. Савин. Руслан, спасибо за доклад. Тема здесь еще не показатель. Гендером занимаются везде. Не могли бы вы сказать несколько слов о каких-нибудь крупных концептах зарубежной историографии? Как, например, книга Саида «Ориентализм»⁴ 1978 г., которая определила направление исследований на долгие годы. Можете назвать два-три новых исследования, о которых мы не слышали или не знаем?

Р.М. Сеитов. К сожалению, тему я разрабатываю недавно и не смог сформировать еще представление о ведущих историографических концептах.

В.М. Рынков. Уважаемые коллеги, переходим к обсуждению следующего доклада **Павла Ивановича Дятленко «Особенности модернизации на территории Кыргызстана в XIX–XX веках»**. И пока все собираются с мыслями, я задам первый вопрос. Павел Иванович, если сопоставлять модернизационные процессы на территории современного Кыргызстана с процессами, проходящими на сопредельных территориях, можно ли выйти на проблему «общего-особенного»?

П.И. Дятленко. Здесь важен географический фактор. Северная часть Кыргызстана «привязана» к югу Казахстана, поэтому процессы, которые происходили на территории Казахстана, условно говоря, в Семиречье, затрагивали и Северный Кыргызстан. А что касается южной части республики, это приферганские территории, и там происходило то же самое, что и в Ферганской долине. Процессы в двух частях республики отличались, и даже присоединение к Российской империи происходило по этим частям. Северная часть Кыргызстана присоединилась раньше, а южная часть присоединилась как часть Кокандского ханства вместе с восточной частью Ферганы. Что касается общего: если брать период Российской империи, процессы шли медленно, имперские власти их не торопили. Условно, в Фергане модернизационные процессы шли быстрее, а на территории Тянь-Шаня они шли медленнее и в силу географии, и в силу того, что власти их не ускоряли. В советский период модернизация в Кыргызстане шла с большей скоростью и была больше похожа на процессы в соседних республиках Средней Азии.

⁴ Саид Э. Ориентализм. М., 2021. 560 с.

С.В. Любичанковский. Павел Иванович, спасибо за доклад. Я знаю, что с точки зрения отношения кыргызов к русскому населению действительно выделяют северных и южных, при этом южные кыргызы были настроены более антирусски, а северные – более про-русски. Это мнение, которое внутри вашего общества по крайней мере бытует, я думаю, что оно в целом соответствует реалиям при всей условности понятия «анти-» и «про-». Но поскольку импульс модернизации исходил из России, как бы она ни называлась – империей или Советским Союзом, то, конечно, интересно ваше мнение по поводу того, как эти ментальные особенности севера и юга влияли на восприятие и сам процесс модернизации.

П.И. Дятленко. Что касается модернизации, северная часть республики в последние полтора века отличается тем, что здесь заметно сильнее влияние городской культуры. До сих пор Бишкек – это самый крупный город, где живет около 20 % населения Кыргызстана. Северная часть более урбанизирована, здесь базировалась большая доля промышленности, значительную часть населения составляли русские и русскоязычные, включая татар, башкир, украинцев, немцев и т.д. И здесь был слабее исламский фактор. В южной части республики ситуация диаметрально противоположная. Там было сильно влияние Ферганы, было меньше русских за исключением небольшого количества промышленных центров, таких как Ош и Джелалабад, а также ряда промышленных поселков. Последние 150 лет эти различия носят достаточно устойчивый характер. Естественно, это влияло на модернизацию, ее скорость и особенности.

С.В. Любичанковский. Хотелось бы услышать именно про межнациональные отношения.

П.И. Дятленко. Сейчас на юге Кыргызстана русского населения около одного процента. Русскоязычных немного больше, но по сравнению с советским временем их очень мало. В этой части республики межнациональные отношения – это в первую очередь отношения кыргызов с узбеками и таджиками.

С.В. Любичанковский. Вопрос в том, способствовало ли исторически это влияние, условно, узбеков на менталитет южных кыргызов, их отрицательного восприятия русского влияния?

П.И. Дятленко. Здесь немного другая ситуация. Кыргызская родовая элита на юге всегда дистанцировалась от ферганской элиты, какую бы эпоху мы ни брали. Часть родоправителей южных кыргы-

зов ориентировались на Россию, чтобы уйти из-под власти Коканда, и когда Кокандское ханство рассыпалось, часть кыргызских родо-правителей мирно и быстро приняла российское подданство. Таким образом, влияние ферганской элиты, не только узбекской, на простой народ имело место, а на кыргызскую элиту – нет.

А.И. Савин. Павел Иванович, какое сейчас отношение в республике к Турдакуну Усубалиеву⁵? Есть ли какие-то биографические работы или сборники документов, посвященные его деятельности? Какое к нему отношение как в обществе, так и в историографии?

П.И. Дятленко. Отношение к нему сейчас в кыргызстанском обществе в основном позитивное. Усубалиев прожил достаточно долго, до 2015 г. В постсоветский период он пользовался привилегиями как бывший глава республики. Президенты менялись, но отношение к нему оставалось в целом позитивным. Усубалиев после отставки много писал, вышло семь книг его воспоминаний: выступления, доклады, научные тексты.

А.И. Савин. А на каком языке?

П.И. Дятленко. Усубалиев писал только на русском. Сейчас есть фонд Усубалиева, который оцифровывает его наследие, возглавляемый одним из его внуков. Недавно была выдвинута инициатива, переименовать родное село Усубалиева в его честь, хотя родственники заявили, что лучше оставить историческое название. В честь Усубалиева названа старая площадь в центре Бишкека, которая при нем была главной площадью. Это сделали в 2019 г. в рамках празднования столетия со дня его рождения.

А.И. Савин. А есть ли какие-то биографические исследования помимо воспоминаний?

П.И. Дятленко. Насколько я знаю, в постсоветский период была защищена всего одна диссертация, но фонд Усубалиева работает, они проводят юбилейные конференции, издают материалы, готовят переиздание полного собрания его сочинений.

В.М. Рынков. Павел Иванович, спасибо. Интерес к ситуации в Кыргызстане очень большой. Поэтому вопросы касались не только темы доклада, но и в целом ситуации в современной национальной историографии. Мы переходим к обсуждению доклада **Жарас Аки-**

⁵ Усубалиев Турдакун Усубалиевич (1919–2015) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Киргизии (1961–1985). Герой Киргизской Республики (1999).

шевич Ермакбая «Советский Казахстан: феномен социалистической модернизации».

С.В. Любичанковский. Я хотел бы поблагодарить Жараса Акишевича за очень интересный доклад, особенно в том, что касается вопроса цены модернизации, который часто политизируется.

А.И. Савин. Очень важно, что докладчик подчеркнул преемственность имперских и советских брендов модернизации. Буквально на днях у нас в Новосибирске председатель правления Российского исторического общества Руслан Гагкуев презентовал новые сборники документов, посвященные освоению Арктики. Речь шла о том, что советский арктический проект – это во многом развитие и продолжение имперского проекта. Стоит также отметить наше общее травматическое прошлое, к которому нужно относиться с холодной головой, максимально объективно. Например, докладчик упомянул, что в Казахстане не было в советское время выступлений на национальной почве, забыв про события июля 1979 г., когда Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании немецкой автономии в Казахстане и казахи-студенты вышли на протестные митинги с лозунгом «Казахстан для казахов». Поэтому, как и говорил докладчик, нам нужно спокойно и объективно со всем разбираться и самим не создавать новых мифов.

В.М. Рынков. Спасибо, Жарас Акишевич. Из вашего доклада однозначно следует, что модернизация шла в целом успешно, все неоднозначности и издержки этого процесса вы обозначили. Важно подходить к этому вопросу об издержках с позиции того, что практически нет примеров модернизации, к тому же ускоренной (а советская модернизация 1930–1940-х гг. – это форсированная модернизация), которая бы оборачивалась сплошными плюсами и не имела социальных издержек. Это общемировой процесс, имеющий свое конкретное выражение, и вы справедливо обозначили, что в силу ряда обстоятельств издержки в Казахстане для казахского этноса оказались велики. Понятным образом в национальной историографии возникает желание объявить эти издержки чьими-то злонамеренными кознями.

Ж.А. Ермакбай. Речь идет о неправильной аграрной политике. Если бы в Казахстане развивали животноводческую базу, то не было бы этой трагедии. Но мы не политизируем и никого не обвиняем в том, что казахов специально заставляли голодать.

В.М. Рынков. Да, политика седентаризации была во многом ошибочна, но где-то наблюдается соблазн охарактеризовать ее как политику специального наказания казахов. Хорошо, что в Казахстане эта позиция не является преобладающей. Достаточно много вопросов вокруг освоения целины, которые вы обозначили. Они звучали и в предыдущих докладах. В Казахстане традиционно отмечают, что освоение целины было связано с кардинальным изменением демографического баланса в целинных регионах, ссылаются на позицию Ж.Ш. Шаяхметова, выступавшего за предпочтительное развитие животноводства. Но посмотрите, длинные тренды истории свидетельствуют о том, что сейчас в Казахстане наследие целины активно используется и Казахстан является государством, экспортирующим зерно. В разрезе длинных трендов эта политика, несмотря на все издержки, себя оправдала, заложив основу современной экономики Казахстана. Об издержках тоже нужно говорить. Вопрос только в том, возможно ли было в то время по-другому осваивать целину и развивать земледельческое хозяйство в северных районах Казахстана. В Казахстане сейчас активно проводятся исследования, связанные с демографическими, языковыми и прочими последствиями этих процессов, это крайне важно для взвешенной оценки в историографии освоения целинных и залежных земель.

В.М. Рынков. Уважаемые коллеги, доклад Жараса Акишевича был последним в секции. Теперь самое время перейти открыть **общую дискуссию**, имея в виду все прозвучавшие доклады, их группы, образующие тематические блоки. И любой доклад в отдельности. У нас три доклада – Побережникова, Ковальской, Сеитова – имели историографический характер, образуя блок историографических тем, в двух поднимались вопросы, связанные с национальными моделями модернизации, и в одном – международные отношения и межкультурные влияния.

Д.И. Аманжолова. Большое спасибо, все доклады очень содержательные. Что касается модернизации, мы можем ее рассматривать как «non-stop process». Это процессуальная история, и с ней связаны процессуальные идентичности. Его крайне интересно изучать в контексте перехода от досоветского к советскому периоду. Мне кажется, это перспективное направление, которое вырисовывается из наших исследований и обсуждений. По поводу темы Светланы Ковальской: картина Абылхана Кастеева «Турксиб» (1969) бук-

важно воспроизводит образы фильма, который вошел в число лучших немых фильмов – «Стальной путь (Турксиб)» В.А. Турина. И если наложить на это еще описание И. Ильфа и Е. Петрова, которые ездили на «смычку», это просто великолепный материал для анализа и изучения процесса модернизации во всех ракурсах: визуального, дискурсивного и т.п. По поводу доклада Руслана Сеитова: я принимала участие в ряде конференций CESS, там представлена весьма характерная тематика, которая показывает срез и динамику меняющихся интересов, прямо коррелирующих с политической конъюнктурой. Это очень хорошо заметно. И если там не говорится о деколонизации в названиях, это не значит, что данной темы нет, она «вшита» во все секции и доклады. Андрей Савин правильно заметил, что надо анализировать концепты и подходы, потому что сама тематика позволяет что-то увидеть, но не осмыслить так глубоко, как это требуется.

С.В. Любичанковский. Я вижу ряд проблем, которые сквозной линией проходят через несколько тем и объединяют их. Первую я бы сформулировал так: фронтир – колония или периферия? Какова адекватная исследовательская модель Центральной Азии в имперский и советский периоды? Для меня модель колонии неприемлема, это понятно, но на самом деле я понимаю, что идет дискуссия по этому вопросу, и это можно было бы обсудить даже в итоговой конференции. Затем вопрос, который явно прозвучал в нескольких докладах: как формировалась новая идентичность Средней Азии и Казахстана между традицией, модернизацией, в том числе в ее советском варианте? Здесь я сознательно говорю о Средней Азии и Казахстане, не употребляя нового термина: «Центральная Азия». В чем парадокс этого процесса? Такой ракурс позволяет нам объединить доклады по обществу и культуре, этот вопрос о гибридности, о противоречивости итогов, как советская власть, борясь с традициями, одновременно их консервировала через фольклоризацию, через национальное размежевание, о чем тоже говорила Светлана Ивановна Ковальская в своем докладе. Ну и вопрос, который следует в первую очередь из доклада Руслана Сеитова: как академические нарративы о Центральной Азии влияют сегодня на политику памяти, на национальное строительство в регионе? Это политизированная тема, но она имеет и научное измерение. У нас доклад по историографии ставит эти вопросы, доклад по обществу и по культуре показывает, как реализовывались эти модели на

практике, и даже демонстрирует последствия этих моделей для идентичности; доклад по европейским и американским научным центрам демонстрирует, как западное академическое сообщество осмысляет и переосмысляет эти модели сегодня. Мне кажется, интересная такая схема получилась, спасибо.

А.И. Савин. Очень рад, что у нас возникла тема Турксиба. В процессе подготовки проекта мы обсуждали, какие инновации мы можем привнести в изучение истории Центральной Азии. Сошлись на том, что нам необходимо найти какие-то общие «точки сборки» между Россией и Центральной Азией, чтобы мы могли обращаться в первую очередь к конструктивному прошлому. С этой точки зрения доклад, в котором затрагивалась проблема Турксиба, – это выход на прекрасную многогранную тему. Я в свое время столкнулся с ней, обнаружив в ГАРФ документы о награждении строителей Турксиба, когда всем участникам строительства объявили, что коллектив награжден орденом Трудового Красного Знамени. Рабочие были уверены, что они краснознаменцы, и только в начале 1930-х гг., когда пошла монетизация наградных льгот, быстро выяснилось, что это не так. Таким образом, тему советского трудового героизма тоже можно исследовать через ракурс Турксиба. Возможно, мы подумаем все вместе над тем, чтобы коллективно сделать сборник документов или небольшое исследование, посвященное Турксибу. И еще одна вещь – методологическая. В продолжение темы общего «полезного прошлого» нам стоит подумать о концепте конвергенции – взаимного обогащения различных обществ.

В.М. Рынков. Я тоже скажу несколько слов. Конечно, картина Абылхана Кастеева очень хорошо демонстрирует весь круг основных проблем, связанных с модернизацией степи. Кстати говоря, сам сюжет и его визуализация объединяют не только Россию и Казахстан, но и Узбекистан, в свое время много сил было потрачено не только на само строительство железной дороги, но и на визуализацию этого крупнейшего индустриального проекта. Не так давно в Москве завершилась выставка «Путь к Востоку», где отдельным разделом была представлена проблематика Турксиба не только в живописи, но и в плакате, кинематографе, книжной иллюстрации. Скромно была представлена живопись Казахстана, зато сейчас в Москве в Третьяковской галерее проходит выставка картин из Государственного музея искусств им. А. Кастеева. Там также экспонируются кар-

тины самого Кастеева, которые великолепно демонстрируют столкновение традиции и модернизации в развитии Казахстана. Возвращаясь к прозвучавшим докладам, у нас получился целый круг историографических докладов, очень интересных и разнообразных.

В двух последних докладах прозвучал термин «советологические подходы», и это тоже показательно, поскольку западная советология еще с советских времен задавала определенный тон в оценках, не всегда взвешивая, насколько они были объективны. Поскольку в то время в западной советологии господствовала оценка нашего прошлого в рамках концепции тоталитаризма, она в 1990-е гг. была заимствована российской историографией и историографией стран Центральной Азии. Этот вопрос требует более внимательного подхода к оценкам историографии. За одно заседание мы эту проблему не решим, но можем отметить, что требуются более взвешенные оценки того, как историографические дискурсы разных периодов и разных национальных традиций влияют друг на друга.

Ведь и сейчас, как заметила Светлана Ивановна Ковальская, в современной казахстанской историографии присутствует такая оценка модернизации, как «насильственный слом». Я также услышал в ее докладе интересную метафору: «асфальтовые дети». В российской историографии я не встречал такого термина, но полагаю, что сама проблематика применима не только к Казахстану и степи, ведь то же самое явление имело место в СССР повсеместно, везде были «асфальтовые дети». Массы населения из российской деревни, переселившиеся в города в 1930–1950-е гг., тоже породили новое поколение «асфальтовых детей». Поэтому подобные коллизии люди переживали и в России, и в Казахстане, и в других автономных и союзных республиках Советского Союза. Стоит подумать, как разные традиции повлияли на мировосприятие и культуру этого поколения детей ускоренной урбанизации. И насчет доклада Руслана Сеитова – я считаю, что сам по себе подход к историографии как массовому источнику допустим и вполне оправдан, он активно развивается, например, в Челябинске. Сергей Баканов и его соавторы выпустили целый ряд статей и даже монографию⁶, где обосновали методы анализа историографии на уровне всего объема вышедшей литературы. Данный подход показывает смену тематики и приоритетов, можно

⁶ Опыт применения метода баз данных в историографических исследованиях: коллективная монография. Челябинск, 2024. 151 с.

задавать другие параметры, существует достаточно серьезный задел для развития этой темы. Возможно, если подключить для анализа ключевые слова, то откроется целый ряд новых аспектов, связанных с динамикой смены тем и концепций.

Литература

1. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014–2015. Т. 1. 2014. 892, [1] с.: ил., портр., табл.; Т. 2. 2014. 907, [1] с.: ил.; Т. 3. 2015. 989, [1] с.: ил., табл.

2. Опыт применения метода баз данных в историографических исследованиях: коллективная монография / О.В. Выдрин, И.А. Медведев, Н.В. Гришина и др.; под ред. С.А. Баканова и др.. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2024. 151 с.

3. Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.

Раздел 2. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

УДК 94(47) + 94(547)

DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3-90-96

А.Ю. Быков¹

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В XIX В.: ПОИСК СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ

Аннотация. XIX век можно считать столетием реформ, когда одновременно существовало несколько систем и подсистем управления. Объединяли эти варианты два базовых фактора: основу населения составляли казахи-кочевники и все реформы являлись территориальными. В первой четверти XIX в. появились системы, созданные во Внутренней орде, Оренбургском и Западно-Сибирском ведомствах. В разных вариантах систем и подсистем в качестве основной социальной опоры властей выступали султаны и бии по званию и по должности, а также ряд других категорий. Административные системы подразумевали различные варианты налоговых систем, судопроизводства, замещения должностей и др. Они отражались и на внешнеполитическом восприятии регионов. Происходил поиск наиболее адекватных вариантов инкорпорации кочевого населения в систему Российской империи. Наиболее удачные варианты решений были синтезированы во Временном положении 1868 г., с которого начался новый этап унификации системы управления казахами, не завершившийся в досоветский период. Правительство и местные органы управления смогли создать систему, включившую практически все слои и категории казахского общества в имперскую управленческую структуру. Традиционные институты, сохранив семантическую преемственность, утратили качества интегральности, вместе с тем трансформация социальной структуры привела не к прямой модернизации, а к варианту квазитрадиционализма, модернистскими анклавами которого стали категории перешедших к оседлости, новое чиновничество и новое байство, а также представители так называемого элитарного национализма.

¹ **Андрей Юрьевич Быков**, д-р ист. наук, руководитель Лаборатории исследований современных Центральной Азии и Кавказа, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: baju72@mail.ru

Ключевые слова: казахская степь, Российская империя, Степной край, административная реформа, Оренбургское генерал-губернаторство, Западно-Сибирское генерал-губернаторство, инкорпорация.

A.Y. Bykov²

ADMINISTRATIVE REFORMS IN THE KAZAKH STEPPE IN THE 19TH CENTURY: THE SEARCH FOR A SOCIAL BASE

Abstract. The 19th century can be considered a century of reforms, when several management systems and subsystems existed simultaneously. These options were united by two basic factors: the Kazakh nomads formed the basis of the population and all the reforms were territorial. In the first quarter of the 19th century, systems appeared created in the Inner Horde, Orenburg and West Siberian departments. In different versions of systems and subsystems, sultans and biyas by rank and position, as well as a number of other categories, acted as the main social support of the authorities. The administrative systems involved various variants of tax systems, judicial proceedings, job replacements, etc. They were reflected in the foreign policy perception of the regions. There was a search for the most adequate options for the incorporation of the nomadic population into the system of the Russian Empire. The most successful solutions were synthesized in the Temporary Situation of 1868, which began a new stage of unification of the Kazakh management system, which did not end in the pre-Soviet period. The government and local governments were able to create a system that included almost all strata and categories of Kazakh society in the imperial administrative structure. Traditional institutions, having preserved semantic continuity, lost the qualities of integrality, at the same time, the transformation of the social structure led not to direct modernization, but to a variant of quasi-traditionalism, the modernist enclaves of which were the categories of those who moved to settlement, new officialdom and new leadership, as well as representatives of the so-called elitist nationalism.

Keywords: Kazakh steppe, Russian Empire, Steppe Region, administrative reform, Orenburg Governorate-General, West Siberian Governorate-General, incorporation.

В XVIII в. основной опорой российской администрации в казахской степи выступали два социальных слоя – султаны во главе с ханом и тар-

² **Andrey Yurievich Bykov**, Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory for Research on Modern Central Asia and the Caucasus, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: baju72@mail.ru

ханы. Что такое тарханы – не совсем понятно, поскольку это довольно расплывчатая категория, в которой могли оказаться и батыры, и бии, а в исключительных случаях и рядовые представители шаруа. Могли там оказаться и казахи – так называемые «бухарцы», т.е. мусульмане, представители различных этнических групп выходцев из Средней Азии. Следует отметить, что попытка, которую предпринял Г.И. Спасский³, чтобы как-то обрисовать эту социальную категорию и на материалах Сибирского губернаторства определить, кто был среди тарханов, показывает, что среди них было примерно поровну биев и батыров, и это были две ведущие группы⁴. Можно предположить, что в Оренбургском ведомстве ситуация была аналогичной. В конце XVIII в., начиная с реформ О.А. Игельстрома, проявилась тенденция превращения званий в должность. Уже при Игельстроме «хан» было не просто званием, а должностью. Если до этого выдавались «подарки», сначала тайно и нефиксированно, потом явно и фиксированно, то у Игельстрома был четкий и понятный штат, в котором значилась должность хана, на которую из бюджета выделялся определенный капитал⁵. Более того, там были и другие должности. Как мы знаем, эти реформы оказали существенное влияние, но были временными, и большая их часть оказалась отмененной в результате тех социальных движений, которые происходили в Младшем жузе (в первую очередь движение батыра Срыма Датова), и жизненных ситуаций, связанных с местной бюрократической борьбой и влиянием центральных органов.

Начало XIX в. было периодом турбулентности, когда казахские султаны стали воспринимать идею о том, что они могут быть частью бюрократии, и что должность хана, а может быть и султана, это престижная и почетная должность. Это происходило даже несмотря на отсутствие должности султана в российской структуре. Об этом могут свидетельствовать, например, письма султана (позднее хана Жанторе), подметные отрешения ханов⁶ и т.п. По этому вопросу существует серьезный комплекс источников. Факт заключается в том,

³ Спасский Григорий Иванович (1783–1864) – русский историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁴ Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. Историческое сведение о киргиз-кайсаках // Сибирский вестник. Ч. 9. СПб., 1820. С. 87–109.

⁵ Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.). М., 2023. Т. 2. С. 28–29.

⁶ Там же. С. 250.

что, с одной стороны, Россия попыталась превратить звания в должности, по крайней мере для части представители казахской элиты, а с другой стороны, часть этой элиты восприняла это как должное. Но большая часть восприняла это очень странным образом. Например, позиция Каратая, который пытался добиваться ханского звания и потом согласился на то, чтобы быть султаном-правителем⁷, говорит о том, что он начинает смешивать эти понятия. После принятия Устава 1822 г. то же самое происходит с представителями элитарных слоев, которые находились в Среднем жузе. Есть много свидетельств того, что Кенесары на дипломатических приемах, если их можно так назвать, был в мундире русского полковника. Казахские старшие султаны (ага-султаны), которые три раза были избраны на эту должность в звании майора, получали звание полковника и русское дворянство⁸. Это происходило почти автоматически, и, видимо, у Кенесары тоже возникала такая ассоциация. Он считал, что это самое высшее, чего можно достичь казаху в российской бюрократической иерархии, и, соответственно, представлял себя именно так. Он был не прав, в XIX в. казахи становились и генералами⁹.

Следует отметить, что после принятия Устава 1822 г. о сибирских киргизах, в котором было прописано, что старшими султанами и помощниками могут быть только представители султанского сословия, это положение местными властями практически сразу стало нарушаться. Исследования Б.М. Абдрахмановой показывают, что к моменту, когда была организована Семипалатинская область, большая часть старших султанов и их помощников на самом деле являлись представителями знати карасуоек¹⁰. Более того, преимущественно это было именно бийское сословие. Параллельно эти же самые процессы вовлечения в бюрократию бийского сословия происходили и в Младшем жузе, большая часть которого в то время входила в состав Оренбургского ведомства. Они не совсем совпадали, но их можно рассматривать в качестве идентичных понятий¹¹.

⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 66.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 291. Л. 7.

⁹ Магулов М.Б. Казахи на военной службе в Российской империи // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2015. № 11. С. 150–153.

¹⁰ Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С. 90.

¹¹ Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях... Т. 2. С. 67–84.

В XIX в. такое понятие, как батыр, в российской иерархической лестнице уже отпало, оно осталось только в традиционной иерархической системе. В то же время с принятием новых законодательных актов, таких как Временное положение 1867 г., потом 1868 г., и Степное положение 1891 г., появляются новые категории, которые русской административной системой были лексически заимствованы из казахского традиционного социума. Это аксакалы и ряд других категорий. Постепенно происходило и их бюрократизирование. Следует отметить, что параллельно с этим в традиционном обществе происходит и девальвация таких понятий, как «хан» и «султан», и наиболее ярким здесь можно считать обет 1803 г. и еще более – ту ситуацию, которую Т.И. Седельников¹² в конце XIX в. описывал как борьбу шаруа против султанского сословия¹³. Таким образом, с одной стороны, происходит бюрократизирование части традиционной элиты, превращение ее в российских чиновников, а с другой – изменение восприятия этих институтов в традиционном казахском обществе, причем на разных уровнях. Об этом свидетельствуют многие источники, в том числе произведения традиционного народного творчества.

Вторая половина XIX в. характеризуется тем, что российское правительство переносит акцент с аксуйек сначала на элитарные слои карасуйек, а потом на все общество. Бытовало мнение, что социальной опорой должны быть оседлые, и политика стимулирования перехода на оседлость действительно проявлялась как минимум с последней трети XVIII в. Но эта политика не была гомогенной или одинаковой в разных ведомствах. Если в Сибирском ведомстве переходу казахов к оседлости всячески способствовали, то в Оренбургском долгое время противились, и только с 1860-х гг. можно говорить о том, что в этом вопросе появилось некое общее понимание у российского правительства и местных властей. В то же время в административных документах до 1903 г., до появления института крестьянских начальников, это никак не проявлялось. То есть если мы возьмем, например, Положения об управлении в Туркестанском крае, что 1867 г., что 1886 г., то там понятно, что есть нормы для

¹² Седельников (Сидельников) Тимофей Иванович (1871–1930) – русский политический деятель, член Государственной думы Российской империи I созыва от Оренбургской губернии.

¹³ Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. С. 27–28.

оседлых, т.е. для земледельцев, а есть нормы для кочевников. Такой жесткой разницы в административных кодексах, распространенных на Степной край, не наблюдалось. Таким образом, если рассматривать тенденции в русле общеимперских реформ, можно говорить о том, что правительство с 60-х гг. XIX в. начинает рассматривать все население в качестве своей социальной базы. Помимо прочего, это свидетельствует о процессе становления гражданственности.

Стоит обратить особое внимание на то, каким образом происходило изменение позиции тех или иных слоев: одни пытались сопротивляться этому, другие пытались инкорпорироваться, сознательно встроиться в новую административную систему, и эти процессы происходили параллельно. Причем и внутри этих слоев различные представители могли занимать противоположные позиции. Отражением этих процессов может являться параллельное нахождение нескольких ханов. Так, в период 20-х гг. XIX в. в Оренбургском ведомстве в Младшем жузе было одновременно четыре хана. Один из них был на должности в Российской империи, один был утвержден хивинским ханом, два были в том и другом регионе избраны казахами. И каждый из них считал себя настоящим ханом. Девальвация даже таких весомых титулов, как хан, проявляется очень четко и понятно, и мы можем проследить это на судьбе Ширгазы Айчувакова. Его не лишили звания хана, но лишили должности хана, сделав первоприсутствующим. В переписке с ним рекомендовалось именовать его ханом, и обращение казахов к нему как хану тоже не вызывало у российских властей никакого противодействия. Наконец, Иликей (Ирмухаммед) Касымов, который последним был утвержден в Хивинском ханстве, перешел на российскую службу с потерей этого титула, с чем вполне спокойно согласился, дослужившись позднее до чина подполковника русской армии¹⁴.

Фиксируется интереснейший феномен, когда изменение лексического значения влияет на содержание самого института. И это содержание подрывало понимание структуры иерархии традиционного общества. На мой взгляд, к началу XX в. казахское общество, конечно же, оставалось традиционным, но его традиционность изменилась. У нее появились новые качества. Именно появление этих качеств, в том числе, позволило появиться такому новому элитарно-

¹⁴ Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях... Т. 2. С. 43–56.

му слою, как политические партии и движения, который в политической организации вылился в первую очередь в формирование Алаш, но не только: казахи принимали активное участие и в других партиях. Этот эгалитарный национализм, этот слой как раз во многом стал следствием той квазимодернизации, которая происходила в XIX – начале XX в.

Литература

Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. 138 с.

Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.): монография / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2023. Т. 2. 444 с.

Магулов М.Б. Казахи на военной службе в Российской империи // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2015. № 11. С. 150–153.

Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Дело, 1907. 79 с.

Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. Историческое сведение о киргиз-кайсаках // Сибирский вестник. Ч. 9. СПб.: Морская тип., 1820.

References

Abdrakhmanova, B.M. (1998). *Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke* [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Astana. 138 p.

Bykov, A.Yu. (2023). *Rossiyskaya politika v Stepnykh oblastyakh i transformatsiya kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.)* [Russian policy in the Steppe regions and the transformation of Kazakh society (1731–1917)]. Moscow, IV RAN. Vol. 2. 444 p.

Magulov, M.B. (2015). *Kazakhi na voennoy sluzhbe v Rossiyskoy imperii* [Kazakhs in military service in the Russian Empire]. In *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana*. No. 11, pp. 150–153.

Sedel'nikov, T. (1907). *Bor'ba za zemlyu v kirgizskoy stepi (Kirgizskiy zemel'nyy vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva)* [The struggle for land in the Kyrgyz steppe (The Kyrgyz land issue and the colonization policy of the government)]. St. Petersburg, Delo. 79 p.

Spasskiy, G. (1820). *Kirgiz-kaysaki Bol'shoy, Sredney i Maloy ordy. Istoriicheskoe svedenie o kirgiz-kaysakakh* [Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle and Small Hordes. Historical information about the Kirghiz-Kaisaks]. In *Sibirskiy vestnik*. Part 9. St. Petersburg, Morskaya tipografiya.

А.А. Турсунметов¹

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК МЕСТНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ
И ИМПЕРСКОЕ ОСВОЕНИЕ КРАЯ. ЭКОНОМИКО-
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ТУРКЕСТАНСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ**

Аннотация. В докладе анализируется соотношение процессов модернизации и имперского освоения на территории Туркестанского генерал-губернаторства во второй половине XIX – начале XX в. На основе анализа архивных и опубликованных источников исследуются экономико-производственные преобразования, осуществлявшиеся в условиях имперской власти. Особое внимание уделено противоречивому характеру модернизации, сочетавшей в себе элементы локальной инициативы и внешнего имперского контроля. Показано, что развитие местных производств выступало одновременно и как инструмент интеграции региона в общеимперское пространство, и как отражение внутренних потребностей местного общества. Через призму взаимодействия центра и периферии выявляется сложная динамика формирования модернизационных практик, в которых местное знание и опыт становились частью имперской стратегии освоения, но при этом сохраняли потенциал самостоятельного развития.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство, модернизация, имперское освоение, экономические преобразования, центр и периферия, местное производство.

А.А. Tursunmetov²

**MODERNIZATION AS A LOCAL NEED AND THE IMPERIAL
DEVELOPMENT OF THE REGION. ECONOMIC
AND INDUSTRIAL TRANSFORMATIONS
IN THE TURKESTAN GOVERNORATE-GENERAL**

Annotation. The report analyzes the relationship between the processes of modernization and imperial development in the Turkestan Governorate-General

¹ **Азизбек Анварович Турсунметов**, канд. ист. наук, с.н.с., Национальный центр археологии АН Узбекистана, старший преподаватель, Tashkent Perfect University, Ташкент, Узбекистан, e-mail: toulon_17@mail.ru.

² **Azibek Anverovich Tursunmetov**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, National Center of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Senior Lector, Tashkent Perfect University, Tashkent, Uzbekistan, e-mail: toulon_17@mail.ru

in the second half of the 19th and early 20th centuries. Based on the analysis of archival and published sources, the report examines the economic and industrial transformations that took place under the conditions of imperial rule. Special attention is given to the contradictory nature of modernization, which combined elements of local initiative and external imperial control. It is shown that the development of local industries was both a tool for integrating the region into the imperial space and a reflection of the internal needs of local society. Through the prism of the interaction between the center and the periphery, we can see the complex dynamics of the formation of modernization practices, in which local knowledge and experience became part of the imperial strategy of development, while still retaining the potential for independent development.

Keywords: Turkestan general government, modernization, imperial development, economic transformation, center and periphery, local production.

О.А. Махмудов¹

РУССКАЯ ШКОЛА НА «КРЫШЕ МИРА»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ В СОВЕТИЗАЦИИ ПАМИРА *

Аннотация. Создание первой русско-туземной школы на Памире в 1909 г. стало одним из ключевых этапов в процессе культурного и политического освоения горных районов Центральной Азии. Возникшая по инициативе офицеров Памирского отряда школа в Хороге воплотила идею «просвещения через имперскую миссию». Она сочетала преподавание русской грамоты и арифметики с элементами местной культуры, формируя у учащихся навыки, востребованные в колониальной администрации. Выпускники этой школы явились одними из лидеров в утверждении советской власти в регионе, а один из них – Шотемор Шириншо – стал создателем Таджикской АССР и первым ее главой. После установления советской власти этот опыт стал основой новой образовательной политики, направленной на советизацию Памира. Таким образом, русско-туземная школа в Хороге выступила не только инструментом модернизации и интеграции, но и кузницей будущих советских кадров на Памире и в Таджикистане.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, Памир, Памирский отряд, школьное образование, национальная элита.

О.А. Makhmudov²

THE RUSSIAN SCHOOL ON THE “ROOF OF THE WORLD”: THE HISTORY OF ITS CREATION AND ITS SIGNIFICANCE IN THE SOVIETIZATION OF THE PAMIRS

Abstract. The establishment of the first Russian-Tajik school in the Pamirs in 1909 was a key milestone in the cultural and political development of the mountainous regions of Central Asia. Founded by the officers of the Pamir Detachment,

¹ **Ойбек Анварович Махмудов**, канд. ист. наук, с.н.с., Институт истории СО РАН, доцент, Чирчикский государственный педагогический университет, Чирчик, Республика Узбекистан, e-mail: oybek81@yandex.ru

² **Oybek Anvarovich Makhmudov**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Chirchik State Pedagogical University, Chirchik, Republic of Uzbekistan, e-mail: oybek81@yandex.ru

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

the school in Khorog embodied the idea of “education through imperial mission”. It combined the teaching of Russian literacy and arithmetic with elements of local culture, providing students with the skills necessary for the colonial administration. Graduates of this school were among the leaders in establishing Soviet power in the region, and one of them, Shotemor Shirinsho, became the founder of the Tajik Autonomous Soviet Socialist Republic and its first head. After the establishment of Soviet power, this experience became the foundation for a new educational policy aimed at Sovietizing the Pamirs. Thus, the Russian-Tajik school in Khorog was not only a tool for modernization and integration, but also a breeding ground for future Soviet cadres in the Pamirs and Tajikistan.

Keywords: Russian Empire, Turkestan Territory, Pamir, Pamir Detachment, school education, national elite.

В ходе так называемых «Памирских походов» 1891–1894 гг. Российская империя укрепила свое влияние в регионе, включив в свою сферу контроля или даже аннексировав территорию Памира и Припамирья. Эти военные экспедиции были вызваны стремлением предотвратить установление английского господства в данном районе³. В 1895 г. Великобритания и Российская империя заключили соглашение о разграничении своих территорий в районе Памира, которое стало известно как «Памирское разграничение»⁴. 26 июля 1896 г. территория Западного Памира с такими «ханствами», как Шугнан, Рушан, Вахан и др., была передана Бухарскому эмирату. Это произошло в качестве компенсации за утрату Запанджского (Южного) Дарваза, который по договору с Англией отошел к Афганистану⁵. Надзор и контроль над регионом были возложены на начальника Памирского отряда, что привело к значительным конфликтам между местным населением, исповедующим исмаилизм, и представителями российского Памирского отряда, защищавшими их интересы, – с одной стороны, и бухарскими чиновниками – с другой. Лишь в 1905 г., спустя долгие годы безуспешных попыток урегулировать ситуацию, было принято решение о фактически уста-

³ Подробнее о «Памирских походах» см.: *Тагеев Б.Л.* Памирские походы. 1892–1895. Десятилетие присоединение Памира к России. Варшава 1902; *Он же.* Памирский поход (Воспоминание очевидца) // Исторический Вестник. 1896. Т. XXIII. Вып. 48. С. 11–163; *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.: в 2 ч. Душанбе, 1962. Ч. I. С. 279–309; *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2005. С. 225–286; *Захарчев Н.А.* Тайны Памирского поста. Ульяновск, 2014. С. 15–77 и др.

⁴ О «Памирском разграничении» 1895 г. см.: *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.: в 2 ч. Душанбе, 1962. Ч. I. С. 309–335; *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2005. С. 296–329; НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 4546. Л. 44–44 об.

⁵ Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 108, 117.

новлении прямого российского управления в западнопамирских землях при сохранении формальных прав эмира на эту территорию. Таким образом, Западный Памир де-факто находился под контролем Российской империи, но юридически оставался частью Бухарского эмирата. Этот статус сохранялся до 1917 г.⁶

Анализ истории образования на Памире позволяет выявить значимую роль, которую сыграли российские власти в этом регионе. В архивах Национального архива Узбекистана (НАУз) хранятся документы, которые дают возможность изучить процесс зарождения русского/европейского образования на Памире и роль, которую в этом сыграли представители российских властей Туркестана и офицеры Памирского отряда. Более того, Н.П. Остроумов, занимавший должности директора Ташкентской семинарии и Главного инспектора училищ Туркестанского края, также внес существенный вклад в развитие этой сферы. Хотя данная тема требует более глубокого и всестороннего исследования, ниже я постараюсь кратко рассмотреть ключевые моменты создания и деятельности первой русско-туземной школы на Памире. Надеюсь, что это станет отправной точкой для дальнейших исследований в этом направлении.

Необходимо подчеркнуть, что взаимодействие между чиновниками и начальниками российского Памирского отряда с местным населением всегда отличалось теплотой и дружелюбием. Не вдаваясь в подробности причин этого явления, которые уже были рассмотрены в моих предыдущих исследованиях⁷, следует отметить, что

⁶ Об этом периоде см: *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.: в 2 ч. Душанбе, 1963. Ч. II. С. 143–180; *Халфин Н.А.* Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М., 1975; НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 93–163; НАУз. Ф. И-1. О. 31. Д. 292; НАУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1; НАУз. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 169; НАУз. И -3. Оп. 2. Д. 61; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 1. Д. 1526 и др.

⁷ *Махмудов О.А.* Взгляд русских военных на население Памира и Припамирья (по материалам «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии») // Вестник НУУ. 2012. № 4 (История). С. 74–79; *Он же.* Из истории политики Российской империи на своих «окраинах»: Памир – меж двумя протекторатами // *O'zbekiston tarixi.* 2012. № 3–4. С. 12–21; *Он же.* Памир и памирцы в трудах русских путешественников и исследователей последней трети XIX – начала XX века (по материалам Туркестанского сборника) // Российско-узбекистанские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы: сб. матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности (Ташкент, 11 октября 2013 г.). Ташкент, 2013. С. 324–339; *Он же.* «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных и исследователей // *CIAS Discussion Paper. Kioto.* 2013. № 35. С. 47–71; *Он же.* К вопросу об особенностях политики Российской империи на Памире и Припамирье (конец XIX – начало XX века) // Вестник НУУ. 2014. № 1/1. С. 30–34; *Он же.* И.Д. Ягелло на Памире: малоизвестные страницы деятельности Начальника Памирского отряда (по архивным материалам) // *O'zbekiston tarixi.* 2015. № 3. С. 64–71 и др.

многие начальники отряда прилагали все усилия для улучшения жизненных условий местного населения⁸, которое жило в крайне суровом климате, часто на грани выживания. По мнению многих российских гражданских и военных экспертов, это и стало причиной того, что памирцы не могли реализовать свои природные таланты и способности к любознательности⁹.

Для усиления влияния российской власти на местное население и «выполнения... полезных для государства задач», важным условием было повышение уровня образования и грамотности памирцев. В связи с этим начальники Памирского отряда, подполковники К-Э.К. Кивикэс и А.В. Муханов, проявив личное участие и инициативу, в 1909 г. организовали русскую школу в Хороге. Эта школа стала важным шагом в развитии образования среди местного населения. На первых порах практически все расходы на содержание школы взял на себя Памирский отряд. Генерал-губернатор Туркестана А.В. Самсонов, одобрив эту инициативу и обещавший свою помощь, подчеркнул, что эта школа «является одной из насущных потребностей населения и русского дела на Памирах»¹⁰ и является важным элементом русского влияния на Памире.

В начале в школе обучались всего 8 учеников, и все они приходили на занятия. Но уже в первый год существования школа настолько завоевала симпатии местных жителей, что появилась возможность открыть при ней интернат. Как весьма красочно писал спустя несколько лет начальник Памирского отряда И.Д. Ягелло, «сначала в школу надо было загонять принудительными мерами, потом, одна-

⁸ Почти все начальники Памирского отряда прилагали усилия в улучшении условий жизни памирцев, но особенно в этом отношении стоит отметить деятельность таких, как Э.К. Кивикэс, Г.А. Шпилько, И.Д. Ягелло. См.: *Худоназаров Д.* Первый русский правитель Памира (Памяти Эдуарда Карловича Кивикэса) // *Памирская экспедиция* (статьи и материалы полевых исследований). М., 2006. С. 222–223; *Исхаков С.* Население Памира глазами российских военных [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a038.htm> (дата обращения: 06.11.2016); *Захарчев Н.А.* Тайны Памирского поста. Ульяновск, 2014. С. 146–150; *Махмудов О.А.* И.Д. Ягелло на Памире: малоизвестные страницы деятельности Начальника Памирского отряда (по архивным материалам) // *O'zbekiston tarixi*. 2015. № 3. С. 64–71; НАУз. Ф. И-1. О. 31. Д. 980. Л. 4–13 об.; НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9877; НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 81–88 об. и др.

⁹ См., например: *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // *Туркестанские ведомости*. Ташкент, 1904. № 89–93.

¹⁰ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 2.

ко, число желающих стало значительно превышать комплект учеников»¹¹.

В период с 1910 по 1911 г. количество учеников возросло до 18 человек. Подполковник Муханов, командир Памирского отряда, в своем докладе начальнику штаба Туркестанского военного округа от 15 ноября 1911 г. отметил, что среди них был сын одного из местных исмаилитских пиров. Далее он сообщал, что «положительные результаты второго учебного года настолько упрочили доверие местного населения к русской школе, что полагал бы своевременным возбудить вопрос об учреждении правительственной школы в Хорог»¹². На этом докладе А.В. Самсонов наложил резолюцию следующего содержания: «Согласен на выдачу из экстраординарных сумм Памирского отряда по смете текущего года по расчету на 2 месяца + 200 руб. на подъем учителю. Относительно командирования учителя и возбуждения ходатайства об учреждении школы прошу Начальника Штаба округа переговорить с Главным Инспектором училищ; я же с своей стороны препятствий не встречаю, а этому делу весьма сочувствую»¹³.

Среди мер по поддержанию школы в Хорог А.В. Муханов видел: «1) В командировании учителя из местной Ташкентской [Учительской] Семинарии. 2) В оказании материального вспомоществования на содержание интерната и платы учителю». Причем, что весьма показательно, Н.П. Остроумов, занимавший тогда пост директора Ташкентской Учительской Семинарии, осведомленный Мухановым в общих чертах о проблемах школы, подготовил даже «кандидата из числа воспитанников последнего класса и полагает возможным командировать его теперь же... в Хорог, если на то последует распоряжение высшего учебного начальства». Всего же на содержание школы по подсчетам Муханова требовалось 1540 руб.¹⁴

Действительный статский советник Н.П. Остроумов, исполнявший обязанности Главного инспектора училищ Туркестанского края, 5 декабря 1911 г. обратился к военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту А.И. Гиппиусу с ходатайством об

¹¹ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 83 об.

¹² НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 2–2 об.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 2 об.

открытии министерской русско-туземной школы с интернатом на Хорогском посту. Инициатива была основана на докладе начальника Памирского отряда А.В. Муханова и резолюции Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова¹⁵.

Инспектор народных училищ Ф. Егоров, которому А.И. Гиппиус перенаправил ходатайство о создании министерской школы в Хороге, не проявил такого же энтузиазма, как А.В. Самсонов и Н.П. Остроумов. В своем рапорте от 15 декабря 1911 г. на имя Главного инспектора училищ Туркестанского края Н.П. Остроумова Ф. Егоров отметил, что хотя он не видит препятствий для открытия русско-туземной школы с интернатом в Хороге на средства населения, при условии субсидии от Памирского отряда и надзора со стороны начальника отряда, но считает преждевременным открывать такую школу на средства министерства, особенно в сравнении с густонаселенными регионами Ферганы и русскими поселками. Более того, он указал на отсутствие у него свободных 700 руб., необходимых для реализации проекта¹⁶.

В марте 1912 г. Н.П. Остроумов, осознавая значимость и необходимость этого проекта, самостоятельно выделил из имевшегося у него в распоряжении кредита 500 руб. для финансирования школы¹⁷. Начальник Штаба Туркестанского военного округа дважды обратился к Военному губернатору Ферганской области Гиппиусу с просьбами о выделении средств на содержание школы. Первый запрос был направлен 9 марта, а второй – 7 августа 1912 г. Он предлагал включить эти расходы в «земскую смету будущего трехлетия соответствующего кредита». Гиппиус дал свое согласие на эти ходатайства¹⁸. Благодаря благожелательному отношению высших российских властей Туркестана, которые осознавали всю значимость этого начинания, русско-туземная школа в Хороге не просто продолжила свою работу, но и смогла увеличить число учащихся, а также организовать интернат для 20 учеников.

Каковы были условия обучения учеников и как планировалось их изменить по проекту начальника Памирского отряда подполков-

¹⁵ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 9–9 об., 15–15 об.

ника А.В. Муханова? Об этом можно узнать из его рапорта Военному губернатору Ферганской области Гиппиусу, датированного 10 февраля 1912 г.

В этом рапорте указано, что школа на тот момент располагалась в здании караван-сарая, принадлежащем и оплачиваемом Отрядом, которое находилось на Хорогском базаре. Помещение школы представляло из себя «обыкновенную крытую чайхану, лишь несколько приспособленную для школы. В ней поставлена печь на железных коробах, пробито 2 окна в стене, поставлены парты, изготовленные попечением отряда, и классная доска. В этой же хане дети учатся, здесь же и спят и едят»¹⁹. Подполковник А.В. Муханов осознавал, что существующее помещение для школы и интерната не соответствует требованиям, особенно если в Хороге будет открыта министерская школа. Он также отмечал, что отсутствие квартиры для учителя при школе создает проблемы с надзором за учениками, что неприемлемо. Начальник отряда подчеркивал необходимость строительства нового здания для школы. Отряд был готов профинансировать и организовать работы своими силами и силами местных жителей, но для этого требовалось 1500 руб. На содержание школы и обеспечение учеников всем необходимым, включая питание, по расчетам Муханова, требовалось 626 руб. в год.

По мысли начальника Памирского отряда, «воспитанники будут получать, как и теперь, суп из баранины, (шурпа) с лепешками один раз и два раза чай с лепешками. К чаю будут отпускаться 2 куска сахара. Раскладка: 1/2 фунта мяса и 1½ ф. муки на человека, причем по мере возможности отряд будет отпускать из своих огородов картофель, капусту и проч[ую] зелень. Кроме сего, на каждого будет отпускаться по 1/2 мыла в месяц». Также предполагалось обеспечение всех «воспитанников» одеялами, полотенцами и кошмами для подстилки. Кроме того, всем предполагалось выдать по эмалированной кружке для чая и деревянной ложке. Освещение школы от действовавшей, благодаря усилиям Г.А. Шпилько, с 1 июля 1914 г. в Отряде электростанции²⁰ он готов был взять на себя²¹. Этот паек был значи-

¹⁹ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 10.

²⁰ Захарчев Н.А. Тайны Памирского поста. Ульяновск, 2014. С. 147.

²¹ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 10 об.

тельным для местных жителей, которые часто испытывали трудности с обеспечением себя и своих семей продовольствием.

Начальник отряда, осознавая финансовые трудности в регионе, предпринял значительные усилия для сокращения расходов из краевого бюджета. Он стремился обеспечить финансирование, необходимое для строительства и содержания школы, за счет центральных российских властей Туркестана. Согласно рапорту подполковника А.В. Муханова, затраты на строительство школы должны были составить 1500 руб., а на ежегодное содержание учителя – 626 руб. Начальник отряда также указывал, что «часть этого расхода с разрешения Начальника Штаба Округа могла бы быть отнесена на средства отряда»²². Но уже 25 сентября 1912 г., после того как капитан Г.А. Шпилько сменил подполковника А.В. Муханова на посту начальника Памирского отряда, ситуация изменилась. В своем рапорте на имя Военного губернатора Ферганской области Шпилько отметил, что на одно жалование учителя уходит 900 руб. в год, а на прочие нужды, связанные с содержанием школы, учеников и обеспечением их всем необходимым, требуется еще 800–900 руб. ежегодно. Он подчеркнул, что этот расход «ложится тяжелым бременем на отряд»²³.

В течение нескольких лет благодаря усилиям властей и, вероятно, Н. П. Остроумова учебное ведомство выделило 4000 руб., земские средства – 1500 руб., отряд – 2000 руб., а население внесло 1900 (?)²⁴ руб. После получения финансирования «были разработаны план и смета здания и представлены на утверждение Министерства Народного Просвещения». В 1916 г. школа была построена силами Памирского отряда с помощью отрядных и местных мастеров. За этим процессом следил заведующий хозяйством отряда капитан Юнг²⁵. В этом же году школа перешла в новое здание²⁶.

Тем не менее, по словам начальника отряда полковника И.Д. Ягелло, выделенного учителю школы содержания (629 руб.) было недостаточно. Оно позволяло лишь поддерживать функционирование школы, и приходилось регулярно выделять средства из

²² НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 10 об.

²³ Там же. Л. 17–17 об.

²⁴ Текст документа в этом месте плохо читается.

²⁵ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 83 об.

²⁶ НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 241.

отрядных резервов. При этом учителю дополнительно выплачивалось 10 руб. ежемесячно из земских средств за надзор и управление интернатом, где жили воспитанники школы²⁷. Именно поэтому и с «целью увеличения комплекта учеников школы до 40 человек» 5 января 1916 г. полковник И.Д. Ягелло обратился к Военному губернатору Ферганской области с просьбой увеличить ежегодные субсидии на школу из земских средств с 629 до 2858 руб. Предложение было рассмотрено в Совете при Туркестанском генерал-губернаторе, и было принято решение выделить запрашиваемую сумму. В результате этого решения 3 сентября 1916 г. в распоряжение Ошского уездного начальника было переведено 5581 руб. 25 коп. на содержание школы в Хороге, рассчитанное на период с 1916 по 1918 г.²⁸

Несмотря на финансовые трудности и военные действия в крае, российское правительство считало необходимым продолжать финансирование русско-туземной школы даже в таком отдаленном и малоизвестном регионе империи, как Памир. Это свидетельствует о понимании важности воспитания молодого поколения, знакомого с русской культурой и языком. Широкая поддержка инициативы местными жителями указывает на симпатию памирцев к российской власти.

Местное население проявляло высокий интерес к знаниям, что можно объяснить влиянием исмаилизма, который ставил приобретение знаний на первое место среди добродетелей и обязанностей верующих. Уже в советском и независимом Таджикистане выходцы из Горно-Бадахшанской автономной области играли значительную роль в культуре и науке. Так, например, основатель Таджикистана Шотемор Шириншо был одним из выпускников этой школы, так же как и те, кто утверждал советскую власть на Памире, как, например, Мирзобек Бодуров, Хакназар Алиназаров и др. Истоки этого во многом связаны с деятельностью начальников Памирского отряда, российской администрации Туркестанского края и Н.П. Остроумова, которые приложили усилия для создания школы, явившейся частью общей модернизации региона.

²⁷ НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 238, 242, 243 об.

²⁸ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 84.

Литература

- Захарчев Н.А. Тайны Памирского поста. Ульяновск, 2014. С. 146–150.
- Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.: в 2 ч. Душанбе, 1962. Ч. I. 356 с.
- Исхаков С. Население Памира глазами российских военных [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolstyj/a/a038.htm> (дата обращения: 06.11.2016).
- Махмудов О.А. Взгляд русских военных на население Памира и Припамирья (по материалам «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии») // Вестник НУУ. 2012. № 4 (История). С. 74–79.
- Махмудов О.А. Из истории политики Российской империи на своих «окраинах»: Памир – меж двумя протекторатами // O'zbekiston tarixi. 2012. № 3–4. С. 12–21.
- Махмудов О.А. «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных и исследователей // CIAS Discussion Paper. Kioto. 2013. № 35. С. 47–71.
- Махмудов О.А. Памир и памирцы в трудах русских путешественников и исследователей последней трети XIX – начала XX века (по материалам Туркестанского сборника) // Российско-узбекистанские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы. Ташкент, 2013. С. 324–339.
- Махмудов О.А. К вопросу об особенностях политики Российской империи на Памире и Припамирье (конец XIX – начало XX века) // Вестник НУУ. 2014. № 1/1. С. 30–34.
- Махмудов О.А. И.Д. Ягелло на Памире: малоизвестные страницы деятельности Начальника Памирского отряда (по архивным материалам) // O'zbekiston tarixi. 2015. № 3. С. 64–71.
- Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2005. 510, [1] с.
- Тагеев Б.Л. Памирский поход (Воспоминание очевидца) // Исторический Вестник. 1896. Т. XXIII. Вып. 48. С. 11–163.
- Тагеев Б.Л. Памирские походы. 1892–1895. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава: тип. Губ. правл., 1902. VIII, 152 с.
- Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975. 127 с.
- Худоназаров Д. Первый русский правитель Памира (Памяти Эдуарда Карловича Кивикэса) // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). М., 2006. С. 219–231.

References

- Iskandarov, B.I. (1962). *Vostochnaya Bukhara i Pamir vo vtoroy polovine XIX v.* [Eastern Bukhara and the Pamirs in the second half of the 19th century]. Du-shanbe. Vol. 1. 356 p.

Iskhakov, S. *Naselenie Pamira glazami rossiyskikh voennykh* [The population of the Pamirs through the eyes of the Russian military]. Available at: URL: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty/a/a038.htm> (date of access 06.11.2016).

Khalfin, N.A. (1975). *Rossiya i Bukharskiy emirat na Zapadnom Pamire (konets XIX – nachalo XX v.)* [Russia and the Emirate of Bukhara in the Western Pamirs (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow, Nauka. 127 p.

Khudonazarov, D. (2006). *Pervyy russkiy pravitel' Pamira (Pamyati Eduarda Karlovicha Kivikesa)* [The first Russian ruler of the Pamir (In memory of Eduard Karlovich Kivikes)]. In *Pamirskaya ekspeditsiya (stat'i i materialy polevykh issledovaniy)*. Moscow, pp. 219–231.

Makhmudov, O.A. (2012). *Vzglyad russkikh voennykh na naselenie Pamira i Pripamir'ya (po materialam "Sbornika geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii")* [The view of the Russian military on the population of the Pamirs and the Pamir region (based on the "Collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia")]. In *Vestnik NUU*. No. 4, pp. 74–79.

Makhmudov, O.A. (2012). *Iz istorii politiki Rossiyskoy imperii na svoikh "okrainakh": Pamir – mezh dvuma protektoratami* [From the history of the policy of the Russian Empire on its "outskirts": Pamir – between two protectorates]. In *O'zbekiston tarixi*. No. 3–4, pp. 12–21.

Makhmudov, O.A. (2013). *"Odichalye frantsuzy" Pamira. Naselenie Pamira i pripamirskikh vladeniy glazami russkikh voennykh i issledovateley* ["Wild Frenchmen" of the Pamirs. The population of the Pamirs and the Pamir possessions through the eyes of Russian military and researchers]. In *CIAS Discussion Paper*. No. 35, pp. 47–71.

Makhmudov, O.A. (2013). *Pamir i pamirtsy v trudakh russkikh puteshestvennikov i issledovateley posledney trety XIX – nachala XX veka (po materialam Turkestanskogo sbornika)* [Pamir and Pamiris in the works of Russian travelers and researchers of the last third of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of the Turkestan Collection)]. In *Rossiysko-uzbekistanskies svyazi v kontekste mnogovekovoy istoricheskoy retrospektivy*. Tashkent, pp. 324–339.

Makhmudov, O.A. (2014). *K voprosu ob osobennostyakh politiki Rossiyskoy imperii na Pamire i Pripamir'e (konets XIX – nachalo XX veka)* [On the issue of the features of the policy of the Russian Empire in the Pamirs and the Pamir region (late 19th – early 20th century)]. In *Vestnik NUU*. No. 1/1, pp. 30–34.

Makhmudov, O.A. (2015). *I.D. Yagello na Pamire: maloizvestnye stranitsy deyatel'nosti Nachal'nika Pamirskogo otryada (po arkhivnym materialam)* [I.D. Yagello in the Pamirs: little-known pages of the activities of the Head of the Pamir detachment (based on archival materials)]. In *O'zbekiston tarixi*. No. 3, pp. 64–71.

Postnikov, A.V. (2005). *Skhvatka na "Kryshe Mira": Politiki, razvedchiki, geograpy v bor'be za Pamir v XIX veke* [The Scramble for the "Roof of the World":

Politicians, Spies, and Geographers in the Struggle for the Pamirs in the 19th Century]. Moscow, RIPOI KLASSIK, 2005. 510, [1] p.

Tageev, B.L. (1896). Pamirskiy pokhod. (Vospominanie ochevidtsa) [The Pamir campaign. (Eyewitness memory)]. In *Istoricheskiy Vestnik*. Vol. 23, No. 48, pp. 11–163.

Tageev, B.L. (1902). *Pamirskie pokhody. 1892–1895. Desyatiletie prisoedinenie Pamira k Rossii* [Pamir campaigns. 1892–1895. The decade of the annexation of the Pamirs to Russia]. Warsaw, tipographiya Gubernskogo pravleniya, 1902. VIII, 152 p.

Zakharchev, N.A. (2014). *Tayny Pamirskogo posta* [Secrets of the Pamir Post]. Ulyanovsk, pp. 146–150.

Н.Н. Аблажей, А.С. Жанбосинова¹

**КАЗАХСКО-СИНЬЦЗЯНСКИЙ УЧАСТОК
СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ:
ПОГРАНИЧНЫЙ РЕЖИМ И ПРИГРАНИЧНЫЕ ПРАКТИКИ
НАСЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.***

Аннотация. Доклад посвящен анализу политики в области охраны государственной границы и пограничной зоны в период становления и ужесточения советского пограничного режима на казахско-синьцзянском участке советско-китайской границы. Цель исследования – показать, как изменения в пограничной политике второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. (переход от контактной к барьерной функции границы) влияли на миграционные процессы и экономические практики населения приграничья. Исследование основано на анализе ведомственных нормативных актов, следственных дел нарушителей пограничного режима. Анализируется становление пограничного режима на границах РСФСР в Центральной Азии, в том числе на казахско-синьцзянском участке. Дана краткая история формирования пограничной службы Казахской АССР, отражена специфика приграничья, борьба с бандитизмом и контрабандой. Показано законодательное и практическое ужесточение пограничного режима и на этом участке границы: создание запретных полос, ограничение доступа и хозяйственной деятельности, паспортизация населения и административные высылки. Обеспечение жесткого пограничного режима в пограничной зоне осложнялось значительной протяженностью и прозрачностью границы. Исследование вносит вклад в изучение истории советских границ не только как военно-политических рубежей, но и как социально-экономических и миграционных феноменов, а также важнейших элементов становления современных государств.

Ключевые слова: советско-китайская граница, Казахстан, Синьцзян, пограничный режим, миграция, контрабанда, бандитизм.

¹ **Наталья Николаевна Аблажей**, д-р ист. наук, в.н.с., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

Альбина Советовна Жанбосинова, д-р ист. наук, профессор, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан, e-mail: sovetuk@rambler.ru

* Опубликовано в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

*N.N. Ablazhey A.S. Zhanbosinova*²

**THE KAZAKH-XINJIANG SECTION
OF THE SOVIET-CHINESE BORDER:
BORDER REGIME AND BORDER PRACTICES
OF THE POPULATION IN THE SECOND HALF OF THE 1920S
AND THE FIRST HALF OF THE 1930S**

Abstract. The report is devoted to the analysis of the policy in the field of protection of the state border and the border zone during the period of formation and tightening of the Soviet border regime on the Kazakh-Xinjiang section of the Soviet-Chinese border. The purpose of the study is to show how changes in the border policy of the second half of the 1920s – the first half of the 1930s (the transition from a contact to a barrier function of the border) influenced migration processes and economic practices of the population of the border area. The study is based on the analysis of departmental regulations and investigative cases of border regime violators. It analyzes the establishment of the border regime on the borders of the RSFSR in Central Asia, including the Kazakh-Xinjiang section. The study provides a brief history of the formation of the border service of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic, reflecting the specifics of the border region and the fight against banditry and smuggling. The study demonstrates the legislative and practical tightening of the border regime in this area, including the creation of restricted zones, restrictions on access and economic activities, the implementation of passports, and administrative expulsions. The implementation of a strict border regime in the border zone was complicated by the significant length and transparency of the border. The study contributes to the understanding of the history of Soviet borders not only as military and political boundaries, but also as socio-economic and migration phenomena, as well as crucial elements in the formation of modern states.

Keywords: Soviet-Chinese border, Kazakhstan, Xinjiang, border regime, migration, smuggling, banditry.

² **Natalia Nikolaevna Ablazhey**, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: sovetuk@rambler.ru

Т.К. Алланиязов¹

РОЛЬ ЛАГЕРЕЙ ГУЛАГА В ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ЖЕЗКАЗГАНА

Аннотация. Целью статьи является исследование роли лагерей ГУЛАГа в трансформации политического ландшафта Жезказгана, определение характера и содержания процесса трансформации политического ландшафта Жезказгана. Актуальность и новизна исследования отражены в выявлении количественных и качественных характеристик политического ландшафта Жезказгана, образовавшегося в результате деятельности лагерей ГУЛАГа. Результаты исследования продемонстрировали, что в истории политического ландшафта Жезказганского региона особое место занимает советский период (1917–1991 гг.), специфической особенностью которого является наличие в нем 16-летнего периода (1940–1956 гг.). В указанный период на территории региона функционировал ряд лагерей ГУЛАГа, заключенные которых своим трудом внесли существенный вклад в формирование политического ландшафта региона.

Ключевые слова: Жезказган, политический ландшафт, лагеря, трансформация.

Т.К. Allaniyazov²

THE ROLE OF GULAG CAMPS IN THE TRANSFORMATION OF ZHEKAZGAN'S POLITICAL LANDSCAPE

Abstract. The purpose of this article is to study the role of the Gulag camps in the transformation of the political landscape of Zhezkazgan and to determine the nature and content of the process of transformation of the political landscape of Zhezkazgan. The relevance and novelty of the study are reflected in the identification of quantitative and qualitative characteristics of the political landscape of Zhezkazgan, which was formed as a result of the activities of the Gulag camps.

¹ Турганбек Кайпназарович Алланиязов, канд. ист. наук, доцент ВАК Республики Казахстан, профессор, Жезказганский университет им. О.А. Байконурова, Жезказган, Республика Казахстан, e-mail: klio56@mail.ru

² Turganbek Kaipnazarovich Allaniyazov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Higher Attestation Commission of the Republic of Kazakhstan, Professor, O.A. Baikonurov Zhezkazgan University, Zhezkazgan, Republic of Kazakhstan, e-mail: klio56@mail.ru

The results of the study demonstrated that the Soviet period (1917-1991) occupies a special place in the history of the political landscape of the Zhezkazgan region, a specific feature of which is the presence of a 16-year period (1940–1956). During this period, a number of Gulag camps operated in the region, whose prisoners made a significant contribution to the formation of the political landscape of the region through their labor.

Keywords: Zhezkazgan, political landscape, camps, transformation.

В модернизационных процессах, протекавших в советский период на территории Казахстана, ключевую роль играла трансформация ряда регионов республики из аграрных в индустриальные. В их числе важная роль принадлежит Джезказганскому региону, где уже в 1928 г. был введен в строй действующих Карсакапайский медеплавильный завод, а в конце 1930-х гг. началось строительство Большого Джезказгана, в ходе которого радикальным образом была перестроена горнодобывающая промышленность: введены многочисленные медные и марганцевые шахты и рудники (1937–1956 гг.), построена обогатительная фабрика (1948 г.), пущен в строй медеплавильный комбинат (1972 г.), возведены новые города и поселки. Главную роль в создании основ Большого Джезказгана сыграли лагеря ГУЛАГа НКВД-МВД СССР, которые всей своей деятельностью трансформировали политический ландшафт Джезказгана.

В арсенале научных исследований, посвященных истории Джезказгана, на сегодняшний день отсутствуют работы, которые могли бы дать научное представление о политическом ландшафте Джезказганского региона³. Данная тема достаточно сложная, во-первых, по своему структурному содержанию, поскольку включает в себя широкий спектр малоизученных проблем; во-вторых, предполагает не только использование широкого круга традиционных источников – архивных, литературных и исследовательских, но и данные, полученные в результате синтеза сведений из всего имеющегося в распоряжении исследователей набора источников; в-третьих, тре-

³ Исключение составляет наша статья: Политический ландшафт Улытау-Жезказганского региона: постановка проблемы // Вестник Жезказганского университета имени О.А. Байконурова. 2014. № 2, где рассматриваются вопросы методологии изучения проблемы, ее актуальности, проблематики, периодизации и структуры. В статье показаны узловые аспекты проблемы политического ландшафта Улытау-Жезказганского региона советского периода, обозначены ее ключевые элементы и композиционные слои. Сформулированы задачи изучения политического ландшафта региона.

бует интегрирования имеющихся в распоряжении научного сообщества фактических и статистических данных и вновь полученных сведений в суждения, обобщения и выводы, в которых будут отражены узловые компоненты политического ландшафта Джезказгана, его ключевые элементы и основные композиционные слои.

Выбранная нами тема представляет собой достаточно сложную проблему. Эта сложность определяется наличием целого ряда структурных и интегрированных в единое целое компонентов – территория (в географических границах региона, включающих в себя Улытауский и Жездинский районы Карагандинской области с городами Джезказган, Сатпаев, поселками Рудник, Весовая, Крестовский), рассматриваемая в исторической ретроспективе, природа (физико-географические параметры Улытау-Жезказганского региона, включающие в себя как объекты естественного происхождения (горы, степи, реки, флору, фауну, климат), так и искусственного, антропогенного характера – лесонасаждения, парки, водохранилища, карьеры, отвалы, промышленные и гражданские здания и сооружения, стадионы, памятники, площади, культовые сооружения, мечети, церкви и т.д.) и политический процесс (имевшие место в прошлом и настоящем политические системы, явления, действия, культура, наука, образование, идеология и т.п.).

Целью настоящей статьи является выявление и определение: а) роли лагерей ГУЛАГа в трансформации политического ландшафта Джезказгана; б) характера и содержания процесса трансформации политического ландшафта Джезказгана; в) количественных и качественных характеристик политического ландшафта Джезказгана, образовавшегося в результате деятельности лагерей ГУЛАГа.

В истории политического ландшафта Джезказганского региона особое место занимает советский период (1917–1991 гг.). На протяжении советского периода, по сравнению с предыдущими и последующим периодами, политический ландшафт Джезказгана трансформировался самым радикальным образом. Специфической особенностью политического ландшафта Джезказганского региона советской эпохи является наличие в нем 16-летнего периода (1940–1956 гг.), во время которого на территории региона были созданы и функционировали лагеря – Джезказганский ИТЛ (1940–1943 гг.), лагерные отделения Карлага (1943–1948 гг.), лагерь военнопленных № 39 (1945–1948 гг.), Степной (Особый) лагерь № 4 (1948–1956 гг.).

Десятки тысяч заключенных своим трудом внесли существенный вклад в формирование политического ландшафта региона, особенно в его второй композиционный слой – воплощенный слой, и оставили следы в третьем композиционном слое – идеальном в виде значительных информационных блоков, хранящихся в народной памяти, научно-исторических, литературных и поэтических произведениях, фольклоре и т.п.

Появление лагерей на территории Джезказганского региона было обусловлено его индустриализацией в процессе создания «Большого Джезказгана»⁴, научное обоснование необходимости которого принадлежит К.И. Сатпаеву⁵. В свою очередь планирование и создание «Большого Джезказгана» всецело было обусловлено потребностями военно-промышленного комплекса, создаваемого ускоренными темпами в угоду геополитическим имперским интересам Союза ССР⁶.

Первым шагом в строительстве Большого Джезказгана явилась прокладка в 1937 г. железнодорожного пути, связавшего поселок Кенгир (будущий Джезказган) со станцией Жарык Карагандинской железной дороги. Строительство дороги осуществлялось силами заключенных Карлага. Возникновение железнодорожного пути, значительная часть которого пролегла в северо-восточной части Джезказганского региона, положило начало принципиальным изменениям в его политическом ландшафте.

Вторым шагом явилось строительство Джезказганского медного комбината, входившего в состав горно-металлургического комплек-

⁴ Образное обозначение регионального территориально-промышленного комплекса (со времен К.И. Сатпаева именуемого еще и как «Джезказганский промышленный район»), включающего в себя разведку рудных месторождений, строительство подземных рудников и карьеров для добычи руды, строительство обогатительных фабрик и металлургического комбината, организацию ремонтно-механической и энергетической служб, железнодорожного транспорта, строительных предприятий и др.

⁵ Пинегина Л.А., Федюкин С.А. Джезказган – город меди. Исторический очерк. Алма-Ата, 1966. С. 4.

⁶ Альжапарова Б.К. Освоение Большого Жезказгана как интенсивный вариант индустриализации // Академик К.И. Сатпаев и его вклад в развитие и становление инженерного дела в Казахстане: матер. науч.-техн. конф., посвящ. 100-летию академика К.И. Сатпаева. Жезказган, 1999. С. 78–82; Алланиязов Т.К., Дисекенова Н.И. Жезказган как феномен мировой цивилизации // IV Республиканские Маргулановские чтения «Качество, инновация, трудоустройство: опыт университетов»: сб. матер. науч.-практ. конф. Жезказган, 2006. С. 76–80.

са промышленности ГУЛАГа. Строительство комбината предполагало создание необходимой инфраструктуры – промышленных и жилых зданий, дорог и коммуникаций, шахт и карьеров, линий электропередач и котельных, водохранилищ и насосных станций, строительной базы в виде заводов по изготовлению кирпича и железобетонных изделий, складов и различного рода авто- и железнодорожных мастерских и т.п.

Задачи, связанные с созданием Большого Джезказгана, решались последовательно и целенаправленно. При этом всецело использовались такие специфические инструменты советского промышленного и сельскохозяйственного производства, как труд заключенных лагерей ГУЛАГа. В Казахстане к рассматриваемому периоду уже имелся определенный опыт в этом отношении в виде деятельности созданного в 1931 г. Карагандинского ИТЛ, давшего свои результаты в промышленном и сельскохозяйственном освоении обширных степных пространств регионов Центрального Казахстана⁷.

В марте 1940 г. заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР А.П. Лепилов в своем докладе на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии о работе ГУЛАГа дал следующую характеристику Джезказганского комбината: «Расположенный в центральной части Казахской ССР, в слабообжитом районе Карагандинской области, комбинат связан жел[елезо]-дор[рожной] веткой Джезказган – ст. Жарык с железной дорогой Караганда–Балхаш. Полная мощность комбината рассчитана на добычу 50 000 тонн меди в год, запасы которой, с содержанием меди в промышленной руде в 1,68 %, определяются в 4,5–5,0 млн тонн. Геологоразведочные данные позволяют считать Джезказганское медное месторождение основным в СССР, поскольку его запасы составляют 24 % всех запасов СССР и 5,0 % мировых. До текущего года на месторождении производились, главным образом, разведочные работы, и поэтому разворот строительных работ, а также техническое оснащение производства являются задачей 1940 года. Объем капиталовложений на этот год определен в сумме 70 млн. руб. (при полной стоимости комбината в 583,5 млн руб.), за счет чего должно быть выполнено:

⁷ Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А. Очерки истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря ОГПУ-НКВД-МВД СССР (1931–1959). Караганда, 2012. 831 с.

а) строительство шахты на 400 т. тонн в год; б) устройство временной плотины на реке Кенгир (эта же плотина будет служить основанием для постоянной); в) расширение ЦЭС на 6000 квт; г) реконструкция плотины Карсакпай-Джезказган; д) сооружение опытного гидрометаллургического завода; е) жил. строительство и устройство дорог.

По решению Правительства 1-я очередь комбината производительностью 25 000 тонн меди в год должна быть введена в действие к концу 1942 года»⁸.

Если расшифровать перечисленные в докладе Лепилова позиции, связанные со строительством объектов, то следует иметь в виду, что под пунктом а) подразумевалась шахта № 31, под пунктом в) имелась в виду Карсакпайская ЦЭС со строительством ЛЭП Карсакпай-Джезказган, под пунктом г) – плотина на реке Кумола, под пунктом д) – строительство Джезказганского комбината, под пунктом е) – строительство жилых домов в поселках Новый Джезказган (нормативное название на 1941 г. – рабочий поселок Большой Джезказган), Джезказган (ныне поселок Рудник)⁹.

Для обеспечения названных объектов рабочей силой приказом НКВД СССР от 16 апреля 1940 г. № 0149 был организован «Джезказганский исправительно-трудовой лагерь и комбинат НКВД». Сокращенно «Джезказганлаг». Все действующие и строящиеся объекты Большого Джезказгана были переданы в ведение ГУЛАГа НКВД СССР.

За время существования Джезказганлага численность заключенных варьировалась в следующих цифрах: 1 июля 1940 г. – 6444 чел., 1 января 1941 г. – 13 706, 1 июля 1941 г. – 12 543, 1 января 1942 г. – 10 533, 1 января 1943 г. – 11 859 чел. Из общего числа заключенных, находившихся в Джезказганском ИТЛ в 1943 г., женщины составляли 2077 чел. и 1631 были осуждены за контрреволюционные преступления¹⁰.

На первых порах (март 1940 – апрель 1942 гг.) подавляющая часть заключенных была сосредоточена в пределах поселков Кенгир и Рудник, небольшая часть в Карсакпае.

⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. акад. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В.Петров. М., 2002. С. 752.

⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 211.

¹⁰ Там же.

В мае 1942 г. для обслуживания Джездинского марганцевого месторождения в поселке Джезды было организовано лагерное отделение на 2000 заключенных из состава Джезказганского ИТЛ. Еще 2731 заключенный работали на строительстве железной дороги к Джездинскому марганцевому руднику. В 1942 г. на добыче медной руды было задействовано 3117 чел., на других промышленных объектах – 1533, на добыче байконурского угля – 300, на строительстве гражданского жилья – 1901, на сельхозработах – 338 чел.¹¹

Таким образом, с мая 1942 г. часть контингента Джезказганлага была задействована в пределах населенных пунктов Джезды и Байконур.

Появление в Джезказганском регионе в начале 1940-х гг. значительного числа заключенных, численность которых составляла ориентировочно от четверти до трети всего населения, включая жителей рабочих поселков Рудник Джезказган, Байконур и Карсакпай, а также коренного сельского населения, разбросанного по колхозам, существенно повлияло на демографическую структуру, прежде всего в этническом плане. Эти изменения, так же как и начавшиеся процессы создания и уплотнения промышленной инфраструктуры, в известной мере способствовали преобразованию видимого слоя в политическом ландшафте Джезказганского региона.

7 апреля 1943 г. Карагандинскому ИТЛ было передано лагерное отделение, образованное при закрытии Джезказганского ИТЛ¹². В 1943 г. 745 заключенных бывшего Джезказганлага работали на стройке № 110 (железнодорожная ветка Рудник-Джезды)¹³. На 1 января 1947 г. 2-е лагерное отделение Джезказганского лагерного района было расположено в поселке Рудник. Заключенные работали на объектах комбината «Главмедь» (4700 чел., добыча медной руды) и треста «Казмедьстрой» (580 чел., гражданское и промышленное строительство). Контингент отдельного лагерного пункта Байконур Джезказганского лагерного района, в составе которого насчитывался 431 заключенный, работал на добыче угля. 3-е лагерное отделение Джезказганского лагерного района было расположено в поселке

¹¹ Юрк В., Алланиязов Т. Жезказган в годы Великой отечественной войны. Алматы, 2005. С. 68.

¹² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 285.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1192. Л. 26.

Джезды. Заключение работали на объектах Марганцевого рудоправления в поселке Джезды (844 чел.) и строительства № 110 (80 чел.)¹⁴.

Таким образом, с 1943 по 1947 г. включительно численность заключенных, задействованных на стройках и предприятиях Джезказганского региона, сократилась в два раза по сравнению с периодом 1940–1943 гг.

В 1945 г. на базе лагеря № 502 был образован режимный лагерь № 39 для военнопленных германской и японской армий. Лагерные отделения использовали инфраструктуру (9 одноэтажных каменных бараков, 6 землянок, 1- и 2-этажные жилые дома, склады и бани), построенную в период 1940–1941 гг. заключенными Джезказганлага и находившуюся на балансе вновь образованного в 1944 г. треста «Казмедьстрой». Лагерь функционировал до 1948 г., в его составе находилось от 2,5 до 6,3 тыс. военнопленных. За весь период существования лагеря № 39, т.е. с октября 1945 г. по апрель 1948 г., через него прошли 9261 чел. военнопленных, из них: германской армии – 5443 чел., японской армии – 1783 чел., интернированных «западников» – 151 чел., «восточников» – 1884 чел.¹⁵

Таким образом, в период между 1945–1948 гг. в таких позициях демографической структуры Джезказганского региона (в основном в пределах населенного пункта Кенгир), как пол (мужчины), возраст (от 20 до 50 лет) и этническая принадлежность (немцы, австрийцы, венгры, японцы и корейцы), вновь произошли ощутимые изменения, которые с переброской контингента в лагеря для военнопленных № 37 (Балхаш) и № 99 (Караганда) и закрытием лагеря были устранены.

Часть военнопленных была задействована на промышленном и гражданском строительстве в поселке Кенгир. Так, в декабре 1947 г. военнопленные работали на 16 точках: на кирпичном заводе – 40 чел., на строительных работах кирпичного завода – 75, в цехе вяжущих материалов на кирпичном заводе – 20, песчаный карьер № 1 – 40, песчаный карьер № 2 – 25, железнодорожное строительство – 31, гидрометаллургический завод – 30, плотина – 61, аэропорт – 35, строительство больницы и 2-этажного дома – 85, ремонтно-

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1277. Л. 17.

¹⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 24п. Оп. 26. Д. 42. Л. 16.

механический цех – 39, база ОТС – 31, база ЖКО – 25, бытовки ПЭС – 37, кузнечно-котельный цех и автогараж – 55, баня гарнизона – 25. Итого: 654 чел.¹⁶

На 20 февраля 1948 г. военнопленные работали на 14 точках: 22-й квартал – 48 чел., дом № 25 – 40, кирпичный завод – 136, строительные работы на кирпичном заводе – 65, производство шлакоблоков – 25, гидроузел – 30, 23-й квартал – 31, песочный карьер – 80, электростанция – 32, ремонтно-механический завод – 40, база ОТС – 35, база ЖКО – 25, кузнечно-котельный цех – 35, автогараж – 30, трофейное оборудование – 30, строительство склада цемента – 30, железнодорожное строительство – 30. Итого: 742 чел.¹⁷

Наиболее масштабное использование заключенных в промышленном и гражданском строительстве на территории Джезказганского региона наблюдалось в период с 1948 по 1956 г. В это время функционировал особый лагерь № 4 Степной, большая часть лагерных отделений которого дислоцировалась в поселках Кенгир, Рудник, Крестовский, Весовая, Джебды, Карсакпай, Теректы. Среднеквартальная численность заключенных в Степлаге была следующей: IV квартал 1948 г. – 5713, 1 января 1949 г. – 18 572, 1 января 1950 г. – 27 855, 1 января 1951 г. – 18 572, 1 января 1952 г. – 23 089, 1 января 1953 г. – 29 869, 1 января 1954 г. – 21 090, 1 января 1955 г. – 10 481, 1 июля 1956 г. – 7603 чел.¹⁸

Таким образом, за период с 1948 по 1956 г. в демографической структуре вновь происходили существенные изменения по таким позициям, как пол (мужчины и женщины), возраст (от 16 до 65 лет), этническая принадлежность (русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, грузины, армяне, туркмены, узбеки, таджики, казахи, киргизы, финны и карелы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, татары, башкиры, удмурты, евреи, а также немцы, поляки, румыны, иранцы, афганцы, монголы, китайцы, японцы, корейцы, греки, турки)¹⁹.

¹⁶ Государственный архив области Улытау (ГАОУ). Ф. 380. Оп. 2. Д. 23. Л. 33.

¹⁷ ГАОУ. Ф. 380. Оп. 2. Д. 23. Л. 41.

¹⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 403.

¹⁹ Здесь за основу взят национальный состав Степлага за 1951 г. (См.: Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А., Фалезинская И.Ю. Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний. Алматы, 2014. С. 70–71).

Контингент заключенных Степлага был задействован в обслуживании на контрагентских началах Джезказганского медного комбината: добыча медной руды (с 21 мая 1948 г. – поселок Рудник-Джезказган, на 1 мая 1952 г. – поселки Рудник-Джезказган, Крестовский), включая работы на угольных шахтах Байконурского рудника (поселок Байконур, с 29 июля 1948 г. по 7 октября 1950 г.), Карсакпайского медьзавода (15 октября 1955 г.), работы на строительстве производственных и жилых объектов треста «Казмедьстрой» (поселок Кенгир, новый Джезказган с 1948 г.), на 1 мая 1952 г. дополнительно поселок Крестовский и станция Теректы, то же, кроме поселка Крестовский, – на 1 января 1954 г., объектов «Сибспецстроя» (поселок Крестовский), «Главсибсредазстроя» (все на 1 мая 1952 г.), разработка залежей марганца в поселке Джезды (с 29 июля 1948 г.), работы на собственных объектах лагеря: каменных карьерах в поселке Джезказган Рудник, Крестовский, Джезды (на 1 мая 1952 г., на 1 января 1954 г. – поселок Джезды), кирпичном заводе (поселок Джезды), подделка самана, строительство в поселке Кенгир и на станции Теректы, сельскохозяйственные работы (поселок Кенгир и станция Теректы), производство ширпотреба, керамики, мебели, работы столярной, швейной, сапожной и сапожно-портняжной мастерских (поселки Джезказган-Рудник, Крестовский, Джезды (1952–1954 гг.))²⁰.

Наличие на территории Джезказганского региона в период с 1940 по 1956 г. в среднем от 5 до 20 тыс. заключенных и военнопленных обоих полов, разных возрастов и различной этнической принадлежности хотя и являлось величиной переменной, вносило определенные изменения в политический ландшафт. Эти изменения были не только демографического свойства. Политический ландшафт Жезказганского региона существенным образом дополнялся в социокультурном плане. Поскольку на протяжении рассматриваемого периода на территории региона имелись устойчивые этнокультурные анклавы, которые периодически менялись по широкому спектру количественных и качественных характеристик: национальность, образование, профессия, социальная и конфессиональная принадлежность, политические взгляды и ориентации. Эти характеристики в известной мере проявлялись: во-первых, в процессе трудового использования заключенных в виде а) активных

²⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 403.

(побеги, волюнки) либо пассивных (отказ от работы, симуляция) форм сопротивления, б) в выполнении установленных норм и заданий; во-вторых, в виде активного участия в спортивных и культурных мероприятиях, проводимых в соответствии с планами работы культурно-воспитательных отделов лагеря и его подразделений; в-третьих, в виде использования профессиональных знаний на производстве, строительстве и медицинском обслуживании контингента и личного состава лагеря. Важнейшим событием на завершающем этапе рассматриваемого периода явилось восстание заключенных 3-го лагерного отделения в мае-июне 1954 г., жестко подавленное военной силой с применением бронетехники.

Если наличие этнокультурных анклавов было временным фактором, хотя и оставившим свои следы в идеальном слое в виде письменных памятников документального характера, развалин ряда объектов Степлага, то построенные руками заключенных и военнопленных промышленные и гражданские объекты, добытые объемы угля, медной и марганцевой руды, выплавленной меди, построенные железные дороги и другое, в совокупности являлись величиной постоянной. Предметное содержание этой величины внесло радикальные изменения в композиционные слои политического ландшафта в виде возникновения и длительного существования антропоморфных и натуроморфных объектов.

Таким образом, за период с 1940 по 1956 г. многотысячный контингент лагерей ГУЛАГа был задействован на строительстве подавляющего числа объектов промышленного и гражданского строительства, добыче руды, угля и марганца, производстве товаров широкого потребления, сельскохозяйственном производстве. Десятки тысяч заключенных своим трудом внесли существенный вклад в формирование политического ландшафта региона, особенно в его второй композиционный слой – воплощенный слой, и оставили следы в третьем композиционном слое – идеальном, в виде значительных информационных блоков, хранящихся в народной памяти, научно-исторических, литературных и поэтических произведений, фольклоре и т.п.

На протяжении указанного периода политический ландшафт Джезказгана трансформировался самым радикальным образом. Именно в этот период природные элементы региона – горы, степи, лощины, реки, озера и т.п. с нарастающими темпами и расширяющимися объемами стали дополняться:

а) натуроморфными и антропоморфными элементами – объектами: 1) горной металлургии, угледобычи и разработки марганца (шахты и карьеры вокруг поселков Рудник-Джезказган, Крестовский, в Байконуре, в Джездах, обогатительные фабрики, металлургический и гидрометаллургический заводы, Кенгирское и Кумолинское водохранилища, плотины в Карсакпае, Джезказгане и Никольском), а также результатами их деятельности в виде отвалов горной породы, хвостохранилищ, выработанных каменных и песчаных карьеров и т.п.; 2) населенными пунктами (новые города и поселки, застроенные одно-, двух-, трех- и четырехэтажными домами с водопроводом и частично с канализацией – Кенгир (Джезказган), Никольский (Сатпаев), Аварийный, Рыбачий, Комбинатский, Джезды, Улытау, Железнодорожный (Весовая), Крестовский, Четвертый километр, так и расширением старых (Рудник-Джезказган, Карсакпай, Байконур); 3) инфраструктуры (автомобильные и железные дороги, автогаражи и автомастерские, железнодорожные депо и мастерские, ремонтно-механические мастерские, ЛЭП, котельные, хлебопекарни, мясо- и молочно перерабатывающие цеха, кузницы, мельницы, склады, лазареты, больницы и поликлиники, аэропорты, автомобильные и железнодорожные вокзалы и станции); 4) культуры, науки, отдыха, спорта, образования, здравоохранения, соцкультбыта и общепита (ФЗУ, школы, НИИ, парки, скверы, больницы, поликлиники, ДК, кинотеатры, библиотеки, рестораны, столовые, промтоварные и продуктовые магазины и т.п.);

б) искусственными элементами – 1) памятники и бюсты государственным и политическим деятелям (И.В. Сталину, В.И. Ленину); 2) монументы (борцам за Советскую власть, Победе в Великой Отечественной войне, Первостроителям); 3) памятники (воинам-освободителям, матерям-роженицам и т.п.); 4) политическая символика, выраженная, в частности, в плакатах, транспарантах, названиях улиц и площадей.

Определенная часть объектов природы – горы Улытау, степные просторы Сары-арки, экономики – устремленные ввысь копры шахт, металлургический завод и обогатительные фабрики, Кенгирское водохранилище и плотина, культуры – помпезный архитектурный стиль Дворцов культуры (ДК «Металлург» и ДК «Строитель» в городе Джезказгане и ДК в поселке Рудник), кинотеатры, административные и жилые здания в Джезказгане, Руднике и на Весовой использо-

вались политическим режимом как символы своего могущества, преобразующего природу в интересах трудящихся и элементы советской коммунистической идеологии.

Искусственные элементы были нацелены на идеологизацию политического ландшафта региона, которая, с одной стороны, являлась отражением политической культуры, а с другой – призвана была воздействовать на массовое сознание.

В заключение отметим, что лагеря ГУЛАГа, дислоцированные на территории Жезказганского региона, способствовали трансформации политического ландшафта региона. Изменилась социальная и этническая структура населения. Произошли антропогенные изменения природных ландшафтов. Менялись духовные ценности и культурные стереотипы. Закладывались основы будущего радикального преобразования политического ландшафта региона.

Литература

Алланиязов Т.К. Политический ландшафт Улытау-Жезказганского региона: постановка проблемы // Вестник Жезказганского университета им. О.А. Байконурова. 2014. № 2. С. 201–209.

Алланиязов Т.К., Дисекенова Н.И. Жезказган как феномен мировой цивилизации // IV Республиканские Маргулановские чтения «Качество, инновация трудоустройство: опыт университетов»: сб. матер. науч.-практ. конф. Жезказган: АО «ЖезУ», 2006. С. 76–80.

Альжапарова Б.К. Освоение Большого Жезказгана как интенсивный вариант индустриализации // Академик К.И. Сатпаев и его вклад в развитие и становление инженерного дела в Казахстане: матер. науч.-техн. конф. Жезказган, 1999. С. 78–82.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960: сб. докл. / под ред. В.Н. Шостаковского. М.: Материк, 2002. 885 с.

Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т. и др. Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний. Алматы, 2014. 1005 с.

Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т. и др. Очерки истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря ОГПУ-НКВД-МВД СССР (1931–1959). Караганда: Болашак, 2012. 831 с.

Пинегина Л.А., Федюкин С.А. Джезказган – город меди: ист. очерк. Алмата: Наука, 1966. 84 с.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. 597 с.

Юрк В., Алланиязов Т. Жезказган в годы Великой Отечественной войны. Алматы: Фонд XXI век, 2005. 80 с.

References

Allaniyazov, T.K. (2014). Politicheskiy landshaft Ulytau-Zhezkazganskogo regiona: postanovka problemy [Political landscape of the Ulytau-Zhezkazgan region: problem statement]. In *Vestnik Zhezkazganskogo universiteta imeni O.A. Baykonurova*. No. 2, pp. 201–209.

Allaniyazov, T.K., Disekenova, N.I. (2006). *Zhezkazgan kak fenomen mirovoy tsivilizatsii* [Zhezkazgan as a phenomenon of world civilization]. In *IV Respublikanskie Margulanovskie chteniya "Kachestvo, innovatsiya trudoustrojstvo: opyt universitetov"*. Zhezkazgan, pp. 76–80.

Alzhaparova, B.K. (1999). Osvoenie bolshogo Zhezkazgana kak intensivnyy variant industrializatsii [Development of Greater Zhezkazgan as an Intensive Option for Industrialization]. In *Academic K.I. Satpaev i ego vklad v razvitie i stanovlenie inzhenernogo dela v Kazahstane*. Zhezkazgan, pp. 78–82.

Dulatbekov, N.O., Allaniyazov, T.K., Zhumadilova, N.T. et al. (2012). *Ocherki istorii Karagandinskogo ispravitelno-trudovogo lagerya OGPU-NKVD-MVD SSSR (1931–1959)* [Essays on the history of the Karaganda correctional labor camp of the OGPU-NKVD-MVD of the USSR (1931–1959)]. Karaganda, Bolashak. 831 p.

Dulatbekov, N.O., Allaniyazov, T.K., Zhumadilova, N.T. et al. (2014). *Osoblagi v Kazahstane: Stepnoy. Peschanyy. Lugovoy. Dalniy* [Special camps in Kazakhstan: Stepnoj. Peschanyj. Lugovoj. Dalnij]. Almaty. 1005 p.

Kokurin, A.I., Petrov, N.V. (Eds.). (2002). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerey. 1918–1960* [GULAG: Main Administration of the Camps. 1918–1960]. Moscow, MFD. 885 p.

Ohotin, N.G., Roginskiy, A.B. (Eds.). (1998). *Sistema ispravitelno-trudovykh lagerey v SSSR, 1923–1960: Spravochnik* [The system of correctional labor camps in the USSR, 1923–1960: Handbook]. Moscow, Zven'ya. 597 p.

Pinegina, L.A., Fedyukin, S.A. (1966). *Dzhezkazgan – gorod medi. Istoricheskiy ocherk* [Zhezkazgan – a copper city. Historical essay]. Alma-Ata, Nauka. 84 p.

Yurk, V., Allaniyazov, T. (2005). *Zhezkazgan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Zhezkazgan during the Great Patriotic War]. Almaty, Fond XXI vek. 80 p.

К.В. Черепанов¹

«КУНАЕВСКИЙ» ЭТАП МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. Введение. В статье рассматривается вопрос о сути модернизационных мероприятий на территории Казахской ССР в период руководства Д.А. Кунаевым. Цель исследования – в характеристике модернизационных преобразований в Казахской ССР, выделении этапов модернизации и определении роли, которую сыграл Д.А. Кунаев в развитии республики. Материалы и методы: источниковая база исследования – воспоминания и размышления самого Д.А. Кунаева, воспоминания о нем его соратников и современников, материалы и документы, хранящиеся в казахстанских архивах (АПРК, ЦГА РК). Кроме историко-генетического и историко-сравнительного метода, использовалась теория этнической мобилизации, а также методы качественной социологии: дискурс-анализ текстов и речевых практик руководителя Казахской ССР. Выводы: в ходе проведенного анализа данных удалось доказать тезис о значительном влиянии личностного «кунаевского» фактора на развитие Казахской ССР и формирование фундамента современного суверенного казахского государства.

Ключевые слова: социалистическая модернизация, И.В. Сталин, Ф.И. Голосекин, Ж.Ш. Шаяхметов, Д.А. Кунаев, КазССР, Байконур, Темиртау, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, перестройка.

K.V. Cherepanov²

“KUNAEVSKY” STAGE OF MODERNIZATION OF SOCIALIST KAZAKHSTAN

Abstract. The article considers the issue of the essence of modernization measures on the territory of the Kazakh SSR during the leadership of D.A. Ku-

¹ **Константин Владимирович Черепанов**, канд. ист. наук, доцент, заведующий отделом Истории Казахстана XX века, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

² **Konstantin Vladimirovich Cherepanov**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Kazakhstan of the twentieth Century, Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

naev. The purpose of the publication is to characterize the essence of modernization transformations in the Kazakh SSR, highlight the stages of modernization and determine the role, emphasizing the specific features played by D.A. Kunaev in the development of the republic. Materials and methods. The source base of the study is the memories and reflections of D.A. Kunaev, the memories of his associates and contemporaries, materials and documents stored in the archives. In addition to the historical-genetic and historical-comparative method, the provisions of the theory of ethnic mobilization were used. Methods of qualitative sociology were also used: discourse analysis of the speech practices of the head of the Kazakh SSR. Conclusions. In the course of the analysis, it was possible to prove the thesis about the significant influence of the personal, "Kunaev" factor on the development of the Kazakh SSR and the formation of the foundation of the modern sovereign Kazakh state.

Keywords: Socialist modernization, I.V. Stalin, F.I. Goloshchekin, J.Sh. Shayakhmetov, D.A. Kunaev, KazSSR, Baikonur, Temirtau, L.I. Brezhnev, A.N. Kosygin, perestroika.

Республика Казахстан, играющая в настоящий момент первенствующую роль в Центрально-Азиатском регионе с точки зрения экономики, политики и стратегического положения и потенциала, очевидно может и должна рассматриваться в качестве образца успешного развития по пути модернизации и быть объектом исследования для историков и других специалистов, занимающихся проблемами модернизации и общими проблемами современного индустриального развития. Современный Казахстан без преувеличения можно назвать продуктом активной преобразовательской деятельности двух людей, двух политиков, государственных деятелей, являвшихся руководителями республики на протяжении длительного периода времени. Это, конечно, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев и его ближайший соратник младшего поколения, во многом сменивший его на посту партийного руководителя республики, Н.А. Назарбаев.

Но Н.А. Назарбаев, при всем уважении к нему и признании всех его заслуг перед казахстанским обществом и государством, здесь выступает в роли вторичного продукта матрицы, отлитой с Д.А. Кунаева. И возникает вопрос, на который мы, похоже, пока не можем дать ответ – а как бы повернулась судьба Казахстана, если бы у власти в республике остался умудренный опытом и при этом сохранивший потенциал созидателя и реформатора Д.А. Кунаев? Идя дальше,

можно поставить вопрос и о том, какова была бы судьба союзного государства, если бы не была совершена роковая ошибка М.С. Горбачевым, вознамерившимся дать урок «зарвавшимся националистам» на примере Казахской ССР?

Все существование советского государства проходило под знаком модернизации, поскольку сама по себе марксистская доктрина, приобретшая в условиях сталинского Советского Союза характер жесткой идеологии, претендовала на самое правильное, передовое и прогрессивное учение, реализация которого приведет все человечество к состоянию коммунизма и конца истории. Доктринально советское государство не только не отвергало процессы модернизации, но и считало себя лидером и руководителем движения всего человечества по дороге развития социально-экономического и общественно-политического прогресса. Именно позиция лидера и первооткрывателя в важнейшем для всего человечества деле – строительстве правильного и счастливого будущего – оправдывала несуразные жестокости, форсированную штурмовщину и разрушение традиционного уклада и целых общественных групп и даже этносов при достижении доктринальной цели и создавала предпосылки для возникновения и созревания мессианского комплекса у всех советских людей.

Казахстанское общество, и прежде всего казахский этнос, в полной мере стало объектом приложения к себе как способов и методов «большевистской» модернизации, печальные последствия которой привели к тому, что почти половина казахского этноса на территории самого Казахстана через четыре года после начавшихся «модернизационных преобразований» была утрачена либо вследствие гибели, либо вследствие бегства («откочевки»). Сталинская «модернизация» именно в Казахстане, как ни в какой другой республике СССР, принесла свои наиболее губительные плоды, одновременно позволив, на самом деле, заложить основы мощного индустриально-ресурсного комплекса, определявшего впоследствии магистральное направление развития промышленности Казахской ССР. Роль, которую сыграл советский Казахстан в победе над нацизмом, еще предстоит в полной мере оценить и отметить, а применительно к теме исследования целесообразно, как и отметить персональные заслуги в этих достижениях второго секретаря ЦК КП (б) Казахстана Ж.Ш. Шаяхметова и ставшего с июня 1942 г. заместителем председателя СНК КазССР Д.А. Кунаева.

После исторической победы над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне сформировавшийся ранее комплекс «победителя» усилился на почве колоссальных жертв, понесенных советскими народами в этой войне, и справедливой гордости за ту роль, которую они сыграли в поражении сил агрессии и нацизма. На все последующие десятилетия Великая Отечественная война стала главной духовно-идеологической скрепой советского государства, отодвигая на задний план прежнюю революционную романтику. Соответственно концепция модернизации, но именно социалистического, советского варианта, получила второе дыхание и во многом новую жизнь, распространяясь уже и за пределы Советского Союза – на страны «народной демократии» и государства «социалистической ориентации» в третьем мире.

Со смертью И.В. Сталина закончился первый период социалистической модернизации Казахстана, который в местных условиях мог бы именоваться как «голощекинско-шаяхметовский». Территория республики не подвергалась разрушению во время военных действий, и здесь не стояли задачи восстановления хозяйства, ставшие триггером развития советской экономики для западных областей СССР, затронутых войной. Но Казахстану в рамках послевоенной модернизации была уготована другая участь – стать полигоном для ядерных и иных рискованных испытаний, проводимых ведомством Министерства обороны, главной площадкой для запуска космических аппаратов и новой житницей всего союзного государства. В реализации этих масштабных, затратных и, по сути, модернизационных проектов огромную роль сыграли первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана (1946–1954 гг.) Ж.Ш. Шаяхметов и вышедший на первые роли в качестве председателя Совета Министров КазССР Д.А. Кунаев.

Вскоре Жумабай Шаяхметович Шаяхметов был фактически смещен с должности первого секретаря Коммунистической партии Казахской ССР за попытку отстоять неприкосновенность степных угодий Казахстана, являвшихся, по его мнению, основным богатством республики и залогом выживания всего казахского этноса. По информации инспектора ЦК т. Пигалева, принимавшего непосредственное участие в работе Пленума ЦК КП Казахстана от 9 февраля 1954 г., «...большинство выступающих на пленуме подвергли резкой критике бюро, секретарей ЦК КП Казахстана т.т. Шаяхметова и Афо-

нова за канцелярско-бюрократический метод руководства, особенно сельским хозяйством, отрыв от низовых партийных организаций, незнание положения дел на местах, отсутствие коллегиальности и критики в работе бюро, допущение серьезных ошибок в подборе и воспитании кадров, а также за отсутствие инициативы в решении перспективных вопросов развития народного хозяйства республики»³. Уже из этих слов ответственного партийного работника, представлявшего центральное союзное руководство, видно, чем стало неуютно Москве прежнее республиканское партийное руководство.

В марте следующего, 1955 г. наступил черед оказаться неуютным центру и другому авторитетному и уважаемому многолетнему руководителю республиканского правительства, занимавшему этот пост с 1938 по 1951 г., Н.Д. Ундасынову. На сессии Верховного Совета Казахской ССР (31 марта 1955 г.) он не был допущен к выборам председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР «в связи с тем, что он, находясь длительное время на посту председателя Совета Министров республики, занимал неправильную позицию в области развития сельского хозяйства, был сторонником полукочевого отгонного животноводства, что нанесло серьезный ущерб хозяйству республики, не ставил вопросов и не поддерживал предложения о всемерном использовании ресурсов Казахстана»⁴.

Приходило время новых руководителей, готовых и способных реализовать масштабные планы и задумки нового советского руководителя – Н.С. Хрущева. По итогам сессии Верховного Совета Казахской ССР 1955 г. Динмухамед Кунаев, которому на тот момент было всего 43 года, был назначен председателем Совета Министров Казахской ССР. В единой союзной стране начался следующий этап социалистической модернизации – «хрущевско-брежневский», который в условиях КазССР, по справедливости, мог бы именоваться «кунаевским». И выход на первый план при характеристике сути этого периода в истории советского Казахстана фамилии его партийного руководителя связан не только с длительностью его правления, но и с тем вкладом, который он внес в социально-экономическое

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 150. Л. 93.

⁴ Там же. Л. 120.

и общественно-политическое развитие республики за годы своего руководства.

Многие страницы воспоминаний Д.А. Кунаева о его деятельности на посту главы правительства КазССР в 1955–1960 гг. и в 1962–1964 гг. и руководителя партийной организации республики в 1962–1964 гг. имеют прямое отношение к личности Н.С. Хрущева и его деятельности на посту высшего руководителя союзного государства. Отдавая должное заслугам этого эксцентричного и противоречивого деятеля, Кунаев обращал внимание и на его ошибки, расплачиваться за которые приходилось всему советскому народу⁵. Но именно в период руководства страной Н.С. Хрущевым Советский Казахстан стал превращаться в своеобразную витрину успехов и достижений восточного традиционного общества, осуществившего социалистическую модернизацию. При этом республика была не просто витриной, но и реально добилась в «кунаевский» период значительных успехов в своем социально-экономическом и научно-культурном развитии.

Во время работы главой правительства республики в 1955–1960 гг., развивая и углубляя полученные в предыдущие годы работы в правительстве навыки, практики, контакты и личные связи, он окончательно выработал свой стиль руководства с опорой на профессионалов и целеустремленных грамотных руководителей, подобных Каюму Мухамеджановичу Симакову, работавшему с Д.А. Кунаевым еще в Лениногорске главным инженером, а потом и директором местного свинцового завода. Наиболее ценными в последующей партийно-государственной карьере Д.А. Кунаева оказались его теплые и деловые отношения с будущими первыми руководителями союзного государства А.Н. Косыгиным и Л.И. Брежневым. С первым он находился в тесном контакте еще в годы войны, когда А.Н. Косыгин фактически возглавлял Совет по эвакуации при СНК СССР, а затем работал заместителем председателя СНК СССР. Сам казахстанский руководитель отмечал, что и «...в дальнейшем у меня были очень хорошие деловые связи и полный контакт в работе с Косыгиным»⁶.

⁵ Кунаев Д.А. О моем времени. От Сталина до Горбачева. Алматы, 2022. С. 163–165.

⁶ Там же. С. 158.

Уже работая на посту председателя Совета Министров КазССР, Д.А. Кунаев находился в самом тесном контакте с Л.И. Брежневым, занимавшим с февраля 1954 по август 1955 г. пост второго секретаря, а с августа 1955 по март 1956 г. пост первого секретаря ЦК КП Казахстана. Именно Л.И. Брежнев и Д.А. Кунаев руководили масштабными мероприятиями по подъему целинных земель Северного Казахстана и закладывали основы советского космического проекта – легендарный космодром Байконур. Пожалуй, уместным будет здесь привести характеристику отношений между этими двумя государственными и партийными советскими руководителями, данную самим Д.А. Кунаевым: «С первых же дней работы с Брежневым, <...>, у нас сложились хорошие деловые отношения. С ним работать было легко <...> Я всегда работал с ним в полном контакте»⁷.

Назначение Д.А. Кунаева председателем Совета Министров Казахской ССР совпало с проведением целинной кампании по освоению залежных земель в СССР, в том числе и в Казахстане. В 1956 г. была организована работа по приезду специалистов, которые проводили разведочные работы в поисках месторождений урановых руд на Мангышлаке, что позже послужит одним из оснований для возникновения нового города Шевченко (Актау). В августе 1957 г. Соколовско-Сарбайское горно-обоганительное предприятие в Рудном отправило первый эшелон товарной руды челябинским металлургам. Бывший поселок Миргалимсай, переименованный еще в 1955 г. в город Кентау, стал важным центром горнорудной промышленности, и в 1957 г. в нем был сдан в эксплуатацию завод железобетонных изделий треста «Миргалимсвинестрой».

В этот период перед Кунаевым, как главой правительства, стояли непростые задачи. Так, требовалось форсировать строительство Карагандинского металлургического комбината в Темиртау, объявленное Всесоюзной молодежной стройкой с сооружением новых цехов. Необходимо было вводить новые промышленные объекты цветной металлургии, осваивать месторождения каратауских фосфоритов, продолжать масштабные работы по освоению и развитию целинных и залежных земель. Демографический рост, в том числе за счет миграции из других союзных республик в Казахстан, требовал открытия и расширения торговых, бытовых объектов, медицинских, об-

⁷ Кунаев Д.А. О моем времени... С. 95.

разовательных и иных учреждений с заполнением их соответствующими кадрами и решения многих других вопросов, стоявших на повестке дня работы правительства.

Высокие темпы развития промышленности и особенно таких важнейших отраслей, как угольной, горнорудной, черной и цветной металлургии, химической промышленности и строительной индустрии, определили быстрый рост городов и рабочих поселков. За последующие пять лет из небольших рабочих поселков образовались крупные города Джезказган, Темиртау, Сарань, возникло 13 новых рабочих поселков, а численность городского населения возросла на 250 тыс. человек⁸.

В то же время строительство жилья, школ, больниц, столовых и зданий культурно-бытового назначения резко отставало от развития промышленности, роста населения и его культурных запросов, что вызывало многочисленные справедливые жалобы трудящихся, а также большую текучесть кадров на предприятиях и стройках. Настоящим уроком для самого Кунаева и всех партийно-государственных руководителей союзного уровня стали события в Темиртау 2–3 августа 1959 г.⁹ Они показали, что ни принудительными методами сталинского ГУЛАГа, ни реанимацией в духе революционно-коммунистической романтики форсированной штурмовщины добиться серьезных успехов в строительстве экономики и ее успешном и длительном развитии невозможно.

Власть, в целом справившись с кризисом, получила хороший урок на будущее, который уже никогда не забывался. Создание комфортных социально-бытовых условий для тружеников тяжелого и сложного производства отныне стало постоянной заботой партийно-государственного руководства СССР на союзном уровне и на уровне руководства республиками. Д.А. Кунаев, пришедший к высшей партийно-государственной власти в республике на фоне событий в Темиртау в тандеме с усилиями секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, никогда об этом не забывал и делал все возможное для того, чтобы подобное стихийное выражение протеста на бытовой почве нигде и никогда более не повторялись. Забота о нуждах простых людей, ка-

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 170. Л. 46.

⁹ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.) М., 2010. С. 145–156.

кими бы резонами она ни объяснялась, была характерной и отличительной чертой «кунаевской» модернизации.

Развитие промышленности и инфраструктуры в Казахстане долгие годы было невозможно без привлечения дополнительной рабочей силы из других регионов Союза – рядовых рабочих и высококлассных специалистов и инженеров. В республике не было достаточной сети профессиональных училищ и финансовых ресурсов, поэтому приходилось рассчитывать исключительно на возможности союзного центра. Высшее партийное руководство страны в 1930–1940-е гг. массово ссылало в центральные районы Казахстана представителей отдельных, но достаточно широких социальных групп и целые народы, а затем стало масштабно использовать на производстве и труд заключенных. Развитие промышленности в республике долгое время проходило без сколько-нибудь серьезного участия местного населения и без учета его интересов и общественных позиций по этому вопросу.

Союзный центр в полной мере осознавал специфические особенности промышленного развития своей самой большой по территории после РСФСР союзной республики, имея в виду ее сырьевые ресурсы и выгодное военно-стратегическое положение, но стремился закрепить сложившуюся структуру промышленности в республике. Ни один руководитель союзной республики в таких условиях не мог бы пойти наперекор центру. Но Д.А. Кунаеву удавалось все годы руководства республикой успешно сочетать реализацию намеченных союзным руководством масштабных планов и гигантских проектов с очевидными достижениями в области социально-экономического развития республики и улучшением условий жизни представителей всех народов, проживавших на территории Казахстана.

Возглавив в декабре 1964 г. вторично республиканскую партийную организацию, Кунаев продолжил курс на развитие уже ставших традиционными для хозяйственной структуры Казахстана отраслей индустрии. Никто, кроме него, не знал так хорошо состояние отечественной промышленности, ее нужды, потребности и степень интегрированности в общесоюзный комплекс. Как организатор промышленного производства в стране в предыдущие десятилетия, Д.А. Кунаев не мог уже изменить тенденции индустриального развития республики, но способствовал укреплению существующего производства и появлению новых отраслей.

Только за первую половину 1960-х гг. экономический потенциал Казахстана удвоился. В Кустанайской степи на базе месторождения железных (магнетитовых) руд возникла мощная ресурсная база черной металлургии – Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат (ГОК), первая очередь Джетыгаринского асбестового комбината. Стали давать регулярную продукцию Чимкентский завод фосфорных солей, Гурьевский завод синтетического спирта, был сдан в эксплуатацию мощный слябинг на Карагандинском металлургическом заводе. Вступили в строй целлюлозно-картонный комбинат и ТЭЦ в Кызыл-Орде, получена первая нефть на объектах нефтегазового месторождения Узень на Мангышлаке, начато строительство атомного реактора на быстрых нейтронах в молодом городе атомщиков и нефтяников Шевченко (Актау). На полную мощность работали Балхашский и Джезказганский горно-металлургический комбинаты, Актюбинский химический комбинат, Карагандинский завод синтетического каучука, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый и титано-магниевого комбинаты, Павлодарский алюминиево-глиноземный и Чимкентский свинцовый заводы. Уникальное производство в промышленных масштабах редкоземельных элементов и редких металлов было налажено на Иртышском химико-металлургическом заводе¹⁰.

Произошли и серьезные изменения в самой структуре промышленности республики. Развитие получила машиностроительная отрасль Казахстана: вошли в строй первая очередь Павлодарского машиностроительного завода, конденсаторный и приборный заводы в Усть-Каменогорске, завод отопительного оборудования в Караганде, экскаваторный и трансформаторный заводы в Кентау, завод электроаппаратуры в Чимкенте, завод низковольтной аппаратуры в Алма-Ате¹¹. По словам Кунаева, «экономический потенциал нашей республики за семилетку удвоился. За это время вырос как бы еще один Казахстан»¹².

Возвращение Д.А. Кунаева на пост первого секретаря республиканской партийной организации совпало с началом знаменитой «косыгинской» реформы, одним из радетелей и активных сторонни-

¹⁰ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп. 40. Д. 11. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 23.

¹² Там же. Л. 19.

ков которой являлся и сам казахстанский партийный руководитель. Ключевыми годами осуществления этой самой масштабной в истории экономики Советского Союза реформы были годы 8-й пятилетки (1966–1970 гг.). Эту пятилетку позже назовут «золотой», и не столько из-за устойчивого экономического роста, который демонстрировало советское народное хозяйство, сколько из-за ее результатов, коренным образом изменивших образ жизни большей части советских людей. В годы первой «брежневско-косыгинской» пятилетки производство ориентировалось не на объемы, а на реализацию, прибыль и доходы в бюджет. Советский экономист Е.Г. Либерман, заложивший теоретические основы реформы, исходил из необходимости для советской экономики перестроиться именно на интенсивные, качественные показатели и ориентиры. Весь прежний опыт руководителя республикой доказывал самому Д.А. Кунаеву правильность именно подобных принципов функционирования народного хозяйства.

Эпоха эксплуатации труда заключенных и энтузиазма первых поколений «строителей коммунизма» уходила в прошлое, так и не доказав своей социально-экономической целесообразности; новым поколениям советских людей, ждавшим обещанного партией на XXII съезде КПСС коммунизма, помимо прежнего страха и набивших оскомину моральных стимулов, требовались уже иные, более «качественные» и осязаемые императивы к производительному (желательно высокопроизводительному) труду. Обладание собственностью, конечно, в разумных при социализме проявлениях, повышение качества жизни, создававшее иллюзию относительного ежедневного комфорта и достатка, лучше всего заинтересовывало советского человека в результатах своего труда и помогало правящей партии сохранять социальную стабильность в обществе. Тем более что средства и ресурсы относительно состоятельных людей могли служить важным стимулом дальнейшего экономического развития.

Д.А. Кунаев был одним из тех советских руководителей, который при всем внимании к вопросам развития основных стратегических отраслей советской индустрии стремился уделять внимание и развитию отраслей, удовлетворявших насущные и первоочередные нужды простого советского человека, и не просто выступал в роли послушного исполнителя указаний союзного центра или статиста, а

часто был сам инициатором тех или иных масштабных проектов и реализовывал их. Он полагал, что создание многоотраслевого индустриально-сырьевого комплекса принесет конкретные положительные плоды не только всему союзному государству, но и обернется существенными выгодами для народного хозяйства республики, решая многие проблемы социально-экономического развития, усилит его промышленный, производительный потенциал и заложит базу для устойчивого и стабильного экономического развития в будущем.

Б.А. Ашимов, занимавший пост председателя Совета Министров КазССР в 1970–1984 гг., объясняя схему финансирования строительства различных промышленных объектов и объектов инфраструктуры в республике, указывал на то, что в республике сооружалось много крупных производственных объектов для предприятий союзного подчинения, требовавших сосредоточения на стройках больших сил строительных и монтажных организаций, а также материально-технических ресурсов. И руководство республики проводило такую линию, чтобы этими стройками больше занимались центральные органы – союзные министерства, Госплан и Госснаб Союза.

«Требовалось изыскивать, – вспоминал Б. Ашимов, – в пределах плана и вне плана необходимые денежные средства и материальные ресурсы. Согласовывались ежегодные объемы в Госплане Союза, размещать их по исполнителям – строительным и монтажным организациям. Вся эта большая и кропотливая работа осуществлялась Советом Министров, членами Правительства – министрами и руководителями республиканских ведомств, проектными организациями, исполкомами областных, городских и районных Советов. До сих пор помню, как непросто решались сложные вопросы финансирования строек. При составлении проектно-сметной документации нередко занижалась стоимость объекта, чтобы облегчить утверждение. А по существовавшему порядку смета стоимостью до трех миллионов рублей утверждалась Совмином республики, свыше – Москвой. В процессе строительства происходило значительное (иногда в два раза) удорожание первоначальной сметы. Банк прекращал дальнейшее финансирование, останавливались строительные работы»¹³.

¹³ Толмачев Г. 50 встреч с Д.А. Кунаевым: Воспоминания. Алматы, 1997. С. 34–35.

При таком положении, конечно, огромную роль играли связи руководителя республики, его личные, длительные и деловые контакты с руководителями союзных структур, министерств и ведомств. У Д.А. Кунаева они были на самом высоком уровне и во всех необходимых союзных структурах. Имея выходы на нужных союзных руководителей и будучи сам членом Политбюро и, следовательно, партийным руководителем союзного уровня, он раз за разом пользовался личными связями, но никогда не делал этого для своего личного интереса.

Д.А. Кунаев с пониманием отнесся и к провозглашенным на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. лозунгам перестройки и ускорения. Направленные им документы в адрес ЦК КПСС и Совета Министров СССР свидетельствуют о том, что руководство Казахской ССР всерьез было намерено заниматься вопросами реформирования и модернизации экономической структуры республики через повышение, прежде всего, степени хозяйственной и финансовой самостоятельности, основываясь на рыночных механизмах.

В информационной записке «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981–1985 годах и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары» и «Об увеличении производства товаров массового спроса, повышении качества и улучшения их ассортимента в 1981–1985 годах» содержатся данные о том, что в 1985 г. производство потребительских товаров и услуг достигло 10,99 млрд руб., что на 1,5 млрд руб. было больше, чем в 1980 г. Объем выпуска товаров улучшенного качества с индексом «Н» и особо модных, реализуемых по договорным ценам, составил 621,7 млн руб., с ростом к предыдущему году на 15,2 %¹⁴.

Помимо информирования высшего союзного руководства о количестве произведенной продукции для удовлетворения спроса населения, ее качестве и ассортименте, здесь содержится важная информация о начавшемся процессе перестройки в хозяйственно-экономических отношениях, начале поворота крупных промышленных

¹⁴ АПРК. Ф. 708. Оп. 129. Д. 1. Л. 53.

предприятий и производств к народу, к учету и удовлетворению его потребностей и реальных нужд.

Важным является тот факт, что руководство республики предположало в дальнейшем целиком опираться на собственные силы и ресурсы: «В настоящее время с учетом опыта Белорусской ССР в республике принимаются дополнительные меры по изысканию резервов дальнейшего наращивания производства товаров народного потребления и улучшения обслуживания населения»¹⁵. Республика за два десятилетия обзавелась мощным индустриально-ресурсным потенциалом и теперь, мобилизуя местные ресурсы, собиралась использовать их на благо Казахстана и его народа. Но когда пришло время, которое он так долго ждал и к которому готовил свою республику, свой народ, он оказался не у дел.

В условиях жесткого формата советской административной системы, в рамках предоставленных ему полномочий Кунаеву удалось повысить значение и влияние Казахстана среди республик СССР и сформировать такие условия, что после распада Советского Союза республика сумела избежать конфликтов на этнической и региональной почве, во многом сохранив и свой модернизационный потенциал. Для нескольких поколений казахстанцев Д.А. Кунаев стал олицетворением стабильности и под его руководством были заложены основы будущей самостоятельности и независимости. Оставаясь всю свою сознательную жизнь примерным советским человеком в самом лучшем, идеализированном смысле этого слова, Д.А. Кунаев закладывал здоровые основы и крепкий фундамент под здание современной казахской государственности.

Литература

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 543 с.

Кунаев Д.А. О моем времени. От Сталина до Горбачева. Алматы: Meloman Publishing, 2022. 378 с.

Толмачев Г. 50 встреч с Д.А. Кунаевым: Воспоминания. Алматы: Кітап, 1997. 160 с.

¹⁵ АПРК. Ф. 708. Оп. 129. Д. 1. Л. 56.

References

Kozlov, V.A. (2010). *Massovye besporyadki v SSSR pri Hrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-h gg.)* [Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina. 543 p.

Kunaev, D.A. (2022). *O moem vremeni. Ot Stalina do Gorbacheva* [About my time. From Stalin to Gorbachev]. Almaty, Meloman Publishing. 378 p.

Tolmachev, G. (1997). *50 vstrech s D.A. Kunaevym: Vospominaniya* [50 meetings with D.A. Kunaev: Memoirs]. Almaty, Kitap. 160 p.

УДК 327.5(470+571:6))"1970/1980" DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3-142-152

И.Т. Муминов ¹

**МИССИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ДИПЛОМАТИЯ
ШАРАФА РАШИДОВА И ЭКСПОРТ СОВЕТСКОЙ
«АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ»
В СТРАНЫ АФРИКИ. ОПЫТ АНГОЛЫ**

Аннотация. Публикация посвящена «мягкой силе» в продвижении советской модели модернизации в страны Африки и роли Шарафа Рашидова в этом процессе. Показаны основные направления продвижения советской модели модернизации в страны Африки, разделенные на этапы. Материалы взяты из советской и иностранной периодической печати, а также из архивных материалов семьи Шарафа Рашидова. Автор рассмотрел основные направления модернизации СССР на примере Анголы. Приведена диаграмма, отражающая количество визитов Шарафа Рашидова в страны Африки. На карте-схеме визуализирована хронология визитов Шарафа Рашидова в страны Африки.

Ключевые слова: Шараф Рашидов, Африка, СССР, мягкая сила, дипломатия, модель модернизации.

I.T. Muminov ²

**THE MODERNIZATION MISSION: SHARAF RASHIDOV'S
DIPLOMACY AND THE EXPORT OF THE SOVIET
«AGROECONOMIC AND CULTURAL MODEL»
TO AFRICAN COUNTRIES. THE ANGOLAN EXPERIENCE**

Abstract. This publication examines the soft power of the Soviet modernization model in African countries and Sharaf Rashidov's role in soft power diplomacy in Africa. The main directions of the Soviet modernization model are pre-

¹ **Искандар Талибович Муминов**, независимый исследователь, ННО Международный общественный Фонд имени Шарафа Рашидова, руководитель проектов, Национальный центр археологии Академии наук Узбекистана, Ташкент, Узбекистан, e-mail: founfationsr2021@gmail.com

² **Iskandar Talibovich Muminov**, independent researcher, NGO Sharaf Rashidov International Public Foundation, Project Manager, National Center for Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan, e-mail: founfationsr2021@gmail.com

sented, broken down into stages for African countries. The materials are based on Soviet and foreign periodicals, as well as archival materials from Sharaf Rashidov's family. The analysis of Soviet periodicals is provided using Angola as an example. A diagram showing the number of Sharaf Rashidov's visits to African countries is provided, and a map visualizes the chronology of his visits to African countries.

Keywords: Sharaf Rashidov, Africa, USSR, soft power, diplomacy, modernization model.

Внешняя политика СССР в отношении Африки в период с 1950 по 1983 г. была направлена на поддержку антиколониального движения, выражение солидарности со странами Африки, которые недавно вступили на путь независимого от империй развития. Советский Союз оказывал финансовую помощь странам Африки, выделяя кредиты с низкой процентной ставкой, помогал модернизировать экономику, осуществлял инфраструктурные проекты, развивал ресурсную базу, обучал профессиональные кадры. Кроме того, велик был вклад в оказание военной помощи в модернизации вооруженных сил и разминировании африканских территорий. Таким образом, можно говорить, что СССР распространял социалистическую модернизацию на страны Африки. Этот многовекторный процесс включал: «...планирование и разработку проектов, поставку технического оборудования и командирование кадров. При этом важнейшей чертой советской политики помощи было отсутствие неокOLONиального влияния»³.

В центре внимания данной статьи – советская стратегия аграрно-культурного влияния на страны Глобального Юга (Африка) и миссия Шарафа Рашидова в модернизации стран Африки на примере Анголы. Источниковая база данной статьи довольно представительна. Материалы по этому периоду и данной проблематике отбирались в различного рода источниках, таких как:

1) архивы – Российский государственный архив новейшей истории, Ташкентский городской центральный архив, Цифровой исторический архив ННО Международного общественного Фонда Шарафа Рашидова в Ташкенте;

³ Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Корендясов Е.Н. Советская структурная помощь Республике Мали в 1960–1968 гг. // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 714–727.

2) советская центральная и республиканская и частично иностранная (Зимбабве, США) периодическая печать – газеты «Правда», «Известия», республиканская партийная газета «Правда Востока», центральный журнал «Современный Восток», публикации Службы информации о зарубежном радиовещании США (FBIS) «Report, Foreign radio Broadcast», газета Зимбабве «The Herald Incorporating The Nation/ Salisbury».

3) визуальные источники – фотоальбомы, охватывающие период 60–80-х гг. XX в. и связанные с посещением Ш. Рашидовым стран Африки.

В странах Африки побывали разные советские дипломатические миссии, возглавляемые такими политическими лидерами, как Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Д.А. Кунаев. Особое место в дипмиссиях в Африку занимал Шараф Рашидов. Выбор Рашидова в качестве переговорщика и представителя дипмиссий был обоснован следующими факторами: он был родом из Узбекистана – региона, традиционно исповедующего ислам, знал общие мусульманские традиции, о чем в 1955 г. говорил Н.С. Хрущев в своем выступлении в Кашгаре⁴. Шараф Рашидов знал арабский алфавит и мог писать на староузбекском языке, был представителем азиатской национальности, ветераном Второй мировой войны, поэтому мог находить общий язык с африканскими лидерами, имеющими схожие корни. Как сказано в Документе о политике СССР и его союзников в Африке, подготовленном Госдепартаментом США в январе 1959 г.⁵: «Межличностные контакты играли ведущую роль в отношениях стран Блока с Африкой, и, похоже, их масштабы существенно возросли»⁶.

Шараф Рашидов завязывал дружеские контакты с лидерами африканских стран, поэтому был частым гостем в странах Африки. Он посетил девять африканских стран: Египет, Гвинею, Гану, Мали, Алжир, Анголу, Мозамбик, Зимбабве, Эфиопию с 15 визитами. Шараф Рашидов принимал активное участие в реализации программ по укреплению сотрудничества и проявлению солидарности в поддержке антиколониального движения стран Африки, в том числе по-

⁴ Известия. 1955. 11 дек. (№ 292). С. 1.

⁵ Документ о политике СССР и его союзников в Африке, подготовленный Государственным департаментом США. Январь 1959 г. [Электронный ресурс] // Документы XX века. URL: <https://doc20vek.ru/node/4176>

⁶ Там же.

средством оказания экономической помощи. Он был участником трех конференций Организации солидарности народов Азии и Африки: первой – в Египте в 1957–1958 гг., второй – в 1960 г. в Гвинее, и третьей – в 1965 г. в Гане.

В 1958 г. Ш. Рашидов организовал первую Конференцию писателей стран Азии и Африки в Ташкенте, что привело к созданию Бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки в Коломбо, Цейлон (современная Шри-Ланка). Шараф Рашидов 1958 г. на Конференции писателей объединил (на время) писателей Азии и Африки с общей целью антиколониальной борьбы, это намерение получило название «ташкентский дух».

Как пишет ЛеСОНПТЕ (1971): «Рашидов стал проявлять все большую активность во внешней политике в 1960-х гг., включая миссии в Гану, Алжир, Мали, и поддерживал обширные контакты с движением афро-азиатской солидарности»⁷. Кроме того, Шараф Рашидов принимал участие в экономических переговорах в ходе дипломатических визитов в Гвинею, Мали, Алжир, Анголу, в результате которых для реализации программ экономической помощи был выбран Узбекистан как близкий по условиям к африканским странам. Узбекистан был задействован в профессиональной подготовке африканских национальных кадров, поставках сельскохозяйственных машин, развитии новых сельхозпроизводств в Африке. Все это было направлено на модернизацию инфраструктуры и экономики ряда африканских стран.

При Шарафе Рашидове Ташкент становится больше культурным центром дружбы и взаимопонимания между народами Азии и Африки, чем политическим центром, но подспудно решаются и политические, и экономические вопросы. Шараф Рашидов писал, что после конференции писателей стран Азии и Африки в 1958 г.: «...появилось крылатое выражение – “дух Ташкента”. Дух единства и дружбы». Эти конференции дважды проходили в Ташкенте – в 1958 и 1976 гг. – конференция молодых писателей Азии и Африки. «Место писателя – неизменно в рядах борцов за ... прочный мир, социальный прогресс и расцвет национальных культур»⁸. Поэтому выбор

⁷ LeСОНПТЕ G. Soviet Muslims and the Afro-Asian World. The American University, Ph.D., 1971. 307 p.

⁸ Рашидов Ш. Собрание сочинений. М., 1980. Т. 4. 463 с.

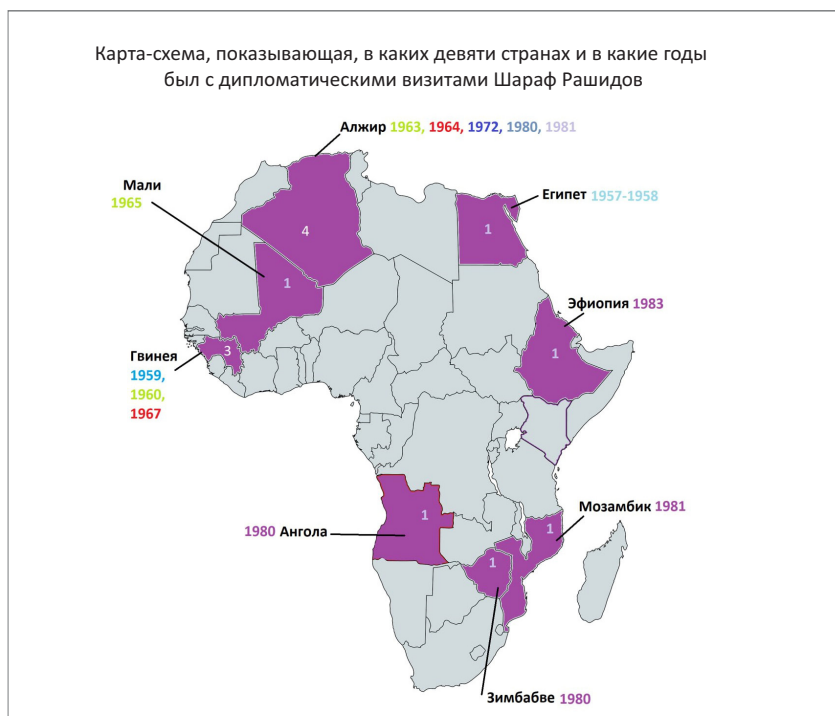
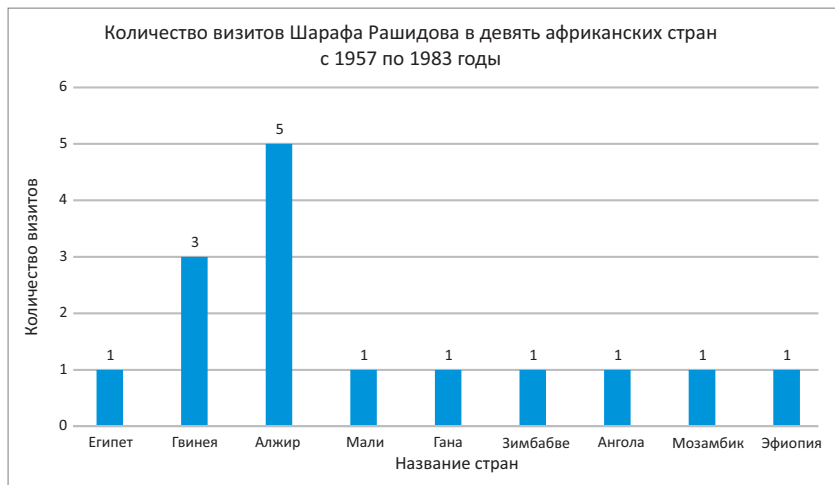
Шарафа Рашидова медиатором между ЦК КПСС и странами Африки более чем очевиден.

На первом этапе процесса модернизации в странах Африки главы делегаций СССР и африканской страны на личном уровне обсуждали, что необходимо стране для развития экономики. Вторым этапом – определение направления модернизации страны: развитие сельского хозяйства, геологоразведка, постройка перерабатывающих предприятий, индустриализация, подготовка кадров для новой модели экономики и т.д. На третьем этапе проводили переговоры в африканской стране, в ходе которых решали основные вопросы, как обеспечить нужды страны. Четвертый этап проходил в Москве, заключали договоры об экономической помощи странам Африки. На пятом этапе выделяли кредиты с низкой процентной ставкой. Шестым этапом – на основе советских кредитов африканские страны закупали в СССР необходимые технологические промышленные линии, модернизировали имеющуюся сельскохозяйственную инфраструктуру, получали из Советского Союза сельскохозяйственную технику. Седьмым этапом – обучение кадров в СССР. Представители африканских стран приезжали в Узбекистан, чтобы на месте изучать опыт в различных областях экономики от образования, культуры, науки до сельского хозяйства и производства. По возвращении в свои страны они активно внедряли полученный опыт на местах.

На протяжении десятилетий шел обмен делегациями по различным направлениям – сельскому хозяйству, промышленности, образованию, науке и культуре. Студенты из африканских стран учились за счет СССР, впоследствии они становились акторами, которые проводили в своих странах экономическую политику Советского Союза, что отмечали и иностранные исследователи⁹.

На совмещенной диаграмме и карте-схеме представлена информация по количеству дипломатических визитов Шарафа Рашидова в девять стран Африки в порядке их хронологии. Как видно из диаграммы, больше всего визитов Ш. Рашидов совершил в Алжир (5) и Гвинею (3). В остальные семь стран – Египет, Гану, Мали, Зимбабве, Анголу, Мозамбик, Эфиопию – было по одному визиту.

⁹ Документ о политике СССР и его союзников в Африке, подготовленный Государственным департаментом США. Январь 1959 г. // Документы XX века [Электронный ресурс]. URL: <https://doc20vek.ru/node/4176> (дата обращения: 10.09.2025).

Особый интерес для нашего исследования представляет визит Ш. Рашидова в Анголу, получившую независимость в 1975 г. при содействии СССР. Ангола и Узбекистан тесно сотрудничали в области хлопководства и его механизации: узбекские специалисты, ученые, инженеры, механизаторы, гидрологи, ирригаторы, колхозники работали на полях Анголы, создавая новую сельскую инфраструктуру. Сотрудничал Узбекистан с Анголой и в сфере обучения ангольских кадров хлопководству, механизации и ирригации сельского хозяйства.

Из анализа периодики следует, что в Анголе интерес к советской модели модернизации сельского хозяйства проявляли на высшем уровне. Так, «...в 1976 году партийно-государственная делегация во главе с председателем Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), президентом Народной Республики Ангола товарищем Агостиньо Нето побывала в Узбекистане. Осматривая хлопковые поля, Агостиньо Нето дал высокую оценку мастерству хлопкоробов, выразив пожелание сотрудничать земледельцам двух стран...»¹⁰.

Узбекские специалисты оказывали Анголе техническое содействие. В 1980 г. в Анголу с визитом прибыл министр мелиорации и водного хозяйства Узбекской ССР И.Х. Джурабеков. «Особенность нынешнего этапа – комплексное развитие сельского хозяйства. В рамках сотрудничества заложены плантации фруктовых деревьев, налажено выращивание овощей, создана птицефабрика, построены пекарня и клуб. Идет профессиональная подготовка национальных кадров. Отремонтированы дороги, проведен свет и водовод, создан уголок “Дружба” для проведения культурных и политических мероприятий... Задачи по коренной перестройке сельского хозяйства стран, расширения технического содействия Анголе»¹¹. Далее газета сообщала, что ангольская сторона выражала «Благодарность узбекским хлопкоробам... Большую помощь молодой республике Ангола в выращивании и сборе хлопчатника оказывают советские специалисты из Узбекистана...»¹².

О масштабах помощи СССР странам юга Африки свидетельствует уже научная пресса Узбекистана: «Только за 1976–1981 гг. това-

¹⁰ Правда Востока. 1980. 2 нояб. (№ 253). С. 4.

¹¹ Правда Востока. 1980. 25 июня (№ 146). С. 2.

¹² Правда Востока. 1982. 29 июня (№ 149). С. 2.

рооборот между СССР и Анголой возрос с 19,7 млн до 115,1 млн руб. К началу 1982 г. при содействии СССР в Анголе построены и продолжают строиться 28 различных объектов, 11 из них уже введены в эксплуатацию. Советско-мозамбикская торговля в денежном выражении выросла за 1977–1981 гг. с 5,9 до 37,0 млн руб...»¹³. «В 1982 году узбекские предприятия “Узбекхлопкомаш”, производственное объединение “Подъемник”, ташкентский завод “Компрессор” и завод “Ташсельмаш” поставили в Анголу оборудование, машины и запасные части»¹⁴.

«Генеральным подрядчиком строительства этих госхозов выступает Министерство мелиорации и водного хозяйства Узбекской ССР. Так, ему было поручено создать в Анголе показательные госхозы по выращиванию хлопка и зерна на площади 500 га. В запланированные сроки сюда были поставлены необходимое оборудование, материалы, сельскохозяйственная техника, прибыли рабочие и специалисты из Узбекистана. При их участии в начале 1978 г. в пригороде Луанды было организовано экспериментальное хозяйство. Там был высеян хлопчатник нескольких сортов, в том числе “Ташкент-1”, давший урожай почти 42 ц/га. Для сравнения напомним, что в самом высокоурожайном для хлопкоробов Анголы 1973 году было собрано по 7,3 ц/га хлопка-сырца»¹⁵.

В Анголе были созданы: экспериментальный центр по хлопководству со школой подготовки кадров-хлопкоробов, три хлопководческих и два звероводческих госсовхоза, три хлопкоочистительных завода и школа подготовки механизаторских кадров. Подписан контракт на продление пребывания узбекских специалистов в Анголе. Шараф Рашидов оказывал постоянную помощь и уделял внимание решению возникающих проблем в ходе реализации этого проекта по модернизации сельского хозяйства Анголы.

С 1954 по 1983 г. в советский Узбекистан приезжали разного уровня африканские делегации из 39 стран Южной, Северной, Западной, Восточной и Центральной Африки. Советский Узбекистан представлял собой пример успешной модернизации, на которую

¹³ Ташпулатов О.А. Вклад рабочего класса Узбекистана в развитие экономических связей СССР с Анголой и Мозамбиком // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 9. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 12.

приезжали смотреть представители стран Африки. В ходе визитов делегации получали новые знания в области мелиорации, вертикального дренажа, ирригации, выращивания сельскохозяйственных культур на богарной территории. Узбекские специалисты делились опытом выращивания хлопка и его переработки, механизации и разработки новых ирригационных проектов, реализации проектов по повышению урожайности сельскохозяйственных культур с учетом местных особенностей африканских стран. В этих мероприятиях были задействованы узбекские научные организации и производства.

Начиная с середины 1960-х гг. до конца 1970-х гг. в Узбекистане проводились Международные семинары по ирригации и мелиорации. Так, в 1967 г. «...стипендиаты ООН из двенадцати стран мира почти месяц находились в Узбекистане, где проходил Международный семинар по ирригации и вертикальному дренажу ФАО ООН. Это уже четвертый семинар за последние пять лет, на котором изучается опыт орошаемого земледелия в нашей республике... Голодная степь стала гигантской экспериментальной площадкой комплексного освоения новых земель»¹⁶.

В 1976 г. в Ташкенте проводились региональные конференции Международной комиссии по ирригации и дренажу для стран Азии и Африки. Первая конференция открылась в начале сентября 1976 г., где Шараф Рашидов выступил с докладом «Ирригация и социалистическое преобразование в советских республиках Средней Азии». За период с середины 1970-х гг. до начала 1980-х гг. проходило большое число международных совещаний под эгидой ЮНЕСКО, ЮНЕП, ФАО.

В своих дипломатических визитах Шараф Рашидов не забывал и о родном крае, отечественных предприятиях. В советский период в Узбекской ССР было хорошо развито сельхозмашиностроение. В Узбекистане закупали часть сельскохозяйственной техники для африканских стран по советским кредитам. Специалистов для работы с этой техникой также обучали в Узбекистане, в частности в Ташкентском училище механизации и Ташкентском институте ирригации и мелиорации сельского хозяйства. По окончании учебы молодые специалисты уезжали в африканские страны поднимать сель-

¹⁶ Правда Востока. 1967. 8 окт. (№ 237). С. 3.

ское хозяйство. Миссия Шарафа Рашидова как часть мягкой силы СССР заключалась в продвижении советского сотрудничества со странами Африки.

Интерес африканских лидеров, недавно получивших независимость от мировых империй, был обусловлен тем, что Узбекистан был схож с их регионом. Африканские страны были скорее аграрными, чем индустриальными и опыт модернизации агроэкономических и культурных моделей в Узбекистане был им интересен. Этот опыт можно было использовать в африканских странах, поэтому африканские лидеры из 39 стран континента часто посещали Узбекистан с дружественными визитами для знакомства с этими достижениями (Гамаль Абдель Насер, Бен Белла, Нкрума, Марселину душ Сантуш, Агостиньо Нето и др.). На начало 1980-х гг. в Узбекистане «... обучалось 4460 иностранных граждан из 70 стран мира, в том числе 500 студентов из 35 африканских стран»¹⁷.

Как отметил доктор исторических наук, профессор Шухарат Эргашев¹⁸: «Шараф Рашидов превратил Узбекистан в ключевого участника советской внешней политики на Востоке..., представляя Узбекистан как успешную советскую республику. Благодаря его усилиям, республика стала мостом между СССР и развивающимися странами, а Ташкент – важным международным центром. Несмотря на идеологические рамки советской системы, Ш. Рашидов сумел создать уникальный образ Узбекистана – современного, но сохраняющего восточную идентичность»¹⁹.

На основе анализа материалов советской периодической печати можно сделать вывод о применении «мягкой силы» при продвижении идей советской модернизации, включающей в себя проведение экономических переговоров, выделение кредитов под небольшие проценты или беспроцентных, планирование модернизации, составление технико-экономических обоснований, постройку объектов модернизации, поставку и наладку оборудования, а также обучение кадров как в Узбекистане, так и на местах в африканских странах. Подготовка кадров способствовала формированию акторов для

¹⁷ Правда Востока. 1981. 25 июня (№ 264). С. 2.

¹⁸ Эргашев Ш. Доклад на семинаре в Международном общественном Фонде имени Шарафа Рашидова. 24 июня 2025.

¹⁹ Там же.

продвижения идеологии модернизации экономики и культуры в странах Африки.

Литература

Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., Корендясов Е.Н. Советская структурная помощь Республике Мали в 1960–1968 гг. // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 714–727.

Рашидов Ш. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1980. 463 с.

Ташипулатов О.А. Вклад рабочего класса Узбекистана в развитие экономических связей СССР с Анголой и Мозамбиком // Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 9. С. 12–16.

Эргашев Ш. Доклад на семинаре в Международном общественном Фонде имени Шарафа Рашидова. 24 июня 2025 г.

LeCOHPTE, G. Soviet Muslims and the Afro-Asian World. The American University, Ph.D., 1971. 307 p.

References

Davidchuk, A.S., Degterev, D.A., Korendyasov, E.N. (2022). Sovetskaya strukturnaya pomoshch' Respublike Mali v 1960–1968 gg. [Soviet structural assistance to the Republic of Mali in 1960–1968]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 22, No. 4, pp. 714–727.

Ergashev, Sh. (2025). *Doklad na seminare v Mezhdunarodnom obshchestvennom Fonde imeni Sharafa Rashidova* [Report at the seminar at the Sharaf Rashidov International Public Foundation]. June 24.

LeCOHPTE, G. (1971). *Soviet Muslims and the Afro-Asian World*. Ph.D. diss. The American University. 307 p.

Rashidov, Sh. (1980). *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 463 p.

Tashpulatov, O.A. (1984). *Vklad rabochego klassa Uzbekistana v razvitie ekonomicheskikh svyazey SSSR s Angoloy i Mozambikom* [The contribution of the working class of Uzbekistan to the development of economic ties between the USSR and Angola and Mozambique]. In *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane*. No. 9, pp. 12–16.

Заседание 2. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

В.М. Рынков. Коллеги, завершилось второе заседание. У вас есть возможность задать вопросы докладчикам, а после этого предлагаю перейти к общей дискуссии.

Итак, **Андрей Юрьевич Быков** «Административные реформы в казахской степи в XIX в.: поиск социальной базы».

Д.А. Аманжолова. Спасибо большое, Андрей Юрьевич, вопрос такой: в Институте российской истории РАН на конференции, посвященной местному управлению в Российской империи, одна из докладчиц выдвинула тезис, согласно которому у российского государства не было стратегии местного управления, в том числе национальными регионами. Как бы вы прокомментировали такое утверждение? Лично я не согласна с тем, что не было стратегии.

А.Ю. Быков. Я думаю, что это утверждение как минимум спорно. На мой взгляд, Россия искала варианты и подходы к тому, как решать вопросы управления в окраинных губерниях наиболее эффективно и безболезненно и для местного населения, и для себя, в том числе с точки зрения сбережения ресурсов. В свое время были приняты специальные исследования, которые курировал Анатолий Ремнев, и другие, где достаточно четко была показана динамика и различия данного процесса на окраинах империи. Была сформулирована общая идея: империи свойственно встраивать окраины в общеимперскую структуру и в определенной степени приводить к неким общим знаменателям. Но идеи сделать окраины абсолютно идентичными не было. Зато было понимание «разности», которое обуславливало, как мне кажется, российскую стратегию, и не только потому, что Российская империя была поликонфессиональным, полиэтническим образованием. Таких империй было много. Российская империя была еще и очень большой. До появления телеграфа и телефона вообще управлять регионами было чрезвычайно сложно: вестовой следовал из Санкт-Петербурга в Оренбург две недели, а в Омск – три. Поэтому генерал-губернаторы окраинных губерний получали широкие полномочия. Ремнев в свое время привел очень ин-

тересный сюжет – анекдот, когда генерал-губернатору Оренбургской губернии В.А. Перовскому якобы пишет бухарский эмир с просьбой начать войну против Сибирского генерал-губернатора. Это показательный пример того, что политика в разных генерал-губернаторствах, в том числе по отношению к этническому населению, была разной. Но это не значит, что она была пущена на самотек, и не означает отсутствие стратегии или стратегического видения. Мне кажется, что просто искали наиболее адаптивные механизмы, и когда поняли, что есть определенные практики, которые могут быть распространены на всю периферию, это вылилось во Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. Каким бы плохим оно ни было, на самом деле оно как раз демонстрирует именно эту тенденцию.

С.В. Любичанковский. Я тоже благодарю Андрея Юрьевича за интересное выступление. Мне кажется, многое из того, о чем вы сказали, действительно описывается терминологически через понятие «имперский». Как способ управления различиями, как способ учета региональных особенностей и совершенно конкретной региональной ориентированности. Мне в этой связи хотелось бы также сказать, что описанные вами наблюдения очень даже возможно применить к характеристике имперской политики через понятие аккультурации. Мне даже жаль, что это ни разу не прозвучало в вашем докладе, потому что многое из того, о чем вы говорите, очень хорошо ложится в концепцию аккультурации. Это реплика, а не вопрос, но если хотите, прокомментируйте.

А.Ю. Быков. Я думаю, что это действительно так, но я редко использую термины, стараюсь выражаться русскими словами. Я не знаю, плохо это или хорошо, но обычно коллеги все равно понимают, о чем я пытаюсь сказать.

А.И. Савин. Спасибо большое, было очень интересно. Два коротких вопроса. Первый: при нелюбви к иностранным терминам вы тем не менее упомянули, что модернизация в XIX в. носила «квази»-характер, «квазимодернизация». Прошу короткий комментарий по этому поводу. И второй вопрос: патриархальная политика Российской империи имела, без сомнения, свои плюсы. Означал ли переход в подданство, например, султана автоматическую лояльность его подданных по отношению к империи?

А.Ю. Быков. Давайте я начну с первого вопроса. Моя первая монография называлась «Истоки модернизации Казахстана»¹, и она была посвящена проблеме перевода казахов на оседлость. Я действительно считаю, что это были только истоки модернизации, модернизационные процессы в Казахстане протекали в XX в., это была советская модернизация. И я отношусь к этим процессам больше позитивно, чем негативно. Там были негативные проявления, но сам процесс модернизации я считаю неизбежным и в общем-то прогрессивным. Поэтому я и говорю об элементах, или о «квазимодернизации». Я не уверен, уместен или неуместен этот термин. Мне он показался уместным, я могу ошибаться, если у вас другое мнение, я его тоже буду принимать как должное.

Что касается второго вопроса, то здесь нужно сказать, что в России в системе отношений оседло-земледельческих и кочевых народов существовало две системы: улусная и территориальная. Улусная подразумевала, что подданными становятся люди, а территориальная подразумевала, что подданными становятся территории. Прием казахов в подданство Российской империи – это скорее проявление улусной системы. Российская империя автоматически считала, что вместе с ханом или султаном, а в XIX в. уже и бии принимали подданство отдельно, все население автоматически принимало подданство Российской империи. Само население так не считало. Во-первых, большинство из них не очень-то подчинялось властителю, который от их или от своего имени принимал подданство, но Россия рассматривала это так. Восприятие себя россиянами для казахов XVIII в. – это вопрос очень условный. Наверное, россиянами себя могли воспринимать только жители приграничных с российскими линиями территорий, которые чаще всего проживали там непостоянно. И вот этот феномен, который Олег Валерьевич Боронин² описывал очень хорошо применительно к Югу Сибири – двоеподданство и многоподданство, был для казахов характерен точно так же. Одни и те же казахи одновременно могли быть подданными Российской империи, Китайской империи, Коканда, Хивы или Джунгарии. Иногда это были два-три подданства одновременно. Но, в отличие,

¹ Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблемы седентаризации в российской политике XVIII – нач. XX в.). Барнаул, 2003. 267 с.

² Боронин О.В. Двоеданичество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. Барнаул, 2002. 217 с.

скажем, от южно-сибирских народов, где Россия признавала это многоподданство и двоеподданство, для казахов такого исключения не было сделано. Здесь Россия рассматривала их как российских подданных, но она понимала, что они платят дань, например, Хиве. Тогда выходили специальные указы, что вот этот закят нужно рассматривать, например, в качестве платы за то, что Хива обеспечивает свободный доступ русских караванов к себе или через свою территорию. Таким образом пытались мягко обойти правовые противоречия, которые возникали в связи с этим. Итак, Россия трактовала подданство как подданство всего населения, хотя само население далеко не всегда это так воспринимало.

В.М. Рынков. Андрей Юрьевич, недавно вышел ваш двухтомник «Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.)»³, один из фундаментальных трудов в российской историографии по данной проблематике. В связи с этим, а также с активно обсуждаемыми в историографии проблемами у меня следующий вопрос: как вы интерпретируете, в том числе в связи с последним вашим ответом, следующий феномен. Султаны и бии Казахстана в XVIII – первой половине XIX вв. получали от Оренбургской и Сибирской администрации жалование. Существует достаточно большой объем источников в российских переводах, где они просили не задерживать это жалование, так как они исправно служат российской администрации. Но в Казахстане отмечают, что первоначальные источники, написанные по-чагатайски, не совсем адекватно переводятся на русский язык, и казахская элита на самом деле имела в виду, что они оказывают услуги российской администрации и просят, чтобы услуги им оплатили как независимым агентам в независимом государстве, оказывающем услуги соседу. То есть примерно так же, как русская администрация интерпретировала выплаты казахскими территориями дани Бухаре и Хиве как некую плату за услуги. Как бы вы эту проблематику интерпретировали?

А.Ю. Быков. Спасибо большое. Я думаю, что проблема перевода – это в первую очередь все-таки вопрос к лингвистам. В РГАДА, в меньшей степени в РГИА, РГВИА, архиве МИД, отложилось достаточно много просьб о приеме в подданство. Я недавно нашел такие документы даже в ГАРФ, причем это документы XVII в., но есть до-

³ Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.): в 2 т. М., 2023.

кументы и XVI в. Это была нормальная практика для XVI–XVIII вв., когда прошение о подданстве рассматривалось не как служба, а как военный союз, где местные властители воспринимали себя как младшего брата в союзе. Нужно сказать, что до XVIII в. Россия эти обращения так и рассматривала. И при последних Рюриковичах, и во время Смутного времени, и даже при первых Романовых российские власти использовали эти обращения и говорили о том, что у нас в подданстве находятся черкесы, ногаи, казачья орда и прочие для того, чтобы показать свою силу и величие перед западными дипломатами. Эта переписка и с Востоком, и с Западом достаточно большая, ее необходимо еще неоднократно пересматривать. Однако после того, как Россия стала империей еще и по названию, этот подход серьезно трансформировался, и отношение к таким обращениям изменилось. К Петру I было несколько обращений со стороны казахских владетелей, и он все эти обращения воспринимал уже именно как обращение о подданстве, о том, что они становятся частью Российской империи. Кстати, Петр I не принял казахов в подданство. В тот период аргументация отказа от приема казахов в подданство была совершенно понятной и четкой. Ввиду противостояния с джунгарами последние выступали на дипломатическом уровне против того, чтобы казахи, которые уже являлись, с их точки зрения, подданными джунгар, стали подданными Российской империи. Эти документы тоже отложились, и здесь очень четко нужно понимать, что император в тот период уже воспринимал просьбы казахов о подданстве как просьбу о том, что они становятся частью Российской империи, и позднейшие все обращения рассматривались именно в этом ключе. То есть здесь была все-таки разница в периодах, не разница в территориях.

В.М. Рынков. Я все же имел в виду именно случаи, когда казахская элита, согласно русским переводам их обращений, просила не забыть выплатить жалование. Правильно это все-таки интерпретировать как нахождение казахских властителей на российской службе в качестве составной части местной российской администрации или все-таки следует понимать так, что они воспринимали это жалование как некую плату за союзнические действия?

А.Ю. Быков. Было и так и так, тут нужно каждый раз анализировать индивидуально. Были случаи, когда это действительно рассматривалось, и не только казахами, но и российскими властями, как

плата за союзничество. Проявлением этого, в том числе, стало введение пошлин в пользу казахов с прохождения караванов. Этот сбор был различен, его казахи собирали сами за пропуск караванов. Он составлял от 1 до 25 % от стоимости имущества караванов в зависимости от того, какие были отношения с местной администрацией, от военно-политической ситуации в регионе и т.д. Российская администрация рассматривала это именно как плату. И это вошло в должностные полномочия, которые были, в том числе, до Устава 1822 г., когда казахи получали деньги за проход караванов. После этого Российская империя очень четко разделяла плату за должность и плату за сопровождение караванов. До первой четверти XIX в. было и так, и эдак.

В.М. Рынков. Спасибо, Андрей Юрьевич. Переходим к обсуждению доклада *Азизбека Анваровича Турсунметова «Модернизация как местная потребность и имперское освоение края. Экономико-производственные преобразования в Туркестанском генерал-губернаторстве»*.

А.И. Савин. Прослушанный доклад – это скорее заявление о намерениях, чем полноценное исследование. Но это интересная заявка.

В.М. Рынков. Я хотел бы добавить, что в стенах вашего института работает замечательный специалист Оксана Пуговкина, которая здесь присутствует. Ее кандидатская диссертация была посвящена историографии имперского периода, где экономические вопросы были важным аспектом. В России она также довольно много публикуется по этой тематике. Она могла бы вас проконсультировать.

Мне кажется, что тема, которую вы сформулировали, достаточно хорошо снабжена первоисточниками. Что касается новейшей историографии, есть большая коллективная монография, подготовленная в Санкт-Петербургском университете коллективом авторов под редакцией Михаила Викторовича Ходякова⁴, в которой рассматриваются вопросы экономической модернизации Центральной Азии наряду с Дальним Востоком. Монография отражает современный уровень российской историографии по данной тематике, там хороший научно-справочный аппарат. Вопрос питейных заведений и масштабов торговли спиртными напитками, наверное, может быть

⁴ Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб., 2021. 678 с.

только одним из многочисленных аспектов потребления. Хотя понятно, что эта тематика снабжена статистическим материалом.

А.А. Турсунметов. Насколько мне известно, все-таки одна треть всего бюджета составлялась на питейных заведениях.

В.М. Рынков. Но это общероссийский показатель или Туркестанского генерал-губернаторства тоже? На самом деле любопытно, как продажу «питей», как тогда выражались, можно проанализировать в разрезе потребления алкоголя пришлым и местным населением, потому что считается, что крепкие напитки местное население не употребляло и, насколько я понимаю, только к концу XX – началу XXI в. структура потребления претерпела некоторые изменения. Насколько такие процессы были характерны для имперского периода?

А.А. Турсунметов. Я могу ответить на этот вопрос отчасти. То, что касается местного населения, есть некоторые данные по Бухарскому эмирату, например позиция Российского императорского политического агентства в Бухаре. Они писали о том, что следует сократить количество открываемых питейных заведений, потому что местное население очень сильно пристрастилось, происходят дебоши, пьянство и т.д.

В.М. Рынков. Следующим докладчиком был **Ойбек Анварович Махмудов «Русская школа на «Крыше Мира»: история создания и значение в советизации Памира».**

Крайне важное исследование, выполненное в жанре микроистории, где мы видим, как фактически на территории огромного региона действовало всего лишь одно учебное заведение. Есть ли у вас информация, как выглядели программы обучения?

О.А. Махмудов. Это было традиционное русское образование с некоторыми мусульманскими элементами. В основном это было преподавание русского языка, математики, географии. Когда ученики сдавали свои выпускные экзамены, они сдавали два предмета – русский язык и математику. Экзамены принимал сам И.Д. Ягелло, который тогда еще не был начальником Памирского отряда, он был начальником курса восточных языков Туркестанского военного округа. Сохранились экзаменационные листы, по которым можно отследить качество подготовки. Большинство учеников были достаточно хорошо подготовлены, экзаменационные листы адекватно демонстрируют результаты. Но была проблема с дефицитом учителей. Ситуация здесь нормализовалась только к 1916 г. Известен факт,

когда после Февральской революции 1917 г. один из учителей русско-туземной школы вместе с рядом других деятелей подписал петицию о необходимости реформирования школы на Памире и отправил ее на имя военного министра. Ягелло был не очень доволен всем этим.

В.М. Рынков. А Хорог к тому времени что из себя представлял? Я посмотрел открытые источники, вся история начинается с 1939 г. Что было раньше?

О.А. Махмудов. Изначально это был кишлак. Сначала центр Памирского отряда располагался в Восточном Памире, в районе современного Мургаба, но там были очень тяжелые климатические условия. Примерно в 1897 г. начался перевод штаба отряда в Хорог, который находился ниже над уровнем моря, в более благоприятной местности. Именно перевод сюда центра Памирского отряда превратил этот кишлак в столицу будущего Памирского района. А вообще население Памира составляло около 300 тыс. при самом хорошем раскладе. Население здесь всегда было малочисленное. Позже, после образования Горно-Бадахшанской автономной области (Памирской области), Хорог стал ее столицей.

Спасибо, Ойбек Аварович. Мы переходим к следующему докладу. **Турганбек Кайпназарович Алланиязов «Роль лагерей ГУЛАГа в трансформации политического ландшафта Жезказгана».**

Н.Н. Аблажей. Турганбек Кайпназарович, мой вопрос связан с рабочей силой. Как решался вопрос с вольнонаемными после ликвидации системы лагерного труда?

Т.К. Алланиязов. После того как лагеря закрылись в 1956 г., было дано распоряжение – больше половины заключенных Степлага любыми путями оставить на месте с предоставлением жилья, работы и т.д., поскольку эти люди уже имели опыт работы на производстве. Нехватка рабочей силы также решалась за счет оргнабора в центральных районах СССР, набранных по комсомольским путевкам массово устраивали на работу в Жезказгане и Никольске, людей селили в тех же бараках, которые были освобождены после закрытия лагерей. Непосредственно в 1956 г. этот вопрос решался трудно и производство несколько замедлилось. А уже к началу 1957 г., после завоза сюда массы рабочих со всего Советского Союза, демографическая и этническая ситуация в регионе стала резко меняться.

А.И. Савин. Турганбек Кайпназарович, интересный ракурс: лагерь как драйвер индустриализации. Вы обрисовали ситуацию

на момент ликвидации ГУЛАГа и на современность. А как развивалось предприятие в 1950–1980-е гг.? Правильно я понял, что в позднесоветский период это успешное предприятие?

Т.К. Алланиязов. Да, в позднесоветский период это было одно из самых динамично развивающихся предприятий. И обогащительная фабрика, и медеплавильный завод, и шахты, и рудники по добыче руды по-прежнему функционируют. Причем в не меньших масштабах, чем в советский период. Были периоды взлетов и падений, но в целом национальная компания «Казахмыс»⁵ восстановила производство. И руды, и меди мы добываем не меньше, чем добывали в советский период.

В.М. Рынков. Еще два коротких вопроса. Во-первых, можно ли проследить, какова доля в городском населении потомков тех заключенных лагерей, которые потом вышли на свободу и поселились в Джезказгане? Во-вторых, что вы понимаете под термином «политический ландшафт»?

Т.К. Алланиязов. Вплоть до начала 1990-х гг. значительная часть населения как поселков, о которых шла речь, так и собственно города, где-то около 35 %, это были потомки лагерников, а все остальные были людьми, оказавшимися здесь по оргнабору. Я сам с 1992 г. по 1997 г. работал на южном руднике непосредственно в шахте, могу утверждать, что еще в начале 1990-х гг. до 80 % рабочих и ИТР были русскими, белорусами, украинцами, а уже к концу моей работы в 1997–1998 гг. этнический состав был другим. Теперь по поводу политического ландшафта. Я здесь не первооткрыватель, обратите внимание на исследование Туровского⁶, это московский ученый, на работы которого я обратил внимание около 10 лет назад. Под ландшафтом понимается изменение окружающей среды на протяжении определенного времени, когда появляются одни, потом вторые и третьи слои в виде улиц, площадей, памятников, фабрик и целых городов. В качестве примера можно привести Калининград. Там старое наследие – немецкое, прусское, новое – советское, новейшее – постсоветское. Вот эти политические слои, вернее слои политиче-

⁵ Группа компаний, владеющая предприятиями в горнодобывающей отрасли Казахстана. Контрольный пакет (70 % активов) принадлежит В.С. Киму. Основана в 1992 г. как «Джезказганцветмет» (см.: <https://www.kazakhmys.kz/>).

⁶ Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.

ского ландшафта, имеют свойство существовать во взаимосвязи. Одни уходят в прошлое, вместо них приходят другие. По аналогии я попытался проследить смены слоев на территории Центрального Казахстана, Джезказганского региона. Сейчас часть предприятий сохранилась, часть рабочих поселков полностью исчезла, от них остались только фотографии.

В.М. Рынков. Насколько я знаю, чаще всего термин «политический ландшафт» используют для анализа пространственной структуры политических объектов, это история про органы власти и управления, как они структурируются и трансформируются во времени, как структурируются основные административные и общественные объекты, связанные с функционированием общества. Что же касается темы истории лагерей, то она также важна, тем более что в 1990-е гг. в российской историографии мы пережили ренессанс тематики, связанной с ролью принудительного труда в экономике. Сейчас пришло понимание того, что в Сибири по крайней мере этот фактор играл определенную роль. Без принудительного труда не было бы целого ряда крупных промышленных объектов, но все-таки в целом его роль не была преобладающей даже в те эпохи, когда, казалось бы, система ГУЛАГа переживала пик своего развития. В Казахстане, тем более применительно к территории, о которой шла речь, сложилась другая ситуация. Там лагерное население действительно преобладало, оно, кстати говоря, в официальной статистике не учитывалось, и после ликвидации лагерей наблюдался всплеск численности городского населения, поскольку лагерное население стало отчасти городским населением.

Турганбек Кайпназарович, спасибо за ваши обстоятельные ответы, а мы переходим к обсуждению доклада **Наталии Николаевны Аблажей и Альбиной Советовной, Жанбосиновой «Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы: пограничный режим и приграничные практики населения во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.»**⁷.

А.Ю. Быков. Наталья Николаевна, у меня два вопроса. Первый вопрос о трудовой миграции, которая была в тот период. Вторым вопросом: как режим охраны границы осуществлялся с китайской стороны?

⁷ Доклад на заседании представила Н.Н. Аблажей.

Н.Н. Аблажей. Могу только сказать, что китайцы вели себя неоднозначно, грабеж населения, которое переходило на китайскую территорию, был для них источником дохода. Что касается трудовой миграции, то здесь вопрос о китайцах в Казахстане напрямую не связан с пограничной тематикой и историей пограничья. Деятельность китайских мигрантов на территории Советского Союза, в частности нелегальная деятельность, связанная с опиумом и т.д., – наверное, больше характерна для территории Дальнего Востока и крупных городов. В Казахстане можно говорить о практиках, характерных для китайского населения того времени: это выращивание опиума, контрабанда товаров, но трудовой миграции в приграничье я не вижу.

А.И. Савин. Наталья Николаевна, учитывая откочевки и такую оживленную деятельность в районе границы, насколько вообще эффективна была пограничная охрана?

Н.Н. Аблажей. Режим границы стремительно менялся, от фактически открытой границы к ее закрытию, при этом кочевое население Казахстана, имевшее близкие родственные связи с Синьцзяном, было резко ограничено в контактах и хозяйственной деятельности. Ситуация в регионе была дестабилизирована коллективизацией, борьбой с байством, все это привело к массовым откочевкам, когда за границу уходили целыми аулами. Демографические последствия голода были бы более серьезными для Казахстана, если бы не возможность откочевать за границу. Позднее в ходе возвратной миграции люди вернулись на родину.

А.И. Савин. И все же насколько эффективной была пограничная служба?

Н.Н. Аблажей. Она не могла быть эффективной в то время на таком большом участке границы. Среди местного населения, конечно, были информаторы, но пограничники могли вмешаться, только если они знали о месте перехода и заранее выставляли заставу. Но чаще всего было много ложной информации, поэтому уходили за границу, хотя были и попытки преследования. Я бы сказала, что пограничные службы, конечно, проводили какую-то работу, пытались остановить контрабанду и откочевки, но масштабы массовых откочевков говорят о том, что это было неэффективно.

А.И. Савин. То есть никакого «железного занавеса» на то время не было?

Н.Н. Аблажей. Пока нет, Советский Союз в эти годы не был страной, над которой опустился «железный занавес», это было невозможно. Очень мощные связи предшествующего периода с Персией, Турцией, Китаем не могли так быстро оборваться.

В.М. Рынков. Вопрос теоретического плана. Можем ли мы трактовать эти действия по ужесточению режима границы как процессы, связанные с политической модернизацией? Ведь в традиционном обществе границы открыты, и представления о государственных границах достаточно мягкие, население свободно перемещается, невзирая на границы. По мере развития процессов политической модернизации возникает понимание, что граница должна быть закрытая, с пограничным режимом. У нас ведь между Казахской ССР и РСФСР были внутренние границы, несмотря на то, что это были две союзные республики. Теперь это два разных государства и, конечно, пограничный режим достаточно жесткий. На рубеже 1920–1930-х гг. граница, так или иначе, все равно должна была установиться, должен был установиться какой-то режим закрытости. Можем ли мы это так интерпретировать?

Н.Н. Аблажей. Я бы сказала, что модернизация не предполагает закрытие границ, это необязательное условие. Советская власть в данном случае демонстрировала, что казахи – это наше советское население, власть была заинтересована в прекращении оттока населения за пределы страны. Меры, связанные с оседанием и ограничением мобильности казахов, были неоднозначными – они столетиями жили между двух империй, их это вполне устраивало. В итоге закрытие границ не произошло одномоментно, можно говорить о завершении процесса в 1940-е гг.

В.М. Рынков. Переходим к обсуждению доклада **Константина Владимировича Черепанова «“Кунаевский” этап модернизации социалистического Казахстана».**

С.В. Любичанковский. Константин Владимирович, на мой взгляд, Кунаева как политического деятеля можно уподобить Брежневу. С одной стороны, мы признаем вклад Брежнева в создание экономической и социальной стабильности, с другой – мы видим, что брежневская эпоха законсервировала устаревшие экономические модели и тем самым создала проблемы на будущее. Можно ли то же самое сказать в отношении Кунаева и его деятельности?

К.В. Черепанов. Отсылки здесь самые прямые, мы знаем об очень тесных отношениях между этими двумя партийными лидерами. Их сотрудничество началось в 1950-е гг. в рамках строительства Байконура и освоения целинных земель и продолжалось вплоть до смерти Брежнева. Наверное, нелишним будет сказать, что Кунаев во всем поддерживал Брежнева, у него перед глазами был опыт Хрущева, опыт постоянных колебаний и реформ, и в этом смысле он отдавал предпочтение уверенному и стабильному правлению Брежнева. С точки зрения социалистической модернизации можно констатировать, что здесь было больше успехов, чем провалов. Отсюда возникает вопрос: что такое горбачевская перестройка? В какой степени ее можно характеризовать как следующий этап модернизации?

К.К. Абдрахманова. Спасибо, Константин Владимирович. У меня такой вопрос: можно ли считать Кунаева строителем национальной экономики или все-таки на первом месте для него были интересы советской номенклатуры?

К.В. Черепанов. Для себя я пришел к выводу, что мы не можем отделить одно от другого, это реалии времени. Кунаев помнил, что он казах, и он многое сделал для сохранения и развития казахской культуры, он дружил с младшим поколением партии Алаш, одним из его лучших друзей был Искандер Тынышпаев, сын Мухамеждана Тынышпаева. Кунаев с большим уважением относился к этим политическим деятелям, хотя, конечно, в тех условиях тема «Алаш Орды» была под запретом.

А.И. Савин Константин Владимирович, то, что вы сказали про модернизацию Казахстана в кунаевский период, применимо практически к любой союзной республике. Такой термин, как «специфика», не прозвучал. Можно, пожалуйста, пару слов о специфике «кунаевской» модернизации? И второе: я знаю, вышел сборник документов, посвященный Кунаеву под редакцией З.Е. Кабульдинова⁸, а Архив президента РК готовит еще один. Можете оценить первый сборник? Интересно мнение специалиста – насколько он является фундаментальным?

К.В. Черепанов. Я начну со сборника, потому что если речь идет о сборнике 2024 г., то я входил в число составителей этого сборни-

⁸ Д.А. Кунаев и его эпоха: сборник архивных документов и материалов. Алматы, 2024. 456 с.

ка. Мы постарались найти документы, которые ранее не вводились в научный оборот, которые раскрывали бы роль Кунаева в развитии социально-экономической и научно-культурной сферы, вплоть до спорта. В меньшей степени речь шла об общественно-политической деятельности Кунаева. Вышла монография, которая во многом была написана на основе этого сборника⁹. Что касается вопроса о специфике модернизации, то она прежде всего была обусловлена многонациональным характером Казахской ССР. Личность самого Кунаева играла огромную роль, его толерантность, его терпимость, его техническая квалификация, опыт человека, который очень дотошно относился к деталям, который прошел выучку в сталинский период и поддерживал тесные контакты с такими деятелями, как Брежнев, Устинов, Косыгин. Наверное, тут стоит говорить о специфике, отличной от других среднеазиатских республик: Казахстан находился в срединном положении между этими республиками и Россией.

И последним на секции было выступление *Искандара Талибовича Муминова «Миссия модернизации: дипломатия Шарафа Рашидова и экспорт советской агроэкономической и культурной модели в страны Африки»*.

А.И. Савин. У меня два комментария. Во-первых, очень важный доклад, с моей точки зрения, в ракурсе трансфера советского модернизационного опыта. Во-вторых, попробуйте рассмотреть дипломатию Рашидова в контексте визитов Л.И. Брежнева или Н.С. Хрущева, возможно, у вас сложится более полная картина. У меня есть предположение, что визит Рашидова в Италию в 1970 г. связан с тем, что у Брежнева не сложились отношения с Альдо Моро, Леонид Ильич в Италию не ездил и итальянского премьера в СССР не принимал. Возможно, Рашидов был послан в качестве некоего эрзаца? В качестве дополнительной информации: несколько лет назад вышел сборник документов «Россия и Африка»¹⁰.

И.Т. Муминов. Внутри итальянской Коммунистической партии имел место конфликт по поводу финансирования, которое они получали из СССР, и, по словам Азизова, начальника охраны Рашидова,

⁹ Вклад Д.А. Кунаева в социально-экономическое развитие Казахстана и сохранение целостности его территории: коллективная монография. Алматы, 2024. 440 с.

¹⁰ Россия и Африка. 1961– начало 1970-х: Документы и материалы. М., 2021. 1006 с.

тот поехал мирить итальянских коммунистов. И что самое интересное: в это же время Италию посетила советская делегация во главе с министром иностранных дел А.А. Громыко.

В.М. Рынков. Да, у меня тоже напрашивается предположение, что гораздо более объемная картина сложится, если учесть работу союзного МИДа и визиты первых лиц, Брежнева и, возможно, Громыко, тогда будет понятно, какие дополнительные цели были у дипломатии Рашидова. Может быть, имеет смысл привлечь в качестве источника партийную прессу. Вы говорили, что в Анголе было построено образовательное учреждение, а делалось это за счет Анголы или здесь речь шла о финансовых вливаниях СССР?

И.Т. Муминов. Да, почти все проекты в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, а также в Индонезии, Тунисе, Алжире и Мали финансировались за счет СССР. Уже в современный период Россия простила все долги африканским странам, вопрос на этом был закрыт.

Н.Н. Аблажей. Архивный фонд республиканского МИДа открыт для вас?

И.Т. Муминов. Да, это фонд 2037, но дело в том, что там хранятся документы о визитах в Узбекистан, а не из Узбекистана. Архивные документы по визитам из Узбекистана хранятся в РГАНИ, РГАСПИ и Архиве внешней политики РФ, здесь существуют проблемы доступа к ряду важных документов.

В.М. Рынков. Спасибо, коллеги. Мы переходим к *общей дискуссии*.

А.Ю. Быков. Коллеги, мне очень понравилось. Есть над чем подумать. У меня несколько комментариев-рассуждений по докладам коллег. Наталья Николаевна, по поводу границы, может быть, стоит еще посмотреть на вопрос ужесточения режима границы в свете теории и практики перманентной революции? Насколько соотносятся желание экспортировать революцию в соседнюю китайскую республику и соответственно режим границы?

Н.Н. Аблажей. Мы с Константином Черепановым как раз обсуждали этот вопрос применительно к тому, насколько Синьцзян был интересен Советскому Союзу.

А.Ю. Быков. Дальше. По докладу Светланы Ивановны Ковалевской из первой части: у меня образ модернизации или начало модернизации Казахстана тоже связан с картиной Н.Г. Хлудова. Эта картина называется «Пахота», она висит в Алматинском музее. Чем

она меня поразила: это картина изображает кочевника, которого обучают оседлости. И вот он запряг в плуг верблюда и корову. Мне кажется, это символ того, как сюда привносилась модернизация или начало какой-то инновации. И еще один момент: двое коллег говорили о том, что Казахстан и Узбекистан – это «витрины» Советского Союза, которые демонстрировали преимущества социалистического образа жизни. Советский Союз пытался экспортировать свою версию индустриализации, модернизации, своего социально-политического развития – это ведь очень серьезная вещь. Она оказала влияние не только на Центральную Азию, но и на многие регионы мира. Мне кажется, что в этой связи мы очень много критиковали в свое время советскую историографию, но нам нужно снова подумать над тезисом о переходе от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма. На самом деле мне кажется, что если это перевести на современный научный язык, есть еще над чем подумать.

С.В. Любичанковский. Я бы хотел пройти по ключевым сквозным проблемам и темам, как мне они видятся. Первая идея, которая везде прозвучала, – это многоаспектность модернизации. И доклады показали, что модернизация не была единым процессом, она включала в себя отдельные административные, правовые, экономические, социальные, культурные преобразования. Это комплексное явление, затрагивающее все сферы жизни. Вторым моментом, который я мог бы выделить, – очень многих коллег интересовала проблема взаимодействия центра и периферии. Четко прослеживается тема имперского и советского влияния на регион: модернизация часто инициировалась «сверху», где актором выступала имперская или советская власть. Это вызывало сложные проблемы адаптации, трансформации, сопротивления. Были доклады о реформах в казахской степи, о советизации, о политике в Туркестане. Еще одна идея – это поиск баланса между традицией и инновацией. Такая дилемма была центральной сразу в нескольких докладах, коллеги обсуждали, как местные общества реагировали на модернизационные вызовы, от приспособления до принуждения. Наверное, я могу выделить еще тезис о важной роли государства как главного драйвера изменений. Некоторые доклады у нас выходили за рамки региона, присутствовал сравнительный анализ – израильский опыт сохранения традиций или зарубежная историо-

графия проблем модернизации, это позволило нам увидеть центральноазиатские процессы в глобальной перспективе. Часть выступлений была посвящена тому, как сама история Центральной Азии отражалась и интерпретировалась в русистике, в американских и британских научных центрах, в рамках создания национальных историографий в советский период. Наверно, мы можем сделать вывод на основании всех докладов, что это был нелинейный и часто противоречивый процесс, на который оказывали влияние и внешние силы, и внутренняя динамика, и специфика региона. Модернизация не была просто вестернизацией или советизацией. Это был сложный диалог и, соответственно, формировалась какая-то уникальная модель развития в Казахстане и странах Средней Азии.

А.И. Савин. Сегодняшнее обсуждение показало, что мы не должны забывать вопрос о цене модернизации, вопрос ее стоимости в материальном и людском отношении, насколько эта цена была оправданной. Еще одна важная тема – это акторы модернизации, роль личного, персонального фактора модернизации.

З.Г. Сактаганова. Мне очень понравилась эта конференция. Прежде всего тем, что она носит действительно научный характер. К сожалению, у нас в республике конференции нередко имеют исключительно презентационный характер, и я рада, что здесь для дискуссий и обсуждений было порой даже больше времени, чем собственно для доклада. В этом и смысл конференции. Абсолютно согласна со всем, что сказал Сергей Валентинович. И я хотела бы заметить, что, кроме разных вариантов модернизации, которые здесь были представлены, мы увидели разные историографические подходы, в том числе и определенные особенности, специфику подходов национальной историографии. И меня порадовала возможность толерантного и, мне кажется, плодотворного обсуждения тех или иных нюансов. Я думаю, что завтрашние выступления, связанные с советской модернизацией и ее трактовками, позволят нам выявить специфику модернизации в конкретных национальных республиках. Хотела бы отметить достаточно высокий уровень абсолютного большинства докладов. У них был серьезный характер, за что благодарю организаторов.

В.М. Рынков. Коллеги, начну с утилитарного аспекта нашего сегодняшнего взаимодействия. Оно в очередной раз показало, что

нам не хватает коммуникативного пространства. Вот Искандер Талибович упомянул, что вышел подготовленный им сборник документов, который моментально разошелся. Интерес к этому сборнику, я думаю, почти наверняка велик не только в соседних республиках, но и в России. Если есть возможность прислать его нам в электронном виде, мы подумаем, проанализируем, насколько он вписывается в историографический контекст советской внешней политики исходя из современных российской, постсоветской и мировой историографии. Нам не хватает историографической информации. Благодаря таким конференциям мы узнаем о книжных новинках, появляется шанс заполучить их хотя бы в электронном виде. То же самое касается упомянутых сборников, посвященных Кунаеву. Мы также с удовольствием ознакомились со сборником, посвященным Ж. Шаяхметову¹¹. Здесь есть над чем подумать. Так, многие документы, которые подписывались первым лицом, являлись результатом коллективного творчества, и едва ли их достаточно, чтобы говорить о выдающемся вкладе руководителя, а не о работе хорошо подготовленного республиканского партийного аппарата.

Хотел бы также сказать о проблемах поздней советской модернизации, последних двух десятилетий существования Советского Союза, как они сейчас осмысливаются в государствах Центральной Азии. Насколько я понимаю, есть стремление рассмотреть этот поздний этап советской модернизации в парадигме персонификации лидерства. Есть «кунаевский этап», Рашидову достаточно много посвящают внимания, персонифицируют историю последних двух десятилетий советского Узбекистана. В результате в историографии возникает асимметрия: позднеимперский период осмысливается в парадигме моделей управления, причем достаточно глубоко рассматривались именно региональные модели управления, адаптирующие имперские интересы к специфике региона, учитывающие местные интересы и местное сообщество, и мы отмечаем, что адаптация присутствовала и на нормативном уровне, и на уровне управленческих практик. Здесь сложилась целая традиция историографии и даже использование разных методологий. При этом в отношении советского периода у нас в историографии возникает когнитивный

¹¹ Жумабай Шаяхметов. Документы и материалы. Алматы, 2022. 460 с.

диссонанс, когда в целом советская модель оценивается отрицательно, как действовавшая с большим количеством издержек, с большими потерями, якобы не учитывавшая интересы регионов, ставившая выше интересы центра, но при этом сами лидеры оцениваются как успешно отстаивающие интересы своих республик. Этот концепт не осмысливается в качестве региональной или республиканской особой модели управления, комплексно не оценивается. И здесь большая перспектива дальнейшего развития исследований как более комплексных. И то, о чем говорил Андрей Иванович – о цене модернизации. Полагаю, такие вопросы должны решаться не в плоскости идеологии, а в плоскости изучения социальной истории, экономики, надо попробовать прийти к каким-то убедительным итогам на уровне статистики. Если такие исследования есть, их надо больше пропагандировать, больше обсуждать и взвешивать, насколько они убедительны.

Ж.А. Ермекбай. Я хотел бы продолжить вашу мысль. Хотелось бы, чтобы наше мероприятие носило междисциплинарный характер. Стоит привлечь политологов. Я смотрю состав, в основном представлены историки и преобладают доклады по истории Казахстана. Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан пока слабо представлены. Пока я не видел ни в России, ни тем более в Казахстане и Центральной Азии академических работ на заявленную тему. Зарубежные ученые зачастую пишут свои работы в духе советологии, в духе «холодной войны». Ваш институт идет впереди в этом плане, я поэтому откликнулся.

В.М. Рынков. Коллеги, на самом деле у Зауреш Галимжановны есть книга по модернизации в Казахстане. Правда, ее нарратив в значительной мере – это описание экономической истории Казахстана. Это такой макроэкономический анализ, довольно сложный, этим не все владеют, но я думаю, что стоит двигаться по этому пути, потому что подобного рода исследования активизировали бы дальнейшую полемику. Я думаю, что по имперскому периоду есть и в России, и в Казахстане, и в Узбекистане очень серьезные хорошие работы. «Новое литературное обозрение» выпустило обобщающую серию работ, которые были посвящены в целом окраинам Российской империи. Но, конечно, междисциплинарный подход нужен, мы в начале пути, рассчитываем, что активизируем подобного рода исследования.

З.Г. Сактаганова. Я хотела бы не согласиться с уважаемым коллегой. Я знаю, что несколько лет назад был проект, в котором участвовали и Сергей Валентинович Любичанковский, и Светлана Ивановна Ковальская. Это был очень интересный проект, связанный с модернизационными процессами, сравнением традиционализма и модерна. По советскому периоду опубликованы глубокие работы Жулдузбека Абылхожина, так что публикации есть. Их немного, нельзя сказать, что это какой-то большой пласт, но они есть, и они носят, на мой взгляд, серьезный концептуальный характер. Может быть, в силу региональной разобщенности не все работы доходят до коллег.

В.М. Рынков. Сегодня на самом первом докладе Игоря Васильевича Побережникова звучал анализ довольно большого количества российских исследований, посвященных истории Центральной Азии и преимущественно Казахстана.

З.Г. Сактаганова. Да, у Андрея Юрьевича есть целый ряд крупнейших работ. Совсем недавно вышла его монография, в которой тоже рассматриваются очень серьезные модернизационные изменения, реформирование управления. Поэтому позволю себе не согласиться с тем, что это проблема не разрабатывается, но подобного рода обобщений пока, наверное, не хватает.

В.М. Рынков. Спасибо Зауреш Галимжановна, спасибо уважаемые коллеги! Будем считать дискуссию первого дня завершенной.

Литература

1. *Боронин О.В.* Двоеданичество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX вв. Барнаул: Азбука, 2002. 217, [2] с.
2. *Быков А.Ю.* Истоки модернизации Казахстана (Проблемы седентаризации в российской политике XVIII – нач. XX в.). Барнаул: Азбука, 2003. 267 с.
3. *Быков А.Ю.* Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.): в 2 т. / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2023. Т. 1. 466 с., илл.; Т. 2. 444 с.
4. Вклад Д.А. Кунаева в социально-экономическое развитие Казахстана и сохранение целостности его территории: коллективная монография / под ред. З.Е. Кабульдинова и др. Алматы: Литера-М, 2024. 440 с.
5. Д.А. Кунаев и его эпоха: сборник архивных документов и материалов / сост. З.Е. Кабульдинов, Т.А. Рыскулов, М.Ш. Калыбекова и др. Алматы: Литера-М, 2024. 456 с.

6. Жумабай Шаяхметов. Документы и материалы. Алматы: LEM, 2022. 460 с.

7. Россия и Африка. 1961 – начало 1970-х: Документы и материалы / отв. ред. С.В. Мазов, А.Б. Давидсон. М.: РОССПЭН, 2021. 1006 с.

8. Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.

9. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / под ред. М.В. Ходякова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 678 с.

Раздел 3. ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ДРАЙВЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 94(57+574)

DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3-174-185

Г.Б. Избасарова¹

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: РОЛЬ ОРЕНБУРГСКО-ТАШКЕНТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ*

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и периодической печати рассмотрено проектирование и строительство железой дороги Оренбург–Ташкент. Детально проанализированы мотивы строительства и борьба различных групп политических и экономических интересов при выборе оптимального маршрута. Проведение железой дороги трактуется как драйвер модернизации казахского общества и ускорения социально-экономического развития территории Тургайской области.

Ключевые слова: железнодорожное строительство, проекты, Тургайская область, Оренбургско-Ташкентская железная дорога, казахское общество, кочевое хозяйство, сельское хозяйство.

G.B. Izabassarova²

MODERNIZATION OF THE KAZAKH STEPPE: THE ROLE OF THE ORENBURG-TASHKENT RAILWAY

Abstract. Based on archival materials and periodicals, the article examines the projecting and construction of the Orenburg–Tashkent railway. It provides a

¹ Гульбану Болатовна Избасарова, д-р ист. наук, в.н.с., Институт истории СО РАН, профессор, Актыубинский региональный университет им. К. Жубанова, Актоба, Республика Казахстан, e-mail: izbassarovagulbanu@gmail.com

² Gulbanu Bolatovna Izbasarova, Doctor of Historical Sciences, V.N.S., Institute of History SB RAS, Professor, K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan, e-mail: izbassarovagulbanu@gmail.com

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

detailed analysis of the motives behind the construction and the struggle between various groups with political and economic interests in choosing the optimal route. The construction of the railway is interpreted as a driver for the modernization of Kazakh society and the acceleration of socio-economic development in the Turgai region.

Keywords: railway construction, projects, Turgai region, Orenburg-Tashkent railway, Kazakh society, nomadic economy, agriculture.

Преобразования в казахской Степи начинаются со второй половины XIX в. К этому периоду установилась единая система управления, которая была результатом реформ 1867–1868 гг., 1886 г., 1891 г. Одним из ярких и обсуждаемых на всех уровнях власти, в том числе и в органах местной власти, где служили представители местной элиты, был вопрос строительства железной дороги. Но до начала 1880-х гг. дороговизна, неясные экономические перспективы заставляли отказываться от строительства. Ситуация меняется после продвижения англичан к границам Центральной Азии со стороны Персии и Афганистана. Так, например, 1896 г. в Министерстве путей сообщения имелось 80 ходатайств о постройке новых железных дорог³.

Военный министр Российской империи Д. Милютин в своем письме на имя министра финансов С.А. Грейга от 13 апреля 1880 г., отмечая важность строительства железной дороги в Среднюю Азию, особо отметил ее политическую и военную ценность. «Англичане, – подчеркнул он, – стремятся к захвату всех рынков Афганистана, не исключая Герат и Амударью. Для того они ведут войну и строят железные дороги, и если мы не проложим в Средней Азии рельсового пути, то легко можем лишиться и тех рынков, которыми владеем в настоящее время»⁴. Тема строительства становится предметом общественных дебатов, приобретая политический характер. Князь Александр Трубецкой 29 марта 1879 г., обращая внимание на укрепление положения России за Уралом в степи, писал: «...положение наше в Средней Азии может быть прочно лишь прямым соединением с Россиею. Не будь мы сильны за степью, нам при всяком разладе

³ Тургайская газета. Иллюстрированное приложение. 1896. 17 нояб. (№ 47).

⁴ Аксенов А.В. Оренбургско-Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 13.

с противодействующею силою в Азии грозила бы опасность от возбужденного против нас ислама»⁵.

Военный губернатор Тургайской области Л.Ф. Баллюзек также выделял военный фактор в строительстве дороги и отмечал, что «главный контингент военных сил, потребных для государственных надобностей в пределах степи и в русских среднеазиатских владениях, поставляют казацьи войска Оренбургское и Уральское, и регулярные войска Оренбургского и Казанского военных округов», и из-за этой отдаленности в случае необходимости военная сила может прибыть с опозданием⁶.

Таким образом, военный вопрос, военно-стратегический фактор был ключевым при решении вопроса о строительстве железной дороги. Вместе с тем железная дорога рассматривается как фактор усиления и упрочения Российской власти на окраине. Представители Российской элиты отмечали, что железная дорога – это лучший проводник цивилизации. Они указывали: «...лишь с осуществлением этого пути явится возможность с уверенностью ожидать прилив в Среднюю Азию не только крестьян-переселенцев, но в особенности людей науки и практических знаний, капиталистов и промышленников»⁷. Наряду с этим привлекала внимание и роль железной дороги в развитии торговли в регионе, т.е. экономическая составляющая также была одним из главных факторов. Барон Вревский отмечал: «Только с проведением прямого рельсового пути из Туркестана в Европейскую Россию, ныне остающиеся без разработки горные богатства края и находящиеся лишь в зачатке: виноделие, виноградарство, плодоводство, табаководство, производство растительных масел и прочие могут развиваться и удешевить ценность сих продуктов на внутренних рынках государства»⁸.

Значимость дороги обосновывалась развитием хлебопашества и оседлости, расширением торговли, возникновением средств к постоянным заработкам. И. Аничков писал: «Оторванность степей лишает самой насущной потребности, именно ввоза дешевого хлеба,

⁵ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 17 об.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 17 об.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 248. Оп. 3. 1896–1899. Д. 606. Л. 33.

⁸ РГИА. Ф. 248. Оп. 3. 1896–1899. Д. 606. Л. 33 об.

потому что своего для степей не хватает; вместе с тем не дает возможности выгодно сбывать произведения скотоводства. В торговом отношении киргизы (казахи – Г.И.) лишены удобства приобретать хорошего качества товар, находясь в руках скупщиков сырья, посредников между ними и торговыми центрами. Железная дорога, обеспеченная товаром из Европейской России в Среднюю Азию и обратно, по пути принимала бы и грузила местные продукты, давая значительный заработок местному населению. Благосостояние киргиз с падением верблюжьего караванного промысла сильно пошатнулось»⁹.

Интересы оренбургской администрации выразил Л.Ф. Баллюзек, когда писал: «дорога будет способствовать увеличению производительности самых богатых местностей киргизской (казахской – Г.И.) степи, усилит вывоз киргизской соли»¹⁰. Такие же доводы приводил князь А. Трубецкой: «она (среднеазиатская ж.д. – Г.И.) сосредоточит в наших руках всю торговлю Сыр-Дарьинских и Аму-Дарьинских стран, а со временем соединение нашего железнодорожного пути с англо-индийскими железными дорогами приведет к транзиту через Россию всей, или почти всей, торговли Индии. В политическом же смысле она заставит Англию изменить к нам свое враждебное настроение на мирные и дружественные торговые отношения»¹¹. Железнодорожное строительство становится интегральной частью включения регионов в состав империи.

Существовало несколько вариантов проложения дороги из Ташкента. Не останавливаясь на полемике представителей различных регионов, отметим, что Туркестанский генерал-губернатор, Самарское Губернское Земство и Самарская Дума, Оренбургская Дума, оренбургские купцы ходатайствовали о проведении проектируемого рельсового пути к Оренбургу, а военный губернатор Уральской области и Саратовская городская Дума высказались за направление данного пути на г. Уральск или Александров-Гай¹².

В августе 1898 г. в разгар полемики о маршруте Ташкентской дороги министру финансов С.Ю. Витте направили свои письма купец

⁹ Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // История Западного Казахстана в трудах русских исследователей: сб. материалов. Актобе, 2006. С. 188.

¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 144.

¹² РГИА. Ф. 268. Оп. 3. 1896–1899 гг. Д. 606. Л. 35.

Орской 1-й гильдии Степан Иванов и потомственный почетный гражданин Оренбургской 1-й гильдии купец Никифор Прокофьевич Савинский, которые были сторонниками прохождения дороги через Оренбург¹³. В это же время представители оренбургского купечества отправили записку «О Среднеазиатской железной дороге и преимуществах направления ее от Оренбурга до Ташкента» директору департамента железнодорожных дел В.В. Максиму¹⁴. Военные топографы составили «Карту изысканий железнодорожной линии от Александров-Гая до Чарджуя» и «Карту изысканий железнодорожной линии от г. Оренбурга на г. Ташкент».

17 апреля военный министр А.Н. Куропаткин представил императору свое видение строительства железной дороги через Ташкент. Обосновывая проведение дороги военно-политическим положением и задачами России в Центральной Азии, он указывал на необходимость сосредоточения на Афганской границе необходимых России вооруженных средств и передвижения их из Европейской России и Кавказа по Закаспийской железной дороге, при этом акцентировал внимание на строительстве новых участков дороги. В частности, он предлагал усилить пропускную способность Закаспийской железной дороги на участке Красноводск – Мерв – Кушкинский пост до 12 пар воинских поездов в сутки, а также соединить владения России в Средней Азии сплошным рельсовым путем с европейской частью империи. Он также говорил о необходимости строительства железной дороги от Ташкента к Оренбургу или к одному из пунктов Сибирской железной дороги через Семиреченскую область¹⁵.

26 июня 1899 г. по Высочайшему повелению было проведено совещание с участием министра финансов, военного министра, министра путей сообщения и министра иностранных дел о соединении Центральной (в документе – Средней) Азии с общей сетью российской железной дороги. На совещании министр финансов С.Ю. Витте и министр путей сообщения М.И. Хилков высказались за проведение дороги от Ташкента через Алтай к Томску, но при обсуждении из-за ее малой эффективности предложение было отклонено. Лишь личное вмешательство императора и его твердое решение «Быть до-

¹³ РГИА. Ф. 268. Оп. 3. 1896–1899 гг. Д. 606. Л. 90–92.

¹⁴ Там же. Л. 87–89 об.

¹⁵ Там же. Л. 134–135 об.

роге через Оренбург» поставило точку в полемике, которая длилась несколько лет.

Высказывали свое мнение и представители казахского чиновничества. Чингизид, войсковой старшина султан Сеитхан Джантюрин в своей «Записке» о выборе места под строительство железной дороги приводит аргументы экономической выгоды, характеризует значимость железнодорожного пути как для местного населения, так и для империи в целом, аргументирует проведение дороги через Оренбург.

Аргументируя прохождение железной дороги через Оренбург, автор акцентировал внимание на близость природных ископаемых. Он писал: «Вблизи Тургая имеется месторождение каменного угля, и в Николаевском и Тургайском уездах находятся леса, которые могут доставлять строительные материалы для дороги – условия, конечно, весьма важные для всякого железного пути»¹⁶. Забегая вперед, отметим, что обеспечение железной дороги топливом являлось одной из главных задач. В начале XX в. возникают первые проблемы, связанные с исчезновением саксаула вдоль железной дороги, являвшихся одним из видов топлива для паровоза. Об этом сообщали местные газеты, которые также обратили внимание на экологическое бедствие в Казахской степи.

В своей «Записке» Сеитхан Джантюрин, конструируя и описывая локальное пространство (Тургайская обл. – Г.И.), уделит внимание трем факторам, которые надо было учесть в интересах казахского населения при проведении железной дороги.

С. Джантюрин указывал, что население находится в прямой зависимости от свободы перекочевов и достаточности земли. Он предлагал провести дорогу так, чтобы казахи были менее стеснены в перекочевках, а также устроить на ней переходные пункты, чтобы местное население могло свободно перегонять свои табуны в другие местности во время гололеда, суровой зимы, недостаточности подножного корма и сена. С. Джантюрин, подчеркивая, что казахи чувствуют недостаток в пастбищах, предлагал по возможности отчуждать под дорогу меньше луговых и тебенючных мест, в особенности в Илецком уезде. «В столь важном деле, как среднеазиатская железная дорога, имеющая мировое значение, неуместно приудер-

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 58 об.

живаться исключительно киргизских (казахских – Г.И.) интересов, но тем не менее полагаю, что не следует оставлять их без внимания по причинам, на которые указано выше», – писал он¹⁷.

Войсковой старшина рассуждал о влиянии железной дороги на жизнь кочевников. По его мнению «влияние ... на степь будет благотворное только при неперменном условии нестеснения летних перекочевков киргиз (казахов – Г.И.): оживится край, разовьется торговля в степи, пробудится деятельность народа и он приучится к правильному и постоянному труду земледелия в степи». Наряду с этим он отметил влияние железной дороги на извозный промысел киргизов. «Вместе с железным путем без сомнения расширится торговля, вслед усилятся движения грузов по нем, доставка которых к станциям железной дороги и развозка их оттуда к местам назначения потребуют несравненно большее число перевозочных средств», – писал он¹⁸.

Большие надежды возлагались на данную железную дорогу в улучшении благосостояния населения и развитии скотоводческого хозяйства в Тургайской, Сырдарьинской областях, обращалось внимание на то, что существовавшая в области меновая торговля приносила убыток кочевнику. «Ловкие барышники, преимущественно татары, сарты, предлагая киргизам (казахам – Г.И.) разные мануфактурные и бакалейные товары, взамен денег берут у них скот натурой по очень низкой оценке. Этот способ торговли очень убыточен для скотовода-киргиза, так как почти вся выгода от обмена попадает в руки барышника», – сообщалось в газете¹⁹. Отдаленность мест для более выгодного и разумного сбыта сделала казаха беспомощным перед торговцами-менялами.

С проведением Оренбургско-Ташкентской железной дороги степь стала быстро изменяться, внося новые условия в жизнь кочевников и русских поселенцев. Строительство железной дороги приблизило внутренние районы области к местам потребления и открыло по линии удобные пункты для продажи скота, что представило кочевнику возможность увеличить сумму своего годового заработка и улучшить материальное положение. Торговля в степи посте-

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8420. Л. 60–60 об.

¹⁸ Там же. Л. 61–62.

¹⁹ Тургайская газета. 1901. Июль (№ 27).

ленно утрачивает свой меновой характер и приобретает все свойства чисто коммерческих оборотов, денежные знаки в степи получают первенствующее значение. Углубляется развитие рыночных отношений.

Наметились важные изменения в структуре кочевого хозяйства, приведшие впоследствии к переходу значительной части скотоводов к полукочевому образу жизни.

Огромную роль в переходе казахов на полукочевой образ жизни, в развитии стационарных казахских поселений сыграли сенокосение и отчуждение казахских земель для строительства железной дороги. Известная задолго до прихода русских заготовка сена серпами (орақ) во второй половине XIX в. с распространением косы (шалғы) приобрела качественно новое развитие, позволяющее перевести часть скота зимой на полустойловое содержание. Для развития сенокосения вошло в практику учреждение общественных сенных запасов и приобретение сенокосильных машин. Данные машины получили распространение среди казахов Кустанайского и Актюбинского уездов.

«В Тургайской области казахи, – писал И. Аничков, – киргизы (казахи – Г.И.), осознав уже пользу сенокосилок, приобретают их сами или же нанимают у русских»²⁰. Он был очевидцем ходатайства целого аула перед военным губернатором в Оренбурге о разрешении на получение ссуды на приобретение сенокосилки, так как наем у поселенцев обходился слишком дорого. В данном случае железная дорога имела огромное значение как средство для удешевления товаров и сельскохозяйственных орудий. Она вызвала важные изменения в системе традиционного скотоводческого поселения казахов, которые привели к достаточно серьезным культурно-историческим последствиям. С массовым распространением строительства стационарных зимовок получает постепенное распространение полуседлость.

Казахи, имевшие транспортные средства, в частности верблюдов, занимались извозным промыслом. Они перевозили соль от Илецкой защиты до Оренбурга, Троицка и Самары. В газете «Оренбургский край» отмечалось, что казахи явились для заработков из-

²⁰ Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях... С. 189.

возов со 150 верблюдами. Провоз соли в 1892 г. составлял 6–7 коп. летом, а осенью – до 12 коп. за пуд²¹.

Дальнейшее развитие получает и земледелие. В Тургайской области земледелием занимались как казахи, так и переселившиеся русские крестьяне, преимущественно в Кустанайском и Актюбинском уездах. По отчету военного губернатора Тургайской области, «в 1896 году числилось киргиз (казахов – Г.И.) в области 388 344 души, земля обрабатывалась ими в количестве 103 782 десятин, в 1899 году число киргизов достигло 400 000, а площадь обрабатываемой ими земли равнялась 163 000 десятинам»²². Количество казахов, занимающихся земледелием, росло из года в год. По подсчетам историка-экономиста С.Е. Толыбекова, число «чистых кочевников» (көшпелі) к началу XX в. значительно уменьшилось и составляло 25 % всех казахов (т.е. около 0,8–1,0 млн человек)²³. С проведением железной дороги земледельцы начали продавать избыток своего хлеба непосредственно на линии железной дороги и по выгодным ценам, тогда как ранее земледельцы везли хлеб в Оренбург, Троицк и другие центры, несмотря на дальние расстояния.

Следствием новых форм землевладения и землепользования стало постепенное оседание и развитие земледелия среди обедневших казахских родов. Свидетельством развития земледелия явилось открытие мукомольных мельниц в Актюбинске и Актюбинском уезде. В газетах сообщали, что монополист-мукомольщик буквально «драл» по 20–25 коп. за помол с пуда, что тормозил сбыт хлеба в виде муки. Казахи были вынуждены сбывать его зерном за бесценок²⁴. В конце XIX в. владельцами мельниц являлись в основном торговцы других национальностей, а в начале XX в. мукомольные мельницы стали открывать казахи.

Изменения в годичном цикле кочевания, а именно увеличение времени отдыха и восстановления (поскольку уже не было необходимости кочевать и зимой), повлекли за собой развитие промыслов, ремесел, различных форм народного творчества казахов.

²¹ Оренбургский край. 1893. № 7.

²² Тургайская газета 1901. Июль (№ 27).

²³ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С. 402.

²⁴ Тургайская газета. Оренбург, 1896. 18 сент.

Появляются новые профессии. На станциях можно было встретить продавцов кипятка, которые обслуживали вагоны с пассажирами. Появляются путейцы, грузчики, водовозчики, обеспечивающие пресной водой паровозы, так как соленая вода увеличивала накипь. Особым положением начинают пользоваться железнодорожники, которые превращаются в «привилегированную касту». У них появились свои больницы, школы, их положение было выше и труд оплачивался выше по сравнению с простым казахским и русским населением.

В связи со строительством Оренбургско-Ташкентской железной дороги в 1905 г. на станциях Оренбург, Актюбинск, Челкар, Калининск были открыты железнодорожные училища²⁵. Так, например, Челкарское училище готовило кадры для соседних железнодорожных станций.

Эта обособленная группа вводит новую политическую и бытовую культуру, они выдвигают антиправительственные идеи. Именно из их среды выходят первые марксисты, первые члены РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия). Железнодорожники стали активными участниками первой русской революции 1905–1907 гг., а затем и Октябрьского переворота 1917 г.

Особенностью языка казахской поэзии данной эпохи является начало влияния на нее русского литературного языка. Особенно ярко это выражено в языке произведений Абая. Использование русских слов, образов шире и свободнее у учеников Абая – Мағауия, Ақылбая. К примеру, Мағауия ввел в язык стихов неиспользованные казахскими поэтами ранее конкретные названия предметов, такие как *насос, кран, балкон, нарядчик*, и слова отвлеченных понятий, как *банкрот, мот, сутки*²⁶.

В казахском народном письменном литературном языке публицистического стиля началось активное использование русских слов. Как отмечает казахстанский ученый Р. Сыздык, «по сравнению со стилем художественной литературы того времени, публицистический стиль выполнял большую роль в пополнении словаря письменного казахского литературного языка заимствованными словами из русского языка, с каждым годом увеличивая работу в этом направ-

²⁵ Тургайская газета. 1905. 30 окт.

²⁶ Сыздык Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы (XV–XIX ғасырлар). Алматы, 2004. С. 195.

лении. Например, в номере “Дала уалаяты газеті” от 17 августа 1890 года исконно казахских слов было 70,4 %, арабско-персидских слов – 19,7 %, русских слов – 5,6 %, а в номере от 21 января 1896 года казахских слов – 73,5 %, арабско-персидских слов – 15,4 %, русских слов – 9,1 %»²⁷.

Завершение процесса вхождения казахских земель в состав Российской империи и принятие ее правительственных норм во второй половине XIX века привели к вхождению в национальную письменную речь русских слов.

Подводя итог, отметим, что в истории России железные дороги сыграли роль мощного двигателя «модернизации». Вошедшая в эксплуатацию в 1906 г. Оренбургско-Ташкентская железная дорога стала составной частью единой железнодорожной сети империи. Существовало несколько вариантов строительства дороги в Ташкент. Соперничество в военной сфере подтолкнуло правительство к строительству данной железной дороги, но в определении ее направления через Оренбург важную роль сыграли представители экономической и политической элиты Оренбургского края. В обсуждении данного вопроса принимала участие не только экономическая и социальная элита столицы, но также и местная, в том числе представители казахского чиновничества. В частности, С. Джантюрин знал прекрасно менталитет своего народа, географическое пространство региона, хозяйственную деятельность населения и четко показал свою позицию по ее строительству. Оренбургско-Ташкентская железная дорога принесла большие изменения в хозяйственную жизнь казахов: возникли новые профессии, железнодорожные училища, в казахском языке и литературе появились русские слова.

Литература

Аксенов А.В. Оренбургско-Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.

Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // История Западного Казахстана в трудах русских исследователей: сб. матер. Актобе, 2006. С. 184–211.

²⁷ Сыздық Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы (XV–XIX ғасырлар)... С. 204.

Сыздық Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы (XV–XIX ғасырлар). Алматы: Арыс, 2004. 288 с.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ. Алма-Ата: Издательство Наука Казахской ССР, 1971. 633 с.

References

Aksenov, A.V. (1955). *Orenburgsko-Tashkentskaya zheleznaya doroga i ee rol v razvitiy kapitalizma v Sredney Azii* [Orenburg-Tashkent Railway and Its Role in the Development of Capitalism in Central Asia], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow.

Anichkov, I. (2006). Upadok narodnogo hozyaystva v kirgizskih stepyah [The decline of the national economy in the Kyrgyz steppes]. In *Istoriya Zapadnogo Kazahstana v trudah russkikh issledovateley. Sbornik materialov*. Aktobe, pp. 184–211.

Syzdyk, R. (2004). *Qazaq adebi tilining tarikhy (XV–XIX ghasyrlar)* [History of the Kazakh Literary Language (15th–19th Centuries)]. Almaty, Arys. 288 p.

Tolybekov, S.E. (1971). *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka: politiko-ekonomicheskiy analiz* [Nomadic Society of Kazakhs in the 17th – Early 20th Century: Political and Economic Analysis]. Alma-Ata, Izdatelstvo Nauka Kazakhskoy SSR. 633 p.

Г.Т. Каженова¹

**ПЕРВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОВЕТИЗАЦИИ
В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: ПРИНУЖДЕНИЕ И ФОРМЫ
ОТВЕТА КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА (1920–1921 ГГ.)***

Аннотация. Статья исследует процесс советизации Казахстана в 1920–1921 гг., ключевым инструментом которого стали революционные комитеты (ревкомы) – чрезвычайные органы, наделенные диктаторскими полномочиями. Автор показывает, что власть ревкомов устанавливалась силой оружия и характеризовалась внешней имплантацией, слабой кадровой базой и концентрацией военно-административных, карательных и хозяйственных функций. Центральное место в анализе занимает политика продразверстки, которая, будучи перенесена на кочевые районы без учета их специфики, привела к тотальному изъятию скота, разрушила традиционные экономические связи и стала катализатором массового голода. В ответ на принуждение казахское общество демонстрировало широкий спектр сопротивления – от пассивных форм (откочевка, сокрытие скота) до открытого вооруженного восстания. Делается вывод, что опыт 1920–1921 гг. заложил модель отношений «центр – периферия», основанную на принуждении и игнорировании местных особенностей, что предопределило глубокий системный кризис и будущие трагедии в регионе.

Ключевые слова: советизация, революционные комитеты (ревкомы), продразверстка, Казахская степь, кочевое общество, сопротивление, продвольственная диктатура, насильственная модернизация.

G.T. Kazhenova²

**THE FIRST MECHANISMS OF SOVIETIZATION
IN THE KAZAKH STEPPE: COERCION AND FORMS
OF RESPONSE OF THE NOMADIC SOCIETY (1920–1921)**

Abstract. This article examines the Sovietization of Kazakhstan in 1920–1921, the key instrument of which were revolutionary committees (revkoms) –

¹ **Гульнар Тулегеновна Каженова**, канд. ист. наук, и.о. доцента, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан, e-mail: gkazhenova@mail.ru

² **Gulnar Tulegenovna Kazhenova**, Candidate of Historical Sciences, Acting Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: gkazhenova@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта AP26103039 «Казахское кочевое население Степного края в годы гражданского противостояния (1918–1921 гг.): стратегии выживания».

emergency bodies endowed with dictatorial powers. The author demonstrates that the power of the revkoms was established by force of arms and was characterized by external implantation, a weak personnel base, and a concentration of military-administrative, punitive, and economic functions. Central to the analysis is the policy of food requisitioning, which, when transferred to nomadic regions without regard for their specific characteristics, led to the total confiscation of livestock, destroyed traditional economic ties, and became a catalyst for mass famine. In response to coercion, Kazakh society demonstrated a wide range of resistance - from passive forms (nomadic migration, hiding livestock) to open armed rebellion. It is concluded that the experience of 1920–1921 laid the foundation for a model of “center-periphery” relations based on coercion and disregard for local peculiarities, which predetermined a deep systemic crisis and future tragedies in the region.

Keywords: Sovietization, revolutionary committees (revkoms), food tax, Kazakh steppe, nomadic society, resistance, food dictatorship, forced modernization.

Период 1920–1921 гг. стал ключевым этапом интеграции Казахстана в советскую государственность через создание революционных комитетов – чрезвычайных органов власти, осуществлявших советизацию до формирования системы Советов. Деятельность ревкомов и политика «продовольственной диктатуры» представляют собой наглядный пример столкновения этатистской модели управления с традиционным кочевым обществом, что породило специфические формы взаимодействия, сопротивления и адаптации.

Актуальность обращения к данному периоду определяется необходимостью выхода за рамки его традиционного рассмотрения – либо в контексте Гражданской войны, либо как предыстории коллективизации. Именно в 1920–1921 гг. были опробованы ключевые инструменты государственного принуждения, заложены институциональные предпосылки социально-экономического кризиса, завершившегося катастрофическим голодом 1921–1922 гг., и тогда же проявился весь спектр реакций кочевого общества на радикальное вмешательство государства в его традиционный уклад жизни.

Процесс советизации в казахской степи начался в условиях продолжающихся военных действий и установления контроля Красной армии над территорией региона. Наступавшие части, прежде всего 59-я дивизия 5-й армии под командованием М.Н. Тухачевского, осуществляли военно-гражданское управление на занятых территории-

ях и повсеместно создавали революционные комитеты (ревкомы) как временные органы советской власти. При этом волостные ревкомы нередко организовывались раньше уездных³, что свидетельствовало о стихийности и спешке в формировании административной структуры. Характерным примером служит создание Петропавловского уездного ревкома 31 октября 1919 г. «под гром еще не смолкнувшей артиллерийской дуэли», а также назначение ревкома в Кокчетаве политотделом 54-й дивизии 14 ноября 1919 г.⁴, что демонстрирует насильственный характер установления власти.

Ключевые посты в администрации занимали армейские политработники, как в Петропавловске, где штаб 5-й армии направил на руководящие должности Н.А. Маторина, В.Г. Барлебена и др.⁵ Организация Советов в казахских аулах также велась при прямом участии политработников, занимавшихся как формированием органов власти, так и пропагандой. Так, газета «Известия ВЦИК» от 7 октября 1919 г. отмечала политических сотрудников одной из армейских бригад, занимавшихся формированием советских органов в казахских аулах и одновременно ведших среди населения энергичную пропаганду советских принципов⁶. Этот факт подтверждает корректность описания процессов как внешней имплантации власти, в которой пропаганда выступала одним из инструментов системы принуждения.

Основной механизм установления контроля имел строго вертикальный характер и реализовывался через направленных инструкторов, как в Петропавловском уезде, где 20 инструкторов за декабрь 1919 – февраль 1920 гг. организовали создание волостных и сельских ревкомов. Формальная легитимация власти через многочасовые собрания и «выборы» фактически контролировалась сверху.

Острую проблему представлял катастрофический кадровый дефицит. Доклады с мест пестрили жалобами о невозможности найти грамотных руководителей, особенно среди казахского населения. Из

³ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 247. Л. 21.

⁴ Государственный архив Акмолинской области (ГААО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 68. Л. 168.

⁵ Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы, 1993. С. 147.

⁶ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917–1920 гг.): Документы и материалы. Алма-Ата, 1971. С. 117.

Акмолинского уезда сообщали об отсутствии «опытных партийных товарищей в местной мусульманской секции» для работы с казахским населением⁷.

Эта проблема осознавалась на всех уровнях власти. Уже 6 января 1920 г. на организационном заседании Семипалатинское губбюро РКП(б) включило в план работ пункт о «создании кадров работников, могущих вести ответственную работу в области»⁸. Острый дефицит специалистов вынуждал к экстренным мерам – организации краткосрочных агитационных курсов для подготовки инструкторов, что практиковал, в частности, Семипалатинский облревком⁹. Таким образом, системный кадровый кризис и трудности с поиском местных руководителей свидетельствовали о слабости социальной базы власти.

Краеугольным камнем советизации региона стало принятие «Временного положения о революционном комитете по управлению Киргизским краем» 10 июля 1919 г. Этот документ учреждал Кирревком как высший чрезвычайный орган власти с диктаторскими полномочиями, полностью назначаемый центром и представлявший собой «импортированный» институт, задачей которого было подавление сопротивления и внедрение новых порядков. Его временный статус («впредь до созыва всеобщего киргизского съезда») делал Кирревком инструментом форсированной модернизации, призванным обеспечить контроль центра до создания хоть сколько-нибудь легитимных выборных органов власти¹⁰.

Кирревком концентрировал всю полноту военно-гражданской власти, выступая одновременно как административный и законодательный орган. Все местные советы и исполкомы находились в его прямом подчинении, а комплектование Кирревкома в составе семи членов осуществлялось исключительно центральными органами власти РСФСР, что подчеркивало «имплантированный», а не выборный характер, и создавало устойчивую проблему легитимности в глазах местного населения¹¹. Основными задачами являлась коор-

⁷ ГИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 9. Л. 39.

⁸ Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). Ф. 2-п. Оп. 1. Д. 19-а. Л. 1.

⁹ Советы и ревкомы в Казахстане... С. 145.

¹⁰ Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем, 1919–1920 гг.: сборник документов. Алматы, 1993. С. 14.

¹¹ Там же.

динация советских органов на местах, реализация декретов центра с учетом региональной специфики, подготовка проекта автономии и организация созыва учредительного съезда, меры по хозяйственно-культурному развитию края¹².

Важной составляющей власти ревкомов были карательные функции. Для контроля над населением создавались силовые структуры, однако их формирование сталкивалось с кадровыми проблемами. Так, из Акмолинского уезда писали, что «для обслуживания киргизских волостей необходимо создать курсы для подготовки киргиз на должность милиционеров», так как русские милиционеры «не обладают киргизским языком»¹³. Карательный характер режима проявлялся в преследовании за «ложные слухи» – под этим предлогом наказывалась любая критика власти¹⁴.

Несмотря на жесткую централизацию, советская власть пыталась учитывать местную специфику через создание двухсекционных исполкомов – русской и киргизской (казахской) секций, каждая из которых решала вопросы, относящиеся к своей этнической группе¹⁵. В сфере земельных отношений за казахским населением признавалось право на традиционно занимаемые земли, а их распределение должно было осуществляться согласно обычаям через аульные и волостные съезды Советов. Эта значительная уступка, учитывавшая численное преобладание казахского населения, была направлена на снижение социальной напряженности. Аналогичный подход применялся в судебной сфере: земельные споры разрешались на основе обычного права через съезды и третейские суды, а уголовные и гражданские дела между казахами, кроме подсудных ревтрибуналу, рассматривались в народном суде «по существу дела по обычному праву»¹⁶.

Таким образом, «Временное положение» демонстрировало своеобразный синтез советских принципов государственного строительства и элементов казахского адата. Такой гибкий подход позволял центральной власти одновременно укреплять свои позиции и

¹² Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем... С. 15.

¹³ ГИАОО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 9. Л. 34 об.

¹⁴ Государственный архив Северо-Казахстанской области (ГАСКО). Ф. 1482. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

¹⁵ Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем... С. 15.

¹⁶ Там же. С. 16–17.

снижать потенциал сопротивления через учет традиционных правовых норм. Заложенные в документе механизмы – признание ада-та, традиционного землепользования и курс на формальную автономию – представляли собой не просто жест доброй воли, а тонкий стратегический расчет.

Политика Кирревкома демонстрировала характерный для большевиков дуализм, сочетавший силовое давление с тактическими уступками. Интеграция отдельных элементов традиционного уклада в новую административно-правовую систему позволяла снизить риски массового сопротивления, легитимировать власть в глазах местного населения и привлечь национальную интеллигенцию, ориентированную на идею автономии. Однако все уступки имели строго очерченные рамки и находились под жестким контролем центра. Верховная власть принадлежала назначенному Москвой Кирревкому, а перспектива автономии реализовывалась исключительно в пределах советской властной вертикали. Таким образом, тактические уступки служили инструментом подготовки почвы для долгосрочной стратегии – постепенного закрепления власти центра и последующей унификации правового и политического пространства.

Революционные комитеты взяли под свой контроль не только военно-административные и силовые, но и хозяйственные функции, что значительно расширяло пределы их компетенции и усиливало роль в процессе советизации региона. После своего учреждения они немедленно приступали к учету, изъятию и перераспределению материальных ресурсов, фактически выступая в роли местных органов продовольственной диктатуры. Характерным примером служит деятельность Кокчетавского уездного ревкома, который сразу же после его создания взял на учет 6000 пудов хлеба и 400 кож¹⁷. Слабая связь с центром, на которую указывали в том же докладе из Кокчетавы, усугубляла произвол и превращала ревкомы в фактически неконтролируемые органы местной власти, действовавшие в рамках чрезвычайного режима.

Продовольственная политика советской власти, основанная на конфискационном принципе, имела разрушительные последствия для всего населения Степного края. Ярким примером этого стала

¹⁷ ГААО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 68. Л. 168.

продразверстка 1920 г. в Петропавловском уезде – одном из самых хлебных уездов региона. Омский центр установил план поставки в 4,7 млн пудов хлеба¹⁸, который был заведомо нереальным, поскольку определялся не фактическими возможностями крестьянских хозяйств, а потребностями армии и городского населения. Расчет делался на то, что у сибирского крестьянства сохранился хлеб прошлых лет. Однако урожай 1920 г. был крайне низким, а запасы предыдущих лет изъяты колчаковцами. Несмотря на это, применялись жесткие принудительные меры: организация лагерей принудительных работ и тотальное изъятие хлеба «под метлу». Как сообщал член Петропавловского уисполкома: «Взято все, что можно... мы не поддавались слезам и уверениям населения о том, что у них нет хлеба»¹⁹.

Естественной реакцией крестьян стало пассивное сопротивление: сокращение посевных площадей и отказ сдавать хлеб. Власти же квалифицировали эти действия как «саботаж» и «враждебную агитацию», что вело к дальнейшему ужесточению репрессивной политики. Омский губпродкомиссар отмечал: «Хлеб почти не сдавался кулаками... Крестьян призывали сокращать площади сева. Легковерные так и сделали»²⁰. Таким образом, конфискационная политика порождала порочный круг: насильственное изъятие вызывало сопротивление, которое, в свою очередь, использовалось для оправдания новых репрессий.

Продразверстка подрывала не только крестьянские хозяйства, но и разрушала традиционные механизмы товарообмена, жизненно важные для казахских кочевников. Лишившись возможности обменивать скот на зерно и промышленные товары, кочевое население столкнулось с реальной угрозой голода. Государственная торговая монополия заблокировала доступ к основным товарам – хлебу, мануфактуре, металлическим изделиям и соли. Насильственный разрыв вековых экономических связей между оседлым и кочевым населением разрушал сложившуюся систему взаимозависимости, что имело катастрофические последствия для всего региона.

Особенно тяжелым испытанием для степных районов стало введение мясной разверстки, которая проводилась параллельно с хлеб-

¹⁸ Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края... С. 150–151.

¹⁹ ГАСКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 24. Л. 11–13.

²⁰ Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края... С. 150.

ной. Установленные планы по изъятию скота, распространявшиеся также на шкуры, конский волос, рога и копыта, базировались на логике оседлого земледельческого хозяйства и полностью игнорировали цикличность и специфику кочевого скотоводства. Это вступало в прямое противоречие с традиционной системой жизнеобеспечения казахского аула, где скот не был товарным излишком, а представлял собой основное и зачастую единственное средство выживания, что делало продразверстку инструментом разрушения этой хрупкой экосистемы.

Организацией сбора скота в уездах и волостях губернии для дальнейшей отправки в центры снабжения Советской России занимались экспедиции Губзаготселя (губернского отдела заготовок сельхозпродуктов, подчиненного продовольственным органам (Губпродкомиссариату)). Местные органы власти в лице уездных, волостных ревкомов были обязаны оказывать им всемерную помощь. Для обеспечения выполнения масштабной разверстки, наложенной на Сибирь весной 1920 г. в размере 6207 тыс. пудов мяса²¹, вводились жесткие административные меры. Запрещался забой скота для продажи, а для убоя в личных целях требовалось специальное разрешение волисполкома; его отсутствие приравнивалось к нарушению продовольственных распоряжений, влекло конфискацию скота и привлечение владельца к ответственности в Революционном трибунале²².

В результате принудительных мер масштабы изъятий в степных районах приняли катастрофический характер. Так, в 1920 г. у казахского населения Кокчетавского уезда было изъято около 39 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС) и 20 тыс. баранов, в Атбасарском уезде – 34 тыс. КРС и свыше 50 тыс. баранов, в Акмолинском уезде – 18,6 тыс. КРС и более 95 тыс. баранов. Только в Пресногорьковской волости Петропавловского уезда заготовительные отряды конфисковали 20 тыс. голов КРС и 29 тыс. баранов²³. Анализ статистических данных показывает, что в 1920–1921 гг. численность всех видов животных в Сибири, за исключением лошадей, сокращалась примерно в том же объеме, в каком производилось изъятие по развер-

²¹ Сибирская Вандея. Документы: в 2 т. М., 2001. Т. 2: 1920–1921. С. 141.

²² Советская Сибирь. 1920. 11 дек.

²³ Советская Сибирь. 1921. 19 апр.

стке²⁴. Таким образом, продовольственная политика де-факто вела к массовому уничтожению животноводческого фонда и подрыву экономических основ кочевого хозяйства.

В ответ на насильственные меры местное казахское население прибегало преимущественно к пассивным формам сопротивления. Как сообщал начальник одной из заготовительных экспедиций в Атбасарский уезд: «Скот собрать с южно-киргизских волостей не представляется возможным. Киргизы откочевывают на юг к реке Чу»²⁵. В другом донесении тот же руководитель требовал немедленной военной поддержки: «Срочно выслать продотряд в Атбасар из 500 красноармейцев для постановки на границе с Тургаем заградотрядов...»²⁶. Эти документы свидетельствуют, что население применяло традиционные для кочевого образа жизни формы ухода от принуждения – откочевку, увод скота на дальние пастбища. Для властей это было «уклонением от продразверстки», однако в действительности являлось естественной формой самосохранения общества, стремившегося избежать насильственного изъятия средств к существованию.

Непомерно высокий объем разверстки, сопряженная с ней гужевая повинность и произвол продотрядов в конечном итоге спровоцировали переход от пассивного сопротивления к активному, вылившемуся в начале 1921 г. в жестокое и кровопролитное восстание. В конце 1920 – начале 1921 г. очаги крестьянских восстаний вспыхнули на территории Западной Сибири, а в феврале они распространились на Петропавловский и Кокчетавский уезды Акмолинской губернии, приняв массовый характер. О нем Чрезвычайный уполномоченный Сибревкома Е.В. Полюдов докладывал: «Самое же движение считаю серьезным. В него втянуто все казачество, до половины крестьянства и часть киргиз»²⁷.

Примечательно, что в некоторых боевых группах преобладала казахская беднота. Если Полюдов объяснял это тем, что киргизское население было неграмотным, «кроме богатых, и проводить воспитательную работу было почти невозможно, а переводчиков среди русского местного населения было мало», то истинные причины

²⁴ Рышков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 141.

²⁵ ГИАОО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 161. Л. 72.

²⁶ Там же. Л. 68–68а.

²⁷ ГААО. Ф. 55/09. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

вскрыл председатель Кокчетавской ревтройки Т.Ф. Розенбах: «По всем признакам, повстанцы стараются разжечь восстание среди киргизов. Почва для этого благоприятна... какое значение я придавал... невыдаче киргизам мануфактуры и хлеба. Теперь это сказывается – киргизы уже убивают в аулах отдельных красноармейцев»²⁸. Таким образом, корень протеста крылся не в подстрекательстве, а в самой политике, лишившей людей средств к существованию. Восстание было в конечном итоге подавлено с крайней жестокостью.

Политика продразверстки, проводимая ревкомом, стала одним из наиболее разрушительных факторов для традиционного кочевого хозяйства Казахстана, продемонстрировав полное непонимание советской властью местной экономической специфики. На практике она вылилась в тотальную конфискацию, подрывавшую не только зажиточные, но и середняцкие хозяйства, что вело к обнищанию и маргинализации основной массы аульного населения. Под лозунгами социальной справедливости проводилась политика, лишавшая кочевое сообщество экономической основы и устойчивости.

Жесткое изъятие продовольствия зимой 1920–1921 гг. и весной 1921 г. стало непосредственным фактором, спровоцировавшим массовый голод, катастрофические масштабы которого были усугублены сильной засухой. Это наглядно демонстрирует, как политическое решение, игнорирующее местную специфику, не только не решает задачи мобилизации ресурсов, но и многократно усиливает разрушительные последствия стихийного бедствия, окончательно подрывая хозяйство.

Таким образом, продразверстка спровоцировала комплекс скрытых и открытых форм сопротивления, выявив глубокий кризис доверия к советской власти в степи. Ревкомы в этом контексте выступали не как органы интеграции или самоуправления, а как проводники жесткой модернизации сверху, действовавшие методами принуждения и реквизиций. Их институциональная чуждость традиционному укладу, сочетание всех властных функций и кадровая слабость не только дискредитировали новую власть, но и заложили основу для грядущих социально-экономических катастроф, самой

²⁸ ГААО. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

масштабной из которых стал голод начала 1920-х гг. Проведенный анализ позволяет заключить, что механизмы советизации в казахской степи в 1920–1921 гг. формировались в условиях чрезвычайного режима и имели преимущественно принудительный характер. Революционные комитеты, выступавшие основными проводниками власти, представляли собой имплантированные извне органы, действовавшие в тесной связке с военными структурами. Их деятельность сочетала функции политического контроля, мобилизации ресурсов и подавления сопротивления, что фактически превращало их в инструменты насильственной модернизации.

Продразверстка, ставшая главным инструментом продовольственной политики, была перенесена на кочевые районы без учета специфики их хозяйственного цикла и структуры потребления. Требования по изъятию скота, основанные на логике оседлого земледелия, вступали в прямое противоречие с кочевым образом жизни. В результате произошла дезинтеграция традиционной экономической системы, разрушение обменных связей между оседлыми и кочевыми хозяйствами, массовое обнищание и сокращение поголовья скота – ключевого ресурса выживания казахского аула.

Реакцией кочевого населения на принуждение стал широкий спектр форм сопротивления – от пассивных, таких как откочевки, сокрытие скота и уклонение от повинностей, до открытых вооруженных выступлений. Наиболее распространенной оказалась уклончивая тактика выживания, включавшая увод животных в отдаленные районы. Подобные методы позволяли избежать прямых столкновений с карательными отрядами и сохранить минимально необходимые для существования хозяйства ресурсы. Эти действия отражали не столько осознанную политическую оппозицию, сколько отчаянную попытку защитить традиционный уклад и обеспечить физическое выживание в условиях разрушительного экономического давления.

Таким образом, политика советизации, проводимая через систему ревкомов и продовольственную диктатуру, закрепила модель отношений «центр – периферия», основанную на насилии, реквизициях и игнорировании местной специфики. Эта модель подорвала доверие к власти и заложила предпосылки последующих социальных катастроф, наиболее трагической из которых стал голод 1921–1922 гг.

Литература

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. 244 с.

Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.) / сост. А.В. Бучнева. Алматы: Гылым, 1993. 277 с.

Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы: Казахстан, 1993. 392 с.

Сибирская Вандея. Документы: в 2 т. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. М.: МФ «Демократия», 2001. Т. 2: 1920–1921. 776 с.

Советы и ревкомы в Казахстане (Октябрь 1917–1920 гг.) : Документы и материалы / сост. П.А. Абдуллина, С.С. Бейсенов, Ф.Н. Киреев. Алма-Ата: Казахстан, 1971. 224 с.

References

Abdullina, P.A., Beysenov, S.S., Kireev, F.N. (Comp.). (1971). *Sovety i revkomy v Kazakhstane (Oktyabr' 1917–1920 gg.): Dokumenty i materialy* [Soviets and Revolutionary Committees in Kazakhstan (October 1917–1920): Documents and Materials]. Alma-Ata, Kazakhstan. 224 p.

Buchneva, A.V. (Comp.). (1993). *Protokoly Revolyutsionnogo komiteta po upravleniyu Kazahskim kraem (1919–1920 gg.)* [Protocols of the Revolutionary Committee for the Administration of the Kazakh Region (1919–1920)]. Almaty, Gylm. 277 p.

Rynkov, V.M., Ilyinykh, V.A. (2013). *Desyatiletie potryaseni: sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [Decade of Upheavals: Agriculture in Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 244 p.

(1993). *Severo-Kazakhstanskaya oblast': stranitsy letopisi rodного kraя* [North Kazakhstan Region: Pages of the Native Land Chronicle]. Almaty, Kazakhstan. 392 p.

Shishkin, V.I. (Comp.). (2001). *Sibirskaya Vandeya. Dokumenty* [The Siberian Vendée. Documents]. In 2 vols. Vol. 2: 1920–1921. Moscow, MF “Demokratiya”. 776 p.

УДК 94(575):061.2:355"1914/1917" DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3-198-210

О.Г. Пуговкина¹

**ВОЙНА И НАУКА НА ОКРАИНЕ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТО ИРГО В ТУРКЕСТАНЕ, 1914–1917 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ИЗВЕСТИЙ» ТО ИРГО)***

Аннотация. Условия военного времени отразились на направлениях исследований ТО ИРГО, придав им прикладной, ориентированный на военные нужды характер. Так, члены научного общества сосредоточили свои исследования в области фармацевтики, медицины, геологии, картографии, изучения природных ресурсов и демографии, ориентируясь на нужды фронта и тыла. Такой запрос со стороны центра вызвал активную исследовательскую деятельность в Туркестане по поиску лекарственных растений, разведке стратегически важных полезных ископаемых. В годы войны в Туркестане активизировались проекты модернизации образования, наиболее заметным из которых стало обсуждение открытия в Ташкенте Политехникума как элемента научного развития края. Таким образом, исследования, проводимые ТО ИРГО в 1914–1917 гг., формировали образ Туркестана как значимого ресурсного и научного региона, интегрированного в общеимперскую систему мобилизации знаний.

Ключевые слова: ТО ИРГО, Туркестан, Первая мировая война, исследовательская деятельность, исследователи, модернизация, мобилизация знаний.

O.G. Pugovkina²

**WAR AND SCIENCE ON THE IMPERIAL PERIPHERY:
THE ACTIVITIES OF THE TURKESTAN BRANCH OF THE
IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY, 1914–1917
(BASED ON IZVESTIYA OF THE TB IRGS)**

Abstract. Wartime conditions significantly reshaped the branch's research agenda, giving it a pronounced applied orientation driven by military needs.

¹ **Оксана Геннадьевна Пуговкина**, д-р ист. наук, с.н.с., Институт истории СО РАН, в.н.с., Национальный центр археологии АН РУз, Ташкент, Республика Узбекистан, e-mail: pugovkina@yandex.ru

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

² **Oksana Gennadiyevna Pugovkina**, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS, Senior Researcher, National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan, e-mail: pugovkina@yandex.ru

Members of the society concentrated their efforts on pharmacy, medicine, geology, cartography, the study of natural resources, and demography, addressing the demands of both the front and the rear. This shift, initiated by the imperial center, stimulated intensive research in Turkestan, particularly the search for medicinal plants and the exploration of strategically important mineral resources. The war also accelerated educational modernization projects in the region, the most notable of which was the discussion surrounding the establishment of a Polytechnic Institute in Tashkent as a key component of Turkestan's scientific development. Overall, the research carried out by the TB IRGS in 1914–1917 contributed to shaping the perception of Turkestan as a significant resource-rich and scientific region, integrated into the empire-wide system of knowledge mobilization.

Keywords: TB IRGS, Turkestan, World War I, modernization, knowledge mobilization research activities, researchers, modernization, knowledge mobilization.

Первая мировая война явилась глобальным политическим событием мировой истории, оказывавшим влияние на регионы мира, в том числе на Туркестанский край, окраину Российской империи. При всей важности последствий этого события историография XX – начала XXI в. отличается крайней ограниченностью. Этот факт подтверждает и российский историк А.Ю. Бахтурина, анализируя положение окраин Российской империи в годы Первой мировой войны. Относительно Туркестана она отмечает, что вопрос о том, как изменилась общественно-политическая ситуация за период войны, «остается одним из наиболее неясных в истории Туркестана пред-революционных лет»³.

Для современных национальных историографий стран СНГ актуальность приобретают вопросы использования Российской империей своих окраинных территорий и того потенциала, который в них содержался в качестве мобилизационного (людского) и материального ресурса, возможности их использования в текущей войне, попытки оптимизации управления на окраинах и др.⁴ Отдельное ис-

³ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 2004. С. 301.

⁴ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 451 с.; Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сборник документов и материалов. М., 2016. 468 с.

следовательское направление связано с историей восстания 1916 г., представленной как научными работами, так и публикациями архивных документов⁵.

В узбекистанской науке можно отметить несколько публикаций, в которых авторы обращаются к экономике края, его политическому положению в годы войны, а также к вопросам социальной истории⁶. Сложившаяся историографическая база по Первой мировой войне позволяет поставить новые исследовательские вопросы и применительно к Туркестану, разработать направление, связанное с историей интеллектуальной жизни региона 1914–1918 гг. и взаимодействием «науки» и «власти» в годы войны.

Война явилась мощным стимулом развития научных исследований, придав им практическую мобилизационную направленность. Научные знания начинают рассматриваться как стратегический ресурс, необходимый для победы, столь же важный, как оружие, продовольствие или мобилизационный резерв. География, картография, климатология, геология, этнография, медицина оказались крайне востребованными в рамках военного заказа. При этом не только столичные академические учреждения, но и региональные научные структуры начинают работать в логике обеспечения потребностей войны. В этой связи возникает вопрос о том, как изменилась деятельность таких крупных научных обществ Туркестана, как ТЖЛА, ТО ИРГО, медицинских обществ? На решении каких проблем было сосредоточено внимание исследователей? Как власть и Центр влияли на направление научных исследований? В каких областях научного знания они проводились и что они смогли дать на практике?

⁵ Зияева Д.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в историографии XX века (проблемы изучения восстания 1916 года и движения «истиклолчилик» 1918–1924 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1999. 61 с.; Восстание 1916 года в Туркестане...

⁶ Шадманова С. Вопросы социально-экономического и культурного положения Туркестана на страницах периодической печати (1870–1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011. 61 с.; Тухтабеков К.А. Чор Россиясининг Биринчи жаҳон уруши йилларида Туркистон ўлкасида ўтказган иқтисодий сиёсатининг мустамлакачилик моҳияти: Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2011. 156 б.; 100 лет окончания Первой мировой войны: влияние на Центральную Азию: сб. ст. междунар. науч. конф. Ташкент, 2019; Луговкина О. Первая Мировая война в дневниковых записях сестры милосердия О.Н. Маллицкой // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 2023. № 3 (272). С. 68–72.

Одной из первых работ, в которой, пожалуй, впервые автор фрагментарно обращается к вопросам милитаризации науки в Туркестане в годы Первой мировой войны на примере ТО ИРГО, стала диссертационная работа М. Закировой⁷.

Данной статьей планируется продолжить направление исследований, связанных с мобилизацией научного знания в годы Первой мировой войны на примере научных обществ Туркестана, и речь пойдет о Туркестанском отделении Императорского русского географического общества (далее – ТО ИРГО). С этой целью к анализу были привлечены официальные труды ТО ИРГО – «Известия» за период с 1914 по 1918 г. (9 номеров, с 10-го по 14-й том)⁸ в виде отчетов, статей, заметок, которые позволяют выявить ключевые направления научных изысканий, осуществляемых отделением в условиях военного времени, и проследить, каким образом военные потребности формировали повестку его научной деятельности.

Обобщая проведенную исследовательскую работу, можно выделить следующие основные направления работ, осуществляемых в рамках ТО ИРГО в условиях военного времени:

- 1) фармацевтика и курортные места;
- 2) поиск и разработка полезных ископаемых;
- 3) геология, гидрология;
- 4) флора и фауна;
- 5) картографирование;
- 6) история, демография, этнография, археология;
- 7) просветительская деятельность.

Все указанные выше направления научных изысканий в условиях Туркестана как окраины и приграничья Российской империи, несомненно, были актуальны и востребованы. Из перечисленных направлений деятельности ТО ИРГО в годы войны остановимся на тех из них, которые демонстрируют наиболее явную связь между научными исследованиями и потребностями военного времени: поиск лекарственных растений и курортных мест, работы по поиску и

⁷ Закирова М.Х. Туркестанский отдел Императорского Русского географического общества: создание, структура, деятельность: конец XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 305 с.

⁸ Библиотека Русского географического общества: Известия Туркестанского отдела ИРГО. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/169263> (дата обращения: 07.01.2026). См. также: Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Ташкент, 1929. 72 с.

освоению наиболее ценных полезных ископаемых, а также инициативы по открытию высшего учебного заведения в Ташкенте.

За годы войны в Туркестане была проведена целенаправленная изыскательная работа по поиску целебных мест. В декабре 1916 г. ТО ИРГО инициировал сбор сведений согласно разработанной программе по изучению лечебных мест Русского Туркестана для дальнейшего составления Путеводителя по ним. С этой целью было разослано 500 опросных листов по краю для желающих помочь в этом деле. По итогам проведенной работы уже к 1 февраля 1917 г. было получено 35 опросных листов, где были указаны сведения о 23 лечебных местах, расположенных в Самаркандской, Закаспийской и Сырдарьинской областях⁹. По итогам опроса в «Известиях» был опубликован ряд статей, «преследующих задачи первостепенного научного и практического значения» о лечебных местностях Туркестана в уездах Закаспийской области и Бухаре¹⁰, а также в Андижанской области¹¹.

По итогам проведенной изыскательной деятельности на территории Туркестана было обнаружено 52 таких места¹². Лечебные места были представлены источниками, климатическими станциями, озерами, грязями; среди них были как благоустроенные курорты, вроде «грязей Молла-кара, Красноводск, Джелалабад, Иссыгатинские минеральные воды (не более 15)», и совершенно неблагоустроенные и малопосещаемые, «а если и посещаемые, то исключительно местным населением, пользующимся лечебными свойствами этих мест»¹³.

В эти же годы был инициирован поиск лекарственных растений в пределах Туркестанского края. В небольшой заметке, посвященной этому вопросу, отмечалась зависимость фармацевтики России от привозного лекарственного сырья, примечательно, что «всеце-

⁹ Известия ТО ИРГО. Т. XIII. Вып. I. Ташкент, 1917. С. 11.

¹⁰ Краткие сведения о лечебных местностях Русского Туркестана / под ред. А.В. Панкова // Известия ТО ИРГО. Т. XIV. Вып. I. Ташкент, 1918. С. 127–135; *Ольдекоп Э.М.* Об изучении лечебных мест Туркестана в климатическом отношении // Известия ТО ИРГО. Т. XIII. Вып. I... С. 113–124.

¹¹ Известия ТО ИРГО. Т. XIII. Вып. I... С. 11–15.

¹² Собрание сведений о лечебных местах Русского Туркестана // Известия ТО ИРГО. Т. XIV. Вып. I. Ташкент, 1918. С. 139.

¹³ Там же.

ло... немецкого»¹⁴. В этой связи большие надежды возлагались на богатую природу Туркестана, которой «в деле отечественного лекарстvosнабжения предстоит большая будущность» и который «мог бы снабжать наш рынок всеми необходимыми лекарственными растениями»¹⁵.

В эти годы в Туркестанском крае предпринимались попытки культивирования лекарственных растений в рамках «показательных питомников»¹⁶. Подобные лекарственные питомники были устроены в Асхабаде, Чарджуе, Фараби, Самарканде. В этой связи стоит отметить и инициативу Сельскохозяйственного научного общества, которое также приступило к организации подобных питомников.

В 1917 г. в Туркестане работали три фармакоботанические экспедиции под руководством ботаников Петроградского императорского Ботанического Сада Петра Великого – В.И. Липского (Ферганская, Сырдарьинская, Самаркандская области), Дубянского (Закаспийская область), с привлечением местных специалистов-ботаников, а также С.М. Филатова, члена Туркестанского общества сельского хозяйства¹⁷. Столь представительные экспедиции свидетельствовали о несомненном ресурсном потенциале Туркестана, источнике растительного лекарственного сырья, изучение которого подчинялось военной логике Российской империи.

В этой связи стоит указать и экспедиционную деятельность О.А. Федченко, итогом которой явились несколько частей по дикорастущим растениям Туркестана, опубликованных как итог в 1916 г.¹⁸

Наряду с изучением лекарственной флоры Туркестана значительный стратегический интерес приобрели исследования, связан-

¹⁴ Культура лекарственных растений // Известия ТО ИРГО. Том. XI. Вып. 2. Ч. 1. Ташкент, 1915. С. 232–233.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 233.

¹⁷ Фармоботанические экспедиции в Туркестане // Известия ТО ИРГО. Т. XIII, Вып. I... С. 4–5.

¹⁸ Федченко О.А. Перечень растений дико растущих в русском Туркестане, то есть в областях: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже, Федченко. Ч. 6. Юрьев, 1916.

ные с выявлением минеральных и химических ресурсов края, необходимых для промышленности и военных нужд. Актуальность приобретают исследования, связанные с поиском месторождений золота, радия, серы, фосфоритов и других полезных ископаемых, способных обеспечить потребности оборонной экономики. В статьях «Известий» авторы ставили задачи скорейшего освоения новых залежей полезных ископаемых¹⁹, особенно радиоактивных минералов, в частности радия²⁰. Его востребованность объяснялась исключительным военно-промышленным значением – «для приготовления высших сортов стали, служащей для постройки двигателей внутреннего сгорания, для автомобилей, аэропланов, артиллерийских орудий большого калибра, винтовочных стволов»²¹. Проводимые исследования в Туркестане в годы Первой мировой войны обосновывали важность Туркестана как уникального региона, обладающего редкими металлами, когда «возможно Туркестану суждено будет сыграть выдающуюся роль в деле снабжения рынка радием»²².

Первая мировая война, оказав влияние на модернизационные процессы в регионе, сформировала в общественном сознании представление о необходимости создания новой для Туркестана системы подготовки кадров²³. В частности, именно условия «великой войны» стали аргументом в пользу создания нового высшего учебного заведения в Туркестане²⁴. Создание университета в Ташкенте в разгар войны можно рассматривать как попытку ускоренного формирования локальной интеллектуальной инфраструктуры, которая могла

¹⁹ Каменный уголь в Красноводском уезде Закаспийской области // Известия ТО ИРГО. Т. XIII. Вып. I... С. 7; *Леонов Г.Б.* Благородные металлы в Туркестанском крае и их добыча // Известия ТО ИРГО. Т. XIV. Вып. I... С. 21–34; *Мушкетов Д.И.* О жильном золоте в Туркестане // Известия ТО ИРГО. Т. XI. Вып. 2, Ч. 2. Ташкент, 1915. С. 52–54.

²⁰ *Назаров П.* О радии в Туркестане // Известия ТО ИРГО. Т. X. Вып. I. Ташкент, 1914. С. 243–244; Научные экспедиции в Туркестане в 1914 году // Известия ТО ИРГО. Т. XI. Вып. 2. Ч. 2. Ташкент, 1915. С. 80; Научные экспедиции по Туркестану в 1914–1915 гг. Московская экспедиция по отысканию радия в России // Известия ТО ИРГО. Т. XI. Вып. 2. Ч. 1... С. 181–182.

²¹ *Назаров П.* О радии в Туркестане // Известия ТО ИРГО. Т. X. Вып. I... С. 243.

²² Там же.

²³ Стоит отметить, что в 1915 г. в Ташкенте был открыт Учительский институт, который ставил целью подготовку учителей, ориентированных на нужды Туркестанского края. Об этом подробнее см.: *Пуговкина О.* Первый учительский институт в Ташкенте // *O'zbekiston tarixi*. 2015. № 4. С. 29–38.

²⁴ *Давыдов Г.* О высшем учебном заведении в Ташкенте // Известия ТО ИРГО. Т. XIII. Вып. 1. Ташкент, 1917. С. 4–9.

бы в короткие сроки осуществить подготовку специалистов на местах, восполнить дефицит кадров, ушедших на фронт, снизить зависимость региона от метрополии, обеспечить стабильность управления.

По этому поводу в «Известиях» ТО ИРГО был сделан обстоятельный доклад на тему «О высших учебных заведениях в Ташкенте (Туркестанский политехникум)», автор которого, инженер Г. Давыдов, обстоятельно, на основе статистических данных, доказывал, что Туркестан нуждается не только в научном описании, но и в собственных профессиональных кадрах, хорошо знающих край и его потребности.

Эта идея также активно обсуждалась в периодической печати. В июле 1916 г. в газетах региона появляется новость об открытии в Ташкенте высшего учебного заведения²⁵. Первоначально суть высшего учебного заведения заключалась в открытии по всей территории империи 10 новых медицинских факультетов, в том числе одного в Ташкенте. Эта новость вызвала оживление в научном сообществе Ташкента. С подачи членов ТО ИРГО было решено обратиться к министру народного просвещения с просьбой об открытии медицинского факультета, а перед министром земледелия – высшего политехникума с отделениями: 1) агрономическим, 2) инженерным с гидротехническим и хлопковым подотделами, 3) горным, 4) восточным и 5) юридическим.

Научные общества Туркестана – Туркестанское Общество сельского Хозяйства, Пушкинское Общество, Общество Естествоиспытателей и врачей Туркестанского края – поддержали эту инициативу, но со своей стороны пошли еще дальше, предлагая разрешить допуск женщинам к получению образования. Молодежь Ташкента, воодушевленная такой новостью, собрала 2000 рублей на открытие будущего нового института.

О серьезности данного начинания свидетельствовал и тот факт, что в Городской Думе Ташкента была образована Комиссия по вопросу выработки плана устройства высшей школы в Туркестане. Будущность Туркестана после войны виделась вполне благополучной, когда «неизбежный подъем производительных сил в России особенно ярко скажется здесь, в Туркестане, который таит в себе несметные богатства... расширится горная промышленность, встанет на

²⁵ Давыдов Г. О высшем учебном заведении в Ташкенте... С. 1–2.

широкую ногу добыча руд (меди, цинка, редких и драгоценных металлов), добыча и обработка нефти, добыча соли, каменного угля, серы и т.п.; построятся новые всякого рода заводы... связанные с культурой хлопка возникнут ткацкие фабрики, начнется постройка новых железных дорог, быстрым темпом пойдёт развитие общественной жизни в крае... Для того, что при этом были избегнуты ошибки, чтобы все тормозящие факторы можно было предвидеть, чтобы у новых дел не завелись язвы хищничества... нужны местные интеллигентные люди»²⁶.

Выбор указанных факультетов в условиях текущей войны был вполне объясним. Так, медицинский факультет позволил бы готовить кадры, рассчитанные на знание местных природно-климатических условий, как борьба с эпидемиями, санитарное обеспечение армии, уменьшение потерь среди населения. Функционирование агрономического факультета однозначно отвечало статусу Туркестана с его аграрной составляющей, поэтому будущие специалисты должны были быть ориентированы на развитие продовольственной базы, хлопководство, экспорт сырья, повышение урожайности культур в условиях военного дефицита. Подготовкой управленческих кадров для эффективной работы бюрократического аппарата отвечало бы открытие юридического факультета и восточного факультета, который бы осуществлял подготовку специалистов по языкам, этнографии, для решения широкого круга задач, связанного с окраинным положением Туркестана, таких как военная разведка, дипломатия, кадры для управления местным населением. Таким образом, планируемый Туркестанский политехникум должен был стать центром подготовки специалистов для решения стратегических задач России в ходе текущей войны и после нее.

Еще одной составной частью деятельности ТО ИРГО в условиях военного времени становится его военно-благотворительная деятельность, выразившаяся в чтении популярных лекций для всех желающих²⁷. Исследователь М. Закирова, довольно подробно описав эту деятельность ТО ИРГО, отмечает, что отделение в этом отноше-

²⁶ Давыдов Г. О высшем учебном заведении в Ташкенте... С. 6–7.

²⁷ Отчет о составе и деятельности Туркестанского Отдела Императорского Русского географического общества за 1914 г. // Известия ТО ИРГО. Т. XII, Вып. 2. Ташкент, 1916. С. 295–296.

нии выступало двояко, а именно «во-первых, ... как носитель имперских идей в укреплении духа населения Туркестанского края в трудный военный период, и, во-вторых, организация подобных мероприятий повышала уровень сознания населения, расширяла рамки общения, выполняла задачи объединения и просвещения населения»²⁸.

Описывая ресурсный и интеллектуальный потенциал Туркестана и ТО ИРГО в годы войны, нельзя не упомянуть и еще об одной инициативе, которая, к сожалению, так и осталась нереализованной. В 1916 г. на планировавшемся XI Международном конгрессе в Санкт-Петербурге Туркестанский край был включен как одно из направлений экспедиции в течение 31 дня²⁹.

Во время войны научное сообщество Туркестана приглашало своих коллег к проведению научных изысканий в крае, мотивируя это не только богатыми неизведанными местами, но и благоприятными условиями для научной работы. Так, Е.К. Бетгер в письме на имя Д.И. Мушкетова от 1917 г. (по итогам Февральской революции) писал, что в Туркестане «внешне ничего не изменилось... сейчас в нем настолько мирно, что научные экспедиции могут здесь работать вполне продуктивно. По имеющимся у меня сведениям, несколько таких экспедиций уже прибыли в край и... отправились по своим маршрутам... Туркестанский отдел пойдет навстречу всем путешественникам»³⁰.

Анализ деятельности Туркестанского отделения Императорского Русского географического общества в годы Первой мировой войны показывает, что военный контекст сыграл определенную роль в трансформации научной активности на окраине Российской империи. В условиях Первой мировой войны Туркестан оказался включенным в общеимперский процесс перераспределения знаний, ресурсов и кадров.

Военный заказ государства стимулировал расширение исследований в области фармацевтики, медицины, геологии, картографии, аграрного производства и демографии. Особое значение приобрели проекты по поиску лекарственных растений, разведке стратегиче-

²⁸ Закирова М.Х. Туркестанский отдел Императорского Русского географического общества... С. 259.

²⁹ Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. И-69. Оп. 1. Д. 33а. Л. 22–24.

³⁰ НАУз. Ф. И-69. Оп. 1. Д. 40. Л. 70–71.

ски важных полезных ископаемых, составлению карт и описанию природных ресурсов края. Туркестан начал восприниматься не только как периферийная территория, но и как потенциально значимый ресурсный регион, обладающий уникальными природными богатствами, способными внести вклад в оборонную экономику империи.

Война ускорила модернизационные процессы и в сфере образования. Инициатива по созданию высшего учебного заведения в Ташкенте отражала стремление имперской администрации сформировать региональную интеллектуальную прослойку, подготовить собственные профессиональные кадры, что означало бы снижение зависимости от центра и способствовало обеспечению более эффективного управления регионом. Научные общества Туркестана стали активными участниками этих процессов, выступив посредниками между государственными потребностями и региональными научными инициативами.

Литература

100 лет окончания Первой мировой войны: влияние на Центральную Азию: сб. ст. междунар. науч. конф. Ташкент, 2019. 136 с.

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Бахтурина А. Ю. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 451 с.

Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / сост. Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. 468 с.

Закирова М.Х. Туркестанский отдел Императорского Русского географического общества: создание, структура, деятельность: конец XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 305 с.

Зияева Д.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в историографии XX века (проблемы изучения восстания 1916 года и движения «истиклолчилик» 1918–1924 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1999. 61 с.

Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (ТО ИРГО). Т. Х. Вып. I. Ташкент: Типография Я. П. Эдельмана, 1914.

Известия ТО ИРГО. Т. XI. Вып. 2. Ч. 1. Ташкент: Типо-Литография В.М. Ильина, 1915.

Известия ТО ИРГО. Т. XI. Вып. 2. Ч. 2. Ташкент: Коммерческая Типолитография Я.П. Эдельмана, 1915.

Известия ТО ИРГО. Т. XII. Вып. 2. Ташкент: Тип.-лит. В.М. Ильина, 1916.

Известия ТО ИРГО. Т. XIII. Вып. I. Ташкент: Типо-Литография, 1917.

Известия ТО ИРГО. Т. XIV. Вып. I. Ташкент: Типография Союза Раб. Печ. Дела, 1918.

Пуговкина О. Первая Мировая война в дневниковых записях сестры милосердия О.Н. Маллицкой // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 2023. № 3 (272). С. 68–72.

Пуговкина О. Первый учительский институт в Ташкенте // O'zbekiston tarixi. 2015. № 4. С. 29–38.

Тухтабеков К.А. Чор Россиясининг Биринчи жаҳон уруши йилларида Туркистон ўлкасида ўтказган иқтисодий сиёсатининг мустамлакачилик моҳияти: тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2011. 156 б.

Федченко О.А., Федченко Б.А. Перечень растений дико растущих в русском Туркестане. Ч. 1–6. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1906–1916.

Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

Шадманова С. Вопросы социально-экономического и культурного положения Туркестана на страницах периодической печати (1870–1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011. 61 с.

References

(2019). *100 let okonchaniya Pervoy mirovoy voyny: vliyanie na Tsentralnuyu Aziyu* [100 years since the end of the First World War: impact on Central Asia]. *Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Tashkent. 136 p.

Bakhturina, A.Yu. (2004). *Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917)* [Outskirts of the Russian Empire: state administration and national policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow, ROSSPEN. 392 p.

Bakhturina, A.Yu. (2008). *Okrainy Rossiyskoy imperii. Tsentralnaya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Outskirts of the Russian Empire; Central Asia as Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 451 p.

Fedchenko, O.A., Fedchenko, B.A. (1906–1916). *Perechen' rasteniy diko rastushchikh v russkom Turkestane* [List of wild plants in Russian Turkestan]. Vol. 1–6. St. Petersburg, Tip. Akad. nauk.

Izvestiya Turkestanskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (TO IRGO) [News of the Turkestan Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. (1914). Vol. X. Iss. I. Tashkent.

(1915). *Izvestiya TO IRGO*. Vol. XI. Iss. 2. Pt. 1. Tashkent.

(1915). *Izvestiya TO IRGO*. Vol. XI. Iss. 2. Pt. 2. Tashkent.

(1916). *Izvestiya TO IRGO*. Vol. XII. Iss. 2. Tashkent.

(1917). *Izvestiya TO IRGO*. Vol. XIII. Iss. I. Tashkent.

(1918). *Izvestiya TO IRGO*. Vol. XIV. Iss. I. Tashkent.

Kotyukova, T.V. (Comp.). (2016). *Vosstanie 1916 goda v Turkestane: dokumentalnye svidetelstva obshchey tragedii* [The 1916 Uprising in Turkestan: documentary evidence of a common tragedy]. Moscow, Mardzhani. 468 p.

Pugovkina, O. (2015). *Pervyy uchitelskiy institut v Tashkente* [The first teacher's institute in Tashkent]. In *O'zbekiston tarixi*. No. 4, pp. 29–38.

Pugovkina, O. (2023). *Pervaya mirovaya voyna v dnevnikovykh zapisyakh sestry miloserdia O.N. Mallitskoy* [The First World War in the diary entries of the nurse O.N. Mallitskaya]. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii nauk Respubliki Uzbekistan*. No. 3 (272), pp. 68–72.

Shadmanova, S. (2011). *Voprosy sotsialno-ekonomicheskogo i kulturnogo polozheniya Turkestana na stranitsakh periodicheskoy pechati (1870–1917 gg.)* [Issues of socio-economic and cultural situation of Turkestan in the pages of the periodical press (1870–1917)], Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 61 p.

(2008). *Tsentralnaya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia as part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

Tukhtabekov, K.A. (2011). *Chor Rossiyasining Birinchi jahon urushi yillarida Turkiston o'lkasida o'tkazgan iqtisodiy siyosatining mustamlakachilik mohiyati* [Colonial essence of economic policy of Tsarist Russia in Turkestan during the First World War], Cand. hist. sci. diss. Tashkent. 156 p.

Zakirova, M.Kh. (2023). *Turkestanskiy otdel Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva: sozdanie, struktura, deyatelnost: konets XIX – nachalo XX v.* [Turkestan Branch of the Imperial Russian Geographical Society: creation, structure, activity: late 19th – early 20th centuries], Cand. hist. sci. diss. Moscow. 305 p.

Ziyaeva, D.Kh. (1999). *Natsionalno-osvoboditelnoe dvizhenie v Turkestane v istoriografii XX veka* [National liberation movement in Turkestan in the historiography of the 20th century], Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 61 p.

Н.С. Кенжаева¹

**ЗНАЧЕНИЕ ТАДЖИКСКИХ КОМПЛЕКСНЫХ
И ТАДЖИКСКО-ПАМИРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАДЖИКИСТАНА (30-Е ГГ. XX В.)**

Аннотация. В статье рассматривается вклад Таджикских комплексных и Таджикско-Памирских экспедиций Академии наук СССР 1930-х гг. в научное обоснование индустриализации Таджикской ССР. На основе архивных материалов, документов Госплана, Совнаркома и публикаций участников экспедиций анализируется процесс выявления и изучения природно-ресурсного потенциала республики, имевшего решающее значение для становления ее промышленной базы. Показано, что до начала первой пятилетки геологическая изученность территории Таджикистана была крайне низкой, что препятствовало развитию тяжелой промышленности. Организация в 1932–1937 гг. серии комплексных научных экспедиций позволила впервые провести систематические геолого-географические исследования, определить районы концентрации полезных ископаемых и заложить основы промышленного районирования республики. Особое внимание уделено деятельности Таджикско-Памирских экспедиций 1933–1935 гг., выявивших месторождения олова, полиметаллов, редких элементов и угля. На основе их работ были обоснованы перспективы освоения Карамазарского рудного района, создана программа гидроэнергетического кадастра и выдвинута концепция рационального использования водных ресурсов. Подробно рассматривается роль Академии наук СССР в координации исследований, сотрудничество ученых с Наркомтяжпромом, а также влияние экспедиций на развитие горнорудной, энергетической и строительной отраслей. Сделан вывод, что экспедиции 1930-х гг. не только способствовали промышленному развитию Таджикистана, но и заложили основу для формирования научных направлений в области геологии, геохимии и энергетики региона. Их деятельность стала одним из важнейших этапов в истории освоения производительных сил Средней Азии.

Ключевые слова: индустриализация, Таджикские комплексные экспедиции, Таджикско-Памирские экспедиции, геология, географические исследования, полезные ископаемые.

¹ **Наргиза Соатмуниновна Кенжаева**, PhD, доцент, директор, Музей памяти жертв репрессий при Чирчикском государственном педагогическом университете, Чирчик, Узбекистан, e-mail: kenjaeva82@inbox.ru

N.S. Kenzhayeva²

THE SIGNIFICANCE OF THE TAJIK COMPLEX AND TAJIK-PAMIR EXPEDITIONS IN STUDYING THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN'S INDUSTRY (1930S)

Abstract. The article examines the contribution of the Tajik Complex and Tajik-Pamir expeditions of the USSR Academy of Sciences in the 1930s to the scientific substantiation of the industrialization of the Tajik SSR. Based on archival materials, documents from the State Planning Committee, the Council of People's Commissars, and publications by the participants of the expeditions, the article analyzes the process of identifying and studying the natural resource potential of the republic, which was crucial for the development of its industrial base. It is shown that before the first five-year plan, the geological exploration of Tajikistan was extremely limited, hindering the development of heavy industry. In 1932–1937, a series of comprehensive scientific expeditions was organized, which allowed for the first time to conduct systematic geological and geographical research, identify areas of mineral resource concentration, and lay the foundations for the industrial zoning of the republic. Special attention is paid to the activities of the Tajik-Pamir expeditions of 1933–1935, which revealed deposits of tin, polymetals, rare elements, and coal. Based on their work, the prospects for developing the Karamazar ore region were substantiated, a hydroelectric energy cadastre program was created, and a concept for the rational use of water resources was proposed. The article provides a detailed analysis of the role of the USSR Academy of Sciences in coordinating research, the collaboration between scientists and the People's Commissariat for Heavy Industry, and the impact of the expeditions on the development of the mining, energy, and construction industries. It is concluded that the expeditions of the 1930s not only contributed to the industrial development of Tajikistan, but also laid the foundation for the formation of scientific fields in the geology, geochemistry, and energy sectors of the region. Their activities were one of the most important stages in the history of the development of the productive forces of Central Asia.

Keywords: industrialization, Tajik complex expeditions, Tajik-Pamir expeditions, geology, geographical research, mineral resources.

В годы первой пятилетки Таджикистан оставался аграрной республикой. В процессе создания индустрии преимущественное раз-

² **Nargiza Soatmuminovna Kenzhayeva**, PhD, Associate Professor, Director, Museum of Memory of Victims of Repression at Chirchik State Pedagogical University, Chirchik, Uzbekistan, e-mail: kenjaeva82@inbox.ru

витие получили отрасли легкой промышленности и переработки сельскохозяйственного сырья. Развитие тяжелой промышленности в годы первой пятилетки в республике не предусматривалось. Одна из причин этого – наличие большого числа «белых пятен» на географической карте края. «Изученность недр была чрезвычайно слабой. Фактический Таджикистан к началу проведения... индустриализации не подвергался сколько-нибудь целенаправленному геологическому обследованию. Имелись лишь разрозненные сведения о наличии отдельных полезных ископаемых, почерпнутые из сообщений местных жителей и из описаний путешественников. Этим месторождениям не придавалось серьезного хозяйственного значения. Гидроэнергетические ресурсы также не могли еще в то время быть использованы по причинам технической и экономической неподготовленности»³.

Вот почему, анализируя в августе 1931 г. развитие промышленности в республике, Исполнительное бюро ЦК и Президиум ЦИК КП(б) Таджикистана в резолюции «О ходе промышленного строительства и деятельности ВСНХ» отметили, что строительство сдерживали:

«а) слабая изученность природных богатств Таджикистана (отсутствие геологических разведок, изысканий и других каких-либо научных данных о количестве и месте залегания полезных ископаемых);

б) слабое изучение и недостаточное использование изученных энергетических ресурсов (уголь, горные реки) для создания энергетической базы для существующих и вновь строящихся предприятий;

в) чрезвычайно слабое развитие промышленности стройматериалов, что создало большие затруднения для осуществления намеченного плана строительства в республике»⁴.

Созданные в Таджикистане в годы первой пятилетки научно-исследовательские учреждения, призванные подготовить почву для развития промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства, испытывали недостаток научных кадров. Они не по-

³ Очерки истории народного хозяйства Таджикистана (1917–1965 гг.). Душанбе, 1967. С. 144.

⁴ Из истории индустриализации Таджикской ССР: в 2 т. Душанбе, 1972. Т. 1: 1926–1941 гг. С. 119.

спевали за разработкой важных научно-технических вопросов, выдвигавшихся народным хозяйством республики, слабой была их материально-техническая база⁵. Поэтому основные исследования по изучению производительных сил республики выполнялись в конце 1920-х и почти до конца 1930-х гг. крупными экспедициями центральных учреждений страны.

Работами Памирских экспедиций 1928–1931 гг. было доказано, что изучение геоморфологии, геологии, тектоники, стратиграфии и возраста изверженных горных пород Памира даст ключ к геологическому распределению полезных ископаемых. Это и обусловило инициативу АН СССР по организации большой геологической экспедиции на Памир с участием ведущих геологов страны. С другой стороны, как отмечал начальник Таджикской комплексной экспедиции 1932 г. Н.П. Горбунов, инициатива исходила и от правительства Таджикской ССР. Оно поставило перед АН СССР вопрос о том, чтобы исследовательская деятельность центральных научных учреждений охватила весь Таджикистан и в первую очередь его недостаточно исследованные центральные районы. Это и определило основное направление работ экспедиции 1932 г.⁶ Оно заключалось в изучении производительных сил Таджикской ССР в целях наилучшего использования их во вторую пятилетку социалистического строительства⁷. Такие же задачи, но с более узкой детализацией по различным природно-климатическим зонам республики, были поставлены и перед последующими Таджикско-Памирскими экспедициями 1933–1937 гг.

Экспедиция 1933 г. «сосредоточила все силы на разрешение задач тяжелой промышленности, организовав работы по территориальному принципу. Уже результаты 1932 г. позволили наметить в Таджикистане ряд географически обособленных районов с их ведущими полезными ископаемыми, собственными источниками энергии и определенной специализацией»⁸. Научный совет экспедиции

⁵ Шагалов Е.С. Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917–1958 гг.). Душанбе, 1975. С. 53.

⁶ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 13. Д. 2479. Л. 3–5.

⁷ Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л., 1933. С. 6.

⁸ Таджикско-Памирская экспедиция 1933 года. Л., 1933. С. 3.

выделил следующие районы: 1) Северный Таджикистан, 2) Заравшанский район, 3) Сталинабадский район, 4) Дарваз и 5) Памир.

В постановлении Совнаркома СССР от 4 апреля 1933 г. о Таджикско-Памирской экспедиции указывалось: «Ограничить круг работ экспедиции 1933 г. изучением проблем, связанных с тяжелой промышленностью, и установить следующие основные направления ее работы:

а) ...в первую очередь должны быть обработаны и переданы для практического использования материалы по золоту, мышьяку, редким элементам-полиметаллам, а также материалы по экономике;

б) провести дальнейшие геологические, геохимические и поисковые работы на Памире и Северном Таджикистане, в частности, продолжить поисковые работы на олово...;

в) произвести дальнейшие работы по энергетике, гидрологии и метеорологии...»⁹.

Связь проводимых в республике экспедиционных исследований АН СССР с перспективами развития промышленности подтверждает генеральный договор, заключенный 7 мая 1933 г. между АН СССР и Наркоматом тяжелой промышленности¹⁰. Академия обязалась произвести в различных районах страны, включая и Таджикистан, изыскания полезных ископаемых, организовать комплексное исследование намеченных районов Киргизии и Таджикистана.

Подводя итоги экспедиционной деятельности в республике, Первая конференция по изучению производительных сил Таджикской ССР, которая проводилась в апреле 1933 г. в Ленинграде, определила сырьевую базу развития горнорудной промышленности и топливно-энергетической, необходимость увеличения производства стройматериалов на основе местного сырья.

В ближайшие годы намечалось:

а) освоить дарвазские золотоносные конгломераты, представляющие одно из наиболее крупных в СССР месторождений;

б) решить проблему создания химико-металлургической базы в Кара-Мазаре на основе комплексного использования его многометалльных руд, так и других полезных ископаемых всего Северного района;

⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14. Д. 1790. Л. 7.

¹⁰ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л., 1950. С. 117–118.

в) решить проблему фосфоритов Каратага для осуществления детальных разведочных работ и технологической проработки;

г) усилить поиски редких металлов (мышьяка, висмута, вольфрама, урана, радия, бериллия, тория, церия и циркония), имевших значение в специальных отраслях промышленности. Необходимо было справиться с задачей комплексной технологической проработки руд этих элементов¹¹.

Задачами Таджикско-Памирских экспедиций, которые проводились уже после Первой конференции по изучению производительных сил республики, являлись: изучение природных богатств Таджикистана в интересах «социалистического строительства» и доведение до конца работ, т.е. до сдачи в эксплуатацию каждого важного объекта промышленности и установления путей его освоения. Экспедиции проводили в необходимых случаях более глубокую разведку, чтобы доказать промышленное значение той или иной территории, вели опытную добычу и технологические исследования. Такие работы давали более полное представление о генезисе и типовой структуре месторождений и обеспечивали высокие научные результаты¹².

Работавшая в составе Таджикской комплексной экспедиции (ТКЭ) 1933 г. на северных склонах Туркестанского хребта партия Н.В. Ионина обнаружила в июле 1933 г. в долинах рек Сох и Исфара пегматитовые жилы с содержанием олова¹³. В результате проведенных исследований было зарегистрировано несколько месторождений олова. Наиболее перспективными считались Тамынген Карасу, Аксу, Исфаринское. Оловоносные пегматитовые жилы, встреченные с перерывами на протяжении 50 км, подтвердили наличие промышленного района олова в пределах Туркестано-Алайского хребта¹⁴. «Политическое и хозяйственное значение открытия огромно. До сих пор единственным местом отечественной добычи олова являлось Забайкалье, большая же часть потребляемого в СССР олова ввози-

¹¹ Резолюции по докладам промышленно-энергетической секции // Проблемы Таджикистана: Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР. Л., 1933. Т. 1. С. 256.

¹² Научные итоги Таджикской комплексной экспедиции. М., 1936. С. 26.

¹³ Олово в Таджикистане // Коммунист Таджикистана. 1933. 24 окт.

¹⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 174. Оп. 12а. Д. 68. Л. 34.

лась за валюту из-за границы»¹⁵. Причем поиски оловянных руд производились по прямому заданию наркома тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе.

Подводя итоги работ АН СССР в Таджикистане в течение 1933–1934 гг., руководители Таджикской комплексной экспедиции Н.П. Горбунов и М.К. Расцветаев сообщили в президиум СОПСа: «Самым крупным достижением экспедиции, имеющим исключительное народно-хозяйственное значение, является открытие оловоносных пегматитовых жил на границе Таджикистана и Киргизии. Они подвергнуты дальнейшему изучению в промышленной разведке. Таким образом, установлен новый оловоносный район СССР»¹⁶.

Работами 1934 г. по изучению оловоносности Таджикистана, Киргизии и других районов Средней Азии было открыто новое, довольно широко распространенное природное явление, выражавшееся в значительном участии олова в продуктах глубинного вулканизма. Наблюдения эти привели к ревизии вопроса об оловоносности некоторых типов гранитных массивов на территории всего Советского Союза¹⁷.

Экспедиция 1935 г. продолжала изучение уже известных и открыла новые месторождения олова в республике¹⁸. Отрядом № 6 под начальством Максимова разведано Такфонское оловянное месторождение, которое было охарактеризовано как оловянно-мышьяковое, имеющее несомненный промышленный интерес. В процессе разведочных работ было добыто 200 т оловянной руды. Промышленному освоению месторождения способствовала его близость (2 км) к новой автодороге Сталинабад – Ура-Тюбе¹⁹. Как отмечал заместитель начальника Таджикско-Памирской экспедиции (ТПЭ) 1935 г. А.И. Ковалеров, в 1936 г. на Такфонском месторождении пред-

¹⁵ Ионин Н.В. Северные склоны Туркестано-Алайского хребта // Таджикско-Памирская экспедиция 1933 года. Л., 1933. С. 92–93.

¹⁶ Горбунов Н.П., Расцветаев М.К. Работа АН СССР в Таджикской ССР // Академия наук СССР республикам Средней Азии. 1924–1934 г. К 10-летию нац. размежевания Средней Азии. М.; Л., 1934. С. 67. Подробнее об итогах экспедиции 1933 г. см.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15. Д. 2199. Л. 4–22, 37–50 об. О экспедиции 1934 г. см.: АРАН. Ф. 174. Оп. 12а. Д. 114.

¹⁷ Таджикско-Памирская экспедиция 1934 года. М.; Л., 1935. С. 12.

¹⁸ О результатах экспедиции 1935 г. см.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 2896. Л. 3–18.

¹⁹ Ковалеров А.И. Горы раскрывают свои тайны // Коммунист Таджикистана. 1935. 5 нояб.

полагалось открыть обоганительную фабрику для обогащения руды на месте. Были выявлены также месторождения олова на левом берегу реки Кара-Су, в 30 км от кишлака Машан, и в районах работы Ягнобского отряда²⁰.

Разведка месторождений олова, как и других полезных ископаемых, велась в Таджикистане одновременно с их промышленным освоением. С 1933 г. началась разработка месторождений олова Такели и Кансая, а с 1934 г. олова добывали в районе, расположенном вблизи Исфары²¹.

В годы первой пятилетки в Карамазарском рудном районе началось освоение отдельных месторождений полиметаллических руд и редких элементов (Кансай, Южный Дарбаза, Такели и др.). Металлургический завод в Чимкенте стал основным потребителем полиметаллических руд Кара-Мазара²².

На конференции по итогам Таджикской комплексной экспедиции, которая проводилась в ноябре 1932 г. в Сталинабаде, большое внимание уделялось перспективам освоения Кара-Мазара.

В апреле 1933 г. отмечалось, что в результате разведочных работ первой пятилетки вступил в строй Карамазарский горнорудный комбинат. На нем проводились опытные плавки из свинцовых руд. Имевшиеся запасы полиметаллических руд, редких металлов выдвигали проблему разработки технологии их извлечения. Кара-Мазар в 1933 г. уже находился на стадии быстрого и рационального освоения²³.

Подводя в 1934 г. итоги десятилетней работы АН СССР в Таджикистане, Н.П. Горбунов и М.К. Расцветаев вновь указали на комплексность открытых месторождений, которые требуют специфических условий производства. «Кара-Мазар, – писали они, – представляет собой несомненный промышленный интерес. Он всего лишь часть большой металлической провинции, в которой еще будет открываться постепенно целый ряд месторождений в более восточных частях.

²⁰ Курочкин Г.Д. Исследование минеральных ресурсов экспедиции АН СССР (1919–1959 гг.). М., 1969. С. 124.

²¹ Ковалеров А.И. Горы раскрывают свои тайны // Коммунист Таджикистана. 1935. 5 нояб.

²² Курочкин Г.Д. Исследование минеральных ресурсов.... С. 124.

²³ Проблемы Таджикистана: Труды первой конференции... С. 15.

Характерные черты сырья Кара-Мазара заставляют подходить к изучению основных методов, которые требуют огромнейшей вдумчивости, специфики исследовательской работы и построения различного рода опытных производств»²⁴, которые не имели аналогов в цветной металлургии СССР и зарубежных государств.

Продолжая изучение Кара-Мазара, Северная геологическая партия ТПЭ 1933 г., руководимая С.Ф. Соседко, обнаружила в этом районе более 50 месторождений полезных ископаемых. В их числе золото, свинец, медь, мышьяк, марганец, ртуть, оловянный камень, железо, берилл, корунд, наждак, плавленый шпат, квасцы, графит, мыльный камень, бирюза, асбест²⁵.

Карамазарский рудный район дал обнадеживающие результаты по использованию месторождений полезных ископаемых. С 1933 г. здесь велась разработка месторождений цинка²⁶ и других цветных металлов. Кансайский рудник, как составная часть Кара-Мазарского комбината, вступил в строй в 1933 г., когда было добыто 3 тыс. т руды. В 1934 г. добыча составила 18 тыс. т. Капитальные вложения на строительство рудника составили в 1933–1934 гг. 3,7 млн руб. Утвержденные на 1935 г. капиталовложения по Кансайскому рудоправлению предусматривали в основном неотложные работы по строительству электростанции, водоснабжению, возведение обогатительной фабрики.

Учитывая исключительно важное значение развития рудных запасов Кара-Мазара, Совнарком Таджикской ССР обратился к Правительству СССР с ходатайством выделить Кансайскому рудоправлению дополнительно 800 тыс. рублей. Благодаря вниманию и помощи, которые были оказаны Таджикистану ЦК ВКП(б) и СНК СССР в годы второй пятилетки, в республике получила быстрое развитие горно-рудная промышленность. За два года (1934–1935) добыча свинцовых руд увеличилась почти втрое. В 1937 г. вступила в строй обогатительная фабрика на Кансайском руднике, что значительно увеличило добычу свинца. Расширились работы на Такелинском руднике. Освоение месторождений цветных металлов стало во вто-

²⁴ АРАН. Ф. 174. Оп. 12а. Д. 68. Л. 25, 26.

²⁵ Горбунов Н.П. Страна богатейших перспектив // Коммунист Таджикистана. 1933. 2 дек.

²⁶ Проблемы Таджикистана: Труды первой конференции... С. 210.

рой пятилетке одной из важных отраслей промышленной специализации Таджикистана²⁷.

Таджикско-Памирские экспедиции сочетали фундаментальные и прикладные работы, заботились о быстрейшем использовании месторождений, имевших промышленное значение²⁸. Ученые, участники Таджикско-Памирской экспедиции, ставили перед собой задачу наметить пути использования твердого минерального горючего республики и выявить возможности переработки углей в качестве химического сырья. Шурабское месторождение подразделялось на три угленосные площади: Шураб-I, II, III. Обнаружены были большие угленосные площади к северо-западу от Исфары, но незначительной угленосности. Химической бригадой по углю Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г. были опробованы два каменноугольных месторождения – Шураб Исфаринского района и Кштут-Зауран Пенджикентского района, которые являлись наиболее крупными и разведанными. Бралась пробы горючих сланцев у хребта Терегли-Тау в районе Курган-Тюбе²⁹.

В соответствии с рекомендациями ученых республики проводилось освоение новых месторождений в Шурабе, Равате, Кштут-Зауране, Ташкутане. Увеличивалась мощность предприятий нефтяной промышленности, особенно нефтепромыслов «КИМ» и «Нефтеабад». В нефтяную промышленность во второй пятилетке было вложено 43 млн руб., т.е. в четыре раза больше, чем в первой. После сдачи новых скважин добыча нефти в 1937 г. составила 26,6 тыс. т против 17,3 тыс. т в 1932 г.³⁰

Обобщая результаты геолого-поисковых работ северной группы Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР, один из руководителей экспедиции Д.И. Щербаков отмечал: «Можно смело сказать, что Северный Таджикистан обладает большими природными богатствами для превращения этих потенциальных возможностей в реальные ценности. Необходима упорная работа, требующая соединенных усилий научной мысли, технических знаний и хозяйственного

²⁷ Очерки истории народного хозяйства Таджикистана... С. 211.

²⁸ Горбунов Н.П. Научные итоги Таджикской комплексной экспедиции. М., 1936. С. 26.

²⁹ К проблеме переработки углей Средней Азии // Труды Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г. Л., 1935. Вып. XXI. С. 44.

³⁰ История таджикского народа. М., 1964. Т. 3. Кн. 1. С. 284.

опыта»³¹. Особое значение придавалось открытым месторождениям малых металлов. Д.И. Щербаков предполагал, что по добыче редких элементов Средняя Азия может занять одно из ведущих мест в СССР³².

Долина р. Зеравшан было известна древнейшими горными разработками и привлекала внимание экспедиций своими энергетическими ресурсами – углем, гидроэнергией. Здесь были открыты интересные точки мышьяка, оптического флюорита, меди и других металлов, которые подвергались предварительной оценке. Перспективными для освоения считались свинцовое месторождение Кони-Нукра, расположенное в 12 км к юго-западу от кишлака Кштут, угленосные площади Кштут-Заурана. Найденный оптический флюорит отличался исключительно высоким качеством. Освоение этого месторождения не только освобождало промышленность оптических приборов СССР от иностранной зависимости, но и позволяло поставить новые широкие проблемы оптики³³. Изучение рудоносности Зеравшанского хребта проводилось с целью выявления здесь районов для перспективного строительства промышленных объектов. Экспедиции осуществили впервые для Таджикистана гидроэнергетический кадастр. Выяснилось, что только 17 % водных ресурсов оценивались как реальный источник получения электроэнергии. Остальные потенциальные водные энергоресурсы в большей части были не разведаны или считались сложными для использования³⁴.

На основе исследований гидрологии Вахша, Заравшана, Варзоба, Гунта и других впервые была составлена схема их освоения. С опорой на выполненные Таджикско-Памирской экспедиции гидроэнергетические исследования в республике строились электростанции. В декабре 1937 г. была сдана в эксплуатацию Варзобская ГЭС мощностью 7,5 тыс. кВт. Общая мощность электростанций республики за счет строительства новых и реконструкций действовавших районных и городских станций возросла до 16,3 тыс. кВт. За пяти-

³¹ Таджикско-Памирская экспедиция 1935 г. М.; Л., 1937. С. 45.

³² Там же. С. 107.

³³ Горбунов Н.П. Страна богатейших перспектив // Коммунист Таджикистана. 1933. 2 дек.

³⁴ Щербаков Д.И. Горные богатства Таджикистана // Вестник АН СССР. 1936. № 11, 12. С. 81.

летку она увеличилась в 32,6 раза, а выработка электроэнергии возросла в 18,7 раза, составив 24,8 млн кВт. По темпам производства электроэнергии Таджикская ССР во второй пятилетке опередила все союзные республики³⁵.

Благодаря работам Таджикской комплексной и Таджикско-Памирских экспедиций была выдвинута реальная научно обоснованная задача освоения природных ресурсов Таджикистана для подъема производительных сил республики. За 1933–1937 гг. (до августа) энергетические мощности республики увеличились с 724 до 17 550 кВт., т.е. в 24 раза. Экспедиции содействовали развитию многих отраслей народного хозяйства республики и в первую очередь топливно-энергетической и горнорудной промышленности.

Валовый выпуск промышленной продукции Таджикской ССР увеличился с 51 млн руб. в 1932 г. до 187 млн руб. в 1937 г., или в 3,7 раза. Были проведены подготовительные работы по промышленному освоению Шурабского угольного месторождения, на 50 % увеличилась добыча нефти. За годы второй пятилетки мощность электростанций увеличилась в 32,6 раза, выработка электроэнергии – в 18,7 раза, добыча нефти – в 1,5 раза³⁶.

Освоение уже открытых месторождений сопровождалось дальнейшим усилением поисковых работ. Директивные органы Таджикской ССР принимали широкий комплекс мер по дальнейшему развитию горнорудной промышленности на основе разведанных запасов сырья³⁷.

Высокие темпы разведки, добычи и использования полезных ископаемых получили отражение в третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства Таджикской ССР, утвержденном СНК республики 1 февраля 1939 г.³⁸

С развертыванием индустриализации в СССР и резким ростом потребностей страны в металлах Кара-Мазарский рудный район стал объектом целенаправленного изучения, его полиметаллические месторождения приобрели общесоюзное значение. Месторождения цветных металлов, разрабатывавшихся в республике,

³⁵ История таджикского народа. М., 1964. Т. 3. Кн. 1. С. 284.

³⁶ Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР / Государственная плановая комиссия при СНК СССР. М., 1939. С. 155.

³⁷ Там же. С. 272.

³⁸ Там же. С. 294.

внесли определенный вклад в развитие цветной металлургии страны³⁹. В Северном Таджикистане одновременно с поисковыми работами велась апробация руд, определялась технология их извлечения и обогащения. Так было при создании Карамазарского комбината.

«Очень ценным, – подчеркивал Д.И. Щербаков, – является кооперирование работы геологов, геохимиков, технологов и химиков при исследовании отдельных месторождений полезных ископаемых. Такая совместная работа была бы важна не только в отношении особенностей месторождений, как Кара-Мазар и некоторые другие, но и вообще для всех месторождений, чтобы параллельно с углублением наших сведений о тех или иных месторождениях велось исследование в направлении комплексного использования их в виде промышленного комбината»⁴⁰.

Работы экспедиции содействовали быстрому освоению ресурсов и развитию производительных сил республики. Проводилось строительство и реконструкция шахт, развивались предприятия нефтяной промышленности, начала выдавать продукцию горнорудная промышленность, вступили в строй предприятия по производству строительных материалов⁴¹. Значительно увеличилась добыча редких и цветных металлов. Выявленные потенциальные запасы гидроэнергии позволили в 50-е и последующие годы XX в. приступить к строительству крупных электростанций.

Целый ряд открытых и изученных Таджикской комплексной и Таджикско-Памирскими экспедициями месторождений полезных ископаемых, особенно цветных и редких металлов, начал эксплуатироваться в годы войны. Проходившая в 1944 г. в Сталинабаде Первая научная конференция Таджикского филиала АН СССР дала высокую оценку научному подвигу работавших в Таджикистане ученых.

Таким образом, деятельность экспедиций отличалась высокой результативностью. И это понятно, ибо они носили первопроходческий характер. На основании проведенных экспедициями геологи-

³⁹ Очерки истории народного хозяйства... С. 210.

⁴⁰ *Щербаков Д.И.* Горные богатства Таджикистана и перспективы их освоения // Проблемы Таджикистана. Труды первой конференции по изучению производительных сил ТаджССР. Л., 1933. Т. 1. С. 51.

⁴¹ История таджикского народа. М., 1964. Т. 3. Кн. 1. С. 284, 285.

ческих, геохимических, поисковых и разведочных работ были установлены закономерности распределения полезных ископаемых в различных географических зонах Таджикистана, определены пять перспективных для промышленного освоения специализированных районов, явившимся первым научно обоснованным промышленным районированием республики: Северный Таджикистан, Зеравшан, Сталинабадский район, Дарваз и Памир.

В результате поисковых работ на Памире было обнаружено около 50 месторождений полезных ископаемых, дано заключение о золотоносности метаморфических толщ Северного Памира⁴².

В соответствии с рекомендациями ученых в республике проводилось освоение месторождений в Шурабе, Равате, Кштут-Зауране, Ташкутане. Получили дальнейшее развитие предприятия нефтяной промышленности, особенно нефтепромыслы «КИМ» и «Нефтеабад». Это позволило значительно увеличить добычу нефти в республике.

Экспедиции осуществили впервые для Таджикистана учет водных ресурсов и создали гидроэнергетический кадастр, предоставивший возможность определить потенциальный гидроэнергетический потенциал республики. На основе исследований гидрологии Вахша, Зарафшана, Варзоба, Гунта и других рек впервые была составлена схема их освоения. В последующие годы этот кадастр стал основой для проектирования строительства Вахшского каскада ГЭС: Перепадной, Головной, Центральной, Нурекской, Байпазинской, строящейся Рогунской и целого ряда более мелких гидроэлектростанций. На основе работ Таджикских комплексных и Таджикско-Памирских экспедиций была выдвинута реальная научно обоснованная задача развития производительных сил Таджикистана.

Литература

Горбунов Н.П., Расцветаев М.К. Работа АН СССР в Таджикской ССР // Академия наук СССР республикам Средней Азии. 1924–1934 г. К 10-летию нац. размежевания Средней Азии. М.; Л.: АН СССР, 1934. С. 49–53.

Из истории индустриализации Таджикской ССР: сб. док. и матер.: в 2 т. Душанбе: Ирфон, 1972. Т. 1: 1926–1941 гг. 535 с.

История таджикского народа: в 3 т. М.: Наука, 1964. Т. 3, кн. 1. 376 с.

⁴² Таджикско-Памирская экспедиция 1934 года. М.; Л., 1935. С. 27.

Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР // Государственная плановая комиссия при Совнарком СССР. М.: Госпланиздат, 1939. 160 с.

Курочкин Г.Д. Исследование минеральных ресурсов экспедиции АН СССР (1919–1959 гг.). М.: Наука, 1969. 246 с.

Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л., 1950. 616 с.

Научные итоги работ Таджикско-Памирской экспедиции: сб. ст. / под ред. акад. А.Д. Архангельского. М.: АН СССР, 1936. 563 с.

Очерки истории народного хозяйства Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1967. 378 с.

Проблемы Таджикистана: труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР: в 2 т. Л.: Издательство АН СССР, 1933. Т. 2. 251 с.

Таджикская комплексная экспедиция 1932 г. Л.: Госхимтехиздат, 1933. 541 с.

Таджикско-Памирская экспедиция 1933 года. Л.: Госхимтехиздат, 1933. 523 с.

Таджикско-Памирская экспедиция 1934 года. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1935. 504 с.

Таджикско-Памирская экспедиция 1935 г. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937. 552 с.

Шагалов Е.С. Наука в Таджикистане в период социалистического строительства (1917–1958 гг.). Душанбе: Ирфон, 1975. 240 с.

Шербаков Д.И. Горные богатства Таджикистана // Вестник АН СССР. 1936. № 11–12. С. 77–86.

References

Arkhangelskiy, A.D. (Ed.). (1936). *Nauchnye itogi rabot Tadzhiksko-Pamirskoy ekspeditsii* [Scientific Results of the Work of the Tajik-Pamir Expedition]. Moscow, AN SSSR. 563 p.

Gorbunov, N.P., Rastsvetaev, M.K. (1934). *Rabota AN SSSR v Tadzhikskoy SSR* [The Work of the USSR Academy of Sciences in the Tajik SSR]. In *Akademiya nauk SSSR respublikam Sredney Azii. 1924–1934 g. K 10-letiyu natsionalnogo razmezhvaniya Sredney Azii*. Moscow, Leningrad, AN SSSR, pp. 49–53.

(1939). *Gosudarstvennaya planovaya komissiya pri Sovnarkome SSSR. Itogi vypolneniya vtorogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo khozyaystva Soyuz SSR* [Results of the Second Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR]. Moscow, Gosplanizdat. 160 p.

(1964). *Istoriya tadzhikskogo naroda* [History of the Tajik People]. Vol. 3, book 1. Moscow, Nauka. 376 p.

(1972). *Iz istorii industrializatsii Tadzhikskoy SSR* [From the History of Industrialization of the Tajik SSR]. Dushanbe, Irfon. Vol. 1: 1926–1941. 535 p.

Kurochkin, G.D. (1969). *Issledovanie mineralnykh resursov ekspeditsii AN SSSR (1919–1959 gg.)* [Exploration of Mineral Resources of the USSR Academy of Sciences Expeditions (1919–1959)]. Moscow, Nauka. 246 p.

(1950). *Materialy k istorii Akademii nauk SSSR za sovetskie gody (1917–1947)* [Materials for the History of the USSR Academy of Sciences During the Soviet Years (1917–1947)]. Moscow, Leningrad. 616 p.

(1967). *Ocherki istorii narodnogo khozyaystva Tadjhikistana* [An Essay on the History of the National Economy of Tajikistan]. Dushanbe, Donish. 378 p.

(1933). *Problemy Tadjhikistana: trudy pervoy konferentsii po izucheniyu proizvoditelnykh sil Tadjhikskoy SSR* [Problems of Tajikistan: Proceedings of the First Conference on the Study of Productive Forces of the Tajik SSR]. Leningrad, AN SSSR. Vol. 2. 251 p.

Shagalov, E.S. (1975). *Nauka v Tadjhikistane v period sotsialisticheskogo stroitelstva (1917–1958 gg.)* [Science in Tajikistan During the Period of Socialist Construction (1917–1958)]. Dushanbe, Irfon. 240 p.

Shcherbakov, D.I. (1936). Gornye bogatstva Tadjhikistana [Mountain Wealth of Tajikistan]. In *Vestnik AN SSSR*. No. 11–12, pp. 77–86.

(1933). *Tadjhikskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1932 g.* [Tajik Complex Expedition of 1932]. Leningrad, Goskhimtekhnizdat. 541 p.

(1933). *Tadjhiksko-Pamirskaya ekspeditsiya 1933 goda* [Tajik-Pamir Expedition of 1933]. Leningrad, Goskhimtekhnizdat. 523 p.

(1935). *Tadjhiksko-Pamirskaya ekspeditsiya 1934 goda* [Tajik-Pamir Expedition of 1934]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 504 p.

(1937). *Tadjhiksko-Pamirskaya ekspeditsiya 1935 g.* [Tajik-Pamir Expedition of 1935]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 952 p.

Н.Н. Аблажей¹

ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ПРИТОКАХ И В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ ИРТЫШ В 1930–1960-Е ГОДЫ*

Аннотация. Статья посвящена истории строительства гидротехнических сооружений на притоках и в верхнем течении р. Иртыш в 1930–1960-е гг. Затрагивается проблема комплексного использования водных ресурсов реки для развития энергетики, сельского хозяйства, ирригации и других отраслей экономики. Дана характеристика двух гидроузлов – Усть-Каменогорского и Бухтарминского, а также гидрокаскада в целом. Подняты вопросы проектирования водохранилищ, организации переселения населения и переноса населенных пунктов.

Ключевые слова: гидростроительство, Иртыш, Усть-Каменогорская ГЭС, Бухтарминская ГЭС.

N.N. Ablazhey²

HYDRAULIC ENGINEERING ON THE TRIBUTARIES AND UPPER REACHES OF THE IRTYSH RIVER IN THE 1930S–1960S

Abstract. The article is devoted to the history of the construction of hydraulic structures on tributaries and in the upper reaches of the Irtysh River in the 1930s and 1960s. The problem of the integrated use of the river's water resources for the development of energy, agriculture, irrigation and other sectors of the economy is touched upon. The characteristics of two hydroelectric power plants – Ust-Kamenogorsk and Bukhtarminskaya, as well as the hydraulic cascade as a whole, are given. The issues of reservoir design, organization of population resettlement and relocation of settlements are discussed.

Keywords: hydraulic engineering, Irtysh, Ust-Kamenogorsk HPP, Bukhtarma HPP.

¹ **Наталья Николаевна Аблажей**, д-р ист. наук, в.н.с., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org

² **Natalia Nikolaevna Ablazhey**, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org

* Статья опубликована в рамках проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

Река Иртыш является главным притоком Оби, их суммарный годовой сток в 1,5 раза превышает годовой сток Волги. Иртыш вместе с Обью – самый протяженный водоток в России, третий по протяженности в Азии и шестой в мире (5410 км). Иртыш протекает по территории трех стран: Китая, Казахстана и России. В Китае он называется Черным Иртышом, в Казахстане – Белым Иртышом, а в России – Иртышом. Общая длина реки 4248 км (на территории Китая – 525, Казахстана – 1835, России – 2010 км), площадь бассейна 1643 тыс. кв. км. Иртыш делится на три части: верхнее (от верховий до р. Ишим), среднее (от впадения в р. Ишим до Омска) и нижнее (от Омска до устья) течение.

Исторически Иртыш был важным транспортным маршрутом, связывающим Центральную Азию с Сибирью. Река была местом обитания различных кочевых народов, а затем стала важным транспортным путем для русских землепроходцев. В XVII–XVIII вв. на берегах Иртыша были построены крепости и города. Иртыш обрел для России стратегическое значение, что внесло свою лепту в активное освоение реки и прилегающих территорий. Транспортное освоение Верхнего Иртыша началось в конце XVIII в., а судоходство, в том числе и в пределы Китая, начало интенсивно развиваться на рубеже XIX–XX вв. На остальной части Иртыша история судоходства берет начало с середины XIX в.

История гидростроительства на Иртыше и его притоках начинается еще в XIX в. Первая гидроэлектростанция – Березовская (также известная как Зыряновская), построенная в 1892 г., была ориентирована на обеспечение энергией Зыряновского рудника – крупного полиметаллического и медного месторождения Рудного Алтая, которое являлось важным поставщиком сырья для алтайских заводов. Березовскую ГЭС нередко называют одной из первых гидроэлектростанций Российской империи³. До революции также были построены маломощные ГЭС на реках Тургусун и Быструха.

История советской гидроэнергетики началась с разработки и принятия в 1921 г. государственного плана развития электроэнергетики – знаменитого плана ГОЭЛРО. Его первый вариант был рассчитан на 10–15 лет и предусматривал строительство 30 электрических

³ Алексеев В.В. Первые электростанции в Урало-Сибирском регионе (к 100-летию плана ГОЭЛРО) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Регионоведение. 2020. Т. 33. С. 93.

станций: 10 гидроэлектростанций (ГЭС) и 20 теплоэлектростанций (ТЭС), ориентированных прежде всего на нужды промышленности и городов. Станции должны были работать на основе местных источников энергии, что позволяло существенно снизить расходы на транспортировку топлива.

Несмотря на то, что основную долю советской электроэнергии давали тепловые электростанции, а доля гидроэнергетики в энергобалансе СССР составляла лишь 15–17 %, именно развитие ГЭС рассматривалось как один из ключевых элементов модернизации страны. Строительство высоконапорных гидроэлектростанций на Волге и Днепре открыло значительные перспективы увеличения выработки электроэнергии и стало важным ориентиром экономического развития.

Интерес к водным ресурсам Сибири возник уже в 1920-е гг. При этом Иртыш и Обь первоначально не рассматривались как приоритетные направления развития гидроэнергетики. Однако в дальнейшем стало очевидно, что гидростроительство на Иртыше способно обеспечить энергией горнодобывающую и металлургическую промышленность Рудного Алтая, а также создать условия для развития сельского хозяйства всего Алтайско-Иртышского района⁴.

В первых проектах развития производительных сил в Рудном Алтае предусматривалось строительство гидростанций на притоках Иртыша. На начальном этапе приоритетом было обеспечение энергоснабжением ключевого промышленного центра региона – г. Риддера, где велась добыча полиметаллических руд. Уже в первой половине 1920-х гг. были проведены изыскания на притоках Иртыша – реках Тихая, Быструха, Громотуха, Уба, и Ульба. Изучением притоков Иртыша занимались экспедиционные партии Алтайского филиала «Бюро по исследованию и использованию водных сил Сибири» («Сибисполвод») и «Управление работ по исследованию водных сил Алтая» («Алтайводсила»), а также экспедиции Главцметмета. Наиболее перспективными были признаны варианты строительства станций на Ульбе и Убе⁵. Проект гидроэлектростанции на реке Убе, предназначенной для обеспечения энергией предприятий Рудного Алтая, а также городов Семипалатинска, Усть-Каменогорска и Рубцов-

⁴ План электрификации России. М., 1955. С. 84, 602.

⁵ Лениногорский каскад ГЭС. Усть-Каменогорск, 2003. С. 16.

ска, был предложен управлением «Алтайводсила» в 1926 г. Однако к его реализации так и не приступили. На десятилетие отложили проектировку и строительство ГЭС на Ульбе. Приоритет был отдан рекам Громотуха и Тихая, которые при слиянии образуют реку Ульба и протекают недалеко от Риддера. Сам город расположен в месте впадения р. Ульбы в Иртыш. В 1928 г. на р. Громотуха была запущена Хариузовская (Верхне-Хариузовская) ГЭС, через несколько лет вступила в строй Нижне-Хариузовская. Только в 1937 г. на р. Тихая недалеко от Риддера была построена Ульбинская гидроэлектростанция, которая стала опорной станцией Лениногорского каскада. До 1952 г. именно она являлась крупнейшей ГЭС Казахстана. Для увеличения мощности каскада было начато строительство Малоульбинского водохранилища. Проект предусматривал накопление воды в этом водохранилище с последующим ее сбросом в реку Левую Громотуху. Оттуда вода поступала в деривационные каналы верхних ступеней Лениногорского каскада – Хариузовской и Тишинской ГЭС. Затем она направлялась в Тишинское водохранилище, а уже из него – в деривацию Ульбинской ГЭС. Таким образом была реализована внутрибассейновая переброска стока: вода переводилась из одного притока Ульбы в другой, что позволило повысить эффективность работы всего каскада.

Интерес к Иртышу в плане развития крупной гидроэнергетики проявился в конце 1920-х гг., параллельно с планированием строительства ГЭС на его притоках. Впервые эта тема обсуждалась в 1930 г. на первом Всеказахском научно-исследовательском и краеведческом съезде, прошедшем под эгидой «Общества изучения Казахстана». Ей был также посвящен ряд публикаций, вышедших в начале 1930-х гг. На основе анализа топографических данных геологи и инженеры сделали предварительные расчеты разницы уровней воды оз. Зайсан и р. Иртыш у станицы Бухтарминская. Учитывая отличные геологические условия, был сделан вывод о возможности строительства одной или двух мощных ГЭС. Расчеты показывали, что строительство ГЭС на Верхнем Иртыше экономически оправдано и перекроет по мощности все проектируемые на тот момент в Алтайско-Иртышском районе ГЭС. Отмечалось, что площадь будущего водохранилища при высокой плотине может составить 2,5–3,5 тыс. кв. км, включая верхний участок Иртыша и оз. Зайсан. Тогда же специалистами был сделан вывод, что строительство Бухтарминской и/

или Шульбинской ГЭС⁶ позволит осуществить регулирование стока Иртыша.

В 1932 г. в рамках индустриализации советским руководством была поставлена цель увеличить за пять лет производство электроэнергии в шесть раз⁷. В доработанном плане ГОЭЛРО (1932 г.) содержалось указание, в частности, на «необходимость использования водных ресурсов Иртыша». Отмечалось, что в верхнем течении Иртыша в обозримом будущем могут быть построены две гидростанции – Усть-Каменогорская и Бухтарминская, которые станут частью Алтайской энергосистемы. Идея развития Алтайско-Иртышского района, в том числе создания здесь единого энергопромышленного комплекса, обсуждалась на двух научных сессиях (в 1933 и 1935 гг.), проведенных по поручению Госплана СССР на Казахстанской базе Академии наук СССР. По итогам ее научной сессии предлагалось приступить к комплексному изучению Алтайско-Иртышского района и реализации в перспективе трех крупных индустриально-аграрных проектов: «Большой Алтай», «Большой Джезказган» и «Обь-Иртышское междуречье». В связи с пересмотром существовавших подходов к территориальному размещению промышленного производства в СССР восточные территории страны, в первую очередь Урал и Западная Сибирь, куда входил и Рудный Алтай, стали зоной приоритетного развития. В рамках реализации одного из крупнейших проектов советской индустриализации – Урало-Кузбасского, предусматривалось решение энергетической проблемы за счет развития как угольной отрасли, так и гидроэнергетики, включая строительство гидроузлов на Оби и Иртыше⁸.

Создание в 1927 г. при Главном управлении электротехнической промышленности ВСНХ СССР государственного энергетического треста Энергострой (позднее – Гидроэлектропроект, Гидропроект) способствовало переходу проектирования энергообъектов из отдельных проектных групп и технических отделов строек в единую проектную организацию. С начала 1930-х гг. Ленинградское отделе-

⁶ Нехорошев В.П. Алтай и его недра. Л.; М., 1933. 76 с.

⁷ XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии(б). Стенографический отчет. М., 1932. С. 150–170.

⁸ Генеральный план электрификации СССР. Т. 8. Сводный план электрификации [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/33216> (дата обращения: 02.10.2025).

ние Гидропроекта вплотную приступило к изучению энергетических возможностей как самого Иртыша в его верхнем и среднем течении, так и его притоков. Опираясь на имеющиеся инженерно-геологические материалы и картографические съемки, была разработана рабочая схема строительства каскада ГЭС от оз. Зайсан до г. Омска. Гидростроительство предусматривалось на четырех участках: 1) оз. Зайсан – Усть-Каменогорск; 2) Усть-Каменогорск – Семипалатинск; 3) Семипалатинск – Семиярская и 4) Семиярская – Омск⁹. Регулирование стока реки предусматривалось Бухтарминской и Шульбинской плотинами или дополнительной плотиной в истоке из оз. Зайсан. На этих участках Иртыша предлагалось сооружение Донской, Шульбинской, Семипалатинской, Белокаменской, Грачевской, Семиярской, Бобровской и Омской станций. Масштабы затопления при создании водохранилища на Иртыше не считались катастрофическими в силу меньшей освоенности территории, по сравнению с европейской частью страны – на Волге, Днепре или Дону.

Комплексный подход к изучению водных резервов бассейна Оби и Иртыша сформировался уже в начале 1930-х гг. В годы первых пятилеток на государственном уровне поддерживались проекты не только в области гидроэнергетики, но и мелиорации. Гидроэнергетический и ирригационный потенциал Иртыша и Оби представлялся значительным, что и предопределило появление грандиозного проекта решения Обь-Кулундинской водохозяйственной проблемы, предусматривающего орошение Обь-Иртышского междуречья площадью от 2 до 5,5 млн га, а в перспективе и южных степей Казахстана. Обь-Иртышское междуречье на тот момент являлось самым восточным из потенциально крупных ирригационно-энергетических объектов в азиатской части СССР, что подчеркивало его значение для экономики страны. В 1933 г. по поручению Госплана головное исследовательское учреждение страны по изучению водно-земельных ресурсов и разработке комплексных программ водохозяйственного устройства крупных речных систем «Гипровод» (с 1934 г. – «Гидропроиз», затем «Ленводпроиз») начало разработку проблемы комплексного использования водных и земельных ресурсов Обь-Иртышского бассейна. Специалисты секции водных ресурсов Казах-

⁹ Большой Алтай. Сборник материалов по проблеме комплексного изучения и освоения естественных производительных сил Алтайско-Иртышского района. Л., 1934. Т. 1. С. 340–355.

станской базы АН СССР также считали, что строительство на Иртыше Шульбинской ГЭС поможет решить проблему не только энергоснабжения, но и орошения 1,5 млн га. Предложенный в середине 1930-х гг. Гипроводом проект обводнения и ирригации огромных степных территорий предусматривал два варианта: за счет Иртыша (самотеком) при условии строительства Шульбинской ГЭС либо за счет Оби при условии строительства самотечного канала при условии строительства ГЭС в районе г. Камень-на-Оби с плотиной выше уровня Кулундинской седловины, что позволило бы обской воде самотеком через каналы поступать в Кулундинскую степь.

Однако в качестве первоочередной рассматривалась задача строительства ГЭС близ г. Усть-Каменогорска. Предусматривался как одноступенчатый, так и двухступенчатый вариант. При двухступенчатом варианте планировалось строительство Усть-Каменогорской и Бухтарминской ГЭС¹⁰, а при одноступенчатом – одной из них. Самой нижней ступенью Иртышского каскада стала Усть-Каменогорская ГЭС, построенная в каньоне со скальными берегами. Проектно-изыскательские работы по Усть-Каменогорской ГЭС были начаты Ленгидропроектом в 1936 г. Проект был готов в 1939 г. и рассмотрен Главгидроэнергостроем в июле 1940 г. При рассмотрении последовали существенные замечания, потребовавшие доработки и уточнения технического проекта и утвержденные Главгидроэнергостроем в 1941 г. Предусматривалось две очереди строительства плотины: первая при отметке нормального подпорного горизонта (НПГ) 320 м, а вторая – 335 м. Усть-Каменогорская ГЭС должна была возводиться совместно с временным Зайсанским гидроузлом, в ходе строительства которого оз. Зайсан должно было стать водохранилищем. Но в период войны и в первые послевоенные годы его так и не начали строить. Уточнение проекта Усть-Каменогорской ГЭС велось до 1948 г. Решением Совета Министров СССР, принятым в 1948 г., предусматривалось строительство Усть-Каменогорской ГЭС в одну очередь с НПГ – 335 м. Финальный вариант проекта ГЭС был утвержден Министерством электростанций только в 1950 г. Ввод станции в эксплуатацию растянулся на 1952–1958 гг. От идеи строительства Зайсанского гидроузла окончательно отказались в 1952 г. в связи с началом строительства Бухтарминской ГЭС.

¹⁰ Коряко Н.Я. Проблема рек Оби и Иртыша: Ирригация междуречья и энергоснабжение Новосибирского и Прииртышско-Алтайского районов. Л., 1937 С. 93–96.

Водохранилище Усть-Каменогорской ГЭС заполнялось водой в 1952–1954 гг. Длина водохранилища составила 77 км при ширине в 1,2 км. Затопляемая территория характеризовалась исключительно как аграрная, особо подчеркивалось отсутствие залежей полезных ископаемых. В зоне затопления оказались пять колхозов, административными центрами которых были деревни Феоктистовка, Ново-Троицкое, Ермаковка, Бурнашево. Всего из 16 оказавшихся в зоне затопления поселений Кировского, Уланского и Бухтарминского районов области было переселено 1241 чел. Отселение шло выше береговой линии будущего водохранилища на расстояние до 3 км. Новых поселений для переселенцев из зоны затопления не создавалось.

Бухтарминская ГЭС стала второй в Иртышском каскаде. ГЭС располагается в 15 км ниже устья р. Бухтарма, в 350 км от истока реки Иртыш из озера Зайсан. С ее строительством была реализована двухступенчатая схема энергетического использования верхнего участка р. Иртыш с учетом совместной эксплуатации стока Иртыша и Бухтармы. Для осуществления судоходства в этой части Иртыша в составе Бухтарминского гидроузла предусматривалось строительство шлюза.

Проектирование Бухтарминской ГЭС было начато Ленинградским отделением Гидропроекта в 1951 г., а первый техпроект представлен в 1952 г. Изначально утвержденный проект предусматривал сооружение станции мощностью 435 МВт с шестью гидроагрегатами, впоследствии число гидроагрегатов было увеличено до девяти. Строительство станции было санкционировано Советом Министров СССР 15 ноября 1952 г. и начато в 1953 г. Река Иртыш была перекрыта 10 октября 1957 г. Первый агрегат Бухтарминской ГЭС был пущен в августе 1960 г., всего в этом году было запущено три гидроагрегата, в 1961 г. – еще три, в 1964–1966 гг. – по одному гидроагрегату. В постоянную эксплуатацию Бухтарминская ГЭС была принята в 1968 г.

Первоначальный проект предусматривал трехлетний период наполнения водохранилища: с 368 м в 1957 г. до проектной отметки 402 м в 1959 г.¹¹ Однако в более поздних версиях проекта сроки были

¹¹ Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6409. Л. 3–16.

пересмотрены: наполнение планировалось растянуть на пять лет, вплоть до 1962 г.¹²

Бухтарминская ГЭС обеспечила почти полное выравнивание стока Иртыша за счет поднятия уровня оз. Зайсан. Первоначальные расчеты показывали, что при высоте плотины Бухтарминской ГЭС в 90 м уровень оз. Зайсан поднимется примерно на 10 м. Это привело бы к образованию огромного водохранилища, полностью поглощающего Зайсан и простирающегося на 600 км вверх по течению, причем его воды подошли бы вплотную к китайской границе. На деле подпор, создаваемый плотиной Бухтарминской ГЭС, повысил естественный уровень озера Зайсан на 5–6 м, при этом его площадь особенно увеличилась в юго-восточной части. Сегодня зона водохранилища простирается от плотины вверх по Иртышу, затем по акватории оз. Зайсан и далее по Зайсанской пойме примерно на 35 км к востоку от современного устья Черного Иртыша. Водохранилище также распространилось по долинам Бухтармы и Нарыма, а также по Мончекурской долине – примерно на 35 км к востоку от Иртыша. В результате строительства Бухтарминской ГЭС сформировалось водохранилище с площадью водного зеркала около 5500 кв. км¹³.

Зона затопления Бухтарминской ГЭС охватила территории восьми районов Восточно-Казахстанской (Бухтарминский, Зыряновский, Больше-Нарымский, Самарский, Курчумский, Тарбагатайский, Зайсанский и Маркакольский) и одного района Семипалатинской (Кокпектинский) областей Казахской ССР.

В зоне затопления оказалось 48 колхозов, и это после реформы начала 1950-х гг. по укрупнению колхозов. Земли колхозов, как и все остальные, принадлежали государству, однако за их изъятие предусматривались земельные компенсации. Согласно порядку, сложившемуся еще в 1930-е гг. при изъятии земель, находившихся в пользовании колхозов для государственных нужд, решение данного вопроса передавалось региональным властям. Таким образом, именно они получали право как изымать, так и выделять земли, что позволяло проводить земельное переустройство колхозов. Первоначальный проект компенсации земель колхозам, предложенный Ленгидропроектом, вызвал резкую критику со стороны республикан-

¹² ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 121. Л. 238.

¹³ ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6409. Л. 3–16.

ской и областных властей, которые настаивали как на земельных компенсациях, так и на необходимости реализации программы ирригационного строительства в четырех районах Восточно-Казахстанской области¹⁴. Для разработки детального проекта межхозяйственного землеустройства колхозов из зоны затопления Совет Министров СССР поручил Совету министров Казахской ССР и Министерству сельского хозяйства республики создать Бухтарминскую землеустроительную экспедицию. Она была создана и работала в Восточно-Казахстанской области с мая по ноябрь 1955 г.¹⁵ Одновременно на Ленгипроводхоз возлагалась задача составления проектов строительства и реконструкции Уйдененской и Кендерлыкской оросительных систем¹⁶.

Основным документом, который регламентировал вопросы переноса поселений и переселения жителей, стало постановление Совета Министров СССР от 21 сентября 1954 г. № 1954 «О мероприятиях по переселению населения и переносу на новые места предприятий, строений и сооружений в связи со строительством Бухтарминской гидроэлектростанции». Особо отметим, что прописанный в этих решениях порядок переноса и переселения, отработанный и апробированный при строительстве Новосибирской ГЭС, использовался и при строительстве Бухтарминской ГЭС¹⁷. Прописывался общий механизм переноса и переселения, а также уровни ответственности республиканских и областных властей за их реализацию. При Восточно-Казахстанском облисполкоме, а также в районах, затронутых затоплением, создавались специальные отделы по переселению.

Вопрос о количестве поселений, оказавшихся в зоне затопления, не столь очевиден, как может показаться. Разные источники называют разные цифры – 70, 86, 95 и 98. На данный момент можно утверждать, что в Восточно-Казахстанской области было затоплено: в Бухтарминском районе – 28, в Зыряновском – 4, в Больше-Нарымском – 14, в Самарском – 13, в Курчумском – 23, Маркаколь-

¹⁴ ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 79–85.

¹⁵ ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 7098. Л. 45.

¹⁶ ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 107. Л. 34–35.

¹⁷ Зона затопления. Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 2023. 576 с.

ском – 3, Зайсанском – 4, Тарбагатайском – 10 и в Кокпектинском районе Семипалатинской области – 5 населенных пунктов. Суммарно это 104. Под воду ушли два районных центра – Усть-Бухтарма (Бухтарминский р-н) и Больше-Нарымск (Больше-Нарымский р-н). Новыми райцентрами стали пос. Серебрянка и Новый Больше-Нарымск. В зоне затопления оказались также крупные пристанционные поселки – Гусиная, Алтайская, Мало-Красноярка, Камышинка, Баты и Тополев Мыс. Из зоны затопления было переселено 27 489 чел.¹⁸

Имеющиеся сведения о реорганизации поселенческой сети в связи со строительством Бухтарминской ГЭС и созданием водохранилища позволяют сделать вывод о том, что количество поселений уменьшилось за счет их ликвидации или укрупнения, хотя было создано два десятка новых поселений. Снос и исчезновение целого ряда населенных пунктов означали не только физическое, но и символическое разрушение поселений: исчезновение или трансформацию культурных маркеров и смыслов, заключенных в первую очередь в топонимике. Результатом переселения стало укрупнение сельских советов и поселений. Подобная политика обосновывалась хозяйственно-организационными соображениями и в целом вписывалась в общесоюзные тенденции. Это дает основание утверждать, что переселение в связи с гидростроительством было частью политики трансформации системы аграрного расселения, реализуемой с начала 1950-х годов и нацеленной на очередное преобразование и реконструкцию деревни через организованное расселение и укрупнение сельских поселений, что имело не только положительные, но и негативные последствия.

История гидростроительства на Иртыше актуальна и заслуживает сегодня особого внимания. Она дает представление о сценариях и перспективах дальнейшего использования потенциала этого речного бассейна в интересах России, Казахстана и Китая.

Литература

Алексеев В.В. Первые электростанции в Урало-Сибирском регионе (к 100-летию плана ГОЭЛРО) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Регионоведение. 2020. Т. 33. С. 87–100.

¹⁸ ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 100. Л. 119–121.

План электрификации России. М.: Госполитиздат, 1955. 660 с.

Бердус И.В. Первые электростанции Казахстана: Лениногорский каскад ГЭС. Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ, 2003. 75 с.

Нехорошев В.П. Алтай и его недра. Л.; М.: Государственное научно-техническое геолого-разведочное издательство, 1933. 76 с.

XVII конференция Всесоюзной коммунистической партии(б). Стенографический отчет. М.: Партийное издательство, 1932. 396 с.

Генеральный план электрификации СССР. Т. 8. Сводный план электрификации [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/33216> (дата обращения: 02.10.2025).

Большой Алтай. Сборник материалов по проблеме комплексного изуч. и освоения естественных производит. сил Алтайско-Иртышского района / редколлегия: акад. А.Н. Самойлович, акад. В.А. Обручев, И.А. Барышников и др.; АН СССР. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 1. 601 с.

Коряко Н.Я. Проблема рек Оби и Иртыша: Ирригация междуречья и энергоснабжение Новосибирского и Прииртышско-Алтайского районов. Л.: Гидропроиз, 1937. 147 с.

Зона затопления. Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы). Сборник документов и материалов / сост. Н.Н. Аблажей, М.А. Косицын. Новосибирск, 2023. 576 с.

References

Ablazhey, N.N., Kositsyn, M.A. (Eds.). (2023). *Zona zatopleniya. Sotsial'nye i ekologicheskie aspekty stroitel'stva Novosibirskoy GES (1950-e gody)* [The Flood Zone: Social and Environmental Aspects of the Novosibirsk Hydroelectric Power Station Construction (1950s)]. Novosibirsk.

Alekseev, V.V. (2020). *Pervye elektrostantsii v Uralo-Sibirskom regione (k 100-letiyu plana GOELRO)* [The First Power Plants in the Ural-Siberian Region (to the 100th Anniversary of the GOELRO Plan)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Regionovedenie*. Vol. 33, pp. 87–100.

Berdus, I.V. (2003). *Pervye elektrostantsii Kazakhstana: Leninogorskiy kaskad GES* [The First Power Plants of Kazakhstan: Leninogorsk Cascade of HPPs]. Ust-Kamenogorsk, Izd-vo VKGU. 75 p.

(1934). *Bolshoy Altay. Sbornik materialov po probleme kompleksnogo izucheniya i osvoyeniya estestvennykh proizvoditel'nykh sil Altaysko-Irtyshskogo rayona* [Great Altai. Vol. 1. Collection of Materials on the Complex Study and Development of the Natural Productive Forces of the Altai-Irtysh Region]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR. Vol. 1. 601 p.

Generalnyy plan elektrifikatsii SSSR. T. 8. Svodnyy plan elektrifikatsii [General Plan for the Electrification of the USSR. Vol. 8. Consolidated Electrification Plan]. Available at: URL: <https://istmat.org/node/33216> (date of access: 02.10.2025).

Koryako, N.Ya. (1937). *Problema rek Obi i Irtysha: Irrigatsiya mezhdu rech'ya i energosnabzheniye Novosibirskogo i Priirtyshsko-Altayskogo rayonov* [The Problem of the Ob and Irtysh Rivers...]. Leningrad, Gidroproiz. 147 p.

Nekhoroshev, V.P. (1933). *Altay i ego nedra* [Altai and Its Subsoil]. Leningrad; Moscow, Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe geologo-razvedochnoe izdatelstvo. 76 p.

(1955). *Plan elektrifikatsii Rossii* [Electrification Plan of Russia]. Moscow, Gospolitizdat. 660 p.

(1932). *XVII konferentsiya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii(b). Stenograficheskiy otchet* [XVII Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Verbatim Report]. Moscow, Partiynoe izdatelstvo. 396 p.

З.Г. Сактаганова¹

**ОПЫТНЫЕ ХОЗЯЙСТВА И.Н. ХУДЕНКО В 1960-Е ГГ.
В КАЗАХСКОЙ ССР: ПРОВАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
ИЛИ НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ НОВШЕСТВА?***

Аннотация. Эксперимент в опытных хозяйствах И.Н. Худенко в Казахской ССР был одним из популярных сюжетов в истории позднесоветского периода, но большинство публикаций носили научно-популярный или публицистический характер. В данной статье мы ставим цель: изучить историю опытных хозяйств И. Худенко в 1960-е гг. на основе архивных документов, статей и интервью с И.Н. Худенко (зафиксированного в документальном фильме), материалов в СМИ и интернет-пространства. Документальную основу статьи составили материалы архивных фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК).

Ключевые слова: экономический эксперимент, И.Н. Худенко, Илийский совхоз, опытное хозяйство в Акви.

Z. G. Saktaganova²

**I.N. KHUDENKO'S EXPERIMENTAL FARMS IN THE 1960S
IN THE KAZAKH SSR: A FAILED EXPERIMENT
OR AN UNTIMELY INNOVATION?**

Abstract. The experiment in I.N. Khudenko's experimental farms in the Kazakh SSR was a popular topic in the history of the late Soviet period, but most

¹ **Зауреш Галимжановна Сактаганова**, д-р ист. наук, профессор, г.н.с., Институт Истории СО РАН, профессор, Карагандинский национальный исследовательский университет им. Е.А. Букетова, директор, Центр этнокультурных и историко-антропологических исследований, Караганда, Республика Казахстан, e-mail: zauresh63@mail.ru

² **Zauresh Galimzhanovna Saktaganova**, Doctor of Historical Sciences, PhD, Chief Researcher, Institute of History SB RAS, Professor, E.A. Buketov Karaganda National Research University, Director, Center for Ethnocultural, Historical and Anthropological Research, Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: zauresh63@mail.ru

* Работа выполнена по плану НИР ИИ СО РАН, проект FWZM-2025-0001) «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика» (вторая половина XVIII — начало XXI вв.).

publications were popular science or journalistic in nature. This article aims to examine the history of I.N. Khudenko's experimental farms in the 1960s using archival documents, articles, and interviews with I.N. Khudenko (recorded in a documentary film), media coverage, and the internet. The article's documentary basis is comprised of archival materials from the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI) and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK).

Keywords: economic experiment, I.N. Khudenko, Ili state farm, experimental farm in Akchi.

Введение

Эксперимент в опытных хозяйствах И.Н. Худенко в Казахской ССР был одним из популярных сюжетов в истории позднесоветского периода. Можно выделить три волны интереса обращения к данной проблеме. Первая – в общесоюзной периодической печати 1960-х – первой половине 1970-х гг.³, затем новый всплеск обращения к данной теме вызвала перестройка во второй половине 1980-х⁴. И вновь активно оживился интерес к этим событиям уже в медиaprостранстве рубежа нового тысячелетия, в 1990–2000-х гг.⁵ Видимо, очень фантастическими, ошеломляющими казались экономические результаты эксперимента казахстанского бухгалтера-экономиста, вокруг которого сконцентрировались достаточно известные лица из

³ Худенко И. По урожаю и заработок // Известия. 1961. 2 дек.; Рассказ об эксперименте Ивана Худенко // Комсомольская правда. 1965. 16 апр., 29 мая, 15 окт.; Кокашинский В. Эксперимент в Акчи // Литературная газета. 1969. 21 мая; Алексеев Н., Кокашинский В. Земледельцы сами о себе // Литературная газета. 1970. 4 марта и др.

⁴ Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Продовольственная проблема и уроки Акчи // Рабочий класс и современный мир. 1987. № 4; Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Драма в Акчи // Литературная газета. 1987. 1 апр.; Ваксберг А. Кому это нужно? // Литературная газета. 1987. 21 янв.; Обратного хода нет (Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки). М., 1989. С. 212–215 и др.

⁵ Карацуб И. Битва за урожай. Еще полвека назад знали, как поднять производительность труда в сельском хозяйстве в 20 раз [Электронный ресурс] // Forbes.ru. 2007. 3 янв. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/oputy/26953-bitva-za-urozhai> (дата обращения: 20.10.2025); Лыс Б. Экономический эксперимент Худенко в сельском хозяйстве [Электронный ресурс] // Пропаганда. Научно-популярный журнал. 2010. 8 окт. URL: <https://propaganda-journal.net/2808.html> (дата обращения: 21.10.2025); Худенко Иван Никифорович. Часть 1 [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://jlm-taurus.livejournal.com/77787.html> (дата обращения: 21.10.2025); Худенко Иван Никифорович. Часть 2 [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://jlm-taurus.livejournal.com/77357.html> (дата обращения: 21.10.2025); Худенко Иван Никифорович. Часть 3 [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://jlm-taurus.livejournal.com/77256.html> (дата обращения: 21.10.2025) и др.

журналистской и научной среды, номенклатурных кругов, либо горячо отстаивающих, либо жестко критикующих этот эксперимент. Спустя несколько лет произошло неожиданное закрытие эксперимента, несмотря на его высокую результативность, затем тюремное заключение экспериментатора И.Н. Худенко и его скоропостижная смерть в тюрьме.

Жизненный путь экономиста-бухгалтера Ивана Никифоровича Худенко, осужденного 28 августа 1973 г. и 20 октября 1989 г. оправданного Президиумом Верховного суда Казахской ССР за отсутствием состава преступления, является одним из ярких примеров талантливого человека, не вписавшегося в реалии советской модели экономики. Об И. Худенко были сняты два документальных фильма: «Человек на земле» в 1969 г. и еще один в конце перестройки, в 1989 г., – «Игра без правил или эксперимент в Акчи»⁶, поставлен спектакль на эту тогда очень злободневную, тему, снятый с репертуара сразу после первой же постановки в Казахском драматическом театре⁷. Ему была посвящена популярная передача в СССР Телекомпании «Вид» с гостями – участниками эксперимента и экспертами-учеными⁸. Судьба Худенко вплелась в канву нескольких документальных и биографических книг⁹. Авторами многих из вышеозначенных статей выступили достаточно известные журналисты, экономисты, социологи и др. Но преимущественно все эти работы носили научно-популярный или публицистический характер, научных работ на основе архивных источников практически не было. В данной статье мы изучим историю опытных хозяйств И. Худенко в 1960-е гг. на основе архивных документов, публикаций самого

⁶ Документальный фильм «Человек на земле» (авт. сценария: Э. Дубровский, реж.: Р. Демин), 1969 г.; Документальный фильм «Игра без правил, или эксперимент в Акчи» (авт. сценария: Э. Дубровский, П. Сиркес; реж.: И. Гогопольский). Киностудия «Казахфильм» им. Ш. Айманова, 1989 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=spXpCTWnEts> (дата обращения: 22.10.2025).

⁷ Аким Тарази (Ашимов А.У.). Везучий Букен. Сатирическая комедия в двух действиях, с многозначительным диалогом [Электронный ресурс] / пер. с казах. и сценическая редакция А. Гладилина // Театр. 1972. № 8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=spXpCTWnEts> (дата обращения: 22.10.2025).

⁸ Экономическое чудо Казахстана. Дело экономиста Ивана Худенко. Акчи, Алматы, Казахстан, 1970 г. // Телекомпания «ВИД». Программа «Как это было» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OPC0BEmGtJU> (дата обращения: 22.10.2025).

⁹ Волков А. Опасная профессия: Нравы моего времени в журналистике и обществе. СПб., 2010; Андреев Н. Трагические судьбы. М., 2001.

инициатора эксперимента и интервью с И.Н. Худенко (зафиксированного в документальном фильме), материалов СМИ и источников, появившихся в интернет-пространстве.

Эксперимент по внедрению «безнарядно-звеньевой системы организации и оплаты труда» в 1961–1965 г.

Реорганизации в управлении аграрными предприятиями, происходившие в годы «хрущевской оттепели», подтолкнули ряд инициативных и предприимчивых руководителей (в частности, И. Худенко) к попытке изменения системы хозяйствования. В 1960 г. в Казахстане начался эксперимент: по решению Совета Министров КазССР новая система учета и оплаты, которую предложил Иван Никифорович Худенко, была внедрена в ряде совхозов, в том числе в двух зерновых совхозах Целиноградской области (совхоз имени КазЦИКа и «Ново-Александровский») и в многоотраслевом совхозе «Илийский» Алма-Атинской области.

22 ноября 1961 г. Н.С. Хрущев, выступая на совещании работников сельского хозяйства в г. Целинограде, говорил о новаторских предложениях, в частности озвученных И. Худенко, подчеркивал, что в них заложено рациональное зерно. Он отмечал, что необходимо «упростить учет, облегчить работу директорам совхозов, сократить излишний счетный аппарат и устранить непроизводительное расходование средств...»¹⁰. Союзное руководство инициативу Худенко поддержало.

1 декабря 1961 г. в газете «Известия» была опубликована статья И.Н. Худенко «По урожаю и заработок»¹¹, в которой он озвучил условия повышения эффективности совхозно-колхозной системы. Для получения максимального эффекта в аграрном производстве, по мнению Худенко, требовалось три условия. Во-первых, просчитал новатор, нормы затрат труда на единицу продукции, например в совхозах Целинного края, нужно планировать по следующим пока-

¹⁰ Важная роль целинных земель в осуществлении программы строительства коммунизма. Речь товарища Н.С. Хрущева на совещании работников сельского хозяйства в г. Целинограде 22 ноября 1961 г. [Электронный ресурс] // Известия. 1961. № 279 (13825). 24 нояб. С. 4. URL: <https://www.ya.ru/archive/catalog/0748ce91-f6ad-46c2-8f8f-726319aac968/1> (дата обращения: 21.10.2025).

¹¹ Худенко И. По урожаю и заработок [Электронный ресурс] // Известия. 1961. № 285 (13831). 1 дек. С. 3. URL: <https://www.ya.ru/archive/catalog/8111f72b-e001-437c-adc9-2808631ac6f6> (дата обращения: 21.10.2025).

зателям: производство 1 центнера зерна, овощей и картофеля – за 1 час, 1 центнера молока – за 5 часов, 1 центнера шерсти – за 300 часов, 10 яиц – за 1 минуту. Во-вторых, при условии, если каждый рабочий станет мастером сельскохозяйственного производства и будет совмещать 2–3 профессии, т.е. по мере необходимости будет и трактористом, и комбайнером, и водителем грузовика, и животноводом, и т.д. В-третьих, каждый совхоз должен быть оснащен основными средствами производства из расчета 14 тыс. руб. на одного среднегодового рабочего с 7-часовым рабочим днем. Тогда, по худенковским расчетам, совхозы Целинного края обошлись бы в 105 тыс. работников вместо 500 тыс., производительность труда выросла более чем в 5 раз, а средняя зарплата в месяц вместо 77 стала 250 руб.

В статье Худенко подверг критике систему учета труда: «в течение одного месяца в совхозе требуется составить только по учету и оплате труда 15 тысяч различных нарядов, учетных листов и других расчетных документов, содержащих 1800 тысяч показателей. Счетных работников захлестывает море бумаг и цифр... Учет и оплата труда работников сейчас ведутся по количественным показателям... Иного механизатора часто интересует одно – побыстрее выполнить указанную в наряде работу да положить деньги в карман. А какой урожай вырастет на этом поле – ему нет дела. Человек материально не заинтересован в плодах своего труда... Совхозы растут. Увеличиваются объемы работ. Учитывать их становится все сложнее. Как упростить учет? На наш взгляд, прямая дорога к этому – оплата труда по конечным результатам (по количеству произведенного хлеба, мяса, молока и т.д.), работа без “шпаргалок” – нарядов. Совхоз с успехом может обойтись одним счетом в Госбанке, а сейчас их более десятка. Не нужны будут промфинпланы, кредитные планы и планы материально-технического снабжения. Они очень громоздки: содержат миллионы показателей, связывают руки тысячам работников»¹².

И.Н. Худенко в этот период работал начальником финансового управления Целинного краевого управления совхозов Казахской ССР. В данной статье автор дал детальный анализ и привел все расчеты первого года работы в экспериментальных совхозах, сравнивая их показатели с показателями в соседних совхозах, работавших

¹² Худенко И. По урожаю и заработок... С. 3.

по обычной системе учета. В экспериментальных совхозах имени КазЦИКа (при урожае 10,5 ц/га) и «Ново-Александровском» (8,4 ц/га) имелаась экономия по фонду зарплаты (из-за резкого сокращения штата работников). Автор статьи писал о соседних совхозах: при такой же урожайности в них шел перерасход фонда зарплаты: в «Шортандинском» – на 212 тыс. руб., в «Ижевском» – более чем на 100 тыс. руб. В экспериментальных хозяйствах вместо 10–15 тыс. нарядов в месяц (как это было ранее) стали составлять всего по 1 табелю на бригаду, соответственно вместо сотни управленцев с учетом справлялись всего 2–3 человека. Вместо 17 банковских счетов в этих совхозах осталось 2. Год эти совхозы закончили с прибылью, погасив все ссуды, тогда как соседние совхозы остались с долгами, например «Шортандинский» с убытками в 208 тыс. руб.¹³

Одним из таких хозяйств, которым руководил И.Н. Худенко (ушедший для реализации эксперимента из управления), являлся Илийский совхоз Алма-Атинской области. Результаты внедрения новых форм организации труда и учета стали проявляться в первые же годы. Ознакомившийся в Министерстве сельского хозяйства Казахской ССР с производственными материалами Илийского совхоза, доктор экономических наук В.Д. Белкин писал, что только за первый год работы по безнарядной системе сбор зерна увеличился в 2,3 раза, а численность работников снизилась с 863 до 85 человек¹⁴.

По словам самого Худенко, в основу эксперимента была положена «безнарядно-звеньевая система организации и оплаты труда; за звеном закрепляется севооборотный участок и вся необходимая для этого техника». В своем интервью Иван Никифорович объяснял: «Почему у нас один экономист-бухгалтер справляется со всей учетной, плановой и финансовой работой? Потому что у нас действуют нормативы затрат труда и средств на центнер продукции. Например, зерно [центнер] – 2 рубля, в обычных хозяйствах – 5 рублей. Затраты труда у нас 30 минут, в обычных хозяйствах – 2 и более часов. Взаимные расчеты между звеньями осуществляются самостоятельно. Мне, как бухгалтеру, остается только отражать готовую продукцию и затраты на нее. И отражать взаимные расчеты между зве-

¹³ Худенко И. По урожаю и заработок... С. 3.

¹⁴ Белкин В.Д. Казахстанская трагедия // Белкин В.Д. Избранные труды: в 3 т. М., 2015. Т. 3: Тернистый путь экономиста. С. 96.

нями. Надобность в нарядах, учетных листах, накладных, кассовых ордерах, в оперативной отчетности и всей другой бюрократической бумажной волоките полностью отпадает»¹⁵. Взятые за основу при формировании технологической карты звена нормы были рассчитаны учеными Научно-исследовательского института сельского хозяйства АН СССР. Рабочие совхозов, переведенных на полный хозяйственный расчет, работали фактически без оформления нарядов за промежуточные этапы работы, получая оплату за конечный результат.

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) отложилось дело, в котором представлены справки за 1962–1963 гг. о результатах работы данного эксперимента¹⁶. В деле содержался материал по производственным показателям: в экспериментальном хозяйстве под зерновыми культурами было занято 33 тыс. га пашни. До внедрения эксперимента их обслуживало 830 чел., по нормативам новой системы осталось 69, т.е. количество занятых в производстве сократилось в 12 раз¹⁷. Производство зерна на одного среднегодового рабочего увеличилось с 156 ц в 1962 г. до 3173 ц в 1963, т.е. в 20 раз¹⁸. Резко улучшились и другие экономические показатели. Из-за резкого повышения производительности труда высвободилась значительная часть людей и техники, снизилась себестоимость продукции, возросла фондоотдача¹⁹. Эти факты, выступая резким контрастом в сравнении с показателями других действующих совхозов, вызывали недоверие и раздражение у чиновников Министерства сельского хозяйства республики.

Новая система учета и оплаты труда и результаты ее внедрения выявили ряд серьезных проблем в финансовом состоянии хозяйств. Одна из них была связана с имевшейся в совхозе техникой: из 225 тракторов (на более 800 человек до сокращения) в экспериментальном совхозе оставили 80 (из расчета на 67 человек). Не получив разрешения на продажу лишней техники, хозяйство было вынужде-

¹⁵ Интервью с И.Н. Худенко // Фрагмент из документального фильма «Человек на земле».

¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 62. Д. 239.

¹⁷ Цифровые данные в архивном деле несколько расходятся с приведенными показателями В.Д. Белкина, но эти расхождения не носят принципиального характера.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 239. Л. 100.

¹⁹ Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Продовольственная проблема и уроки Акчи... С. 246.

но платить амортизационные отчисления, что привело к лишним расходам. Кроме того, второй проблемой стали более 700 сокращенных и нетрудоустроенных работников. Хозяйство было вынуждено оплатить им минимальную плату в 30 рублей в месяц, что сильно обременило хозяйство. Также же на экспериментальное хозяйство повесили убытки за вымерзшие озимые, посеянные предшествующим хозяйством. С 1965 г. эксперимент пытались закрыть. Вокруг эксперимента Худенко нарастало множество легенд и кривотолков. Сокращение рабочих более чем в 10 раз и при этом 20-кратный рост производительности труда в Илийском совхозе вызвал массу вопросов по поводу эффективности существовавшей экономической системы в целом.

Причиной закрытия успешного эксперимента экономист В.Д. Белкин считал (как парадокс) именно его «ошеломляющий успех». Для трудоустройства высвобождаемых работников Худенко предложил создать плодоовощной комбинат в области, чтобы снабжать свежими и консервированными фруктами и овощами г. Алма-Ату, но никто не содействовал решению данной проблемы. По мнению В.Д. Белкина, руководящие работники КазССР, бесконечно сетовавшие на нехватку трудовых ресурсов, не смогли, а может быть и не захотели трудоустроить высвобождающихся работников²⁰.

Продолжение эксперимента в Акчи в 1967–1970 гг.

В период реализации «косыгинских» реформ 1965 г. полностью игнорировать успешный опыт Худенко Министерство сельского хозяйства республики не могло, поскольку были и сторонники новаторства. Заместитель министра сельского хозяйства Абдирахим Елеманович Елеманов активно поддерживал эксперименты Ивана Никифоровича. И в 1967 г. в поселке Акчи Каскеленского района Алма-Атинской области начался новый эксперимент. С разрешения Министерства сельского хозяйства Казахской ССР по инициативе И.Н. Худенко было создано опытное хозяйство в Акчи. Основные характеристики данного хозяйства: производственное направление – полеводство, продукт производства – травяная мука, посевные площади хозяйства – 1600 га, из них под зерновыми культурами – 630 га,

²⁰ Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Продовольственная проблема и уроки Акчи... С. 247.

люцерны – 900 га. Целью эксперимента, по заявлению И. Худенко, являлось достижение максимальной производительности труда в сельскохозяйственном производстве, сокращение численности работников. Социальная сущность худенковского эксперимента заключалась «в соединении функции производства и управления, и выполнения этих функций непосредственно крестьянином, преодолевая его отчуждение от результатов труда».

Фактически себестоимость 1 ц зерна в совхозах республики составляла около 6 руб., сдаточная – 5 руб., а нормативная себестоимость, принятая в опытном хозяйстве, – менее 2 руб., т.е. в 3 раза меньше, чем в обычных совхозах КССР. Соответственно и по травяной муке – 15 и 13 руб., в опытном хозяйстве – 8 руб. (почти в 2 раза ниже)²¹. Нормативная стоимость произведенной продукции за вычетом материальных затрат составляла фонд оплаты работников хозяйства. Заработок каждого был тем выше, чем больше произведено продукции и чем меньше затрачено на него труда и материальных затрат. Это заставляло каждого работника экономить живой труд, совершенствовать технологию производства, самостоятельно находить наилучшие решения. Опыт хозяйства демонстрировал, что жесткая система контроля сковывала инициативу людей, их творческие и рационализаторские способности. В эксперименте был применен новый принцип экономического и финансового контроля по методу «черного ящика», при котором контроль осуществлялся лишь на входе и на выходе саморегулирующейся системы. По инициативе ЦК Компартии Казахстана правление Госбанка СССР решило опытному хозяйству иметь один счет в банке и заменить мелочный контроль по каждой финансовой операции конечной формой контроля – по результатам производственной деятельности. В опытном хозяйстве было допущено определенное свободное маневрирование средствами из собственного фонда оплаты – 5 % средств хозяйство могло тратить на производственные нужды без документального оправдания этих средств.

Уже по результатам первого года функционирования опытному хозяйству можно было судить о значительной разнице в экономических показателях обычных совхозов и данного хозяйства (табл. 1).

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 239. Л. 100.

Таблица 1

Экономические показатели в хозяйствах КССР в 1968 г.

Виды хозяйств	Себестоимость 1 центнера зерна		Годовая прибыль на 1 работника (руб.)		Заработная плата за 1 месяц (руб.)	
	в руб.	%	в руб.	%	в руб.	%
В обычных совхозах	6,38	100	206	100	88	100
Опытное хозяйство	1,66	26	1577	765,5	360	409,1

Источник: Кокашинский В. Эксперимент в Акчи // Литературная газета. 1968. 21 мая.

Цифры в табл. 1 ярко демонстрируют высокие показатели рентабельности хозяйства и эффективной производительности труда. Себестоимость 1 ц зерна составила одну четверть в сравнении с обычными совхозами. Если заработная плата в опытном хозяйстве была в 4 раза выше средней зарплаты рабочих совхозов, то годовая прибыль на 1 работника в рублях была выше в 7,6 раза. Эти данные говорили о безусловном преимуществе производственных характеристик опытного хозяйства. Кроме того, в 1968 г. планировали в опытном хозяйстве израсходовать на заработную плату 196 тыс. руб., фактически истратили 81 тыс. (менее чем в 2,4 раза), 115 тыс. руб. были сэкономлены для государства. За 3 года функционирования опытное хозяйство получило от государства 1648 тыс. руб., было создано 2148 тыс. руб. различных ценностей²².

Прибыльность опытного хозяйства подтвердилась расчетами Худенко (табл. 2).

Таблица 2

Экономические показатели опытного хозяйства Акчи в 1968 г.

На 1 среднестатистического работника в год	Вновь созданный продукт		Годовой зарботок	
	руб.	%	руб.	%
В совхозах республики	840	100	1268	100
В опытном хозяйстве	5330	635	3330	263

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 239. Л. 112.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 239. Л. 112.

По табл. 2 мы видим значительную разницу во вновь созданном продукте в опытном хозяйстве – более чем в 6 раз, при этом годовой заработок у рабочих в опытном хозяйстве – более чем в 2,6 раза.

Эффективность производства в опытном хозяйстве демонстрируют приведенные показатели, рассчитанные исследователями: если их сравнить в процентном соотношении – в опытном хозяйстве выше почти в 3–5 раз (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели опытного хозяйства и совхозов

Виды хозяйств	Производство товарной продукции на 1 чел.		Прибыль на 1 чел.		Средне-месячная оплата		Накладные расходы на 1 рубль продукции		Произведено продукции на 1 чел.	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Совхозы КазССР (Каскеленский, Токаша Бокина)	2814	100	294	100	113	100	0,15	100	0,97	100
Опытное хозяйство	7200	256	1140	388	364	322	0,03	20	4,8	495

Источник: Петренко И.Я., Чужинов П.И. Экономика сельского хозяйства. Алматы: Наука, 1984. 309 с.

Экономия фонда заработной платы была получена за счет ряда факторов: повышения производительности труда и сокращения управленческого аппарата. Хотя в опытном хозяйстве был собран небольшой урожай зерна (12 ц/га), но благодаря низким затратам и высокой производительности труда хлеб оказался дешевым. Вместо многочисленного управленческого и обслуживающего персонала, составляющего в совхозах до 150 чел., в опытном хозяйстве управленческо-координационное звено состояло из двух человек: директора М. Ли и бухгалтера-экономиста И.Н. Худенко. Основное производство держалось на 6 полеводческих хозрасчетных звеньях (по 5 чел.), внутри звена все имели по 2–3 профессии и выполняли различные функции по мере необходимости. Кроме них были другие звенья: материально-технического обеспечения, общественного питания и строительное (самое многочисленное – 17 чел.), поскольку оно занималось и строительством жилья для рабочих.

Управлялось опытное хозяйство Советом хозяйства, куда входили все звеньевые, директор, экономист-бухгалтер. Каждый элемент системы решал вопросы самостоятельно, в зависимости от конкретных условий и ситуации. В опытном хозяйстве работали два польских АВМ (автомат по переработке витаминной муки), каждый дававший по 3 тонны продукции в час – один из самых производительных в те годы. За год в опытном хозяйстве была произведена треть общего объема витаминно-травяной муки, заготовленной в Казахстане.

Заключение комиссии Министерства сельского хозяйства КазССР и судьба эксперимента И.Н. Худенко

После смерти заместителя министра, доктора сельскохозяйственных наук А.Е. Елеманова министр сельского хозяйства КазССР М.Г. Рогинец стал мешать развитию эксперимента. Была создана комиссия по проверке результатов хозяйства. Комиссия составила записку, в которой делался негативный вывод об эксперименте. «Урожайность в хозяйстве была крайне низкой – в 1970 г. урожайность ячменя составила 2,8 центнера с гектара (в других совхозах – 15–20 ц/га) и 3,8 центнера с гектара сена люцерны (в других хозяйствах – 20–30 ц/га). Убытки в опытном хозяйстве в 1969 г. превысили 72 тыс. рублей. Заработные платы директора хозяйства Ли и экономиста Худенко в 1970 г. достигали 1000 рублей в месяц»²³. В ней резюмировалось: «Методика эксперимента предусматривала заведомо завышенное авансирование всех работ хозяйства, независимо от выполняемой работы или отработочного времени в размере 250 рублей, составлявшей 2,5 тарифной ставки тракториста-машиниста 4 разряда. Методикой не были предусмотрены какие-либо усовершенствования организации труда, агротехники, технического оснащения. Метод повышения производительности труда исключительно за счет усиления интенсификации живого труда не может дать эффекта в сельском хозяйстве и вообще неприемлем для социалистического производства»²⁴. Материалы данной комиссии не перепроверялись, и хотя они опровергались учеными (и не только), на основе выводов комиссии эксперимент закрыли.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 239. Л. 118–119.

²⁴ Там же. Л. 112.

В Казахской ССР это был не единственный эксперимент, аналогичные новации осуществлялись, например, еще в ряде совхозов, в частности в совхозе им. Р. Люксембург (Джамбульская область) и «Валихановском» (Кокчетавская область). За счет внедрения новых форм организации труда сокращение рабочих, ИТР и служащих по совхозу Р. Люксембург составило 15 чел., «Валихановский» – 18 чел. Ежегодная экономия фонда зарплаты за счет сокращения и совмещения работников совхозов составила 16 552 и 22 140 руб. соответственно. Валовая продукция сельского хозяйства в совхозе Р. Люксембург в 1971 г. по сравнению с 1967 г. увеличилась на 8,6 %, производительность труда – на 33 %. В совхозе «Валихановский» – увеличение соответственно на 38,7 и 51,9 %²⁵. В сравнении с опытным хозяйством Акчи, где показатели увеличились почти на 300–500 %, результаты данных экспериментов были невелики. Но, несмотря на достаточно скромные показатели эффективности этих опытных хозяйств, министр сельского хозяйства М.Г. Рогинец просил Министерство сельского хозяйства СССР продлить эксперимент на 1972–1974 гг. и получил на это разрешение. Вопрос, который возникает в данном случае, закономерен: почему результативный, блестящий по показателям организации труда и оплаты худенковский эксперимент министр М.Г. Рогинец закрывает и при этом лоббирует продление эксперимента менее эффективного. Субъективизм данного решения понятен. Опытное хозяйство Худенко слишком явно проявляло все проблемы и пороки аграрного сектора, демонстрировало необходимость коренной модернизации всей советской модели экономики. Вызывала раздражение у высокопоставленного чиновника и зарплата рабочих, ИТР опытного хозяйства, превышавшая министерские зарплаты²⁶.

На защиту опытного хозяйства Худенко встали экономисты, «мобилизованные» редакцией «Литературной газеты»: зав. сектором Института экономики АН СССР, д.э.н. В. Белкин, СНС, к.э.н. В. Ивантер, СНС ИМРД АН СССР, к.э.н. В. Переведенцев. Защищая эксперимент, они составили 10 мая 1971 г. памятную записку для первого секретаря ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаева. В ней отмечалось,

²⁵ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1481. Оп. 53. Д. 118. Л. 57–58.

²⁶ Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Продовольственная проблема и уроки Акчи... С. 257.

что «в течение 2,5 лет в Акчи был создан автоматизированный завод по производству травяной муки, укомплектованный импортным оборудованием, возведены хозяйственные постройки, линия электропередач, жилые дома. Завод был введен в эксплуатацию и начал выпускать травяную муку, резко превосходящую принятые стандарты (280 единиц каротина против 180 для высшего сорта)... 4. На основании экономически несостоятельной оценки эксперимента, а также поверхностной и методологически необоснованной ревизии (на что в свое время указывалось также Минфином КазССР, планово-экономическим отделом Главка Минсельхоза КазССР и Прокуратурой Алма-Атинской области) деятельность Опытного хозяйства решением Минсельхоза КазССР от 23 июля 1970 г. была прекращена. 5. Учитывая большое народно-хозяйственное значение эксперимента, полагаем целесообразным его восстановить и продолжить. Научный руководитель эксперимента член-корреспондент АН КазССР А.Е. Елеманов умер, необходимо обеспечить эксперименту надлежащее научное руководство и помощь партийных органов республики»²⁷.

Заключение экономистов из АН СССР подтверждались материалами социологических исследований, проведенных в 1969–1970 гг. лабораторией социологии труда Московского института народного хозяйства им. Г. Плеханова (под руководством Н.И. Алексеева) в опытном хозяйстве и в двух соседних совхозах республики (имени Токаша Бокина и Каскеленском). В последних 71 % опрошенных видели серьезные недостатки в организации труда; в опытном хозяйстве отрицательную оценку в анонимной анкете не дал ни один человек²⁸.

Однако руководство республики проигнорировало мнение защитников эксперимента. Закрытие эксперимента принесло убытки в 0,5 млн руб.: было заброшено импортное оборудование, в запустение пришел новый поселок, построенный для рабочих хозяйства с водопроводом, канализацией и электроотоплением²⁹.

²⁷ Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Продовольственная проблема и уроки Акчи... С. 251–253.

²⁸ Алексеев Н., Кокашинский В. Земледельцы сами по себе // Литературная газета. 1970. 4 марта.

²⁹ Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг.: монография. 3-е изд. Караганда, 2017. С. 285.

Результаты эксперимента И. Худенко привели к неоднократным обращениям ученых А.Г. Аганбегяна, Т.И. Заславской, Н.Я. Петракова, Н.П. Федоренко о поддержке опытного хозяйства руководством КазССР. В своем письме к Д.А. Кунаеву от 7 января 1972 г. А.Г. Аганбегян и Т.И. Заславская писали: «наш институт считал бы полезным перенести эксперимент И.Н. Худенко в один из районов Сибири и охотно взял бы на себя научное руководство и контроль за его экономическими и социальными результатами»³⁰. Три академических института (Центральный экономико-математический институт АН СССР, Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, Сибирский институт экономики сельского хозяйства) предлагали взять научное руководство по восстановлению и ведению эксперимента, но руководство республики отказалось от всех предложений. Главным мотивом отказа была пресловутая записка комиссии с отрицательным отзывом о производственной деятельности экспериментального хозяйства.

Осужденный в 1973 г. к 6 годам лишения свободы Иван Никифорович через год, в 1974 г., скончался в тюремной больнице от воспаления легких. В 1989 г. он и его сторонники были реабилитированы «за отсутствием в их действиях состава преступления»³¹. В 1988 г. И. Худенко был удостоен посмертно премии Фонда имени Н.И. Бухарина³².

И.Н. Худенко значительно опередил свое время, его эксперимент оказался несвоевременным. Демонстрируя несостоятельность и неэффективность советской аграрной системы, не вписываясь в существующую экономическую систему в целом, он оказался не нужен ни советской модели экономики, ни руководству республики.

³⁰ Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Продовольственная проблема и уроки Акчи... С. 263.

³¹ Правда. 1989. 31 июля.

³² Османов Р. Премии Фонда имени Н.И. Бухарина вручены лауреатам (март 1991) [Электронный ресурс] // Официальный сайт В. Писигина. URL: <https://pisigin.ru/publication-0a/192/robert-osmanov-premii-fonda-imeni-n-i-buxarina-vrucheny-laureatam-mart-1991/> (дата обращения: 24.10.2025).

Литература

Белкин В.Д. Казахстанская трагедия // Белкин В.Д. Избранные труды: в 3 т. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. Т. 3: Тернистый путь экономиста. С. 93–104.

Белкин В.Д., Переведенцев В.И. Продовольственная проблема и уроки Акчи // Белкин В.Д. Избранные труды: в 3 т. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. Т. 3: Тернистый путь экономиста. С. 243–267.

Обратного хода нет (Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки) / под общ. ред. Г.Х. Попова; сост. С.Н. Красавченко. М.: Политиздат, 1989. 301 с.

Османов Р. Премии Фонда имени Н.И. Бухарина вручены лауреатам (март 1991) [Электронный ресурс] // Официальный сайт В. Писигина. URL: <https://pisigin.ru/publication-oa/192/robert-osmanov-premii-fonda-imeni-n-i-buxarina-vrucheny-laureatam-mart-1991/> (дата обращения: 24.10.2025).

Петренко И.Я., Чужинцов П.И. Экономика сельского хозяйства. Алматы: Наука, 1984. 309 с.

Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг.: монография. 3-е изд. Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. 365 с.

References

Belkin, V.D. (2015). Kazahstanskaya tragediya [The Kazakh tragedy]. In *Izbrannye trudy: v 3 t.* Moscow. Vol. 3, pp. 93–104.

Belkin, V.D., Perevedentsev, V.I. (2015). Prodovol'stvennaya problema i uroki Akchi [The food problem and the lessons of the Acci]. In *Izbrannye trudy: v 3 t.* Moscow. Vol. 3, pp. 243–267.

Popov, G.Kh. (Ed.), Krasavchenko, S.N. (Comp.). (1989). *Obratnogo hoda net: (Perestroyka v narodnom hozyaystve: obshchie problemy, praktika, istoki)* [There is no turning back: (Perestroika in the national economy: general problems, practice, origins)]. Moscow, Politizdat. 301 p.

Osmanov, R. Premii Fonda imeni N.I. Buharina vrucheny laureatam (mart 1991) [N.I. Bukharin Foundation Awards presented to the laureates (March 1991)]. In *Ofitsial'nyy sayt V. Pisigina*. Available at: URL: <https://pisigin.ru/publication-oa/192/robert-osmanov-premii-fonda-imeni-n-i-buxarina-vrucheny-laureatam-mart-1991/> (date of access: 24.10.2025).

Petrenko, I.Ya., Chuzhinov, P.I. (1984). *Ekonomika sel'skogo hozyaystva*. [Agricultural economics]. Almaty, Nauka. 309 p.

Saktaganova, Z.G. (2017). *Ekonomicheskaya modernizatsiya Kazakhstana. 1946–1970 gg.* [Economic modernization of Kazakhstan. 1946–1970]. 3-e izd. Karaganda, Izdatelstvo KarGU. 365 p.

А.И. Савин¹

КАЗАХСКАЯ ССР В ДНЕВНИКОВЫХ И РАБОЧИХ ЗАПИСЯХ Л.И. БРЕЖНЕВА (1964–1982)*

Аннотация. На основании комплекса рабочих и дневниковых записей Л.И. Брежнева (1964–1982 гг.) исследуется модель взаимоотношений между союзным центром и региональной элитой на примере взаимодействия Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаева. Автор подтверждает сложившийся в историографии вывод, согласно которому в брежневский период сформировалась новая, отличная от сталинской и хрущевской система отношений Центра и регионов, основанная на доверии, уважительном партнерстве и попечительстве. Эта система была эффективной, поскольку предполагала обоюдную выгоду: Брежнев таким образом решал важнейший вопрос агентства за счет обширного делегирования полномочий, а руководители союзных республик в обмен на свою лояльность получали значительную степень автономии во внутренних делах. Ключевым элементом этой системы были интенсивные личные контакты Брежнева и региональных лидеров. В случае с Казахской ССР взаимодействие Брежнева и Кунаева детерминировалось важной ролью Казахстана в общесоюзном разделении труда, прежде всего в решении продовольственной проблемы. Статья также показывает, как неформальные ритуалы власти (награждения, обмен дарами, личные поздравления) служили инструментом поддержания патрон-клиентских связей и символического воспроизводства иерархии.

Ключевые слова: Л.И. Брежнев, Д.А. Кунаев, Казахская ССР, Центр, регионы, контакты, продовольственная проблема, ритуалы власти.

¹ **Андрей Иванович Савин**, канд. ист. наук, с.н.с., Институт Истории СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

*A.I. Savin*²

THE KAZAKH SSR IN THE DIARIES AND WORK NOTES OF LEONID BREZHNEV (1964–1982)

Abstract. Based on the working notes and diary entries of Leonid Brezhnev (1964–1982), this article examines the relationship between the union center and the regional elite using the example of the interaction between the General Secretary of the CPSU Central Committee Leonid Brezhnev and the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan Dinmukhamed Kunaev. The author confirms the conclusion of historiography that during the Brezhnev period, a new system of relations between the center and the regions was formed, based on trust, respectful partnership, and guardianship. It differed from the Stalinist and Khrushchevist systems. This system was effective because it assumed mutual benefit: Brezhnev thus resolved the crucial issue of agency through extensive delegation of authority, and the leaders of the union republics, in exchange for their loyalty, received a significant degree of autonomy in internal affairs. A key element of this system was the intensive personal contacts between Brezhnev and regional leaders. In the case of the Kazakh SSR, the interaction between Brezhnev and Kunaev was determined by Kazakhstan's important role in the all-Union division of labor, primarily in resolving the food problem. The article also shows how informal rituals of power (awards, gift exchanges, personal congratulations) served as a tool for maintaining patron-client ties and symbolically reproducing hierarchy.

Keywords: Leonid Brezhnev, Dinmukhamed Kunaev, Kazakh SSR, Center, regions, contacts, food supply problem, rituals of power.

Взаимодействие союзного центра и регионов в советский период традиционно является одной из актуальных проблем российской и зарубежной историографии. Среди приоритетных тем изучения – функционирование политического режима в СССР на региональном уровне, формальные и неформальные правила отношений Центра с местным руководством, системы контроля и границы свободы региональных элит, выстраивание политических сетей лояльности и патрон-клиентские отношения. В случае с союзными республиками к вышеперечисленным проблемам добавляются вопросы национальной специфики в виде национального строительства и «коре-

² **Andrey Ivanovich Savin**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia, e-mail: a_savin_2004@mail.ru

низации» кадров, культурной автономии, согласования общесоюзных интересов с республиканскими, в том числе с интересами пражавших национальных элит³.

Задача настоящей публикации – охарактеризовать особенности взаимодействия союзного центра в лице Л.И. Брежнева и руководства Казахской ССР в лице Д.А. Кунаева в контексте общесоюзного разделения труда, в первую очередь – роли Казахстана в решении продовольственной проблемы. Источником выступает комплекс рабочих и дневниковых записей Л.И. Брежнева за 1964–1982 гг., процесс введения которых в широкий научный оборот находится в начальной стадии⁴. Кроме дневниковых и рабочих записей, в качестве источника привлекались аналитические и докладные записки Брежнева в ЦК КПСС и Политбюро, а также стенограммы выступлений Брежнева, хранящиеся в его личном фонде в Государственном архиве новейшей истории⁵.

Рабочие записи Брежнева содержат сотни фамилий функционеров, в первую очередь – секретарей крайкомов и обкомов КПСС, а также республиканских ЦК. Персональные отношения, прочно связывавшие Брежнева и представителей региональных партийно-советских элит, являлись важнейшим элементом стабильности и базисом брежневской системы власти. Брежнев, в отличие от Сталина и Хрущева, выстроил новую модель взаимоотношений с региональными лидерами. Если в основе сталинской модели лежали жесткие кадровые чистки, хрущевской – ослабление контроля, «мягкие» ротации и расширение полномочий региональных руководителей, то брежневская модель взаимоотношений базировалась на «доверии к кадрам», авторитете старшинства и заслуг, уважительном партнерстве и попечительстве.

³ См., например: *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. 238 с.; *Этнические элиты в национальной политике России.* М.; СПб., 2017; *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М., 2024. 588 с.

⁴ *Брежнев Л.И.* Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. М., 2016. Т. 1: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982. 1304 с.; Т. 2: Леонид Брежнев. Записи секретарей приемной Л.И. Брежнева. 1965–1982 гг. 1191 с.; Т. 3: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1944–1964 гг. 823 с.

При цитировании рабочих и дневниковых записей Брежнева сохраняется пунктуация и орфография текста. Следует пояснить, что Брежнев предпочитал записывать текст столбцами, где перенос на следующую строку, как правило, заменял собой точку или запятую.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 80. Оп. 1.

Стабильное функционирование политических сетей было призвано поддерживать регулярные личные контакты. Брежнев, как правило, использовал все возможности, чтобы персонально встретиться с первыми секретарями, оказать им требуемую поддержку. Кроме регулярных поездок Брежнева по стране⁶, которые генсек предпринимал до самой смерти, такие встречи проходили на «обочине» разного рода партийно-государственных мероприятий в Москве, в первую очередь пленумов ЦК⁷. Кроме личных встреч, Брежнев активно использовал канал телефонного общения. В течение всего времени нахождения в Кремле он огромное количество времени проводил за телефонными переговорами с представителями партийно-советских элит, о чем свидетельствуют записи секретарей его приемной. Регулярные контакты по телефону с региональными секретарями становились особенно интенсивными в ходе посевной и уборочной кампаний в рамках контроля, который Брежнев осуществлял за зерновым хозяйством в «ручном режиме».

В целом исследователи констатируют расширение политических и хозяйственных полномочий региональных лидеров. О.В. Хлевнюк и Й. Горлицкий даже предлагают условно называть брежневских региональных руководителей «партийными губернаторами». Так, о привилегированном положении руководящих элит среднеазиатских республик в системе брежневской власти свидетельствует не в последнюю очередь продолжительность пребывания первых секретарей во главе

⁶ Перечень визитов Брежнева в Казахстан: 25–27 июня 1966 г.; 26–30 августа 1970 г. (посетил Алма-Ату в связи с празднованием 50-летия Казахской ССР); 25–26 августа 1972 г. (командировка в Кокчетав, где принял участие в совещании первых секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов, нач. областных управлений сельского хозяйства, а также руководителей ряда министерств и ведомств республики); 2–4 сентября 1972 г. (Алма-Ата, выступил с речью на партийно-хозяйственном активе Казахстана, встретился с секретарями областных комитетов компартии); 14–16 августа 1973 г. (выступил на совещании партийно-хозяйственного актива в Алма-Ате); 14–16 марта 1974 г. (посетил Казахстан в рамках празднования 20-летия освоения целины); 2–4 сентября 1976 г. (встреча Брежнева с партийно-хозяйственным активом Казахстана в Алма-Ате); 27–31 августа 1980 г. (Брежнев посетил Алма-Ату, участвовал в праздновании 60-летия Казахской ССР, провел совещание в ЦК КП Казахстана, выступил с речью, вручил орден Ленина Казахской ССР, поприносствовал на военном параде и демонстрации трудящихся). См.: Леонид Брежнев. Записи секретарей приемной Л.И. Брежнева... Т. 2.

⁷ Например, 1 августа 1966 г. после Пленума ЦК КПСС Брежнев провел двухчасовое совещание с секретарями обкомов КП Казахстана, в котором приняли участие Кунаев и все секретари обкомов (около 20 чел.); 14 марта 1973 г. Брежнев принял в Кремле 11 руководящих партийных и советских работников вновь образованных областей Казахстана. См.: Леонид Брежнев. Записи секретарей приемной Л.И. Брежнева... Т. 2. С. 140, 582.

республиканских ЦК: Ш.Р. Рашидов, Узбекская ССР – с 1959 по 1983 г.; Д.А. Кунаев, Казахская ССР – с 1964 по 1986 г.; Т.У. Усубалиев, Киргизская ССР – с 1961 по 1985 г.; Д.Р. Расулов, Таджикская ССР – с 1961 по 1982 г.; М.Г. Гапуров, Туркменская ССР – с 1969 по 1985 г.

В этой иерархии партийных лидеров среднеазиатских республик Д.А. Кунаев занимал особое место, являясь единственным полноправным членом Политбюро ЦК КПСС, состав которого Брежнев расширил после XXIV съезда с 11 до 15 членов за счет своих наиболее лояльных сторонников: первого секретаря МГК В.В. Гришина, секретаря ЦК Ф.Д. Кулакова, первого секретаря компартии Казахстана Д.А. Кунаева и председателя Совмина Украины В.В. Щербицкого. Наглядным показателем интенсивности личных контактов Брежнева и Кунаева является частотность упоминания имени Кунаева в брежневских дневниках: 106 раз. Для сравнения: Рашидов упоминался в них 49 раз, Гапуров – 30 раз, Усубалиев – 20 раз, Расулов – 14 раз.

Первая же запись Брежнева, сделанная на заседании Президиума ЦК КПСС 13–14 октября 1964 г., свидетельствует, что смена руководства Казахской ССР 7 декабря 1964 г. прошла по инициативе Брежнева: «О кадрах Кунаев [стрелка Исмаил] Юсупов»⁸. Спустя месяц Брежнев вновь вернулся к этому вопросу: «Секр[етария]ту – продумать Подумать взять от Юсупова Кунаева»⁹.

Наиболее часто имя Кунаева фигурирует в брежневских дневниках в связи с хозяйственными вопросами, касавшимися сельского хозяйства. В преддверии подготовки мартовского пленума 1965 г. Брежнев записал в феврале 1965 г. в дневнике о неудовлетворительном выполнении решения о строительстве в Казахстане заводов по переработке фосфоритов в сложные и концентрированные удобрения, принятого еще при Хрущеве¹⁰. Еще одной темой в первое время нахождения Брежнева у власти стала роль Казахстана в производстве риса. Весной 1967 г. Брежнев отметил: «Кунаев Низовье реки Или рисовые дела – как вы участвуете в этом деле»¹¹. За этой записью скрывается целый проект по обеспечению СССР рисом. В июне 1967 г. Брежнев призывал: «Мы должны прийти к [XXIV] съезду, как

⁸ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 39.

⁹ РГАН. Ф. 80. Оп. 1. Д. 978. Л. 62.

¹⁰ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 78, 119.

¹¹ Там же. С. 207.

мы обещали, что страна будет не только покупать рис, а продавать. Это великое дело. Если мы свой народ будем кормить рисом вволю, сколько он хочет, будет хорошо»¹².

Для создания крупных рисовых хозяйств, наряду с Северным Кавказом, Нижней Волгой, Дальним Востоком, югом Украины и Узбекистаном, был выбран Казахстан. Задача организации рисовых посевов в республике по прямому указанию Брежнева была возложена на 24 армейских инженерных батальона, снабженных техникой в приоритетном порядке. В 1972 г. Брежнев констатировал: «Сейчас производством риса мы полностью обеспечиваем потребность страны, имеем маленький резерв. Иногда его навязываем то полякам, то египтянам»¹³.

Однако главной заботой Брежнева применительно к Казахской ССР являлась зерновая проблема. После неурожая 1965 г., когда стало ясно, что виды на урожай 1966 г. хорошие, Брежнев 1 августа 1966 г. записал в дневнике с осторожным оптимизмом: «В целом обстановка с урожаем на сегодня – лучше чем в прошлом году – но многое определит Июль м[еся]ц – так как он является решающим для Казахстана и Сибири. Хороший подсолнух и сахарная свекла»¹⁴.

Локальная засуха привела к необходимости пересева в Казахстане весной 1969 г. огромных площадей озимых. 26 февраля 1969 г. Брежнев зафиксировал в дневнике: «Поручить рассмотреть вопрос о помощи техникой Казахстану — в связи с [пересевом] 2 млн [га]»¹⁵. В тяжелейшей ситуации неурожая 1972 г. Брежнев обратился 27 июля с запиской в Политбюро ЦК КПСС, посвященной проведению уборочной кампании в Казахстане, где, как и в Сибири, была надежда получить хороший урожай. Отлично зная традиционно слабые места народного хозяйства, Брежнев писал о том, что хроническая нехватка комбайнов приведет к тому, что уборка зерновых растянется в Казахстане на «очень длительный срок, что, конечно, будет связано с большими потерями урожая»¹⁶. Планировалось, что в уборке урожая в Казахстане примут участие 102 тыс. комбайнов, в то время как комбайнеров имелось всего 75 тыс., что также требовало при-

¹² РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 247. Л. 1–11.

¹³ Там же. Д. 261. Л. 2–39.

¹⁴ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 148.

¹⁵ Там же. С. 362, 440.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 314. Л. 97–98.

нения незамедлительных мер. 29 июля 1972 г. министр обороны А.А. Гречко после разговора с Брежневым дополнительно выделил к 15 тыс. автомобилей еще 25 тыс. машин, которые предполагалось использовать исключительно в Казахстане, Сибири и на Дальнем Востоке¹⁷.

Тема специального выделения для Казахской ССР дополнительной техники стала вновь актуальной в 1976 г. в преддверии уборки рекордного урожая. 20 августа 1976 г. Брежнев отметил в дневнике: «Говорил с тов. Кунаевым — очень просит просто кричит о помощи Машинами»¹⁸. В этот же день Брежнев обратился с запиской к М.А. Суслову и Ф.Д. Кулакову, в которой мотивировал просьбу о выделении техники данными Кунаева об урожае в размере миллиард пудов: «Где еще мы в нынешних условиях можем получить столько хлеба?»¹⁹.

Регулярные контакты Брежнева с Кунаевым по телефону становились особенно интенсивными в ходе посевной и уборочной кампаний, когда генсек в рамках контроля зернового хозяйства в «ручном режиме» методично, раз за разом, из года в год, обзванивал первых секретарей ЦК союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС. Конспективная запись одного из таких разговоров от 4 июля 1977 г. выглядит следующим образом: «Кунаев Д.А. угнетает юг. Кустанай – Сев. Каз[ахстан] Кокчетав – Целиноград – Петропавловск – Тургай – более-менее. Хлеб последняя стадия кущения – кое-где вышел в трубку. Хлебок будет – картофель будет. Яблоки будут – хорошие – будет чеснок-лук. Овец – получили меньше приплод, чем в прошлом году. Свиной восстановили. Плохо работают заводы минеральных удобрений»²⁰. 17 июля 1979 г., находясь на отдыхе в Ялте, Брежнев несколько часов уделил тому, чтобы лично обзвонить ряд секретарей и выяснить виды на урожай. Первым звонка удостоился Д.А. Кунаев: «Обстановка обещает большой хлеб»²¹. 19 сентября Брежнев с удовлетворением записал: «Среда Говорил с Кунаевым идет на 1 млрд 200 млн [пудов]»²². Запись от 23 октября гласила: «Говорил с Горбачевым – о хлебе особо – Казахстане. Казахстан – Вал

¹⁷ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 314. Л. 100–101.

¹⁸ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 668.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 317. Л. 57.

²⁰ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 798–799.

²¹ Там же. С. 956.

²² Там же. С. 970.

рекордный 33 миллиона тонн продаж 1 миллиард 225 миллионов пудов. Я говорил по этому вопросу с т. Сусловым — он после этого дал указание т. Горбачеву готовить [наградной] материал»²³. 25 октября, после завершения советско-йеменских переговоров, Брежнев отметил: «После этого в комнате переговорили о том, как награждать Казахстан за хлеб»²⁴. В следующем году вновь появилась запись о рекордном достижении Кунаева: «17ое августа Воскресенье 1980 г. Кунаев Д.А. – проверял миллиард»²⁵.

Практически вплоть до своей смерти Брежнев отслеживал ситуацию в Казахстане. Два последних упоминания имени Кунаева в рабочих записях датируются 29 и 30 июня 1982 г.: «Кунаев – обстановка нормальная [...] Кустанай – хорошо. Кочекстав – вполне удовлетворительная»; «Кунаев – пока все хорошо»²⁶.

Второй по рангу проблемой, связанной с Казахской ССР, для Брежнева была животноводческая отрасль Казахстана. В рабочих и дневниковых записях Брежнева она упоминается редко, но ряд моментов из стенограмм его выступлений перед партийно-государственными элитами СССР свидетельствует, что Брежнев был сфокусирован в конце 1960-х гг. на идее превращения Казахстана в «советскую Австралию». Так, 24 ноября 1967 г. в беседе с министрами сельского хозяйства союзных республик Брежнев заявил: «Есть зоны, где можно сильно поднять овцеводство. Например, Казахстан сейчас имеет 30 млн овец, но здесь еще далеко не использованы все возможности. В Австралии, например, 150 млн голов. Казахстан может значительно увеличить производство баранины и шерсти»²⁷. Ставка на Казахстан была в глазах Брежнева оправданной, так как в 1968 г. в 7 из 15 союзных республик – Узбекской, Грузинской, Азербайджанской, Молдавской, Таджикской, Туркменской, Армянской – животноводство было убыточным. При этом в 1967–1968 гг. в связи с нехваткой кормов поголовье крупного рогатого скота в стране по

²³ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 973.

²⁴ Там же. С. 974. 1 ноября 1979 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС Брежнев предложил наградить Казахскую ССР вторым орденом Ленина, представить к награждению около 20 тыс. трудящихся республики, а также наградить Кунаева орденом Ленина. Все предложения были приняты. См.: Там же. С. 990.

²⁵ Там же. С. 1019.

²⁶ Там же. С. 1155. Последний телефонный разговор Брежнева с Кунаевым состоялся 14 октября 1982 г.

²⁷ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 247. Л. 12–19.

всем категориям хозяйств не только не увеличилось, а даже уменьшилось на 1,5 млн голов²⁸.

В этой ситуации овцеводство, в первую очередь в Казахстане, Брежнев расценивал как потенциальную палочку-выручалочку. В своем выступлении 28 ноября 1969 г. перед первыми секретарями обкомов, крайкомов, ЦК союзных республик, а также секретарями по сельскому хозяйству, которое представлял собой предварительное подведение итогов 8-й пятилетки, Брежнев вновь продемонстрировал, насколько большие ожидания он возлагал на овцеводство: «Еще один наболевший вопрос, о котором хотелось бы сказать. Надо, очевидно, специально его выделить – это насчет овец. Наверное, мы бы не говорили об этом, если бы овцы не имели такого большого значения для государства и для населения. Вся наша Россия-матушка и Сибирь и зимнюю одежду, и валенки, и на престольный праздник выпить, и закусить, и гостей принять обеспечивала себя от овцы. На скольких уже пленумах мы говорили об этом, а дело не движется. За последние три года поголовье овец в стране увеличилось на 10,8 миллиона. Как будто бы есть рост. Но когда посмотришь по областям и исходишь из возможностей, то, конечно, эта цифра становится такой бледной, что просто обидно [...] даже вызывают удивление такие области, как Чимкентская, Джамбульская, Талды-Курганская, Алмаатинская, Бухарская, Сырдарьинская, Астраханская, Калмыцкая АССР. Там испокон веков разводили курдючных и некурдючных овец, а в настоящее время в этих областях обстоит дело плохо. Дело идет на сокращение»²⁹.

Именно с животноводством связана одна из записей Брежнева, которая демонстрирует конфликт общесоюзных и республиканских интересов применительно к Казахстану. 12 января 1977 г. Брежнев зафиксировал конспект своего разговора с Кунаевым, посвященного проблемам дефицита мяса и диспропорциям его внутрисоюзного перераспределения. Кунаев был недоволен тем, что республика выступала донором мяса, при этом сама испытывая продовольственные проблемы: «Поздравил т. Кунаева с днем рождения 65 лет. Он жалуется, что трудно с мясом, при этом подчеркивает, что Москве

²⁸ См.: *Савин А.И.* «...Партия и правительство делают немало, чтобы... люди... лучше жили...»: стенограмма выступления Л. И. Брежнева 28 ноября 1969 г. перед партийными и советскими руководителями // *Сибирь гуманитарная*. 2025. № 4. С. 45.

²⁹ Там же. С. 46–47.

Ленинграду – союзный фонд³⁰ – это они понимают – но почему? Казахстан дает мясо Ташкенту, Киргизии, туркменам таджикам — и это немалое количество»³¹. Разговор с Кунаевым подвигнул Брежнева обратиться к заведующему Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС: «Говорил с Карловым Владимиром Алексеевичем о мясных делах после разговора с Кунаевым»³².

Второй комплекс записей Брежнева о Кунаеве связан с ритуалами власти. Выстроенная Брежневым система отношений предполагала демонстрацию персонального уважения патрона к подчиненным, в том числе в форме морального поощрения, которое являлось личной прерогативой Брежнева. Так, в преддверии ноябрьских торжеств 1973 г. Брежнев предложил наградить около 35 руководителей СССР, в их число он также включил Д.А. Кунаева. Секретарям обкомов КПСС Целиноградской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей Брежнев рекомендовал «как минимум (sic!) присвоить также звание Героя Социалистического Труда»³³.

Особенно частыми записи Брежнева о награждениях партийно-государственных элит становятся начиная со второй половины 1970-х гг. 27 октября 1976 г. Брежнев отметил в дневнике: «Вручение 2-й Звезды Героя Соц. Труда Д.А. Кунаеву. После вручения обед в его честь»³⁴. Награждение последовало вслед за выполнением «высоких социалистических обязательств по продаже государству зерна и других сельскохозяйственных продуктов в 1976 г.». 12 января 1982 г. Кунаеву исполнилось 70 лет, первая запись Брежнева за 1982 г. была сделана в этот же день: «Кунаев Д.А. – поздравил»³⁵. А уже 25 февраля 1982 г. Брежнев зафиксировал: «Провел награждение тов. Кунаева Д.А. 3-й звездой»³⁶. Брежнев обязательно поздравлял награжденных лично или звонил им, создав тем самым значимый ритуал, укреплявший его персональные связи с партийно-государственными элитами.

³⁰ Так в тексте. Речь шла о том, что Москва и Ленинград снабжались мясом по особым нормам.

³¹ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 753.

³² Там же.

³³ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 317. Л. 38–40.

³⁴ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 710.

³⁵ Там же. С. 1134.

³⁶ Там же. С. 1140.

Еще одним символическим выражением представлений Брежнева о природе власти стала практика так называемых «даров природы» – продуктовых наборов, которые ему регулярно дарили региональные лидеры, в том числе Кунаев. Например, 17 июля 1979 г. Брежнев лично позвонил Кунаеву, чтобы поблагодарить того «за дары природы». 17 июня 1982 г. генсек вновь отметил в дневнике: «Кунаев Д.А. поблагодарил за дары хорошо»³⁷. В ответ Брежнев обязательно отдаривался, например таким подарком, как фотоальбом в честь своего 75-летия, которым он в январе 1982 г. одарил свое ближайшее окружение, в том числе Кунаева³⁸. Ритуалы даров наглядно характеризуют патриархальность отношений как важную составную часть стиля общения между Брежневым и региональными лидерами.

Таким образом, рабочие и дневниковые записи Брежнева, посвященные Казахской ССР и лично Д.А. Кунаеву, подтверждают сделанный в историографии вывод о складывании в брежневский период новой модели взаимоотношений Центра с региональными лидерами, которая базировалась прежде всего на взаимном доверии и уважительном партнерстве. Эта модель была эффективной, поскольку предполагала обоюдную выгоду. Брежнев таким образом решал важнейший вопрос агентства за счет обширного делегирования полномочий. Руководители союзных республик в обмен на свою лояльность получали значительную степень автономии во внутренних делах. В результате Брежнев мог быть уверен, что такие авторитетные национальные лидеры, как Кунаев, будут выступать поборниками общесоюзных интересов, минимизируя риски национализма. Об этом наглядно свидетельствуют активные усилия Кунаева по решению продовольственной проблемы в рамках межреспубликанского разделения труда. Неформальными инструментами, обеспечивавшими лояльность республиканских лидеров, были ритуалы морального поощрения и обмена дарами, которые регулярно актуализировали патриархальный порядок отношений старшинства.

³⁷ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи... Т. 1. С. 956, 1153.

³⁸ Леонид Брежнев. Записи секретарей приемной Л.И. Брежнева... Т. 2. С. 1077. Запись секретаря приемной от 13 января 1982 г. об отправке альбома Кунаеву в Алма-Ату. Из первых секретарей союзных республик альбомы, кроме Алиева, были также отправлены В.В. Щербицкому, Ш.Р. Рашидову, Г.А. Алиеву и Э.А. Шеварднадзе.

Литература

Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. / отв. ред. С. В. Кудряшов, сост. А. С. Степанов, А. В. Коротков. М.: Историческая литература, 2016. Т. 1: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982. 1304 с.; Т. 2: Леонид Брежнев. Записи секретарей приемной Л. И. Брежнева. 1965–1982 гг. 1191 с.; Т. 3: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1944–1964 гг. 823 с.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермский государственный технический университет, 2003. 237 с.

Савин А.И. «...Партия и правительство делают немало, чтобы... люди... лучше жили...»: стенограмма выступления Л.И. Брежнева 28 ноября 1969 г. перед партийными и советскими руководителями // Сибирь гуманитарная. 2025. № 4. С. 27–52.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: РОССПЭН, 2024. 487 с.

Этнические элиты в национальной политике России / отв. ред. В.А. Михайлов, В.А. Тишков. М.; СПб.: Центр стратегических разработок, Нестор-История, 2017. 504 с.

References

Brezhnev, L.I. (2016). *Rabochie i dnevnikovye zapisi: v 3 t.* [Working and diary entries: in 3 vol.]. Otv. red. S.V. Kudryashov, sost. A.S. Stepanov, A.V. Korotkov. Moscow, Istoricheskaya literatura. Vol. 1: Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi. 1964–1982. 1304 p.; Vol. 2: Leonid Brezhnev. Zapisi sekretarey priemnoy L. I. Brezhneva. 1965–1982 gg. 1191 p.; Vol. 3: Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi. 1944–1964 gg. 823 p.

Mokhov V.P. (2003). *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.)* [Working and diary entries. In 3 volumes, the Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm', Permskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. 237 p.

Savin, A.I. (2025). “...Partiya i pravitel'stvo delayut nemalo, chtoby... lyudi... luchshe zhili...”: stenogramma vystupleniya L.I. Brezhneva 28 noyabrya 1969 g. pered partiynymi i sovetскими rukovoditelyami [“...The Party and the government are doing a lot to ensure that... people... live better...”: transcript of Leonid Brezhnev's speech to party and Soviet leaders on November 28, 1969]. In *Sibir' gumanitarnaya*. No. 4, pp. 27–52.

Khlevnyuk, O.V. (2024). *Sekretari. Regional'nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva* [Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev]. Moscow, ROSSPEN. 487 p.

(2017). *Etnicheskie elity v natsional'noy politike Rossii* [Ethnic elites in Russian National politics]. Otv. red. V.A. Mikhaylov, V.A. Tishkov. Moscow, St. Petersburg, Tsentr strategicheskikh razrabotok, Nestor-Istoriya. 504 p.

Заседание 3. ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ДРАЙВЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Савин А.И. Коллеги, открываем дискуссию по итогам третьего заседания. Сначала вопросы и выступления по отдельным докладам. Первой выступала **Гульбану Болатовна Избасарова** с докладом *«Модернизация казахской Степи: роль Оренбургско-Ташкентской железной дороги»*.

В.М. Рынков. Гульбану Болатовна выбрала благодатную тему для анализа. Прокладка железных дорог пионерного типа, дорог, призванных резко активизировать освоение территорий за счет включения их в новые экономические отношения, – это всегда модернизационный проект. Мне кажется, в докладе был наглядно показан спектр интересов и разные векторы военно-стратегических и экономических интересов, интересов имперского Центра, оренбургской администрации, переселенцев и коренных жителей тех мест, по которым дорога должна пролегать. Я обратил внимание, что и цитируемые источники, и историки воспринимают ускорение оседания казахов и их начавшийся под влиянием железной дороги переход на земледелие, причем товарное – как движение по пути прогресса. И это в целом соответствует восприятию не только имперских экспертов, но и нарождавшейся на рубеже XIX–XX вв. казахской интеллигенции, казахских просветителей.

С.В. Любичанковский. Мне кажется важным подчеркнуть, что в этом докладе казахское общество и региональные элиты предстают не в роли пассивного объекта имперской политики, а как активные участники выработки маршрута дороги, адаптации к новым экономическим условиям и переосмысления собственного хозяйственного и культурного уклада. Одним из сильных аспектов доклада является демонстрация того, что крупная инфраструктура возникает на пересечении множества интересов – военных, экономических, локально-региональных, а также интересов казахского чиновничества, оренбургского купечества и администраций соседних губерний. Позиция Сеитхана Джантюрина, апеллирующего к потребностям кочевого населения и к специфике местного пространства, убедительно показывает, что в рамках имперских институтов артикулировались и успешно отстаивались интересы степного общества, а

не только московско-петербургских кругов. Такое прочтение прямо противостоит схеме «колониального безгласия» и подчеркивает субъектность казахской стороны.

Антиколониальная перспектива этого доклада особенно выигрышно проявляется в описании последствий строительства дороги для кочевого хозяйства и социальной структуры Степи. Переход части населения к полукочевому образу жизни, развитие сенокосения, закупка и освоение сельскохозяйственных машин, появление стационарных зимовок и практика общественных санных запасов подаются Гульбану Болатовной не как навязанная «оседлость», а как адаптивный выбор общин в условиях новых возможностей сбыта и доступа к товарам. В этом ключе дорога выступает медиатором изменений, которые исходят из внутренней логики развития казахского общества, а не только из имперских директив.

Важной новизной доклада представляется внимательное отношение к экономической действительности казахской Степи: показано, как железная дорога разрушает невыгодные для кочевника формы меновой торговли, снижает зависимость от посредников-барышников и создает условия для прямого выхода производителей скота и хлеба к рынкам. Подчеркивается, что расширение транспортных возможностей объективно укрепляло материальные позиции казахских хозяйств, позволило им маневрировать между разными формами занятости (извоз, торговля, земледелие), выступая не инструментом отчуждения, а ресурсом для внутренней модернизации.

Особо интересен блок, связанный с появлением новых профессий и образовательной инфраструктуры – железнодорожные училища на станциях, формирование слоя железнодорожников, изменение статуса этих групп. Здесь дорога показана как канал социальной мобильности и распространения новых форм политической и бытовой культуры, в том числе ранней социалистической активности, и важно, что автор выводит эти процессы из региональной почвы, а не сводит их к «привнесенному» извне влиянию. В этом плане Степь предстает пространством, где имперские институты переосмыслиются и переиспользуются местным населением в собственных интересах.

Особого внимания заслуживает раздел о культурно-языковых эффектах строительства дороги, где прослеживается рост доли рус-

ской лексики в казахской поэзии и публицистике, влияние Абая и его учеников, изменения в словаре газетных текстов. Эти процессы интерпретируются не как насильственная языковая ассимиляция, а как результат активного выбора интеллектуальных и публицистических кругов, использующих русский язык и лексику для расширения выразительных средств и включения казахского общества в более широкий информационный и культурный оборот. Такое прочтение поддерживает близкий мне как ученому антиколониальный подход, в котором культурные заимствования понимаются как форма обмена и самоусиления, а не как признак подчинения.

При этом в рамках академической дискуссии к докладу можно адресовать ряд вопросов, направленных на дальнейшее усиление именно антиколониального ракурса. Можно предложить автору в будущем более явно обозначить, как участие казахского чиновничества, купечества и рядовых хозяйств в освоении железной дороги и связанных с ней возможностей превращает Степь из объекта в самостоятельный полюс имперского пространства, выстраивающий свои траектории развития. Другой вопрос касается экологического измерения: в докладе показана проблема исчезновения саксаула вдоль линии и реакция местной прессы на это как на экологический кризис. В антиколониальных рамках интересно было бы сильнее подчеркнуть, что именно местные сообщества и региональная публичность артикулируют и осмысляют экологические риски, тем самым демонстрируя ответственность за собственное пространство и способность критически оценивать последствия крупных инфраструктурных проектов, инициированных центральной властью.

А.И. Савин. Спасибо Сергей Валентинович. Переходим к обсуждению доклада *Гульнар Тулегеновны Каженовой «Первые механизмы советизации в казахской степи: принуждение и формы ответа кочевого общества (1920–1921 гг.)»*.

В.М. Рынков. Я полагаю, что многое в представленных выводах базируется, во-первых, на умозрительных, недоказанных, не подкрепленных конкретным фактическим материалом посылах, во-вторых – на подмене понятий. Начну со второго: прозвучало, что «пропаганда выступала лишь одним из инструментов системы принуждения». Но ведь пропаганда вообще не является инструментом принуждения, это инструмент убеждения. «Подвисает» весь пафос утверждения, что большевики всех принудили принять советскую

власть и даже не пытались никого ни в чем убедить. Напрашивается вопрос – а какими были остальные инструменты системы? Все ли они действительно могут быть отнесены к принуждению? Об инструментах принуждения говорится во множественном числе, но единственный пример не работает.

Теперь об обоснованности ряда утверждений. Вы заявляете, что советской властью был установлен механизм строго вертикального контроля. Это доказывается работой в уезде инструкторов. Но инструкторы разъясняют, консультируют. Отвечают на вопросы и в конце концов действительно помогают организовать на местах собрания граждан. На чем основывается ваш вывод о том, что вся легитимация была формальной, непонятно. Для понимания приведу похожий пример. Российская кооперация в дореволюционной деревне организовывалась через сеть инструкторов, разъезжавших по деревням, объяснявших выгоды кооперирования, и технологии создания первичных кооперативов. Часто инструктор находил в деревне двух-трех наиболее грамотных и с опорой на них проводил собрания. Их и оставлял во главе первичного кооператива, обещая приезжать, подсказывать, консультировать. Не все сразу получалось, но за десятилетия выросла сеть крепких сельских кооперативов. И никто никогда не заявлял, что кооперативы насильственно насадили сверху под жестким вертикальным контролем. Утверждение, что советские инструкторы в Казахстане олицетворяли вертикальный контроль и формальную легитимацию, не выдерживает критики. Для этого были другие структуры, другие кадры.

Теперь в целом об оценке Кирревкома как органа, целиком импортированного извне для подавления населения и форсированной модернизации, подтверждением чего, как аргументирует докладчик, является временный и переходный характер этого органа власти. Непонятно, на чем основаны такие далеко идущие выводы – новых документов в подтверждение такой позиции не приведено. Если же посмотреть только на декрет о создании Кирревкома (цитировался, судя по содержанию, именно он), то никаких модернизационных задач Кирревкома не прослеживается, а только задача, избегая межнациональных конфликтов, сформировать советы из самого населения. Что касается характеристики его как импортированного, то, исходя из такой логики, и все предшествующие органы имперского периода следует отнести к импортированным. Ведь никакой

другой власти в предшествующие десятилетия просто не существовало, кроме российской администрации.

У меня много вопросов также по использованию статистических сведений в отношении итогов продразверстки. Они мне кажутся отрывочными, несопоставимыми и не позволяющими обосновать причины джута. Приведу только один пример, где есть упоминание исследований В.А. Ильиных и В.М. Рынкова о том, что убыль скота равнялась размеру продразверстки. Мы писали о территории Сибирского края, опираясь на конкретные статистические материалы. Едва ли корректно экстраполировать наши выводы на территорию Киркрая, тем более оценивать на этом основании положение кочевого казахского населения. Для характеристики трагедии 1921–1922 гг. на территории Казахстана, ее причин и последствий нужны соответствующие данные.

Г.Т. Каженова. Вадим Маркович, прежде всего хочу поблагодарить вас за внимательное обсуждение доклада и конструктивные замечания, которые помогают точнее сформулировать отдельные положения и прояснить используемые понятия. Далее позвольте по порядку остановиться на основных высказанных замечаниях.

Во-первых, вы справедливо отмечаете, что в строгом теоретическом смысле пропаганда относится к сфере убеждения, а не прямого принуждения, и с этим нельзя не согласиться. Вместе с тем в докладе речь идет не о тождестве пропаганды и насилия, а об их функциональном включении в единый механизм чрезвычайной власти, действовавшей в условиях военного времени. В этом контексте пропаганда рассматривается не как самостоятельный инструмент идеологической коммуникации, а как элемент институциональной практики ревкомов, функционировавших в рамках чрезвычайного режима. Отказ от участия в подобных «убеждающих» мероприятиях фактически не предполагал нейтральной позиции. Речь, таким образом, идет не об отрицании роли убеждения, а о его включенности в асимметричную властную ситуацию, где граница между убеждением и принуждением оказывалась размыта. Замечание принимается и соответствующая формулировка может быть уточнена.

Во-вторых, по поводу роли инструкторов и характера вертикального контроля. Замечание о том, что инструкторы выполняли прежде всего разъяснительные и организационные функции, является методологически важным, и с этим в целом нельзя не согласиться. Вместе с тем

вывод о вертикальном характере власти в статье основывается не на самом факте наличия инструкторов, а на совокупности обстоятельств: порядке их назначения сверху, подотчетности уездным и губернским органам, ограниченности альтернативных механизмов формирования власти на местах, а также жесткой привязке всей организационной работы к военно-административному контролю территории.

Сравнение с дореволюционной кооперативной практикой, безусловно, интересно, однако эти ситуации принципиально различаются по своему контексту. Кооперативное движение развивалось в условиях добровольности и экономической заинтересованности, тогда как советизация в 1919–1921 гг. осуществлялась в режиме чрезвычайной власти и в тесной связи с военным присутствием. В докладе речь идет не об отрицании консультативной роли инструкторов и не о сведении всего процесса к «чистому насилию», а о том, что легитимация власти в условиях отсутствия реального выбора и давления силовых структур носила ограниченный характер. Именно этот аспект и нуждается в дополнительном пояснении, на что замечание справедливо указывает.

Третий вопрос касается трактовки Кирревкома как «импортированного» органа. Хочу подчеркнуть, что этот термин используется в статье в аналитическом, а не оценочном смысле, и не означает утверждения о полностью внешнем или «чуждом» кадровом составе Кирревкома. Речь идет об институциональном происхождении этого органа, а не об отрицании участия местных представителей в его работе.

Выводы доклада основаны не на буквальном прочтении учредительного декрета, где задачи Кирревкома формулировались в терминах стабилизации управления и формирования советских органов, а на анализе реальной практики его функционирования. В условиях чрезвычайного режима Кирревком фактически выступал как высший орган власти, сосредоточивший в своих руках военно-административные, карательные и хозяйственные функции и действовавший в тесной связи с военными структурами.

Именно порядок учреждения Кирревкома, его подчиненность центру и концентрация властных полномочий позволяют рассматривать его как орган, институционально имплантированный в регион, даже при наличии в его составе местных кадров. В этом смысле предложенное сопоставление с органами имперской администрации представляется оправданным и подчеркивает преимущес-

ность централизованной модели управления периферией, воспроизведенной в новых политических и идеологических условиях.

Четвертый вопрос, касающийся использования статистических данных по итогам продразверстки, действительно является справедливым и требует пояснения. Следует признать, что в докладе имела место авторская недоработка, связанная с недостаточной конкретизацией территориальных рамок в одном из частных примеров. Ссылка на исследование В.А. Ильных и В.М. Рыкова, где показано, что в 1920–1921 гг. убыль скота в целом по Сибири была соразмерна объемам изъятий по продразверстке, использовалась для иллюстрации масштабов и логики продразверсточной политики применительно к Степному краю, в состав которого входили Акмолинская и Семипалатинская области. В указанный период этот регион фактически рассматривался как часть Сибири в административно-хозяйственном отношении.

В 1920-м – первой половине 1921 гг. Акмолинская и Семипалатинская области формально входили в состав Киргизской (Казахской) АССР, однако до окончательной организации центральных органов управления КирЦИК и завершения размежевания границ между Сибирью и Киргизским краем они временно находились в ведении Сибревкома. Соответственно, их финансово-хозяйственная и продовольственная политика осуществлялась по линии органов сибирского управления¹. Поскольку в докладе не было оговорено, что речь идет о Степном крае, ссылка на сибирские статистические материалы могла быть воспринята как распространяемая на всю территорию Киргизского края. Это упущение будет устранено в доработанной версии статьи.

Благодарю за внимание. Надеюсь, эти разъяснения отвечают на поставленные вопросы.

С.В. Любичанковский. Доклад дает богатый материал для более комплексного анализа, в котором советская власть предстает не только как источник насилия, но и как структура, пытавшаяся в экстремальных условиях выстроить новые институты и учесть часть

¹ Из временного положения об управлении Акмолинской и Семипалатинской областями и о представительстве Киргизской Советской Социалистической Республики (КССР) при Сибревкоме. Ноябрь 1920 г. // ГАНУ. Ф. 1. оп. 2, д. 23, л. 568. Копия. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/152321-iz-vremennogo-polozheniya-ob-upravlenii-akmolinskoy-i-semipalatinskoy-oblastyami-i-o-predstavitelstve-kirgizskoy-sovetskoy-sotsialisticheskoy-respubliki-kssr-pri-sibrevkome-noyabr-1920-g?utm_source=chatgpt.com#mode/inspect/page/1/zoom/4

местной специфики, тогда как казахское общество не всегда умело использовать открывавшиеся возможности. Такое сочетание похвалы и критического взгляда позволяет уйти от одноплановой картины «жертва – агрессор» и поставить вопрос о взаимной ответственности сторон.

С одной стороны, автор убедительно показывает, что центр предпринимал шаги для институционального оформления особого статуса региона: учреждение Кирревкома как органа, отвечающего за подготовку автономии, включение во «Временное положение» признания адата, традиционного землепользования, двухсекционных исполкомов, попытки целенаправленно готовить кадры из числа местного населения. В условиях гражданской войны и кадрового голода это можно рассматривать как усилие по интеграции Степи не на правах «немой колонии», а как особого пространства, чья специфика официально фиксируется и защищается.

С другой стороны, доклад демонстрирует, что значительная часть казахского населения предпочитала отвечать на вызовы времени преимущественно оборонительными стратегиями – откочевками, уводом скота, минимизацией посевов, уклонением от вовлечения в новые институты. В краткосрочной перспективе это позволило сохранить остатки хозяйств, но в долгосрочной – нередко оставляло общины на периферии принятия решений и лишало их шанса превратить те же признанные обычные права, элементы автономии и представительства в эффективный инструмент защиты интересов в рамках новой системы.

При этом мы знаем, что национальная интеллигенция, часть аульной верхушки, активисты в местных советах пытались освоить язык и инструменты советской власти, участвовать в органах управления, использовать «окна возможностей» для закрепления прав на землю и влияния на распределение ресурсов. На мой взгляд, сопоставление их стратегий с практиками «ухода и уклонения» может стать перспективным направлением исследования: оно позволило бы увидеть, что будущие трагедии были обусловлены не только жесткостью продрозверстки и ошибок Центра, но и тем, что часть казахского общества оставалась в логике выживания «здесь и сейчас», не всегда видя или принимая потенциальные преимущества долгосрочного участия в советском модернизационном проекте. В такой перспективе советская власть предстает как противоречи-

вый, но неоднозначно разрушительный агент модернизации, а казахское общество – как субъект, чьи реакции колеблются между адаптацией, сопротивлением и упущенными шансами. Для доклада, может быть, было бы наиболее плодотворно наметить эту линию прямо: показать, что речь идет не только о внешнем давлении, но и о сложности внутренних выборов степного общества, которые во многом определили, какие возможности эпохи были использованы, а какие – нет.

А.И. Савин. Следующим обсуждаем доклад **Оксаны Геннадьевны Пуговкиной «Туркестанский отдел ИРГО и вызовы Первой мировой войны: научные исследования и политический заказ (1914–1918 гг.)»**.

С.В. Любичанковский. Два вопроса. Во-первых, вы сосредоточились на Туркестанском отделе ИРГО, но, наверное, в этом же регионе функционировала также архивная комиссия либо какой-то ее аналог. Меня интересует, что происходило с общественными научными организациями, которые по своей специфике, в отличие от географического общества, занимались не утилитарными вопросами, а вопросами гуманитарного плана. Они оказались в упадке в период Первой мировой войны? Или каким-то парадоксальным образом тоже расцвели и получили поддержку? Второй вопрос касается национальных кадров. Способствовала ли война притоку национальных кадров в состав экспертного сообщества или по-прежнему русская интеллигенция занималась всеми этими вопросами?

О.Г. Пуговкина. К началу XX в. в Туркестане функционировало более пятнадцати научных обществ, деятельность которых, несомненно, так или иначе отреагировала на начало Первой мировой войны. Но данный сюжет до настоящего времени не получил специального освещения в исторической литературе и не становился предметом самостоятельного научного исследования. Поэтому мне затруднительно судить о характере и масштабах трансформаций, переживаемых в годы Первой мировой войны общественными научными организациями региона, включая, к примеру, и наиболее известное научное общество – Туркестанский кружок любителей археологии. Анализ их функционирования в условиях военного времени требует отдельного целенаправленного исследования на основе расширенного круга источников. Могу несколько слов сказать про Туркестанское общество сельского хозяйства, каким образом

его деятельность оказалась связана с войной. Дело в том, что в Туркестане огромное количество проблем, особенно в 1914 г., создавало нашествие саранчи. В результате военнопленных, прибывших в Туркестан, по просьбе этого общества мобилизовывали на сбор саранчи.

Если говорить о поддержке обществ во время войны со стороны администрации, то такого не было, а значит и о каком-то расцвете говорить затруднительно, потому что научные общества Туркестана существовали на членские взносы. В то же время, учитывая начавшуюся войну, многие члены обществ ушли на фронт, а значит и финансирование общества сокращалось. Я в своем докладе попыталась разобраться в частном вопросе: как изменилось направление исследований в Туркестанском отделе ИРГО и что было реально сделано.

Что касается второго вопроса. Специфика научных обществ Туркестана заключалась еще и в том, что присутствие национальных интеллектуалов в ее работе было крайне ограничено. Но, к примеру, в уставе Туркестанского кружка любителей археологии прописывалось, что открытие кружка любителей археологии должно было всеми силами поощрять местное население к сохранению археологических предметов, а также предусматривалось определенное вознаграждение за оказание помощи в этом вопросе со стороны местной власти. В истории этого кружка мы знаем несколько имен национальных интеллектуалов, которые сотрудничали с туркестановедами, были увлечены археологическими раскопками, изучали историю Российского государства, коллекционировали древние рукописи, монеты и предметы старины. Можем указать имена Абу Саида Махзума, Сатархана Абдугафарова, Акрам Палван Аскарова, Мирза Бухари, Мирза Барат Мула Касыма.

В деятельности ТО ИРГО местные интеллектуалы принимали крайне мало участия, но мы можем говорить об использовании их знаний при проведении географических экспедиций в качестве проводников, гидов, знатоков природы. В Туркестане сложилась ситуация, когда местная власть не смогла в полной мере привлечь к активной научной деятельности национальных интеллектуалов.

С.В. Любичанковский. В вашем ответе прозвучал интересный тезис о том, что империя не смогла привлечь на свою сторону местных интеллектуалов, но мне кажется, здесь еще вопрос и об уровне подготовленности этих экспертов, насколько они соответствовали научному уровню Туркестанского отдела Императорского геогра-

фического общества. Может быть, вопрос стоял именно таким образом.

О.Г. Пуговкина. Я бы сказала, что уровень их интеллектуальности был высок, это были грамотные люди, но, конечно, тонкостей археологии они не знали. Приведу интересный факт. Узбекистанский историограф Б.В. Лунин писал о Мухаммед-Бак Ходжи, который проживал в медресе Шердор, что он интересовался русской литературой, состоял в переписке с рядом русских востоковедов, помогал им в поездках по Самарканду и, кроме того, был поклонником В.С. Соловьева, чьи сочинения имелись в его худжре.

С.В. Любичанковский. Но, наверное, проще было заниматься раскопками, чем научными исследованиями?

О.Г. Пуговкина. Я бы не сказала, что они занимались раскопками, они в большей степени собирали или выкупали артефакты, передавая их туркестанской администрации, которая, к слову, призвала местное население все находки сдавать администрации или выкупала. Колоритной фигурой являлся Акрам Аскар². Русский востоковед и археолог Н.И. Веселовский³ тесно сотрудничал с ним, как писалось, Аскар² даже стал правой рукой Веселовского, сопровождал его в поездках по краю. Как вы верно отмечали, он не был научно грамотным, но обладал удивительным навыком не только в сборе монет, но и довольно точно определял их датировку. К слову, можно еще добавить, что благодаря ходатайству Н.И. Веселовского Акрам Аскар² был награжден «малой серебряной медалью» Императорского Русского археологического общества.

Т.К. Алланиязов. Скажите, а результаты работы Туркестанского отдела ИРГО сохранились в опубликованном виде?

О.Г. Пуговкина. Да, в Национальном архиве Узбекистана имеется фонд 69, материалы которого содержат сведения о деятельности общества с момента его создания, проводимые экспедиции, тексты докладов, читаемые на заседаниях, отчеты по годам с 1896 г., и вплоть до 1947 г., когда им руководил Николай Гурьевич Маллицкий,

² Аскар² Акрам Полван (1843–1920) – известный предприниматель Туркестана, организатор ремесленных и промышленных выставок, коллекционер и археолог.

³ Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – русский историк, востоковед и археолог, профессор (с 1890) Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1895), руководил изучением археологических и архитектурных памятников Самарканда.

его постоянный член с момента создания общества⁴. Кроме того, сохранились и опубликованные тома «Известий Туркестанского отдела ИРГО», к слову добавлю, что они доступны на сайте Русского географического общества.

Т.К. Алланиязов. Еще один вопрос попутно. Достаточно ли у вас материала для написания небольшого монографического исследования на данную тематику?

О.Г. Пуговкина. Конечно, источниковая база достаточно обширна и позволяет написать такое исследование, чем я и занимаюсь в данный момент.

В.М. Рынков. У меня короткий комментарий. Вы рассказывали о кампании по выявлению курортных возможностей Туркестана, такая же кампания проходила и у нас в Сибири. Очевидно, что запрос был спущен сверху, отделения ИРГО в разных регионах на него отвечали, и в Сибири, насколько я знаю, не только «географы» этим занимались, работа также велась по линии Министерства земледелия и все местные региональные управления тоже этим занимались. Поэтому вполне возможно, что и в Туркестане такого рода информацию можно будет найти по линии не только научных, но и бюрократических структур. Как я понимаю, когда готовились призывать за счет государства многочисленных инвалидов войны, была проведена серьезная ревизия курортных ресурсов по всей империи, в том числе и в Туркестанском крае. Также интересно выяснить, как развивалась ситуация потом, что из курортного дела нашло свое применение в советское время, а что так и осталось в потенциале.

А.И. Савин. Спасибо, коллеги, мы переходим к обсуждению следующего доклада – **Натальи Николаевны Аблажей «Советский опыт гидростроительства на р. Иртыш».**

С.В. Любичанковский. Скажите, пожалуйста, а среди приоритетов гидростроительства была цель демонстрации мощи социалистического строя?

Н.Н. Аблажей. Конечно, каждая построенная ГЭС подавалась как очередная победа социализма, как шаг к коммунизму в рамках реализации знаменитой ленинской формулы. Мы в первую очередь все

⁴ Маллицкий Николай Гурьевич (1873–1947) – русский ученый-географ, профессор Среднеазиатского государственного университета, до революции 1917 г. – главный редактор газеты «Туркестанские ведомости», а также Ташкентский градоначальник.

же пытаемся оценить социальные и экологические последствия этих строек, и здесь следует констатировать наличие серьезных издержек. Например, строительство Бухтарминской ГЭС привело к тому, что почти 100 населенных мест оказалось затоплено, выселено было двадцать семь с половиной тысяч человек. Это люди, которые реально на себе все это испытали, и эта реальность не всегда была в пользу людей.

В.М. Рынков. Присутствует ли комплекс агитационных материалов? С ними можно поработать?

Н.Н. Аблажей. Мы такую задачу не ставили, потому что для нас первоочередной задачей было посмотреть развитие концепции гидростроительства на Иртыше в контексте гидроэнергетики и, соответственно, мелиорации и ирригации. Что касается пропагандистских материалов, то речь идет в первую очередь о материалах СМИ. Пример нашей работы по Новосибирску⁵ показал, что таких агитационных материалов мало, за исключением сюжетов, когда речь шла о перекрытии, о героическом покорении реки.

А.И. Савин. Следующий доклад, который мы обсуждаем, тоже о покорении природы: *Наргиз Соатмуминовна Кенжаева «Значение Таджикских комплексных и Таджикско-Памирских экспедиций для изучения перспектив развития промышленности Таджикистана (30-е гг. XX в.)»*.

В.М. Рынков. Что представлял собой состав этих экспедиций по численности геологов? Сколько и откуда они были набраны? Каково соотношение местных кадров и приехавших из центра?

Н.С. Кенжаева. Кадры экспедиций рекрутировались в основном из Ленинграда и Москвы, в комплексной экспедиции участвовало в среднем около тысячи сотрудников, они не только занимались геологией, но и геофизикой, биологией и т.п. Целью было комплексное изучение Таджикистана.

В.М. Рынков. Материалы сохранились в полном объеме?

Н.С. Кенжаева. Материалы сохранились и в значительной своей части опубликованы. Хранятся в таджикских, московских и санкт-петербургских архивах.

⁵ Речь идет о следующем издании: Зона затопления. Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы). Новосибирск, 2024.

А.И. Савин. Спасибо! Мы переходим к обсуждению доклада *Зауреш Галимжановны Сактагановой «Опытное хозяйство И. Худенко в 1960-е гг. в Казахской ССР: провальный эксперимент или несвоевременные новшества?»*.

М.А. Косицын. Есть мнение, согласно которому сворачивание экономических экспериментов в 1960-е гг. было обусловлено тем, что советское руководство опасалось политических и социальных издержек безработицы. Что вы думаете на этот счет? И еще вопрос. Вы говорили, что Худенко закупал для своего предприятия польское оборудование. Если сравнивать с более поздними, уже перестроечными экспериментами, на некоторых советских предприятиях действительно разрешали импорт оборудования в обход монополии государства на внешнюю монополию. Возможно, имели место более ранние прецеденты, в том числе в случае с Худенко?

З.Г. Сактаганова. Вы правы в том смысле, что такого рода эксперименты безусловно подрывали бы определенные устои. По мнению многих исследователей косыгинской реформы, она «пробуксовывала» потому, что попытка косметического реформирования экономической системы без ключевых изменений политической системы все равно так или иначе привела бы к тупику. Эксперименты типа опытного хозяйства Худенко наверняка продемонстрировали бы несостоятельность экстенсивной модели, где самым ярким проявлением экстенсивности как раз была аграрная сфера. Теперь что касается закупок. Собственно, сам Худенко не закупал оборудование, я говорила о том, что его поддерживало Министерство сельского хозяйства Казахской ССР во главе с заместителем министра, и это оборудование, конечно же, приобреталось через министерство. Где-то в 1986 г. или 1987 г. Худенко была посвящена телепередача, в рамках которой академик Заславская⁶ очень детально рассказывала о том, почему эксперимент Худенко не поддержали, она считала, что в сворачивании эксперимента прежде всего сыграла свою роль позиция Кунаева. Меня удивляет следующее: несмотря на неоднократные попытки в годы перестройки, уже после смерти Худенко, возобновить этот эксперимент при абсолютной, по сравнению с совет-

⁶ Заславская Татьяна Ивановна (1927–2013) – советский и российский социолог и экономист. Академик Российской академии наук СССР: 1981, член-корреспондент (1968), ВАСХНИЛ (1988), Академии Европы, доктор экономических наук (1965), профессор (1976).

ским периодом, свободе финансовой деятельности все эти попытки так и не увенчались успехом.

А.И. Савин. Я думаю, что Максим Андреевич совершенно прав. Брежневское социальное государство не могло позволить себе такие эксперименты, это наглядно продемонстрировал «Щекинский эксперимент», когда в результате оптимизации производства за воротами предприятия оказалось около 900 человек. И что прикажете делать с этими «лишними» рабочими при социализме? У меня вопрос про архивные документы, на чем вы основывались? И еще, вы процитировали Брежнева, назовите, пожалуйста, источник цитаты.

З.Г. Сактаганова. Я работала с материалами РГАНИ, фонд 5, опись 62, дело 239, там в основном содержатся материалы комиссий, которые критиковали эксперимент Худенко, писали о финансовых нарушениях и т.д. Конечно, такого же рода материалы имеются в Архиве Президента РК. Что касается цитаты Брежнева, я, например, с этим столкнулась, занимаясь изучением избранных трудов известного экономиста Белкина⁷. В третьем томе публикуется его статья «Драма в Акчи», где он приводит эти слова Брежнева. Я думаю, что скорее всего речь идет об определенном мифе, потому что в источниках это высказывание нигде не зафиксировано.

В.М. Рынков. Позвольте, я возьму на себя модерирование, так как следующий доклад, который мы будем обсуждать, **Андрея Ивановича Савина «Казахская ССР в дневниковых и рабочих записях Л.И. Брежнева (1964–1982 гг.)»**.

В докладе было сказано, что Брежнев напрямую контактировал с руководителями союзных республик. Насколько часто ему приходилось выходить на руководителей областного уровня? Есть ли такие данные не только по Казахстану, но и по другим республикам Средней Азии? Не воспринималось ли это на местах республиканским руководством как некое нарушение субординации, когда Центр транслировал свою позицию местам через голову республиканских лидеров?

А.И. Савин. Личные контакты Брежнева не только с первыми секретарями ЦК союзных республик, но и с первыми секретарями обкомов, крайкомов КПСС были неотъемлемой частью брежневской системы власти. Что касается нарушения субординации, я думаю, при том уважительно-доверительном стиле, который практиковал

⁷ Белкин В.Д. Избранные труды: в 3 т. М., 2015. Т. 3.

Леонид Ильич, его контакты на уровне руководства краев и областей не вызывали конфликта интересов. По крайней мере я никаких следов обиды или критики такой практики не встречал. Если брать Казахскую ССР, то, помимо «Димаша Ахметовича» («Ахметодовича»), Брежнев сравнительно часто упоминал в своих рабочих записях про контакты с Андреем Михайловичем Бородиным, секретарем Кустанайского обкома, а также Василием Андреевичем Ливенцовым, секретарем Актюбинского обкома КП Казахстана.

В.М. Рынков. В докладе речь шла исключительно о сфере сельского хозяйства, но известно, что Брежнев в ходе своих поездок много времени уделял посещению промышленных объектов. Прослеживается ли по документам роль Брежнева в решении вопросов развития промышленности среднеазиатских республик?

А.И. Савин. Как ни парадоксально, вопросы промышленности для Брежнева в первую очередь также были связаны в первую очередь с сельским хозяйством. Постоянная тема – это обеспеченность села техникой, в первую очередь машинами для уборочной, грузовиками и комбайнами, выпуск новых машин для сельского хозяйства. Так, одна из брежневских записей за август 1976 г. гласит: «Говорил с тов. Кунаевым – очень просит, просто кричит о помощи машинами». Гораздо реже в дневниках фигурируют вопросы собственно промышленности. Например, в апреле 1967 г. Брежнев фиксирует в дневнике: «т. Рашидов Мурунтал – р-н золота – разведку и стр-во обратить на это внимание». Как известно, сегодня Мурунтау – один из ведущих районов мировой добычи золота. И все же Брежнев до последнего патронирует именно советское сельское хозяйство, и поэтому присутствует именно такая оптика применительно к Центральной Азии: хлопок и зерно, зерно и хлопок.

Р.М. Сеитов. Хотелось бы спросить, в основном вы говорите про теплые дружеские отношения, а нашли ли в брежневских дневниках отражение какие-то конфликты?

А.И. Савин. Я не припомню о каких-либо записях, где речь шла бы о персональных конфликтах между Брежневым и партийно-государственными элитами советских азиатских республик.

В.М. Рынков. Итак, коллеги, обсуждение отдельных докладов закончено. Время подвести итоги секции и открыть *общую дискуссию*.

А.И. Савин. Дорогие коллеги, с моей точки зрения все сегодняшние доклады четко делятся на два блока: институциональные и пер-

сональные акторы модернизации. Институциональным акторам были посвящены доклады Пуговкиной, Аблажей и Кенжаевой, персональным акторам – доклады Сактагановой и Савина. Эти доклады удачно дополняют друг друга, очень важно осознавать, что приводным ремнем модернизационных процессов выступают не столько перемены в способах ведения хозяйства, сколько собственно человеческие интенции, изменения в головах.

В.М. Рынков. Я соглашусь, что сегодняшние доклады продемонстрировали разнообразие подходов к анализу проблем, связанных с модернизацией. Очень важно изучать не столько технологические вопросы, вопросы непосредственного строительства объектов и их экономической отдачи, сколько то, как это влияет на менталитет. Здесь огромный потенциал для работы именно в русле интеллектуальной истории. Однако институциональный подход также не следует исключать. Доклад Натальи Николаевны как раз продемонстрировал такой более традиционный подход, связанный с экономической историей. Был предпринят непосредственно анализ проектов, создания целого каскада, целого ряда промышленных объектов, показано, как эти проекты сложно воплощались в жизнь. Также в данном докладе присутствует выход на проблематику того, какова была не только реальная экономическая отдача, но и социальные издержки реализации крупных модернизационных проектов.

А.Ю. Быков. Мне кажется, одна из важных составляющих как научных исследований, так и собственно дискуссий, – это выявление тех мест, которые еще недостаточно изучены. И мне кажется, что текущая конференция демонстрирует, что серьезной лакуной остается вопрос о реакциях населения на модернизационные процессы. И это, наверное, общая проблема для историографии, для исследовательского поля. Я помню, лет 25–30 назад в Казахстане вышел маленький сборник, который назывался «Кочевники. Эстетика»⁸, и меня там поразила статья о поэзии «эпохи скорби». Это не Абай, это традиционная литература, которая зеркально отображает реакцию людей на изменения. Еще один совершенно неожиданный для меня текст – стенограмма XV съезда ВКП(б), когда обсуждали вопросы культурного строительства на национальных окраинах, когда партия разбирала, как неправильно население реагирует на советскую

⁸ Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. Алма-Аты, 1993.

модернизацию и как надо с этим бороться. И мне, кажется, вот эта тема может быть и должна быть важной для историографии, достойной отдельного исследования. И мне кажется, то, что мы сегодня на данную тему не говорили, только подчеркивает ее важность.

В.М. Рынков. Спасибо, Андрей Юрьевич. В отношении целого ряда докладов напрашивалось продолжение темы именно в этом направлении: какова была реакция населения. Может быть, здесь также отчасти виновна аберрация исследовательской оптики: мы привыкли в первую очередь говорить о реакции власти, о действиях власти. Очевидно, время от времени надо «перезагружаться» и делать доклады, которые изначально будут посвящены проблемам человека и его реакции на действия власти, направленные на преобразование традиционной среды.

Литература

1. Белкин В.Д. Избранные труды: в 3 т. М.: ЦЭМИ РАН, 2015. Т. 3: Тернистый путь экономиста. 675, [4] с., [5] л. ил., цв. ил., портр. : ил.;
2. Зона затопления. Социальные и экологические аспекты строительства Новосибирской ГЭС (1950-е годы). Сборник документов и материалов / сост. Н.Н. Аблажей, М.А. Косицын. Новосибирск: [Б.и.], 2023. 576 с.
3. Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством / отв. ред. М.М. Ауэзов, М.М. Каратаев. Алматы: Гылым, 1993. 262, [2] с.

Раздел 4. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ СПЕЦИФИКА

УДК 94(574).081 + 316.723.5

DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3-286-294

С.В. Любичанковский¹

ОБРАЗ КАЗАХОВ ГЛАЗАМИ ИХ ПЛЕННИКА: ИСТОРИКО-ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РУССКОГО ОФИЦЕРА 1840-Х ГГ.*

Аннотация. В статье проводится историко-имагологический анализ записок русского офицера, участвовавшего в экспедиции в Казахскую степь в 1840-х гг. и попавшего в плен к сторонникам Кенесары Касымова. Текст мемуаров рассматривается как ценный источник для реконструкции этнических стереотипов и восприятия «Другого» в условиях взаимодействия Российской империи и кочевых народов. Анализируются формирующиеся в повествовании образы казаха-воина, казаха-кочевника, а также механизмы личностной идентификации автора в ситуации плена.

Ключевые слова: имагология, Казахская степь, Российская империя, XIX век, этнические стереотипы, мемуары, имперский дискурс.

S.V. Lyubichankovskiy²

THE IMAGE OF THE KAZAKHS THROUGH THE EYES OF THEIR CAPTIVE: A HISTORICAL AND IMAGOLOGICAL ANALYSIS OF A RUSSIAN OFFICER'S MEMOIRS FROM THE 1840S

Abstract. The article presents a historical and imagological analysis of the notes of a Russian officer who participated in an expedition to the Kazakh Steppe

¹ Сергей Валентинович Любичанковский, д-р ист. наук, г.н.с., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: svlubich@yandex.ru

² Sergey Valentinovich Lyubichankovskiy, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia, e-mail: svlubich@yandex.ru

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

in the 1840s and was taken captive by the supporters of Kenesary Kasymov. The memoir text is considered a valuable source for reconstructing ethnic stereotypes and the perception of the “Other” in the context of the interaction between the Russian Empire and nomadic peoples. The analysis focuses on the emerging images of the Kazakh warrior, the Kazakh nomad, as well as the mechanisms of the author’s personal identification in the captivity situation.

Keywords: imagology, Kazakh Steppe, Russian Empire, 19th century, ethnic stereotypes, memoirs, imperial discourse.

Записки неназванного русского офицера, опубликованные в 1848 г. под названием «Четыре месяца в Киргизской степи», представляют собой уникальный источник личного происхождения. Они не только фиксируют события военной экспедиции против отрядов Кенесары Касымова, но и, что особенно ценно, содержат подробный рассказ о пребывании автора в плену. Этот опыт позволяет выйти за рамки стандартного имперского нарратива и проанализировать, как под влиянием экстремальной ситуации трансформируется восприятие представителя доминирующей культуры по отношению к носителям культуры подчиняемой.

Имагология как направление исторической антропологии изучает механизмы формирования и функционирования образов «своих» и «чужих» в историческом контексте. Воспоминания офицера являются классическим объектом для такого анализа, поскольку они отражают не объективную реальность, а ее субъективную рефлексию, пропущенную через призму культурных стереотипов, личного опыта и имперского мировоззрения.

Изначальный образ казаха-воина, с которым автор сталкивается в бою, окрашен в негативные тона и соответствует распространенному имперскому стереотипу о «диком» и «неорганизованном» кочевнике. Он описывает атаку как хаотичное действие, лишенное тактической грамотности, присущей регулярным войскам: «вся эта толпа, приблизившись к нам на ружейный выстрел, осадила коней своих и... стала на место и только продолжала оглушать нас криками»³. Автор с плохо скрытым презрением отмечает неэффективность их оружия и тактики: «некоторые из батырей открыли по нас огонь из своих самопалов, но... как безвредны были эти выстре-

³ Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848. Т. IX. Отд. II. С. 191.

лы, производимые верховыми людьми посредством фитилей и на горячих лошадях»⁴. Для русского офицера это служит доказательством военно-технического превосходства империи и подтверждением правоты имперской экспансии.

Однако, попав в плен, автор обнаруживает иные, заставляющие его задуматься качества. Его поражает не только жестокость, но и высокое мастерство, с которым его обездвигили: «разбойники, должно признаться, мастерски связали мне руки и ноги»⁵. Этот сугубо профессиональный навык, результат многовековой практики ведения степной войны, заставляет его если не уважать, то признать определенное умение противника, выходящее за рамки образа примитивного дикаря. Более того, его охранники демонстрируют не слепую жестокость, а строгое соблюдение своего внутреннего кодекса поведения. Немедленная угроза смерти за попытку побега – «молчи, или убьем тебя»⁶ – сочетается с четким и ясным обещанием хорошего обращения при условии покорности: «никто меня пальцем не тронет, если только я сам буду вести себя смирно»⁷. Этот своеобразный «контракт» между пленником и похитителем, основанный на взаимном соблюдении условий, рождает сложный и противоречивый образ, в котором «дикость» и жестокость соседствуют с примитивным, но четким понятием о справедливости и договоре.

Этот дуализм проявляется и в описании военных обычаев. С одной стороны, автор с ужасом и отвращением описывает зверскую расправу над захваченным разведчиком Баджимом: «Весь труп покрыт был ранами; во многих местах носил он на себе следы ожогов. Видно было, что несчастный подвергся ужаснейшим истязаниям, прежде чем удар топора пресек его жизнь»⁸. Этот акт демонстративной жестокости предназначен для устрашения и воспринимается автором как проявление «чисто азиатской» варварской сущности. С другой стороны, тот же самый противник, Кенесара, проявляет стратегическую дальновидность, используя против преследующего его отряда испытанное степное оружие – выжженную землю: «мя-

⁴ Четыре месяца в Киргизской степи... С. 191.

⁵ Там же. С. 195.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ Там же. С. 189.

техники для удержания нашего наступления зажгли степь»⁹. Этот тактический ход, эффективный и безжалостный, говорит о наличии недюжинного военного ума, что опять-таки не вписывается в упрощенный образ бестолкового и жестокого дикаря. Таким образом, в описании автора казах-воин предстает фигурой дуальной: он одновременно и свирепый, склонный к немотивированной жестокости варвар, и умелый, адаптированный к своему ландшафту боец, обладающий специфическими знаниями и своеобразным воинским этосом.

Автор, как представитель оседлой, технически развитой цивилизации, с нескрываемым удивлением и профессиональным интересом описывает уникальные умения кочевников, жизненно необходимые в степи. Его повествование становится гимном практическому знанию, доведенному до совершенства многовековым опытом выживания в экстремальных условиях. Он с восхищением пишет о вожаках-проводниках, чья способность ориентироваться в безбрежной и однообразной степи кажется ему сверхъестественной: «Самая заботливый русский помещик едва ли так хорошо знакомится с своими угодьями... как эти батыри ознакомились с бесконечным пространством степи»¹⁰. Его поражает их умение не просто запоминать путь, а читать следы и предсказывать по ним прошлое с детективной точностью: «Заметив след, они... утвердительно скажут вам: когда проезжали тут люди, сколько их было, друзья ли они или недруги»¹¹. Это мастерство, сравнимое с научным методом, заставляет автора признать интеллектуальное превосходство кочевников в их стихии, их «сметливость»¹², которая оказывается надежнее самых точных карт.

Не менее важной составляющей образа является глубоко укорененная суеверность казахов, которая для рационального сознания офицера представляет собой любопытный и непонятный феномен. Он подробно и с этнографической точностью останавливается на ритуалах, например на гаданиях на бараньей лопатке: «Самое употребительное гаданье производится посредством бараньей кости,

⁹ Четыре месяца в Киргизской степи... С. 189.

¹⁰ Там же. С. 158.

¹¹ Там же. С. 175–176.

¹² Там же. С. 175.

которую кидают на время в огонь и потом по образовавшимся на ней трещинам предсказывают будущее»¹³. Он фиксирует и другие проявления мистического мировоззрения: веру в то, что змея не может переползти через веревку из конского волоса¹⁴, или обычай отмечать путь от могилы к воде камешками, чтобы умерший мог напиться¹⁵. Автор иронизирует над этими верованиями, особенно над случаем, когда грозное предсказание гадателя о пролитии крови было «исполнено» преднамеренным убийством сайгака¹⁶. Однако эта ирония носит снисходительный характер, свойственный взгляду европейца на «отсталые» народы. Для него эти суеверия – еще одно доказательство их «дикости», но одновременно и неотъемлемая, колоритная часть того загадочного и чуждого мира, в который он попал, мира, где рациональное и иррациональное переплетаются в единую картину бытия.

Этот дуализм восприятия ярко проявляется в описании взаимодействия с ландшафтом. Кочевник предстает идеальным продуктом своей среды, чьи навыки доведены до автоматизма. Автора поражает, как вожаки ориентируются по звездам: «Вожак обыкновенно замечают, какое положение должно принять относительно полярной звезды... чтобы перейти от такого-то места на другое»¹⁷, или как они определяют время по положению созвездий. Эти умения, не уступающие по точности навигационным приборам, вызывают у него неподдельное уважение. Но тот же самый человек, столь рациональный в выживании, оказывается во власти примет и духов. Таким образом, в глазах пленника казах-кочевник оказывается живым воплощением этого контраста – великолепный технолог степной экосистемы и в то же время заключенный в плен магического мышления, что делает его образ для русского офицера одновременно притягательным и чуждым, восхищающим и непонятным.

Наиболее глубокая и интересная трансформация образа «чужого» происходит в сознании самого повествователя по мере погружения в реалии плена. Изначальный образ, сформированный в бою, был четким и однозначным: казахи – безликие «хищники», «мятеж-

¹³ Четыре месяца в Киргизской степи... С. 173.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 166.

¹⁶ Там же. С. 174.

¹⁷ Там же. С. 182.

ники» и «разбойники», воплощение враждебной стихии, которую необходимо укротить силой оружия. Однако ситуация плена, предполагающая длительный и непосредственный контакт на иных условиях, кардинально меняет оптику восприятия. Первоначальный ужас, испытанный автором от осознания своего положения, был усугублен специфическим «погребением заживо» в кургане, который он по ошибке принял за свою могилу: «Страшная догадка, от которой кровь застыла у меня в жилах... Мне представилось, что напавшие на меня киргизы... сочли меня мертвым и похоронили заживо»¹⁸. Это состояние стало апогеем отчуждения и абсолютного страха перед «дикостью» кочевников.

Однако этот экзистенциальный ужас парадоксальным образом сменился почти облегчением, когда он услышал грубый окрик своего сторожа: «Молчи, или убьем тебя»¹⁹. Этот не слишком приветливый голос показался ему в ту минуту «так же сладок, как только может казаться любовнику признание, вылетевшее из уст возлюбленной»²⁰. Данный контраст знаменует переход от абсолютно бесчеловечного абстрактного образа мучителя к конкретному, хоть и враждебному, но человеческому взаимодействию. Его статус кардинально меняется с положения побежденного врага, которого можно было безнаказанно убить, на положение ценного актива, «говорящей вещи». Именно это осознание и становится основой для полного пересмотра отношений.

Отношения между пленником и похитителями выстраиваются не на эмоциональной или моральной основе, а на сугубо утилитарной рыночной логике. Автор с изумлением обнаруживает, что его жизнь охраняется не из гуманных побуждений, а потому что он – дорогой товар, потенциальный источник обогащения: «Жизнь моя, с сохранением которой соединена была обольстительная надежда на получение нескольких десятков скакунов и халатов – жизнь моя... сделалась для разбойников предметом самых нежных попечений»²¹. Курьезным и крайне показательным моментом, раскрывающим эту новую логику взаимоотношений, становится вопрос одного из ко-

¹⁸ Четыре месяца в Киргизской степи... С. 194.

¹⁹ Там же. С. 195.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 197.

чевников о том, какую цену за себя назначает сам пленник: «Один из них даже очень простодушно спросил меня, как я думаю об этом предмете, то есть как высоко ценю я сам себя»²². Этот диалог, напоминающий торг на базаре, символизирует фундаментальный переход от отношений «победитель – пленник», основанных на праве сильного и милости, к отношениям «продавец – покупатель», основанным на взаимовыгодной сделке. «Дикий» кочевник оказывается в глазах автора расчетливым предпринимателем, рациональным экономическим агентом, что заставляет его бессознательно признать в противнике рациональное начало, понятное и ему самому как представителю современного мира.

Эта метаморфоза – от образа свирепого иррационального варвара к образу прагматичного контрагента – является ключевой в имагологическом плане. Она демонстрирует, как экстремальная ситуация плена, разрушая первоначальные стереотипы, вынуждает имперского наблюдателя увидеть в «Другом» не монолитный образ врага, а сложную личность, руководствующуюся собственной системой практических и экономических ценностей. Это признание общего прагматического языка становится для русского офицера первым, пусть и сугубо утилитарным, шагом к преодолению барьера между «своим» и «чужим».

Проведенный историко-имагологический анализ воспоминаний русского офицера 1840-х гг. позволяет сделать вывод о глубокой амбивалентности и динамичности образа казаха в сознании представителя имперской культуры. Записки представляют собой ценный источник, в котором имперский дискурс не просто воспроизводится, но и подвергается напряжению и коррекции под влиянием непосредственного, в особенности экстремального, опыта взаимодействия с «Другим».

С одной стороны, нарратив пронизан установками, типичными для имперского сознания середины XIX в. Автор последовательно использует лексику, рисующую казахов как «хищников», «мятежников» и «разбойников», акцентируя их «дикость», «неорганизованность» в бою и «суеверность». Этот набор характеристик служил легитимации цивилизаторской миссии России в степи, представляя ее расширение как наведение порядка и принесение прогресса в про-

²² Четыре месяца в Киргизской степи... С. 197.

странство, воспринимаемое как хаотичное и отсталое. Данный взгляд соответствует ориенталистской модели, описанной Э. Саидом, где Восток конструируется Западом как иррациональный, подчиненный и нуждающийся в управлении²³.

С другой стороны, ценность источника заключается именно в том, как этот монолитный стереотип трескается и усложняется под давлением реальности. Непосредственный близкий контакт, особенно в условиях плена, заставляет автора видеть не абстрактного «дикаря», а конкретных людей со сложной системой практик и отношений. Офицер вынужден признать и зафиксировать не только «дикость», но и высокую профессиональную адаптивность, выучку, строгие внутренние законы и хозяйственный прагматизм своих поработителей. Его повествование колеблется между страхом и восхищением, отчуждением и вынужденным уважением, основанным на признании общих черт, прежде всего рационального расчета.

Кульминацией этой трансформации становится ситуация плена, где отношения «победитель – пленник» трансформируются в отношения «продавец – покупатель». Тело офицера становится товаром, а его жизнь охраняется не из гуманности, а в силу его меновой стоимости. Этот шокирующий для него опыт является ключевым имагологическим сдвигом. «Дикий» кочевник низводится с пьедестала мифологического Чудовища до уровня расчетливого контрагента, чье поведение поддается логическому осмыслению и даже оказывается в чем-то родственным прагматизму европейского сознания.

Таким образом, текст воспоминаний становится не просто хроникой военного похода и плена, а сложным многоголосым свидетельством диалога культур на границе империи. Он наглядно демонстрирует, как имперский стереотип, сталкиваясь с комплексной реальностью, вынужден адаптироваться, включая в себя противоречивые наблюдения. Офицер так и не отказывается от имперской оптики, но его рассказ фиксирует момент кризиса упрощенных представлений, обнажая пропасть между идеологическим клише и сложностью человеческих практик. Эти мемуары являются ценным свидетельством того, как в межкультурном взаимодействии даже в

²³ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 636 с.

самых неравных и враждебных условиях происходит не только конструирование «Другого», но и его неизбежное усложнение, разрушающее первоначальные однозначные образы.

Литература

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с.

Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848. Т. IX. Отд. II. С. 141–224.

References

(1848). Chetyre mesyatsa v Kirgizskoy stepi [Four months in the Kirghiz steppe]. In *Otechestvennye zapiski*. Vol. IX, sect. II, pp. 141–224.

Said, E.W. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Conceptions of the Orient]. St. Petersburg, Russkiy Mir. 636 p.

Т.В. Котюкова¹

ДЖАДИДИЗМ В ТУРКЕСТАНЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РЕАКЦИИ НА МОДЕРНИЗАЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Аннотация. Джадидизм в Туркестане, помимо прочего, стал одной из форм реакции на модернизационную политику Российской империи. Понимание процессов, происходивших в сфере конфессионального образования мусульман, было важной частью имперской политики России в Туркестане. Последние годы существования Российской империи характеризуются выстраиванием отношений между администрацией Туркестанского генерал-губернаторства и педагогами-джадидами, пропагандировавшими так называемый «новый метод» преподавания в мусульманских школах. В 1915 г. в газете «Туркестанские ведомости» вышел цикл статей инспектора народных училищ Туркестанского края М.С. Андреева под общим названием «Новометодные мактабы в Туркестане». Автором на примере работы школы Мунаввар Кары Абдурашидханова в Ташкенте анализировались как положительные, так и негативные тенденции в новой системе школьного образования мусульман. Статьи М.С. Андреева разрушали целую серию стереотипов об этом образовании в Туркестане. В отличие от высокопоставленных чиновников краевой администрации, Андреев не сомневался, что будущее туркестанского мусульманского образования, за новометодными школами, и в этом он не видел никакого противоречия государственным интересам Российской империи.

Ключевые слова: джадидизм, Туркестан, конфессиональное образование, новометодные школы, Туркестанские ведомости, М.С. Андреев.

Т.В. Kotyukova²

JADIDISM IN TURKESTAN AS A FORM OF REACTION TO THE MODERNIZATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. Jadidism in Turkestan, among other things, became one of the forms of reaction to the modernization policy of the Russian Empire. Under-

¹ **Татьяна Викторовна Котюкова**, канд. ист. наук, с.н.с., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: kotyukovat@mail.ru

² **Tatyana Viktorovna Kotyukova**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia, e-mail: kotyukovat@mail.ru

* Опубликовано в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001).

standing the processes that took place in the field of Muslim religious education was an important part of Russia's imperial policy in Turkestan. The last years of the Russian Empire were characterized by the establishment of relations between the administration of the Turkestan Governorate-General and Jadid educators who promoted the so-called "new method" of teaching in Muslim schools. In 1915, the newspaper *Turkestanskije Vedomosti* published a series of articles by M.S. Andreyev, an inspector of public schools in Turkestan, under the general title "New Methods of Teaching in Turkestan". The author analyzed both positive and negative trends in the new system of Muslim school education, using the example of the Munavvar Kary Abdurashidkhanov School in Tashkent. M.S. Andreyev's articles challenged a series of stereotypes about education in Turkestan. Unlike high-ranking officials in the regional administration, Andreyev had no doubt that the future of Turkestan's Muslim education lay with new-method schools, and he saw no contradiction between this and the state interests of the Russian Empire.

Keywords: Jadidism, Turkestan, confessional education, new-method schools, Turkestan's *Vedomosti*, M.S. Andreev.

Д.А. Аманжолова¹

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ, ВКЛАД
В СОВЕТСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ**

Аннотация. Перипетии становления этнополитической элиты региона связаны с многослойным содержанием советского опыта модернизации, а ее позиционирование на разных этапах этого процесса являлось частью социальной реструктуризации и адаптации традиционных обществ в новом административно-территориальном и политическом пространстве. Повторяющийся в литературе тезис о вынужденных действиях большевиков по рекрутированию лояльных власти представителей традиционной элиты, коренизации и беспримерном контроле Центра над всеми группами и поколениями национальных лидеров и обществ стоит дополнить исследованием роли элиты как субъекта модернизационного проекта. Важно также обсудить причины, историческую динамику и последствия внутриэлитной группировочной борьбы и неформальных механизмов власти.

Ключевые слова: этнополитическая элита, Средняя Азия и Казахстан, советское нациестроительство.

D.A. Amanzholova²

**THE ETHNOPOLITICAL ELITE OF CENTRAL ASIA
AND KAZAKHSTAN: PROBLEMS OF FORMATION
AND POSITIONING, CONTRIBUTION TO THE SOVIET
MODERNIZATION**

Abstract. The vicissitudes of the formation of the ethnopolitical elite of the region are associated with the multilayered content of the Soviet experience of modernization, and its positioning at various stages of this process was part of

¹ Дина Ахметжановна Аманжолова, д-р ист. наук, профессор, г.н.с., Центр истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН, Москва, Россия, e-mail: amanzholova19@mail.ru

² Dina Akhmetzhanovna Amanzholova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: amanzholova19@mail.ru

the social restructuring and adaptation of traditional societies in the new administrative-territorial and political space. The thesis repeated in the literature about the forced actions of the Bolsheviks to recruit representatives of the traditional elite loyal to the government, the rooting out and unprecedented control of the center over all groups and generations of national leaders and societies should be supplemented by a study of the role of the elite as a subject of the modernization project. It is also important to discuss the causes, historical dynamics, and consequences of intra-elite group struggles and informal power mechanisms.

Keywords: ethnopolitical elite, Central Asia and Kazakhstan, Soviet nation-building.

Роль этнобюрократии в становлении советской модели федерализма была весьма активной. История ее формирования в 1920–1930-е гг. демонстрирует амбивалентный характер политики Центра, обусловленный как стремлением обеспечить устойчивость и управляемость государства, так и найти компромисс с разными поколениями и социальными группами националов, включавшимися в управленческий класс. Сложный характер внутриэтнических и внутриэлитных взаимоотношений в национальном управленческом классе оказывал существенное влияние на реализацию советского проекта в конкретных этносоциальных локусах, деятельность Центра и его представителей на местах. Это отражалось на разнообразии темпов, характере и содержании нациестроительства. Изучение элит в парадигме противостояния и конструирования образа жертвы давления и репрессий Центра явно недостаточно. Анализ поведения лидеров и этнобюрократии национально-государственных единиц раскрывает изменения в характере и методах их взаимодействия в управленческих структурах разного уровня, связанные с решением конкретных задач социально-экономического развития, финансирования, отношений с соседними регионами, межведомственными взаимосвязями, полномочиями органов власти и управления.

Советская национальная политика предполагала устройство новой системы власти и управления с предоставлением титульному населению (на основе классового подхода исключительно ранее эксплуатировавшимся трудящимся) всех возможностей участия в ней. Крайний дефицит образованных и подготовленных кадров побудил власть к активной инкорпорации в советские и партийные структуры на местах тех представителей титульного населения, которые

проявили приверженность программе большевиков, признали их победу в военно-политическом противоборстве и проявили готовность участвовать в управлении, при этом не обязательно имея пролетарское/бедняцкое происхождение. Проявившие политическую активность до 1917 г. деятели (как правило, интеллигенция) редко имели управленческий опыт. Их оказалось явно недостаточно, что обусловило политику коренизации³. Как считает И. Оайон, служба в Красной армии и довольно редкое высшее образование были главными гарантиями лояльности советскому режиму⁴. Но в Красной армии к 1920-м гг. служили немногие представители народов региона, высшее образование имели лишь немногочисленные выходцы, главным образом из социальных верхов, и даже в руководстве республик их было крайне мало. Да и высшее образование вряд ли можно считать гарантией большевизации и лояльности. Основной состав национальной элиты в раннесоветский период отличался пестротой в образовательной и политической подготовке, социальном происхождении (специальными мерами укреплялась доля выходцев из рабочих и бедноты).

Этнические элиты восприняли коренизацию как инструмент и программу управления национально-государственными образованиями, Центр нацеливал их на общую политику и принципы советской модернизации. В разных регионах коренизация имела отличия, нередко давая преимущество титульным этносам, она вызывала недовольство русскоязычных, в том числе участников гражданской войны, чувствовавших себя незаслуженно ущемленными. Профессиональная подготовка управленцев в специальных вузах типа КУТВ, где основное внимание по необходимости уделялось общему

³ Болпонова А. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX–XXI вв.). Бишкек, 2013. 284 с.; Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003. 362 с.; Кульшанова А.А. Политика клиентелизма как один из аспектов национальной политики советского государства // Вестник КазНУ. 2011. № 1. С. 268–271; Масов Р. К вопросу о консолидации таджикского народа и таджикистанцев // Муаррих-Историк. 2015. № 3. С. 3–8; Расулова Н.С. История направленности политики Коммунистической партии Узбекистана по подготовке кадров на пропаганду советской идеологии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2024. 72 с. и др.

⁴ Оайон И. Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920–30-х годах // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 68.

образованию, заключалась в изучении основ большевизма и политическом просвещении⁵.

Национальный состав в структурах управления начал заметно меняться к середине 1920-х гг. Низовые работники-выдвиженцы, недавно вступившие в партию, занимали места «европейцев». К середине 1927 г. в составе рабочих троек ЦК и обкомов партии союзных и автономных республик националы составили почти одинаково в Узбекистане – 41,5 % и на Украине – 41,6, в Казахстане – 44,9 %; для сравнения: в Азербайджане – 68,7 %, Татарии – 50 %. В Казахстане при 21,6 % казахов среди членов профсоюзов в центральных профорганах их насчитывалось 32,4 %, в Узбекистане узбеки составляли 43,5 % членов профсоюзов, в руководстве – 48,1 %. В горсоветах Казахской АССР казахов было 22,2 %, тогда как в городах они составляли 13,6 %⁶. В Таджикистане в 1927–1929 гг. прошла кампания под лозунгом «Борьба батрака и бедняка в союзе с середняком против байства и за полное овладение низовым советским аппаратом».

Создание новой политической системы на невиданных ранее основах с обеспечением приоритета титульного народа не могло не породить воспроизводство привычных приемов властвования. Они использовались в условиях неустойчивых комбинаций, которые персонифицировал состав руководства республик, а альянсы внутри него основывались на личном опыте взаимоотношений, позиции по поводу конкретных управленческих решений, распределении полномочий и возможности укрепить свой статус в глазах сотоварищей, Центра и его посланцев.

Межклановое соперничество внутри правящей элиты проявлялось в процессе формирования новой иерархии партийно-государственного управления и создания соответствующей номенклатуры. Воспроизводилось деление элиты на конкурирующие группы, соответствующие традиционной иерархии и историко-географической специфике с внутриэтническими противоречиями и этносоциальными особенностями.

⁵ Аманжолова Д.А. Подготовка партийных кадров для Казахской АССР: социальная мобильность и реструктуризация общества (1920–1930-е гг.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2025. Т. 117, № 2. С. 4–19; Аманжолова Д.А. О подготовке кадров управленцев в 1920-е гг.: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Ташкент, 2025. С. 190–193 и др.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 17–19.

Разногласия внутри правящего слоя и в отношениях с Москвой разворачивались по поводу распределения полномочий и средств между союзными, республиканскими и центральными ведомствами и других задач государственного строительства, в связи с решением наиболее чувствительных в межнациональных отношениях проблем. Однако с самого начала обнаружилось, что любые принципиальные для нациестроительства вопросы этнополитическая элита почти всегда активно использовала и как попытки устранить явных или мнимых соперников в борьбе за властный ресурс.

Руководители-националы становились частью механизмов традиционных и советских связей. В этой ситуации руководители-«европейцы» и Центр обращали внимание на особенности характеров лидеров группировок, их карьерные и политические мотивы, межличностные отношения и социальное происхождение. Чем выше был уровень власти, тем менее существенной становилась клановая поддержка, опираться приходилось на утверждавшуюся номенклатурную иерархию и личную выслугу перед Центром. Неслучайно почти каждый из представителей республиканских элит всеми способами стремился позиционировать себя в Москве и прежде всего в глазах И.В. Сталина наиболее лояльным, сведущим, неподкупным и опытным управленцем.

Лидеры республик на местах презентовали себя и как представителей Центра, и как носителей этноцентристски ориентированных предпочтений «собственной» власти. Такая позиция определялась и развернувшимися в середине 1920-х гг. дискуссиями. 2 января 1926 г. под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) секретари «тюркских» парторганизаций Казахстана, Средней Азии, в том числе Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана, обсуждали вопрос о «большевизации национальных кадров». Секретарь Средазбюро ЦК РКП(б) И.А. Зеленский признал: в недавно созданных республиках «значительные элементы внутри партии являются выходцами из буржуазного класса, преобладает особенно сильно процесс захвата власти, стремление стать ближе к командующим высотам, некоторое недоверие и недоброжелательство ...в скрытой форме есть. ... теперешний кадр работников можно разделить на две части: одна часть – те, которые сравнительно недавно пришли в партию, другая – которая фактически управляет. Как здесь нужно повернуться,

чтобы сохранить пока некоторую возможность работы с европейским аппаратом партии и советов, без чего трудно проводить работу, и в то же время не мешать коренизации аппарата и приближению его к населению». Один из выходов он видел в систематической взаимосвязи и информации о состоянии дел между Центром и парторганизациями республик⁷.

Лидеры автономий (Казахстан, Киргизия, Каракалпакия) с разной степенью активности и результативности взаимодействовали с руководством соседних союзных республик и Центром, стремясь добиться преференций, расширения полномочий, укрепления позиций в отношениях с ведомствами РСФСР. Споры сосредоточивались и вокруг статуса автономий, отношений с Центром, бюджетных возможностей и прав, хозяйственной специализации и финансирования промышленных объектов на и вне территории республик. 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин»⁸. Особую остроту приобрели споры о статусе республик, боровшихся за его повышение, особенно после преобразования Чувашской АО в АССР, а также вокруг распределения средств на промышленное строительство и пр. Сложные вопросы взаимоотношений Центра с национальными регионами, особенно в хозяйственной и финансовой сферах, вызывали критику, а присутствие националов в составе центральных учреждений трактовалось как ключ к решению проблем. Попытки некоторых руководителей республик и Центра создать Среднеазиатскую федерацию по примеру Закавказья не привели к успеху: союзный центр на фоне политической слабости и противоречивых внутриэлитных взаимоотношений предпочел не усложнять федеративную комбинацию региона и страны дополнительным звеном управленческой иерархии.

Социально-экономическая модернизация региона не могла быть успешной без консолидированного финансового, кадрового,

⁷ «Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

⁸ Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

ресурсного вклада союзного центра в каждую республику, что обусловило конкуренцию элит, в том числе с использованием аргументов о приграничном положении и необходимости демонстрировать зримые успехи народам соседних стран, о предпочтительном размещении новых предприятий и транспортной инфраструктуры с противоречивым толкованием понятия и роли республик как сырьевой базы и др. В таких дебатах оформились различия в поведении представителей Центра – националов, ранее работавших в своих регионах, и руководства республик. Так, заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов, презентуя строительство Турксиба и другие масштабные проекты, хозяйственные и иные выгоды для республик, подчеркивал необходимость и приоритеты интеграции их экономик в общесоюзную. Глава отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров активно выступал за расширение прав и повышение статуса автономий⁹.

Приверженность идеалам большевизма (демонстративная или искренняя) не мешала стремительной бюрократизации кадров, снижению качества управленческой культуры. Карьерные и личные маршруты представителей разных поколений в составе элиты стали приобретать все более самостоятельный и весьма извилистый рисунок, а их взаимные пересечения диктовались разнонаправленными силами и факторами. Сложные коллизии в отношениях с Центром и между собой, глубокие преобразования внушали не только надежды, но и опасения. Давали о себе знать попытки не только повлиять на практические меры на местах, но и использовать имеющиеся шансы для карьеры или реализации индивидуальных интересов. При этом отношение рядовых граждан к официальным институтам власти, которое сформировалось в дореволюционный период, переносилось на новые институции. Дисциплина обычного права была обращена к тем представителям национальной среды, которые сумели обрести определенный административный и неформальный ресурс в партийно-советско-общественных организациях. Сохраняли силу родственные и клановые сети. Делегирование полномочий по защите или представлению интересов граждан происходило по обычной схеме, хотя внешне она имела иные атрибуты и символы. Социальная мимикрия получила широкое распространение, порождая двой-

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 30–32.

ные стандарты – в официальной, публичной жизни и в приватной сфере отношений и ценностей. Сохраняя свою идентичность, представители элиты неформально продолжали культивировать традиционную кланово-родовую структуру организации общества и взаимоотношений в нем.

Возникновение разнообразных альянсов в составе правящего слоя республик, их реструктуризация и борьба между ними были вызваны разными обстоятельствами. Среди определяющих были устойчивые традиции консолидации этнорегиональных кланов и общая подчиненность привычной этносоциальной иерархии, которая базировалась на сохранявшихся экономических и родственных зависимостях. Важное место занимали карьерные интересы и властные амбиции, что особенно ярко проявлялось во время избирательных кампаний всех уровней, разработки и принятия решений, реализации наиболее животрепещущих социально-экономических проектов.

Наряду с множеством сложных и острых задач социально-экономического, политико-правового и культурного характера, которые приходилось решать призванным в ряды советских управленцев всех уровней, требовались огромные усилия для тщательного анализа быстро меняющейся конъюнктуры, умение гибко и оперативно перестраиваться на ходу, в том числе в отношениях с коллегами, также рисковавшими неожиданно потерять должность и чин или, наоборот, резко подняться по иерархической лестнице. Даже для не запятнавших себя сотрудничеством с «классовыми врагами» это было сильным испытанием выдержки, ума и адаптивности. Всем требовалось постоянно доказывать свою лояльность власти и ее идеологии, что заставляло некоторых вообще отказываться от советской работы и даже выходить из партии. Одной из причин разнообразных чисток была острая внутрипартийная борьба с различными «оппозициями» в Центре, отзывавшаяся даже на рядовом партийно-советском составе. Вдобавок каждый ответственный работник на большинстве уровней системы управления в силу острого дефицита подготовленных кадров совмещал, как правило, несколько должностей. Наряду с колоссальной физической и умственной нагрузкой, хронической усталостью психологическое давление не могло не сказываться на поведении и настроениях людей. Это также объясняло низкое качество управления и перманентные срывы в

работе, слабую организацию, что в свою очередь давало бесконечные поводы к обвинениям в различных прегрешениях.

Регулирование иерархии отношений между управленцами во всех сферах государственной и общественной жизни, между вертикальными и горизонтальными пластами организации жизнедеятельности и ее участников обеспечивало согласованность их действий в отношении разных слоев общества, упорядоченность системы и взаимодействия внутри бюрократии. Возникла система, компонентами которой были представители номенклатуры во всех организациях, учреждениях, предприятиях, различных коллективах, политическая элита стояла над всеми ними, осуществляя включение и вывод из состава номенклатуры. В этой многослойной сети бюрократии с разными каналами контроля, дублирования и взаимодействия этнополитическая элита республик (еще более – местные аппаратчики) имела относительную самостоятельность, находясь на определенном удалении от главного центра власти.

Как подчеркивал В.В. Трепавлов, обеспечение лояльности этнических элит служит одной из основ прочности государственного строя, а все государства и народы бывшего СССР несут в себе российский вековой культурный код¹⁰. Местные элиты активно участвовали в конструировании «позитивной этничности», поддерживая власть при сохранении собственной культуры и местных традиций. Во многом благодаря коренизации при более или менее универсальном наборе инструментов удалось совместить лозунг «права наций на самоопределение» с сохранением единства государства. Но Центр не мог полностью контролировать внутриэлитные процессы. Происходило пересечение и наложение разных культурных, политико-правовых, психологических, поведенческих, бытовых практик.

С утверждением номенклатурного принципа и переходом от процентной к функциональной коренизации большевизация этнобюрократии ускориалась, в том числе через подавление группировочной борьбы. В 1930-е гг. осуществляется стандартизация принципов формирования большевистской элиты и бюрократии. Теперь от них требовалась верность идеям партии, выражавшаяся в строжайшей персональной ответственности, конкретном руководстве каждой стороной порученного дела, что заставляло руководителей

¹⁰ Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018. С. 253, 255.

становиться непосредственными организаторами всех этапов работы, посвящая основное время «ручному управлению» на местах. Это обусловило установку на подбор кадров, имевших опыт работы «от станка и сохи» через все ступени производственного цикла и организаторской практики. Производственные вопросы заняли львиную долю повестки дня и повседневных забот руководящих структур и управленцев всех уровней. Рост удельного веса националов-выдвиженцев наряду с репрессиями и вытеснением дореволюционной интеллигенции создавал новое качество важной части этнических общностей. Обновленная этнополитическая элита вместе с руководством страны обеспечила консолидацию и победу советского многонационального народа в Великой Отечественной войне.

Этничность пережила классовый подход. Историко-географические и этнокультурные особенности, как и административно-территориальные и организационные трансформации, определили своеобразный тип этнобюрократии, закрепили в общественном мнении образ начальника, демонстративно и на деле соединивший формальные признаки «слуги народа» с традиционными предпочтениями национальной культуры, в том числе в сфере доступного в конкретных обстоятельствах времени престижного потребления. В репертуаре властных технологий сложились гибкие и разнообразные тактики Центра и этнополитических элит, которые играли самую активную роль в формировании социально-культурного облика общества, непосредственно участвовали в создании и укреплении политической системы СССР. Центр стремился к укреплению устойчивости и управляемости многонационального государства, балансу в хозяйственном и культурном развитии республик, сохранению и развитию этнокультурного многообразия страны. Социокультурная динамика, организационно-политический опыт взаимоотношений с Центром и поведенческие модели влияли на советское строительство, обуславливая специфику власти в республиках.

Литература

Аманжолова Д.А. О подготовке кадров управленцев в 1920-е гг. // Исторический факультет Национального Университета Узбекистана – 90 лет: Центр образования и науки: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Ташкент, 2025. С. 190–193.

Аманжолова Д.А. Подготовка партийных кадров для Казахской АССР: социальная мобильность и реструктуризация общества (1920–1930-е гг.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2025. Т. 117, № 2. С. 4–19.

Болпонова А. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX–XXI вв.). Бишкек: Maxprint, 2013. 284 с.

Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М.: б/и, 2003. 362 с.

«Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

Кульшанова А.А. Политика клиентелизма как один из аспектов национальной политики советского государства // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2011. № 1. С. 268–271.

Масов Р. К вопросу о консолидации таджикского народа и таджикистанцев // Муаррих-Историк. 2015. № 3. С. 3–8.

Оайон И. Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920–30-х годах // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 67–76.

Расулова Н.С. История направленности политики Коммунистической партии Узбекистана по подготовке кадров на пропаганду советской идеологии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2024. 72 с.

Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.

Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М.: Гос. учреждение «Московский Дом национальностей», 2008. 831 с.

References

Amanzholova, D.A. (2025). O podgotovke kadrov upravlentsev v 1920-e gg. [On the Training of Management Personnel in the 1920s]. In *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Istoricheskiy fakultet Natsionalnogo Universiteta Uzbekistana – 90 let: Tsentr obrazovaniya i nauki"*. Tashkent, pp. 190–193.

Amanzholova, D.A. (2025). Podgotovka partiynykh kadrov dlya Kazakhskoy ASSR: sotsialnaya mobilnost i restrukturalizatsiya obshchestva (1920–1930-e gg.) [Training of Party Cadres for the Kazakh ASSR: Social Mobility and Restructuring of Society (1920–1930s)]. In *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. Vol. 117, No. 2, pp. 4–19.

Bolponova, A. (2013). *Istoriya i evolyutsiya klanovoy sistemy v politicheskikh protsessakh kyrgyzskogo obshchestva (XIX–XXI vv.)* [History and Evolution of the

Clan System in the Political Processes of Kyrgyz Society (19th–21st Centuries)]. Bishkek, Maxprint. 284 p.

Chebotareva, V.G. (2008). *Natsionalnaya politika Rossiyskoy Federatsii 1925–1938 gg.* [National Policy of the Russian Federation 1925–1938]. Moscow, Gos. uchrezhdeniye “Moskovskiy Dom natsionalnostey”. 831 p.

Kadyrov, Sh. (2003). “*Natsiya*” plemen: *etnicheskiye istoki, transformatsiya, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane* [“Nation” of Tribes: Ethnic Origins, Transformation, Prospects of Statehood in Turkmenistan]. Moscow. 362 p.

(2015). Kak vesti rukovodstvo, na chto orientirovatsya? Stenogramma soveshchaniya sekretarey partorganizatsiy v TsK VKP(b) po voprosu o “bolshevizatsii natsionalnykh kadrov”. 1926 g. [How to Lead, What to Focus On? Transcript of the Meeting of Secretaries of Party Organizations in the Central Committee of the AUCP(b) on the Issue of “Bolshevization of National Cadres”. 1926]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 5, pp. 100–125.

Kulshanova, A.A. (2011). Politika klientelizma kak odin iz aspektov natsionalnoy politiki sovetskogo gosudarstva [The Policy of Clientelism as One of the Aspects of the National Policy of the Soviet State]. In *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. No. 1, pp. 268–271.

Masov, R. (2015). K voprosu o konsolidatsii tadzhikskogo naroda i tadzhikistantsev [On the Issue of Consolidation of the Tajik People and Tajikistanis]. In *Muarrikh-Istoriik*. No. 3, pp. 3–8.

Oayon, I. (2009). Rodovaya vlast i sovetskiy gosudarstvennyy apparat v Kirgizskoy ASSR v 1920–30-kh godakh [Tribal Power and the Soviet State Apparatus in the Kirghiz ASSR in the 1920s–30s]. In *Sotsialnaya zhizn narodov Tsentralnoy Azii v pervoy chetverti XX veka: traditsii i innovatsii*. Tashkent, pp. 67–76.

Rasulova, N.S. (2024). *Istoriya napravlenosti politiki Kommunisticheskoy partii Uzbekistana po podgotovke kadrov na propagandu sovetskoy ideologii* [History of the Direction of the Policy of the Communist Party of Uzbekistan on Training Personnel for the Propaganda of Soviet Ideology], Dr. hist. sci. diss. abstract. Tashkent. 72 p.

Trepavlov, V.V. (2018). *Simvoly i ritualy v etnicheskoy politike Rossii XVI–XIX vv.* [Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia of the 16th–19th Centuries]. St. Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko. 320 p.

М.А. Косицын¹

**ОБЬ-ИРТЫШ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
ПРИРОДЫ: НАУЧНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА (1930-Е ГГ.)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений о природе и пространстве в советской научно-технической мысли 1930-х гг., связанных с проектами гидростроительства на Оби и Иртыше. Показано, что природа в этих текстах выступает не как нейтральный фон, а как активный участник социалистического переустройства, одновременно живая и подчиненная сила. Через сочетание дискурсов «природы-актера» и «природы-ресурса» формируется образ региона как «спящего пространства», ожидающего пробуждения наукой и техникой. Гидростроительные проекты трактуются не только как средство экономического освоения, но и как инструмент социальной модернизации, интеграции периферии в общесоюзное пространство и утверждения советского мифа о преобразующей силе техники.

Ключевые слова: Обь-Иртыш, гидростроительство, социалистическое преобразование природы, идеология, наука и техника, советская модернизация, Сибирь, 1930-е годы.

М.А. Kositsyn²

**OB-IRTYSH AND THE SOCIALIST TRANSFORMATION
OF NATURE: SCIENTIFIC AND IDEOLOGICAL IMAGES
OF HYDRAULIC ENGINEERING (1930S)**

Abstract. The article is devoted to the study of ideas about nature and space in the Soviet scientific and technical thought of the 1930s related to hydraulic engineering projects on the Ob and Irtysh rivers. It is shown that nature in these

¹ **Максим Андреевич Косицын**, м.н.с., Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: kosizin2013@gmail.com

² **Maxim Andreevich Kositsyn**, Junior Researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia, e-mail: kosizin2013@gmail.com

* Статья опубликована в рамках реализации проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII – начало XXI вв.)» (FWZM-2025-0001)».

texts does not act as a neutral background, but as an active participant in the socialist reconstruction, at the same time a living and subordinate force. Through the combination of the discourses of “nature as an actor” and “nature as a resource”, the image of the region is formed as a “sleeping space” awaiting awakening by science and technology. Hydraulic engineering projects are interpreted not only as a means of economic development, but also as an instrument of social modernization, integration of the periphery into the all-Union space and the affirmation of the Soviet myth about the transformative power of technology.

Keywords: Ob-Irtysh, hydraulic construction, socialist transformation of nature, ideology, science and technology, Soviet modernization, Siberia, 1930s.

Взаимоотношение природы и модернизации занимает ключевое место в интеллектуальной истории XX в. В советском контексте этот диалог приобрел особую интенсивность: идея социалистического преобразования природы стала неотъемлемой частью представлений о прогрессе, рациональности и будущем. Природа мыслилась не как данность, а как пластичная материя, подлежащая организации, научному планированию и коллективному преобразованию. В текстах инженеров, геологов и экономистов природа постоянно включается в проект будущего региона, становясь объектом размышлений о модернизации и социалистическом строительстве. Именно в этом пересечении науки, идеологии и утопии формировалась особая советская версия модернизационного мышления, где инженерные практики и научные теории становились средствами не только экономического роста, но и конструирования нового типа отношения человека к миру.

Советская модернизация рассматривала природу одновременно как источник материальных ресурсов и как поле символической деятельности, в которой воплощались идеалы коллективизма, труда и будущего. Технический разум и политическая воля, соединяясь в едином проекте «освоения», создавали миф о полном подчинении природных сил человеческому замыслу. Однако за этим мифом проступали и противоречия – между утопией гармонии и практикой эксплуатации, между научным рационализмом и поэтической риторикой «природного возрождения».

Цель данного исследования – выявить, каким образом советская научно-техническая интеллигенция выстраивала представления о природе как об объекте модернизации и инструменте социального

преобразования, а также проследить сочетание рациональных, утопических и культурно-символических образов взаимодействия человека с природой в их текстах.

Основу исследования составляют научные статьи и монографии советских геологов и гидротехников, а также проекты использования водных ресурсов Обь-Иртышского бассейна. В корпус источников включены работы В.А. Мичкова, Н.Я. Коряко, В.П. Нехорошева, в которых раскрываются различные подходы к проблеме гидростроительства на Оби и Иртыше.

Настоящее исследование опирается на методологические подходы экологической истории и дискурс-анализа, которые в совокупности позволяют рассмотреть советские проекты гидростроительства не только как технические или экономические инициативы, но как культурные тексты, отражающие специфическое восприятие природы в контексте социалистической модернизации.

Человек и природа. Вопрос о том, как советская научно-техническая мысль 1920–1930-х гг. представляла природу, оказывается центральным для понимания проектов модернизации в Казахстане и Западной Сибири. В текстах инженеров, геологов и экономистов природа не выступает нейтральным фоном, а активно включается в рассуждения о будущем региона. При этом в этих представлениях возникает напряжение между двумя подходами: природа предстает то как самостоятельная сила, исторический актор с собственной динамикой и закономерностями, то как объект воздействия, подчиненный задачам хозяйственного преобразования. Эти два подхода удобно обозначить как натуралистический и технократический дискурсы, которые будут основой дальнейшего анализа источников и проектов.

Н.Я. Коряко в своей работе, посвященной ирригации и орошению Обь-Иртышского бассейна, пишет: *«До Великой Октябрьской революции огромные природные богатства в Обь-Иртышском бассейне лежали почти неиспользованными, и нужна была Октябрьская революция, чтобы развитие производительных сил здесь получило могучий толчок»*³. Здесь возникает ключевой для технократического дискурса мотив «ожидания освоения»: природные ресурсы предстают

³ Коряко Н.Я. Проблема рек Оби и Иртыша. Ирригация междуречья и энергоснабжение Новосибирского и Прииртышского районов. Л., 1937. С. 5.

пассивной материей, «спящим богатством», которое может быть пробуждено только политическим действием, т.е. революцией. Природа становится сценой истории, где революция выступает как акт оживления.

Совершенно иное звучание имеет высказывание председателя Запсибкрайплана В.Ф. Тиунова, который руководил Обь-Кулундинской экспедицией, изучавшей проблему самотечного орошения Кулундинских степей. *«Природа в этом случае создала для нас благоприятные условия... и дает возможность без особых затрат (самотеком) подавать воду в орошаемые районы»*. В натуралистическом дискурсе природа уже не ожидает вмешательства, напротив, она активна и рациональна по устройству. Формула «природа создана для нас» придает ей телеологическую направленность, словно природные процессы заранее согласованы с человеческими целями. В этом дискурсе исчезает оппозиция «человек – природа», инженер выступает не покорителем, а толкователем естественного замысла, а сама природа – историческим актором, более того, соавтором социалистического проекта модернизации.

Однако оба подхода не противоречат друг другу. Натуралистический и технократический дискурсы могут переплетаться и сосуществовать в одной и той же работе, создавая сложную картину взаимодействия человека и природы. К примеру, В.П. Нехорошев, геолог и автор инициатив по гидротехническому использованию р. Иртыш, рассматривает природу двойственным способом. С одной стороны, р. Иртыш у него предстает как живой и динамичный организм, а с другой – как потенциальный ресурс для освоения. В описаниях Иртыша постоянно встречаются термины, переносящие на реку характеристики живого тела, как, например, в пределы СССР река уже входит *«в стадии зрелости»*, а *«по выходе из озера (имеется в виду оз. Зайсан) <...> Иртыш имеет типичный старческий характер»*, *«Перед Усть-Каменогорском река вырывается из гор на свободу...»*⁴. В этом плане природа приобретает черты, присущие живому организму (возраст, характер, движения) и даже в некотором плане свободу воли. Неоднократно природа предстает как «клад с сокровищами»: *«Остается рассмотреть еще одно природное богатство края... во-*

⁴ Нехорошев В.П. Геологическое строение и экономические перспективы бассейна верховий Иртыша (Доклад 1-му Всеказахстанскому научно-исследовательскому и краеведческому съезду). Семипалатинск, 1929. С. 1–2.

дную энергию. Это пока лежащий втуне, но, по существу, самый ценный дар природы»⁵. Природа не просто существует, она как бы «спит», «ждет» науку и технику, которые должны ее «разбудить». Ресурсы уже даны, но их потенциал раскрывается только при вмешательстве человеческого разума.

В схожем с технократическим, но более радикальном направлении пишет и В.А. Мичков, автор работ по «самотечному» орошению Кулундинских степей. Уже с первых страниц книги В.А. Мичков задает тон темы цитатой И.В. Сталина *«Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики»*. В предисловии к своей работе он также откликается на призыв партийных лидеров *«по-большевистски взяться за борьбу с засухой»* и *«использовать природу в интересах человечества»*⁶. В этом контексте природа предстает не просто объектом освоения, а ареной борьбы, где инженер и человек коллективно ведут «войну» с засухой, песками и ограниченными ресурсами. Метафора «крепости» придает природным условиям черты противника, который должен быть побежден, подчинившись человеческой воле и технике. Природа перестает быть пассивной или «ожидающей помощи», напротив, она становится вызовом, ареной действия, где решающую роль играют не только наука и техника, но и революционная энергия общества. Такой подход представляет собой радикализированную форму технократического дискурса, который исследователи характеризуют как «прометеистский», где человек является не только рациональным организатором, но и «воином», «завоевателем» природы.

Постепенно образ природы трансформируется в образ пространства, где решаются не только хозяйственные, но и социальные задачи модернизации

Гидростроительство и модернизация. Если объединить эти представления, мы увидим, что в советской мысли 1930-х гг. природа становится не просто объектом труда, а пространством, в котором решаются социальные и идеологические задачи. В описаниях Обь-Иртышского региона инженеры часто описывают край как «пустынный», «дефицитный», «спящий» и недоиспользованный.

⁵ Нехорошев В.П. Геологическое строение и экономические перспективы... С. 10.

⁶ Мичков В.А. Ирригация Кулунды – гидростанция – водный путь Обь-Иртыш // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. №6–7. С. 37–38; Мичков В.А. Обь-Кулундинская комплексная водохозяйственная проблема. Новосибирск, 1934. С. 3, 6.

В.П. Нехорошев, описывая верхний плес Иртыша и прилегающие земли, писал следующее: «слабо заселенные, в значительной мере заросшие камышом участки», которые «до сих пор оставались вне внимания хозяйства»⁷. Природное описание таким образом сразу же проецируется на сам регион, формируя образ территории, нуждающейся во внешнем вмешательстве. Экономическая и социальная активность края предстает зависимой от модернизации, проводимой извне, создавая «воображенное пространство», о котором писал Эдвард Саид⁸ в контексте ориентализма: регион описывается через призму потребностей и взглядов внешнего наблюдателя, а не через собственную динамику. Однако цель этого описания заключалась не в колониальном покорении региона, а в его модернизации. В этом плане научные исследователи, инженеры и геологи выступают в роли агентов власти. Их научные работы становятся инструментами интеграции региона в экономику страны и социалистическую систему, а научное знание приобретает одновременно техническую и политическую функцию. Географические особенности региона превращаются в аргументы в пользу его модернизации. Природное описание плавно трансформируется в социально-экономическое: земли, кажушиеся «пустыми» и «неиспользованными», становятся пространством, которое необходимо рационально организовать, орошать, электрифицировать и интегрировать в общесоюзное хозяйство. В.А. Мичков, сравнивая Обь-Кулундинский бассейн с Заволжьем, подчеркивает его благоприятные показатели и высокую эффективность: «Заволжье для европейской части СССР и для экспорта на запад, а Обь-кулундинская проблема для азиатской части СССР и для экспорта на восток»⁹.

В этом контексте примечательно, что практически во всех работах проекты гидростроительства сравниваются с Днепрогэсом. Более того, большинство проектов авторы называют по аналогии с Днепрогэсом (Днепростроем) – Иртышстрой, Кулундастрой. Подобное сравнение можно рассматривать не только как необходимое упрощение, облегчающее восприятие текста читателям, особенно тем читателям, которые участвуют в принятии политических решений, но и как символический жест включения периферии в про-

⁷ Нехорошев В.П. Геологическое строение и экономические перспективы... С. 13.

⁸ Саид Э. Ориентализм. М., 2021. 560 с.

⁹ Мичков В.А. Обь-Кулундинская комплексная водохозяйственная проблема... С. 101.

странство Центра, придавая периферийным стройкам статус сопричастности к главному модернизационному мифу эпохи, «эталону социалистического прогресса», что делает периферию советской не только экономически, но и культурно.

Одновременно проекты гидростроительства связаны еще и с глубокой социальной трансформацией региона. Как отмечает В.А. Мичков, *«Обь-кулундинская проблема имеет крупнейшее политическое значение, так как благодаря ей район самого экстенсивного землепользования... превращается в район высокоинтенсивного хозяйства. Вместе с электрификацией совершенно стирается для орошаемого района граница между городом и деревней»*¹⁰. В такой оптике инженерное вмешательство в природную среду мыслится (в рамках марксистской логики истории) как шаг на пути коммунистической трансформации общества. Схожие представления выражает и В.П. Нехорошев, подчеркивая, что *«наличие дешевой удобной энергии Иртышской ГЭС является стимулом для развития фабрично-заводской промышленности... будет способствовать росту организованного пролетариата, что так важно для Казахстана»*¹¹. В этом плане гидростроительство в восприятии инженеров 1930-х гг. служит не только экономическому росту, но и становится катализатором модернизации, инструментом преодоления «естественных» границ – между городом и деревней, между природой и обществом, между старым и новым укладом.

Заключение. Образ природы в советской научно-технической мысли 1920–1930-х гг. формируется на пересечении науки, идеологии и утопии. В текстах инженеров и геологов природа предстает не нейтральной данностью, а активным участником исторического процесса, включенным в проект социалистического переустройства мира. В одних случаях она изображается как «спящее богатство», ожидающее революционное и техническое пробуждение, в других как разумно устроенная сила, «сотрудничающая» с человеком, или как «неприступная крепость», которую должен покорить человек. Эти дискурсы переплетаются, создавая динамичный и противоречивый образ природы, одновременно живой и подчиненной. Освоение пространства превращается в акт символического завоевания, где победа над стихией равна победе социализма над хаосом. Гидро-

¹⁰ Мичков В.А. Обь-Кулундинская комплексная водохозяйственная проблема... С. 102.

¹¹ Нехорошев В.П. Геологическое строение и экономические перспективы... С. 13.

строительные проекты Обь-Иртышского бассейна демонстрируют, как научное знание и инженерная практика, изначально воспринимавшиеся как нейтральные и объективные формы освоения природы, превращаются в инструмент политического и идеологического включения региона в единое символическое и экономическое пространство советской модернизации.

Литература

Коряко Н.Я. Проблема рек Оби и Иртыша. Ирригация междуречья и энергоснабжение Новосибирского и Прииртышского районов. Ленинград, 1937. 147 с.

Мичков В.А. Ирригация Кулунды – гидростанция – водный путь Обь-Иртыш // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 6–7. С. 37–54.

Мичков В.А. Обь-Кулундинская комплексная водохозяйственная проблема. Новосибирск, 1934. 106 с.

Нехорошев В.П. Геологическое строение и экономические перспективы бассейна верхний Иртыша (Доклад 1-му Всеказахстанскому научно-исследовательскому и краеведческому съезду). Семипалатинск, 1929. 20 с.

Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.

References

Koryako, N.Ya. (1937). *Problema rek Obi i Irtysha. Irrigatsiya mezhdurech'ya i energosnabzhenie Novosibirskogo i Priirtyshskogo rayonov* [The Problem of the Ob and Irtysh Rivers: Irrigation of the Interfluvium and Energy Supply of the Novosibirsk and Irtysh Regions]. Leningrad. 147 p.

Michkov, V.A. (1932). *Irrigatsiya Kulundy – gidrostantsiya – vodnyy put' Ob'-Irtysh* [Kulunda Irrigation – Hydropower Station – Waterway Ob–Irtysh]. In *Sotsialisticheskoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri* [The Socialist Economy of Western Siberia]. No. 6–7, pp. 37–54.

Michkov, V.A. (1934). *Ob'-Kulundinskaya kompleksnaya vodokhozyaystvennaya problema* [The Ob–Kulunda Complex Water Management Problem]. Novosibirsk. 106 p.

Nekhoroshev, V.P. (1929). *Geologicheskoe stroenie i ekonomicheskie perspektivy basseyna verkhoviy Irtysha (Doklad 1-mu Vsekazakhstanskomu nauchno-issledovatel'skomu i kraevedcheskomu s'ezdu)* [Geological Structure and Economic Prospects of the Upper Irtysh Basin (Report to the First All-Kazakhstan Scientific and Local History Congress)]. Semipalatinsk. 20 p.

Said, E. (2021). *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh”. 560 p.

В.В. Тихонов¹

СОЗДАВАЯ ИСТОРИЮ СОВЕТСКОГО ТАДЖИКИСТАНА: ИНСТИТУТЫ И АКТОРЫ В 1930-Х – СЕРЕДИНЕ 1940-Х ГГ.

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса начальных этапов создания советской версии таджикской истории. В 1930-е гг. конкурировало по меньшей мере две модели развития науки в Таджикской ССР. Первая предполагала формирование академического сектора науки, являющегося продолжением АН СССР. Вторая модель ориентировалась на формирование научных институций на местах и последующей опоре на местные кадры, именно на нее и была сделана ставка. Реализация второй модели могла быть успешной только при массивной поддержке местных институтов власти. Это способствовало тому, что инициативу в написании истории Таджикистана взял в свои руки видный партийный деятель Б.Г. Гафуров. В условиях невозможности открытой конкуренции между среднеазиатскими республиками историописание превратилось в инструмент политической и культурной борьбы между ними. После успешной декады таджикского искусства, прошедшей в Москве (апрель 1941 г.), Б.Г. Гафуров активно продвигал свою версию истории таджиков и всей Средней Азии, организовав подготовку обобщающей истории Таджикской ССР, в которой подчеркивал особую роль таджиков в истории Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: советская историография, история Таджикистана, АН СССР, Н.П. Горбунов, Б.Г. Гафуров.

V.V. Tikhonov²

CREATING THE HISTORY OF SOVIET TAJIKISTAN: INSTITUTIONS AND ACTORS IN THE 1930S – MID-1940S

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the process of the initial stages of the creation of the Soviet version of Tajik history. In the 1930s, at least two

¹ **Виталий Витальевич Тихонов**, д-р ист. наук, в.н.с., Институт российской истории РАН, Москва, Россия, e-mail: tihonovvitaliy@list.ru

² **Vitaly Vitalievich Tikhonov**, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: tihonov-vitaliy@list.ru

models of scientific development in the Tajik SSR competed. The first one assumed the formation of the academic sector of science, which is a continuation of the USSR Academy of Sciences. The second model focused on the formation of scientific institutions in the field and the subsequent reliance on local personnel, and it was on this that the bet was made. The implementation of the second model could be successful only with the massive support of local government institutions. This contributed to the fact that a prominent party figure, B.G. Gafurov, took the initiative in writing the history of Tajikistan. Given the impossibility of open competition between the Central Asian republics, historical writing has become an instrument of political and cultural struggle between them. After the successful decade of Tajik art held in Moscow (April 1941), B.G. Gafurov actively promoted his version of the history of the Tajiks and the whole of Central Asia, organizing the preparation of a general history of the Tajik SSR, in which he emphasized the special role of the Tajiks in the history of the Central Asian region.

Keywords: Soviet historiography, history of Tajikistan, Academy of Sciences of the USSR, N.P. Gorbunov, B.G. Gafurov.

Тема находится на стыке двух проблемных полей: 1) институционального фактора производства исторического знания и исторического воображения, становления соответствующих институций в союзных республиках; 2) конструирования республиканского (национального) исторического нарратива, в данном случае – в советском Таджикистане.

История в советской Средней Азии 1920–30-х гг. стала своеобразной квазиполитикой, когда многие территориальные и культурные претензии ставились при помощи обращения к прошлому, поэтому вопросы истории играли неявную, но особую и значимую роль во взаимоотношениях республик друг с другом и союзным центром³.

Для успешного «производства» знания требуются соответствующие ресурсы и инфраструктура. Большую роль в развитии советской историографии Таджикистана сыграла АН СССР⁴. В январе 1930 г.

³ Шнирельман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб., 2024. С. 259–273.

⁴ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг. . Л., 1988. С. 138–147; Наврузов Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924–1950 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 1993; Bustanov A. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London, New York, 2015. P. 1–34; Бустанов А.К. Ножницы для среднеазиатской историографии: «восточные проекты» ленинградского востоковедения // Ориентализм vs Ориенталистика: сб. ст. М., 2016. С. 108–166.

при ЦИК Таджикистана был организован Ученый комитет. В августе 1930 г. Академия наук образовала Таджикскую научную комиссию, преобразованную в 1932 г. в Таджикскую научную базу АН СССР. В 1930-е гг. конкурировали по меньшей мере две модели развития науки в Таджикской ССР. Первая предполагала развитие академического сектора науки, являющегося продолжением АН СССР. Вторая модель ориентировалась на формирование научных институций на местах и последующей опоре на местные кадры. Реализация второй модели могла быть успешной только с опорой на местные институты власти.

В контексте становления исторической науки в Таджикской ССР важную роль сыграл академик Н.П. Горбунов⁵, глава Совета филиалов Академии наук СССР. Он последовательно выступал против принципа, согласно которому местную историю изучают «приезжие» историки и филологи. Н.П. Горбунов настаивал на том, что необходимо сформировать местные кадры и последовательно усиливать самостоятельность Таджикской базы, превращая в полноценный научный центр. Последнее можно было реализовать только с опорой на местную власть и ресурсы⁶. Несмотря на то, что Н.П. Горбунов стал жертвой репрессий, ставка была сделана на создание в Таджикистане самостоятельного научного центра. Особое значение для этого играла поддержка республиканских властей, видевших в развитии науки не только интеллектуальный, но и политический ресурс. Сформированные институции, оказавшиеся на пересечении государственно-партийной линии и академической науки, позволяли выйти на общесоюзный уровень.

Это способствовало тому, что инициативу в написании истории Таджикистана проявил видный партийный деятель Б.Г. Гафуров⁷. После успешной декады таджикского искусства, прошедшей в Москве (апрель 1941 г.), на которой Сталин произнес тост с дифирамбами в адрес таджикского народа, Б.Г. Гафуров активно продвигал свою версию истории таджиков и всей Средней Азии, организовав

⁵ О нем см.: *Горбунов Н.П.* Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1986; *Пархоменко А.А.* Академик Н.П. Горбунов: взлет и трагедия. Штрихи к биографии непременно-го секретаря Академии наук СССР // *Репрессированная наука*. Л., 1991. С. 408–423.

⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 29. Л. 40–40 об., 58–59.

⁷ О нем см.: *Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения*. М., 2009. 221 с.

подготовку обобщающей истории Таджикской ССР, в которой подчеркивал особую роль таджиков в истории Центрально-Азиатского региона.

Совнарком Таджикистана принял постановление, по которому в течение 1941–1943 гг. будет подготовлена «История таджиков и Таджикистана» в двух томах объемом в 80 п.л. Принципиальным отличием от проектов по написанию других среднеазиатских республик, развернувшихся во время Великой Отечественной войны, стала опора на собственные силы, а не на кооперацию эвакуированных историков и местных специалистов.

25 августа 1943 г. состоялось заседание Ученого совета Института истории АН СССР, на котором Б.Г. Гафуров представил концепцию издания. Тезисно ее можно представить следующим образом: таджики – наследники общеперсидской культуры, которую они делят с Ираном; подчеркивалась древность таджикского народа; этноним таджик переводился как «носитель короны»; наследие согдийского государства является общим как для таджиков, так и для узбеков, но узбеки имеют к нему отношение только потому, что в XV в. в состав узбекского государства вошли таджикские земли; Саманидское государство (Саманиды – иранская династия) он объявлял таджикским и подчеркивал, что это было самое большое таджикское государство в истории; звучали жалобы на выпячивание древнетюркских династий, в частности Караханидов, Сельджукидов и Газневидов; пропагандировался образ руководителя антиарабского восстания Муканна (775–785)⁸.

Завоевание Средней Азии Россией Гафуров призывал рассматривать позитивнее, чем это делалось ранее: «Мне кажется, надо подчеркивать в нашей истории влияние русского народа на народы Средней Азии, его культурную роль. Я полагаю, что приход русских в Среднюю Азию был значительным шагом вперед. В последнее время в наших работах чересчур подчеркивается колониальная политика русского царизма. Об этом можно сказать, но огромное значение русского народа, его влияние нужно показать»⁹. Такая позиция

⁸ Подробнее см.: Тихонов В.В. Конструируя историю советского Таджикистана: Б.Г. Гафуров и его «История таджикского народа» (1949 г.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: матер. V Всерос. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых. М., 2018. С. 249–259.

⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 75. Л. 13.

оказалась выигрышной в условиях развернувшейся с 1944 г. критики «идеализации» антирусских феодальных восстаний в Средней Азии. Тем не менее сами тезисы вызвали сильную критику со стороны ведущих ученых за излишний этноцентризм.

Можно сделать следующие выводы. К 1940 г. в Таджикской ССР появилась необходимая для реализации масштабного историографического проекта инфраструктура, строившаяся на связи местной власти и общесоюзных научно-исследовательских структур. Периферийность республики и отдаленность от центров эвакуации позволяли поддерживать относительную независимость и отдавали инициативу местной власти, где в области истории первую роль играл Б.Г. Гафуров. Он действовал рискованно, но всегда чутко улавливал «правильную» конъюнктуру. Это провоцировало конфронтацию с соседями по региону, но одновременно он успешно демонстрировал достаточную лояльность по отношению к союзному центру.

Литература

Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения. М.: Восточная лит. РАН, 2009. 221 [1] с.

Бустанов А.К. Ножницы для среднеазиатской историографии: «восточные проекты» ленинградского востоковедения // *Ориентализм vs Ориенталистика*: сб. ст. М.: ООО «Сандра», 2016. С. 108–166.

Горбунов Н. П. Воспоминания. Статьи. Документы. М.: Наука, 1986. 238 с.

Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский; АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 261 с.

Наврузов Г. Формирование научного центра в Таджикистане (1924–1950 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 1993. 49 с.

Пархоменко А.А. Академик Н.П. Горбунов: взлет и трагедия. Штрихи к биографии непременного секретаря Академии наук СССР // *Репрессированная наука*. Л.: Наука, 1991. С. 408–423.

Тихонов В.В. Конструируя историю советского Таджикистана: Б.Г. Гафуров и его «История таджикского народа» (1949 г.) // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: матер. V Всерос. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых* / отв. ред. Ю.А. Петров, В.Н. Круглов; Институт российской истории Российской Академии наук. М., 2018. С. 249–259.

Шницерльман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-история, 2024. 624 с.

Bustanov A. *Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations*. London; New York: Routledge, 2015. 172 p.

References

(2009). *Akademik Bobodzhan Gafurov: k 100-letiju so dnya rozhdeniya* [Academician Bobojan Gafurov: On the 100th Anniversary of His Birth]. Moscow, Vostochnaya Literatura RAN. 222 p.

Bustanov, A.K. (2016). Nozhnitsy dlya sredneaziatskoy istoriografii: “vostochnye proekty” leningradskogo vostokovedeniya [Scissors for Central Asian Historiography: ‘Eastern Projects’ of Leningrad Oriental Studies]. In *Orientalizm vs Orientalistika: sbornik statey*. Moscow, OOO “Sandra”, pp. 108–166.

Gorbunov, N.P. (1986). *Vospominaniya. Stat’i. Dokumenty* [Memoirs. Articles. Documents]. Moscow, Nauka. 238 p.

Kol’tsov, A.V. (1988). *Rol’ Akademii nauk v organizatsii regional’nyh nauchnyh tsentrov SSSR, 1917–1961 gg.* [The Role of the Academy of Sciences in the Organization of Regional Scientific Centers of the USSR, 1917–1961]. Chief editor. B.B. Piotrovskiy; AN SSSR, Institut istorii estestvoznaniya i tehniki. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение. 261 p.

Navruzov, G. (1993). *Formirovanie nauchnogo tsentra v Tadjikistane (1924–1950 gg.)* [Formation of a Scientific Center in Tajikistan (1924–1950)], Dr. hist. sci. diss. abstract. Dushanbe. 49 p.

Parhomenko, A.A. (1991). Akademik N.P. Gorbunov: vzlet i tragediya. Shtrihi k biografii nepremennogo sekretarya Akademii nauk SSSR [Academician N.P. Gorbunov: Rise and Tragedy. Strokes to the Biography of the Permanent Secretary of the USSR Academy of Sciences]. In *Repressirovannaya nauka*. Leningrad, Nauka, pp. 408–423.

Tihonov, V.V. (2018). Konstruiruya istoriyu sovetskogo Tadjikistana: B.G. Gafurov i ego “Istoriya tadjikskogo naroda” (1949 g.) [Constructing the History of Soviet Tajikistan: B.G. Gafurov and His “History of the Tajik People” (1949)]. In *Istoriya Rossii s drevneyshih vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodyh uchenykh*. Otv. red. Yu.A. Petrov, V.N. Kruglov, Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy Akademii nauk. Moscow, pp. 249–259.

Shnirel’man, V.A. (2024). *V pogone za predkami: Etnogenez i politika* [In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya. 624 p.

Bustanov, A. (2015). *Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations*. London, New York, Routledge. 172 p.

С.В. Елеуханова¹

БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ХРУЩЕВСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В хрущевский период благоустройство городов Центрального Казахстана создавалось в условиях смены сталинского стиля на советский модернизм. Быстрые темпы жилищного и промышленного развития региона были направлены на устранение дефицита жилого фонда, внедрения стандартных проектов зданий и масштабного строительства, а также на рост государственных вложений в сферу жилищно-коммунального хозяйства и обустройство населенных пунктов. Городская среда Центрального Казахстана в хрущевский период испытывала трудности, вызванные резким приростом населения. Такая диспропорция приводила к дефициту финансовых ресурсов для развития городской инфраструктуры. Анализ бесед о благоустройстве того времени показывает, что главные сложности заключались в создании надлежащих систем водоснабжения, очистки сточных вод и транспортной сети. Органы местной администрации применяли имеющиеся возможности и вовлекали жителей в работу по улучшению городской среды.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Карагандинская область, города, хрущевский период, благоустройство, городская среда.

S.V. Yeleukhanova²

IMPROVEMENTS TO CITIES IN CENTRAL KAZAKHSTAN DURING THE KHRUSHCHEV ERA

Abstract. During the Khrushchev period, the improvement of cities in Central Kazakhstan took place amid the transition from Stalinist style to Soviet modernism. The rapid pace of housing and industrial development in the region was aimed at eliminating the housing shortage, introducing standard building de-

¹ **Светлана Викторовна Елеуханова**, канд. ист. наук, ассоциированный профессор, Карагандинский национальный исследовательский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, e-mail: eleuxanova62@mail.ru

² **Svetlana Viktorovna Yeleukhanova**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, E.A. Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Kazakhstan, e-mail: eleuxanova62@mail.ru

signs and large-scale construction, as well as increasing state investment in housing and communal services and the development of settlements. The urban environment of Central Kazakhstan during the Khrushchev period experienced difficulties caused by rapid population growth. This imbalance led to a shortage of financial resources for the development of urban infrastructure. An analysis of discussions about urban improvement at that time shows that the main difficulties lay in creating adequate water supply, wastewater treatment, and transport networks. Local authorities used the available resources and involved residents in efforts to improve the urban environment.

Keywords: Central Kazakhstan, Karaganda Region, cities, Khrushchev period, urban improvement, urban environment.

В середине 1950-х гг. хрущевское руководство выступило с важными новациями в области реформирования архитектуры и строительства городов, изменившими правила проектирования и градостроительства, развития городской инфраструктуры. Они нашли отражение в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1954 г. «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства»³ и от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»⁴.

Жилищное и промышленное развитие Центрального Казахстана было направлено на устранение дефицита жилого фонда, внедрения стандартных проектов зданий и масштабного строительства, а также на рост государственных вложений в сферу жилищно-коммунального хозяйства и обустройство населенных пунктов.

В хрущевский период благоустройство городов Центрального Казахстана создавалось в условиях смены сталинского стиля ампира (монументальность, парадные фасады, колонны, портики, арки, богатая лепнина, неоклассический декор, практика фронтальной застройки улиц) на советский модернизм. Простота в оформлении зданий приводила к экономии средств. Государство выполняло практическую задачу по обеспечению населения жильем, так как сталинская жилищная политика становилась опасной для руководства страны. Целевая установка жилищной политики была направлена на реальное удовлетворение потребности населения в жилье. Предусматривалось переселение нуждающегося в жилье населения

³ Коммунист. 1954. 22 августа.

⁴ Правда. 1955. 10 ноября.

страны не в комнаты, а в отдельные квартиры. Жилищное строительство в регионе получило индустриальную основу. Предпринятое Н.С. Хрущевым развенчание «культа личности» позволило провести десталинизацию в архитектуре.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства» от 13 июля 1957 г. говорилось: «Темпы промышленного строительства опережали строительство жилья. Численность городского населения увеличилась за последние тридцать лет более чем в три раза. Быстрый рост населения и опережающее развитие промышленности... привели к тому, что проблема жилья продолжает оставаться одной из самых острых. Значительное количество семейств проживает в ветхих домах. Местные власти не оказывают необходимой помощи застройщикам, не помогают в благоустройстве. Темпы жилищного строительства в городах и сельской местности сдерживаются нехваткой строительных материалов»⁵.

Размах промышленного и гражданского строительства вызвал необходимость развития промышленности строительных материалов. Вошли в строй кирпичный, цементно-бетонный, черепичный и известковый заводы, заводы железобетонных изделий, крупнопанельного домостроения, канализационных труб. Уже в конце 1950-х гг. в Караганде действовало около 30 предприятий строительной индустрии⁶.

Городская среда Центрального Казахстана в хрущевский период также испытывала трудности, вызванные резким приростом населения, как за счет его естественного прироста, так и за счет притока рабочей силы из других областей и союзных республик. Среднегодовые темпы прироста населения региона были равны 5,9 %. Такая диспропорция приводила к дефициту финансовых ресурсов для развития городской инфраструктуры. Анализ проведенных интервью со старожилами центрально-казахстанских городов о благоустройстве того времени показывает, что главные сложности заключались в создании надлежащих систем водоснабжения, энергообеспечения, очистки сточных вод и транспортной сети, уличного освещения. Органы местной администрации применяли административные ресурсы и вовлекали жителей в работу по улучшению город-

⁵ Правда. 1957. 2 августа.

⁶ Караганда. Алма-Ата, 1989. С. 99.

ской среды в виде субботников, месячников по благоустройству и озеленению городов. Широкое распространение получило шефство рабочих предприятий над отдельными улицами и скверами. И в больших областных центрах, и в малых городах благоустройство и озеленение, чистота и уборка мусора были не на коммунальных службах, а на плечах самих горожан. Горожане убирали мусор и листву, красили заборы, вскапывали газоны, ремонтировали лавочки, благоустраивали детские площадки. Это считалось не только совместным коллективным трудом на благо общества, но и трудовым воспитанием молодежи, общением соседей по дому или в рабочем коллективе. Во многом это действительно способствовало выработке коллективистской психологии. Для советских людей в целом и казахстанцев в частности ответственность горожан за уборку и чистоту города казалась вполне естественным состоянием. Результатом такого рода совместной работы были асфальтированные дороги и тротуары, освещенные улицы, высаженные деревья и кустарники, зеленые дворы и скверы⁷.

В период «оттепели» самыми крупными городами Центрального Казахстана были Караганда и Темиртау. В это время на базе шахтерских поселков появились новые промышленные города: Сарань (1954 г.), Абай (1961 г.), Шахтинск (1961 г.). Мощным градообразующим фактором в Карагандинской области явились крупные производственные комплексы, такие как завод синтетического каучука, Карагандинский металлургический комбинат, Карагандинские ГРЭС. Промышленные комплексы играли одновременно и большую роль в формировании внешнего облика городов региона.

Проектирование жилищного и производственного строительства проводилось различными союзными проектными организациями совместно с местными институтами. Так, в 1955 г. проектированием жилищного строительства г. Темиртау занимался Горстройпроект г. Москвы (автор проекта и архитектор Ю. И. Соколов)⁸.

В 1955–1957 гг. проект планового строительства Караганды был разработан институтом «Карагандагипрошахт» (руководитель – архитектор Кудрявцев). В развитии генерального плана Караганды (1968 г.) принимал участие ЦНИИ (Центральный научно-иссле-

⁷ История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетом демографической и социальной истории). Караганда, 2017. С. 110.

⁸ Караганда... С. 113.

довательский институт г. Москвы, архитекторы В. Шкварников, А. Хохлов)⁹.

Местные органы, координируя проекты промышленного и жилищно-гражданского строительства, добивались наибольшей выразительности архитектурных форм.

Приоритетное развитие в плановом строительстве городов Центрального Казахстана отводилось созданию наилучших условий жизни, труда, быта, отдыха горожан, рациональному размещению промышленности, жилых районов, правильной и удобной организации уличной сети, площадей зеленых насаждений, обновлению городского транспорта, решению комплекса мероприятий по реконструкции коммунального хозяйства города¹⁰.

Основным компонентом плана города являлся микрорайон, который преобразовал городское пространство, стал функциональным и безопасным местом для повседневной жизни и отдыха горожан всех возрастов. Здесь имелись наряду с жилыми зданиями детские сады, школы, магазины, парки и спортивные площадки.

Архитектурно-пространственная композиция городов, принятая генеральными планами, тесно увязывалась с особенностями климата, ландшафта местности и сложившейся городской структуры. Например, характерной чертой ландшафта Темиртау является наличие Самаркандского водохранилища, вокруг которого расположен город. Проектировщики столкнулись с преградой для воплощения своих планов – неудачным прохождением линии железной дороги Темиртау – Караганда. Так, дорога проходила вдоль берега Самаркандского водохранилища и ломала целостный городской архитектурный ансамбль, была препятствием для слияния жилых микрорайонов с прибрежной территорией, преградой для удобных подъездов и подходов к береговой части, для прямого выхода к берегу. Исходя из особенностей ландшафта Темиртау, в структуру застройки был положен принцип четкого функционального зонирования территории города. В первую зону включили общегородской центр и берег водохранилища. Вторая селитебная зона распространялась от центральной части Темиртау в сторону юго-западного направления. Сердцем города стала Казахстанская Магнитка, которая

⁹ Караганда... С. 112.

¹⁰ История городской повседневности... С. 90.

влияла на его внешний облик. В целом это был основной принцип строительства советских индустриальных городов: в центре завод с дымящими трубами, вокруг – городские жилищные застройки. Именно такой «идеальный город» тиражировали советские пропагандистские плакаты 1950-х гг.¹¹

Особое место в формировании облика городов Центрального Казахстана занимало зеленое строительство. К середине 1950-х гг. в городах были разбиты парковые зоны, сложилась единая система озеленения общего пользования. Разросшиеся зеленые массивы резко изменили микроклимат городов. Осуществлялись работы по асфальтированию подъездов и тротуаров, установке металлических ограждений, фонтанов, цветников и скамеек¹².

Города украшали памятники, скульптуры, вазоны. Любимым местом досуга горожан были парки культуры и отдыха.

При оформлении бульваров Караганды и других городов Центрального Казахстана были использованы традиции классического садово-паркового искусства, цветников – орнаменты казахского народного изобразительного искусства. Скверы оформлялись партерными газонами, живой изгородью, аллеями и групповыми посадками деревьев и кустарников, декоративными деревьями, растениями, цветниками и газонами. Для озеленения городов Карагандинской области использовали 165 видов деревьев и кустарников. В озеленении города активно участвовали все горожане. В ландшафтную архитектуру вписаны фонтаны, лестницы, пешеходные дорожки, малые архитектурные формы.

Важной составляющей в организации городского пространства было монументальное искусство, представленное скульптурами советских партийных и государственных деятелей, революционеров, героев Великой Отечественной войны. Их именами были названы улицы и площади городов Центрального Казахстана. Они выполняли не столько градообразующую функцию, сколько прежде всего идеологическую и политическую. Открытие памятников началось с митинга, возле них проводились демонстрации или собрания, инициированные городскими органами власти. Маркером всех советских городов были памятники В.И. Ленину. В скверах предприя-

¹¹ Караганда... С. 105.

¹² Иванова И.В. Балхаш: планировка и застройка. М., 1962. С. 82.

тий, на территориях школ, парков и аллей городов Карагандинской области были установлены скульптуры вождя революции – Ленина. Так, памятник В.И. Ленину символизировал незыблемость коммунистической власти, приверженность марксистско-ленинской идеологии, мощь советского государства, придавал особую идеологическую специфику советским городам.

Важную роль в формировании городского пространства Центрального Казахстана играли памятники и мемориалы, посвященные памяти погибших в Великой Отечественной войне, установленные в рассматриваемый период. Так, в 1958 г. в центральной части Караганды был поставлен памятник Герою Советского Союза Нуркену Абдирову. Монумент был выполнен в виде постамента и чугунной скульптуры, изображающей героя за штурвалом самолета и олицетворяющей его подвиг. В 1962 г. в парке культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ города Караганды был открыт памятник Герою Советского Союза Зое Космодемьянской, построенный на деньги, собранные пионерами и школьниками. Карагандинскими скульпторами, архитекторами и художниками были воздвигнуты монументы и мемориальные ансамбли в 1950–1960-е гг. Так, характерной чертой памятников, созданных А.П. Билыком, Ю. Гуммелем и др., стало их ансамблевое решение. Скульптура выступала в единстве с элементами архитектуры, а весь ансамбль получал завершение, органично включаясь в природное окружение или городской ландшафт¹³.

Кроме больших монументальных сооружений и скульптур, в архитектурный облик Караганды входили мемориальные доски, украшавшие фасады и стены общественных зданий. К ним относились памятные металлические, мраморные или гранитные плиты с надписью на казахском и русском языках, увековечивавшие значительные события и даты в истории города, память о деятелях партии, государства, науки, культуры и экономики. Причем они были связаны с эпохальными событиями советской истории, так или иначе увязанными с Центрально-Казахстанским регионом. Одним из таких сюжетов была советская космонавтика, так как именно в этом регионе часто приземлялись космонавты.

¹³ История городской повседневности... С. 377.

Архитектурное оформление зданий, памятников в национальном стиле было незначительным, проявлялось малым и фрагментарным включением казахских орнаментов и декоративных элементов. Например, вход в фойе Дворца культуры горняков г. Караганды украшен ажурной гипсовой лепкой казахского орнамента. Главный фасад в центре имеет мощный 6-колонный портик из 8-гранных колонн, соединенных со стеной стрельчатыми арками, с резьбой по ганчу. Портик фасада украшен художественными скульптурами шести фигур – шахтера, строителя, чабана, колхозницы, акына и воина. Такой художественный подход типичен для «хрущевского» декора. Между окнами первого и второго этажей травматологической больницы г. Караганды вмонтирован лепной орнамент, в рисунке которого были использованы элементы казахского народного искусства¹⁴.

Города застраивались по типовым проектам, но индивидуально оформленные фасады зданий и площадей улучшили их архитектурные характеристики (декоративные вставки, лоджии, солнцезащитные устройства, офактуривание панелей, введение цвета). Центральноказахстанские города рассматриваемого периода мало чем отличались от других индустриальных городов СССР, не видна была специфика национальной республики. Несмотря на то, что качество строительства «хрущевских» пяти-девятиэтажек оставляло желать лучшего, значительная часть населения городов Центрального Казахстана продолжает проживать в них вплоть до наших дней.

Анализ материалов по благоустройству городов Центрального Казахстана в указанные годы позволяет выявить несколько причин нерешенных проблем в этой сфере. Благоустройство городов в середине 1950-х гг. осуществлялось на средства местных бюджетов и по остаточному принципу. В конце 1950-х гг. хотя бюджетные ассигнования на коммунальное обслуживание и обустройство городов постоянно увеличивались, но их все равно было недостаточно и освоение средств было неполным. Все эти факторы создавали коммунальные, транспортные, инфраструктурные трудности, неблагоприятную санитарную обстановку для горожан. Наибольшие трудности в благоустройстве городов возникали в вопросах, связанных со сла-

¹⁴ *Бараг Т.Я.* Караганда. М., 1950. С. 204.

бым развитием водопроводных магистралей и канализационных сетей, транспортных услуг. Главными недостатками работы общественного транспорта была перегруженность линий из-за недостаточного числа машин, нерегулярность движения, отсутствие комфорта и чистоты. Уровень транспортного обслуживания населения не отвечал требованиям и отставал от возрастающих потребностей городского населения в пассажирских перевозках¹⁵.

Советские люди обладали огромным оптимизмом и жертвенным восприятием благоустройства. Материалы интервьюирования свидетельствуют об огромной терпимости горожан ко многим бытовым проблемам, в том числе, в благоустройстве. Вместе с тем масштабы работ и качественные изменения по благоустройству городов Центрального Казахстана в 1950–1960-е гг. по сравнению с довоенным периодом возросли.

Для улучшения санитарного состояния и благоустроенности городов осуществлялись мероприятия по реконструкции коммунального хозяйства, расширению сетей водопровода, канализации, тепло- и газопровода, обновлению городского транспорта, развитию всех служб коммунального хозяйства.

Литература

Бараг Т. Я. Караганда. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. 84 с.

Иванова И. В. Балхаш: планировка и застройка. М.: Госстройиздат, 1962. 114 с.

История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетом демографической и социальной истории) / З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др. Караганда: Гласир, 2017. 456 с.

Караганда. Серия: История городов Казахстана / под ред. А.С. Елагина. Алма-Ата: Наука, 1989. 192 с.

References

Barag, T.Ya. (1950). *Karaganda* [Karaganda]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo arkhitektury i gradostroitelstva. 84 p.

Elagina, A.S. (Ed.). (1989). *Karaganda. Seriya: Istoriya gorodov Kazakhstana* [Karaganda. Series: History of the Cities of Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka. 192 p.

¹⁵ История городской повседневности... С. 112.

Ivanova, I.V. (1962). *Balkhash: planirovka i zastroyka* [Balkhash: Planning and Development]. Moscow, Gosstroyizdat. 114 p.

Saktaganova, Z.G., Abdrakhmanova, K.K., Dosova, B.A. et al. (2017). *Istoriya gorodskoy povsednevnosti Tsentralnogo Kazakhstana v 1946–1991 gody (s syuzhetom demograficheskoy i sotsialnoy istorii)* [History of Urban Everyday Life of Central Kazakhstan in 1946–1991 (with the Plot of Demographic and Social History)]. Karaganda, Glassir. 456 p.

К.К. Абдрахманова¹

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДА КАРАГАНДЫ: БЛАГОУСТРОЙСТВО ПО-СОВЕТСКИ

Аннотация. Караганды представляло собой значимый для истории Казахстана пример модернизации городской среды и формирования нового общественного пространства. В послевоенные десятилетия шахтерский город активно перестраивался: появились широкие проспекты, новые жилые кварталы, площади и парки. Эти преобразования отражали не только экономический рост региона, связанный с развитием угольной промышленности, но и идеологические представления власти о «современном социалистическом городе». Однако в 1950-е гг. процесс благоустройства сильно отставал от потребностей населения: сохранились проблемы с водоснабжением, канализацией, транспортным и санитарным состоянием. В 1960-е гг. активизировались работы по озеленению и улучшению коммунальной инфраструктуры при активном участии населения. В 1970–1980-е гг. благоустройство приобрело системный характер: формировались микрорайоны, расширялись сети коммуникаций, реконструировались центральные улицы и площади. Несмотря на сохранявшиеся трудности, именно в этот период складывался современный архитектурный и инфраструктурный облик города Караганды, отражавший специфику советской модели модернизации.

Ключевые слова: Караганда, Казахстан, благоустройство, городская модернизация, градостроительство, советский город.

К.К. Abdrakhmanova²

MODERNIZATION OF THE CITY OF KARAGANDA: SOVIET-STYLE URBAN IMPROVEMENT

Abstract. The Soviet urban improvement of Karaganda represented an important pattern in the modernization of the urban environment and the formation of

¹ **Кымбат Казалиевна Абдрахманова**, канд. ист. наук, ассоциированный профессор кафедры археологии, этнологии и отечественной истории, научный сотрудник Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований, Карагандинский национальный исследовательский университет им. акад. Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан, e-mail: kimbat_abd@mail.ru

² **Kymbat Kazalievna Abdrakhmanova**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of archaeology, ethnology and National History, Research Fellow at the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Studies, E.A. Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: kimbat_abd@mail.ru

a new public space. In the postwar decades, the mining city underwent active reconstruction: wide avenues, new residential quarters, squares, and parks appeared. These transformations reflected not only the region's economic growth, driven by the development of the coal industry, but also the authorities' ideological vision of a "modern socialist city". However, during the 1950s, the process of urban improvement was defended: problems with water supply, sewage, transportation, and sanitation persisted. In the 1960s, efforts toward greening and improving communal infrastructure intensified with the active participation of the population. In the 1970s–1980s, urban improvement took on a systematic character: microdistricts were developed, communication networks expanded, and central streets and squares were reconstructed. Despite continuing difficulties, it was during this period that the modern architectural and infrastructural image of Karaganda was formed, reflecting the specific features of the Soviet model of modernization.

Keywords: Karaganda, Kazakhstan, urban improvement, urban modernization, urban planning, Soviet city.

10 февраля 2025 г. исполнился 91 год со дня основания города Караганды. История возникновения и развития города Караганды была связана с промышленным освоением региона. Согласно Постановлению Президиума ВЦИК от 10 февраля 1934 г. рабочий поселковый совет Тельманского района был преобразован в город с наименованием Караганда и непосредственным подчинением Карагандинскому облисполкому (рис. 1). 29 июля 1936 г. город Караганда в связи с административно-территориальным преобразованием стал областным центром Карагандинской области³.

Из всех городов Центрального Казахстана наиболее сложный городской комплекс имела Караганда. В частности, в пределах города на территории 65 тыс. га были разбросаны десятки населенных пунктов: от мелких пришахтных поселков до крупных новых построенных районов. К их числу относились: Новый город, Старый город, поселки Майкудук, Сарань, Компанейский, Старая и Новая Тихоновка, Караганда-Сортировочная, Углеразрез, Пришахтинский⁴ и т.д. (рис. 2, 3). В целом Караганду составляли более 50 населенных пунктов, расположенных друг от друга на расстоянии от 1 до 25 км, между которыми находились пустыри, занятые огородами и выгонами⁵.

³ Караганда. Справочник по истории административно-территориального устройства Карагандинской области. Караганда, 2006. С. 80.

⁴ Барзг Т.Я. Караганда. М., 1950. С. 12.

⁵ Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф. 661. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.

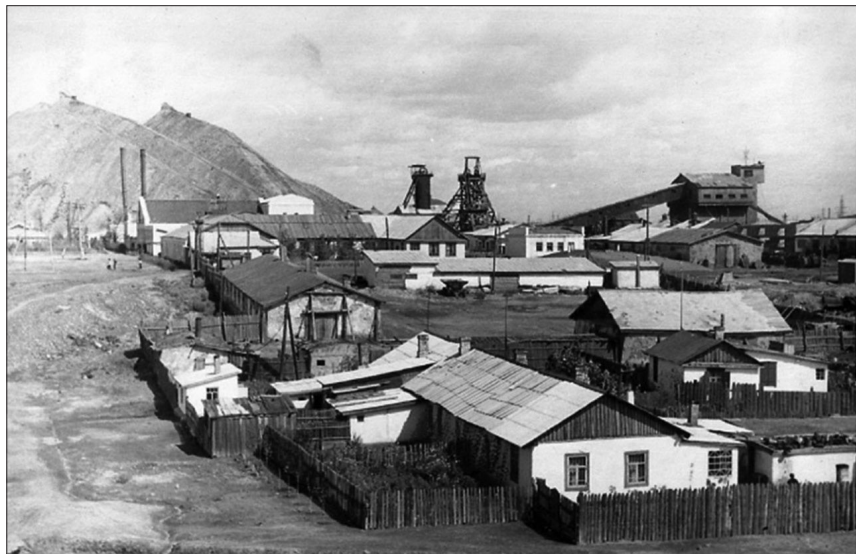

Рис. 1. Палаточный городок строителей территории Нового города, 1930-е гг.

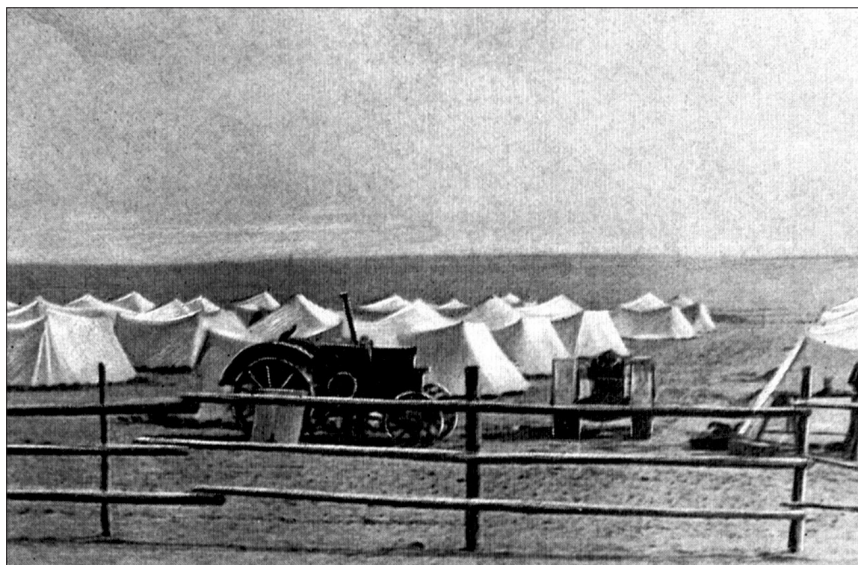

Рис. 2. Шахтерский поселок, 1930-е гг.

Рис. 3. Караганда, 1934 г.

Резкий рост численности городского населения способствовал дальнейшему расширению городского пространства (рис. 4). В 1938 г. был утвержден Генеральный план города. Караганда делилась на несколько микрорайонов:

- 1) Старый город – угольный шахтный район;
- 2) железнодорожный район – станции Караганда-Новая, Караганда-Сортировочная и др.;
- 3) центральный административно-культурный район – Новый город и Большая Михайловка;
- 4) район открытых углеработок – юго-восточная часть Караганды;
- 5) пригородный сельскохозяйственный район (западная часть), снабжавшая город сельскохозяйственной продукцией ⁶.

В пятилетний период до войны Караганда стала самым крупным промышленным городом республики. Модернизационные процессы охватили социально-культурную инфраструктуру, которая была

⁶ Город славы трудовой. Очерки истории Караганды. 1934–2014 годы. Караганда, 2014. С. 44.

призвана обеспечить стремительно растущее население необходимыми образовательными, медицинскими и культурными учреждениями. К примеру, в 1931 г. начал работу горно-обогатительный техникум, ставший кузницей кадров для угольной промышленности, а в 1935 г. — школа акушерства, сыгравшая заметную роль в подготовке медицинских специалистов. В 1938 г. был создан институт учителей, что ознаменовало новый этап в развитии педагогического образования области.

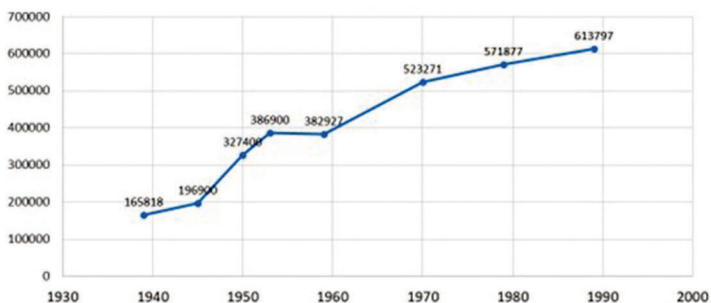

Рис. 4. Численность населения Караганды с 1939–1989 гг.

В 1937 г. в городе открылся первый детский сад, рассчитанный на 50 детей, а также первый родильный дом, что свидетельствовало о повышенном внимании властей к вопросам охраны материнства и детства. В 1938 г. начала работу областная библиотека им. Н.В. Гоголя, ставшая важным центром просвещения и культурного развития. В те же годы активно развивалась сфера досуга: уже в 1935 г. заработал первый кинотеатр. В 1938 г. в Караганде появился собственный зоопарк — одно из первых учреждений подобного типа в Казахстане⁷

Наиболее благоустроенной частью г. Караганды считался Новый город. Его украшали монументальное здание облисполкома, новая площадь с памятником В. И. Ленину, зеленые скверы и сады (рис. 5). На пересечении улиц им. Костенко и Ленина в 1940 г. возвели построено новое здание для Управления комбината «Карагандауголь», которое еще с 1930 г. руководило всеми угледобывающими предприятиями в Караганде. В 1943 г. было построено здание для управ-

⁷ Город славы трудовой... С. 47–48.

ления «Карагандашахтострой», созданного еще в 1935 г. при тресте «Карагандауголь». Оно занималось проектированием, реконструкцией и строительством шахт⁸.

Рис. 5. Новый город. Проспект имени Ленина

В 1940 г. по проекту архитекторов И.И. Бреннера и Я.А. Яноша в южной части Нового города началось строительство досугового центра – Дворец культуры шахтеров объемом 70 тыс. м³ и стоимостью около 24 млн руб. Из-за войны строительство затянулось и было завершено в 1950 г. Здание представляет собой симметричную композицию, состоящую из трех частей – зрительного зала на 1000 мест с вестибюлем, фойе с кулуарами и двух крыльев, в одном из них находился лекционный зал на 400 мест, в другом – спортивный зал и клубные помещения⁹ (рис. 6). Вход в фойе был украшен ажурной гипсовой лепкой казахского орнамента. Главный фасад в центре имел мощный 6-колонный портик из 8-гранных колонн, соединенных со стеной стрельчатыми арками, с резьбой по ганчу. Портик фасада был украшен художественными скульптурами шести фигур – шахтера, строителя, чабана, колхозницы, акына и воина¹⁰.

⁸ Конобрицкая Е.М. Карагандинская область (экономико-географическая характеристика). Алма-Ата, 1954. С. 169, 171.

⁹ ГАКО. Ф. 661. Оп. 1. Д. 18. Л. 59.

¹⁰ Хавин А.Ф. Караганда – третья угольная база СССР. М., 1951. С. 204.

Рис. 6. Дворец культуры шахтеров, 1950-е гг.

Весьма уникальным по своей архитектурной композиции был Летний театр, построенный в 1949 г. руками японских военнопленных за два месяца без единого гвоздя (рис. 7). Деревянный, он имел ажурные деревянные же портики и колонны в античном стиле, резные украшения во внутреннем оформлении помещения зала. Особенностью здания была уникальная акустика, которая не нуждалась в микрофонах, колонках и прочей технике. К сожалению, в начале 1990-х гг. здание было полностью разрушено.

Рис. 7. Летний театр

Таким образом, к началу 1940-х гг. Караганда существенно преобразилась как по своим производственным функциям, так и по внешнему виду, планировке, характеру архитектурных строений, благоустройству. За самые короткие сроки она из небольших пришахтных и рабочих поселков превратилась в крупный центр угольной промышленности с многоэтажными общественными и жилыми зданиями, с озелененными и благоустроенными улицами.

Несмотря на интенсивное промышленное развитие, благоустройство городов шло крайне медленно. Коммунальная инфраструктура не соответствовала темпам урбанизации: наблюдался острый дефицит питьевой воды, слабо развита канализационная сеть, отсутствовали очистные сооружения. Жительница г. Караганды Р.Т. Капанова вспоминала: «Вода была привозная в бочках. 1 ведро воды мы покупали за 5 коп. Зимой приходилось топить снег и этой водой стираться и купаться. Летом собирали дождевую воду»¹¹. Водоснабжение осуществлялось в основном через водопроводные будки и общественные колодцы, что создавало неблагоприятные санитарно-гигиенические условия. Об этом свидетельствуют воспоминания одного из жителей г. Караганды, шахтера Имангали Хайрулина: «В Караганде очень тяжело было с питьевой водой, воду возили цистернами из р. Нура, после развозили по столовым, предприятиям на подводах. На улицу за одну бочку воды стояла очередь до сотни человек с ведрами, кастрюлями»¹². Только к концу 1940-х гг. началось строительство Нуринского водопровода, позволившего частично решить проблему обеспечения водой Караганды.

С приходом к власти Н.С. Хрущева началась коренная реформа архитектуры и строительства. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» 1955 г. положило конец сталинскому ампиру. Были запрещены арки, портики, декоративные надстройки, а основное внимание стало уделяться функциональности и экономичности зданий.

В 1955–1957 гг. институт «Карагандагипрошахт» разработал проект планового строительства города под руководством архитектора О.П. Кудрявцева. Приоритетное развитие в плане отводилось созданию наилучших условий жизни, труда, быта, отдыха горожан, ра-

¹¹ Аудиозапись биографической беседы с Капановой А.Ф. (1938 г.р., записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2008 г.).

¹² ГАКО. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 19. Л. 231–236.

циональному размещению промышленности, жилых районов, правильной и удобной организации уличной сети, площадей зеленых насаждений, обновлению городского транспорта, решению комплекса мероприятий по реконструкции коммунального хозяйства города. Разбросанность территории Караганды значительно усложняла выполнение поставленных задач. Главной идеей генерального плана застройки Караганды было создание единого города, объединяющего исторически сложившиеся районы.

К числу новых построек этого периода следует отнести строительство в 1959 г. Дворца спорта (рис. 8). Архитектором здания дворца спорта стал И.И. Райкин. Построить дворец решили прямо напротив памятника герою-летчику Советского Союза Нуркену Абдирову. Его имя решили присвоить и дворцу. В здании имелись помещения для занятий боксом, тяжелой атлетикой, гимнастикой и 25-метровый бассейн для плавания и прыжков в воду. Это был первый бассейн во всем Казахстане¹³.

Рис. 8. Дворец спорта им. Н. Абдирова

Посадка древесных насаждений, разбивка скверов, очистка дворов, ремонт дворового оборудования и многое другое успешно выполнялись самими горожанами. «Зеленое» строительство сыграло важную роль в благоустройстве и формировании облика городов Центрального Казахстана, в проведении досуга горожан. Караганда, расположенная в неблагоприятной климатической зоне, показала в рассматриваемый период достаточно высокую степень озеленения. Вспоминает старожил Караганды: «В годы моей учебы Караганда

¹³ ГАКО. Ф. 661. Оп. 1. Д. 715. Л. 160.

была красивым и зеленым городом. Много зеленых насаждений было на бульварах и вдоль дорог города. Бульвар Мира, улица Ленина, улица Джамбула, улица Гоголя утопали в зелени. Вдоль общезимней по Бульвару Мира росли красивые и ухоженные деревья».

В Центральном парке была высажена березовая роща. Сюда горожане приходили подышать свежим воздухом. «Все жители города, в том числе и мы, в то время студенты, старались сделать свой город краше. Мы участвовали в субботниках, убирали скверы, высаживали и белили деревья», – вспоминала жительница города А.С. Ахметжанова¹⁴. Коренным образом были реконструированы многие улицы и площади, появились десятки новых благоустроенных улиц, площадей, скверов, бульваров. Для улучшения санитарного состояния и благоустроенности городов осуществлялись мероприятия по реконструкции коммунального хозяйства, расширению сетей водопровода, канализации, тепло- и газопровода, обновлению городского транспорта, развитию всех служб коммунального хозяйства.

В 1970–1980-х гг. строительство в г. Караганды велось на основе Генерального плана, утвержденного еще в 1968 г. (Центральный научно-исследовательский институт градостроительства (ЦНИИП), г. Москва, архитекторы В. Шквариков, А. Хохлов). Его главная идея – создание единого города, объединяющего исторически сложившиеся и теперь уже благоустроенные районы: Майкудук, Новый город, Пришахтинский. Концепция архитектурно-планировочной застройки г. Караганды базировалась на принципе размещения массового строительства за пределами угольных месторождений в районе юго-востока, создания здесь общегородского центра с комплексами административно-делового назначения, науки, культуры, торгово-бытового обслуживания. Генеральный план, рассчитанный на 30 лет, вплоть до 1998 г., предусматривал формирование крупных жилых массивов численностью 25–36 тыс. человек, перенесение существующих предприятий за черту города, ликвидацию пришахтных поселков старого города, реконструкцию, благоустройство и озеленение старых районов Караганды.

Важным градостроительным мероприятием 1970–1980-х гг. являлась реконструкция и обновление Нового города, являвшегося, как и в прежние годы, культурным и административным центром г. Кара-

¹⁴ Повседневность городов Центрального Казахстана в 1960-е–1991 гг.: сборник архивных документов и материалов. Часть II. Караганда, 2017. С. 194.

ганды. Особенность данного периода заключалась в том, что все работы по реконструкции Нового города велись на основе сложившейся планировочной структуры городского центра, создания градостроительных ансамблей, улучшения архитектурного облика города, обеспечения целостности и качества пространственной среды.

В 1974 г. на Советском проспекте у входа в парк имени 30-летия ВЛКСМ был поставлен монумент «Шахтерская слава» (рис. 9). Он по сей день является визитной карточкой индустриального города. Главным архитектором данного монумента был А. Малков, а скульптором – А. Билык. Отлитый из бронзы монумент сооружен на постаменте из серого гранита, состоит из двух фигур, олицетворяющих образы шахтеров – казаха и русского, поднявших над головой глыбу добытого угля. Памятник стал одним из ярких маркеров культурного пространства шахтерской «столицы» и олицетворением дружбы народов, отражением вклада карагандинских шахтеров в экономику страны. Изображение монумента воспроизводилось в газетных статьях, на открытках, почтовых марках и буклетах для гостей Караганды¹⁵.

Рис. 9. Шахтерская слава, 1974 г.

Достопримечательностью центра Караганды стало здание цирка, построенного в 1982 г. в стиле «советского модернизма» (рис. 10). Главными архитекторами были А.Г. Бойков, С.И. Мордвинцев,

¹⁵ История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории) / З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Досова и др. Караганда. 2024. С. 129.

А.Н. Гостев, Л.В. Киселева, а конструкторами Н.А. Кузьмин, В.А. Лоренгель. Для оформления было использовано более 3000 кв. м мрамора, около 10 тыс. кв. м анодированного алюминия, множество цветных керамических плиток. Здание декорировали лепниной из гипса, стеклянными витражами, металлическими конструкциями, газосветной рекламой. Диаметр манежа цирка равен 13 м, а высота купола – 18 м. В те годы проект вызвал нарекания своей дороговизной и помпезностью, контрастностью архитектурно-планировочной композиции в общем ансамбле спортивно-зрелищных зданий, расположенных на площади¹⁶.

Рис. 10. Цирк, 1982 г.

Традиционным местом отдыха горняков и шахтостроителей г. Караганды был Центральный парк культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ. Вход в парк со стороны площади им. 50-летия Октябрьской революции представляет собой площадь-ансамбль, партер которой украшает водный каскад. Перепад рельефа создали террасы площадки, ступенчато подводящие к гранитной набережной. В 1976 г. по проекту института «Карагандагорсельпроект» была осуществлена вторая очередь строительства парка: построены детский плавательный бассейн, зеленый театр, новый тир, эстрада на танцевальной площадке, переоборудованы набережная, главная аллея, проложены новый водоотвод, поливочный водопровод, реконструированы кафе «Лето», ларьки и установлены новые торговые

¹⁶ История городской повседневности... С. 130.

точки¹⁷. На Центральной аллее парка были оформлены портретные галереи «Карагандинцы – Герои Советского Союза» и «Герои Социалистического труда, кавалеры ордена Славы трех степеней». На аллее Строителей были установлены специальные конструкции с портретами членов ЦК КПСС, с советской символикой – серп и молот, плакатами: «Слава КПСС!», «Политика партии – политика мира!». Конструкции оформили вход в парк с улицы им. Чкалова. По центральному аллею были выставлены 5–7-метровые стяги¹⁸. Зеленый массив центрального парка был обогащен сорока новыми видами растений, в их числе – клен, вяз, сосна, туя, можжевельник, черемуха, шиповник. Широкие травяные газоны, цветники, декоративные плиты, водное зеркало водоема композиционно были связаны с общей планировкой парка.

Парки были не только центром отдыха и развлечения для горожан, но и местом проведения физкультурно-оздоровительной, культурно-массовой и политико-воспитательной работы. Здесь проходили встречи молодежи с ветеранами Коммунистической партии, Великой Отечественной войны, манифестации трудящихся, торжественные мероприятия по возложению цветов к памятникам В.И. Ленину, к мемориальным плитам, массовые народные гуляния, выступления лучших самодеятельных коллективов, акции по закладыванию аллей и цветников¹⁹.

К концу советской эпохи в г. Караганде было 6 парков, свыше 30 скверов и бульваров. В 1985 г. на каждого карагандинца приходилось по 8,3 квадратных метра зеленых насаждений. Эти показатели увеличились к 1989 г. и составили 8,5 квадратных метра. В республиканских конкурсах по озеленению и цветочному озеленению Караганда из года в год занимала второе место после Алма-Аты²⁰.

Кроме того, в Караганде функционировал ряд объектов культурного значения. В частности, Театр драмы им. Константина Станиславского, Театр музыкальной комедии, Театр драмы им. С. Сейфуллина, Театр кукол «Буратино» (рис. 11, 12).

¹⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 39. Д. 136. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 14.

Рис. 11. Театр драмы им. Константина Станиславского

Рис. 12. Театр драмы им. С. Сейфуллина

Элементом благоустройства г. Караганды были фонтаны, которые в сочетании с зелеными насаждениями создавали не только эстетическую красоту, но и благоприятный микроклимат в городской среде. В 1985 г. в городе насчитывалось около 20 фонтанов, самые крупные из них располагались в парках Победы и имени 30-летия ВЛКСМ, у Дворца культуры горняков, гостиницы «Казахстан»,

кинотеатра «Юбилейный». Выделялся фонтан, построенный на площади торгового центра, состоящий из прямоугольного водоема площадью 200 кв. м, из более 1000 вертикальных струй, достигавших высоты 6 м. У здания производственного объединения «Караганда-уголь» был установлен многоструйный фонтан с площадью водоема 360 кв. м и высотой струи 10 м²¹.

Итак, в 1970–1980-е гг. архитектурное пространство городов Центрального Казахстана формировалось под воздействием промышленного развития региона. Градостроительная практика предусматривала типовую застройку кварталов и микрорайонов, постепенную реконструкцию существующих городских районов. Освоение производством новых строительных конструкций, оформление фасадов, активное введение в архитектуру жилой застройки цвета позволили строить дома любой протяженности и конфигурации, создать индивидуальный облик застройки микрорайонов и отдельных зданий. В 1970–1980-е гг. осуществлялась определенная и системная работа по благоустройству городов Центрального Казахстана. Существенно увеличилась протяженность дорог с твердым покрытием, улучшилась санитарная уборка и освещение территории городов. Возросло число парков культуры и отдыха, бульваров, скверов, зеленых зон, украшенных малыми архитектурными формами и советской символикой, оборудованных дворов, площадок, площадей и других мест массового отдыха, доступных для всех горожан.

Таким образом, к концу XX в. Караганда прошла длительный путь развития – от небольшого рабочего поселка до крупного промышленного и культурного центра. На протяжении десятилетий происходили значительные преобразования в архитектурном облике, градостроительной политике и благоустройстве. Несмотря на определенные трудности, связанные с нехваткой финансирования, неразвитостью инженерных сетей и коммунальной инфраструктуры, власти систематически стремились улучшить условия жизни горожан. Особое значение в этот период приобрела модернизация городской среды. Она выражалась не только в строительстве новых жилых микрорайонов и общественных зданий, но и во внедрении современных строительных технологий, развитии транспортной

²¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 39. Д. 136. Л. 3.

сети, расширении водопроводно-канализационных систем, повышении уровня озеленения и благоустройства территорий. Модернизация позволила создать более комфортную, функциональную и эстетически привлекательную городскую среду, ставшую основой дальнейшего устойчивого развития Караганды и других городов региона.

Литература

Барг Т.Я. Караганда. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. 84 с.

Город славы трудовой. Очерки истории Караганды. 1934–2014 годы / под ред. Е.К. Кубеева. Караганда: Изд-во КарГУ, 2014. 480 с.

История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории) / З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др. Караганда: Гласир, 2024. 456 с.

Караганда. Справочник по истории административно-территориального устройства Карагандинской области (29.06.1936 г. – 01.01.2006 г.) / отв. ред. У.А. Амантаев. Караганда, 2006. 170 с.

Конобритская Е.М. Карагандинская область (экономико-географическая характеристика). Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1954. 253 с.

Повседневность городов Центрального Казахстана в 1960–е–1991 гг.: сборник архивных документов и материалов. Часть II / отв. ред. З.Г. Сактаганова. Караганда: Гласир, 2017. 320 с.

Хавин А.Ф. Караганда – третья угольная база СССР. М.: Углетехиздат, 1951. 206 с.

References

Amantaev, U.A. (2006). *Karaganda. Spravochnik po istorii administrativno-territorialnogo ustroystva Karagandinskoy oblasti* [Reference Book on the History of the Administrative and Territorial Structure of the Karaganda Region]. Karaganda. 170 p.

Barag, T.Ia. (1950). *Karaganda* [Karaganda]. Moskva, Gosudarstvennoe izdatelstvo arkhitektury i gradostroitelstva. 176 p.

Kubeev, E.K. (2014). *Gorod slavy trudovoy. Ocherki istorii Karagandy. 1934–2014 gody* [The City of Labor Glory: Essays on the History of Karaganda. 1934–2014]. Karaganda, Izdatelstvo KarGU. 480 p.

Konobritskaya, E.M. (1954). *Karagandinskaya oblast (ekonomiko-geograficheskaya kharakteristika)* [Karaganda Region (Economic and Geographical Characteristics)]. Alma-Ata, Izdatelstvo Akademii nauk Kazakhskoy SSR. 253 p.

Khavin, A.F. (1951). *Karaganda – tret'ya ugolnaya baza SSSR* [Karaganda – The Third Coal Base of the USSR]. Moscow, Ugletekhizdat. 206 p.

Saktaganova, Z.G., Abdrakhmanova, K.K. (Eds.). (2017). *Povsednevnost gorodov Tsentralnogo Kazakhstana v 1960-e–1991 gg.: sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov* [Everyday Life of the Cities of Central Kazakhstan in the 1960s–1991: A Collection of Archival Documents and Materials]. Karaganda, Glasir. 320 p.

Saktaganova, Z.G., Abdrakhmanova, K.K. (Eds.). (2024). *Istoriya gorodskoy povsednevnosti Tsentralnogo Kazakhstana v 1946-1991 gody (s syuzhetami demograficheskoy i sotsialnoy istorii)* [The History of Urban Everyday Life in Central Kazakhstan, 1946–1991 (Including Aspects of Demographic and Social History)]. Karaganda, Glasir. 456 p.

Заседание 4.
МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС:
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ СПЕЦИФИКА

В.М. Рынков. Уважаемые коллеги. Открываем дискуссию по итогам четвертой секции. Можно задать вопросы и обсудить доклад **Сергея Валентиновича Любичанковского «Образ казахов глазами их пленников. Историко-имагологический анализ воспоминаний русского офицера 1840-х гг.»**.

Спасибо за столь интересное представление образа этнического соседа в такой необычной оптике. Мне кажется, что докладчику удалось использовать имагологический подход к анализу дневникового текста, показать богатство возможностей метода. У меня вопрос – получается, что под определенным ракурсом мы можем любой травелог по казахской степи рассматривать как текст, отражающий динамику восприятия образов этнического «другого»?

С.В. Любичанковский. Это действительно так. У метода есть и более широкие возможности применения. Во-первых, следует привлекать не только мемуарные источники, а более широкий круг источников, во-вторых, образы не только отражаются в текстах, но и продвигаются через тексты и не только образы «другого», но и образы самих себя. Я недавно провел исследование, связанное как с имагологией, так и с пропагандой, с насаждением образа России на окраинах. Речь идет о путеводителе-справочнике по Оренбургу и Ташкентской железной дороге, который был составлен Н.И. Бодровым-Повираевым в 1908 г.¹ Данная книга представляет собой ценный источник для изучения восприятия модернизации Центральной Азии в начале XX в. Этот текст отражает как официальные нарративы имперской власти, так и локальные особенности взаимодействия администрации, предпринимателей и обывателей. Текст справочника дает возможность анализировать ключевые образы модернизации, представленные в путеводителе, и их роль в конструировании имперского дискурса. Центральное место здесь занимает описание Ташкентской железной дороги, которая трактуется как главный инструмент интеграции Центральной Азии в эко-

¹ Бодров-Повираев Н.И. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами. Оренбург, 1908. 106 с.

номическое и культурное пространство Российской империи. Путеводитель подробно описывает торговые связи Оренбурга с Центральной Азией, подчеркивая роль города как посредника между метрополией и степными регионами. Местное население (казахи, татары, башкиры) описывается через призму экономической полезности. При этом автор отмечает попытки интеграции местных элит через образование. Такие описания отражают двойственность имперской политики, сочетающей аккультурацию и сохранение социальных границ. Этот текст можно рассматривать как попытку конструирования имперской идентичности, в которой технический прогресс служит доказательством цивилизаторской миссии России. Однако противоречия в описаниях указывают на напряженность между имперскими амбициями и локальной реальностью.

А.Ю. Быков. Сергей Валентинович, очень интересно. Я, к сожалению, незнаком с этим источником, надо будет посмотреть. Ваше последнее замечание меня очень заинтересовало. Отражается ли военно-стратегическое значение железной дороги Оренбург-Ташкент? Если да, то как вы это интерпретируете?

С.В. Любичанковский. Пожалуй, нет. Никакого значимого нарратива по этому поводу я не припоминаю.

В.М. Рынков. Сергей Валентинович, интереснейшая идея. Кстати, очень в тему к докладу из прошлой секции, который представила Г.Б. Избасарова. Скажите, а еще можно отметить какие-то источники, которые бы Ташкентскую железную дорогу представляли именно с точки зрения ее имперского имиджа?

С.В. Любичанковский. Практически в любом источнике можно найти материал для имагологического анализа. Ведь упомянутый путеводитель тоже не специально какой-то образ выстраивал, мы имеем дело со структурно скрытой информацией. Важна исследовательская модель, с помощью которой мы выявляем эту информацию. Путеводители, которые касаются Оренбургского края, например путеводитель Петра Дмитриевича Райского² 1915 г. или, например, историческое исследование, хотя, конечно, это одновременно в какой-то смысле и путеводитель, книга Столпянского³, тоже 1908 г.,

² Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург, 1915. 178 с.

³ Столпянский П.Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. 399 с.

где говорилось не про Оренбург-Ташкентскую, а про Самарско-Оренбургскую железную дорогу, про эту ветку. Без упоминаний о железной дороге никак не обойтись. У Столпянского, насколько я помню, есть идея, что Оренбург был провинциальным городом со слабо развитой инфраструктурой, с появлением же первого поезда город сразу преобразился, превратился в новый центр.

В.М. Рынков. Я слушал и вспоминал нашу вчерашнюю дискуссию о Турксибе. Там была предпринята властями разноплановая масштабная работа по созданию имиджа. Но вот эти варианты анализа, которые вы предложили, их структурирование можно было бы применить, наверное, и для более поздних изменений взаимных этнических образов и стереотипов, происходивших уже в советское время, а также для анализа имиджевых аспектов разного рода инфраструктурных проектов, в том числе Транссиба.

Р.М. Сеитов. Мне приходилось читать дореволюционные описания путешественников об их путешествиях в страны Востока и там огромное место занимает экзотика. А есть ли в данном путеводителе какие-то следы местного населения, его культуры, обычаев?

С.В. Любичанковский. Важный вопрос с точки зрения имагологии. Наверное, да, но в нивелированном виде. У Столпянского есть описание, которое именно экзотизирует местное население, зато у Бодрова-Повираева это мелкими штришками проходит, я сейчас не готов ни одной цитаты привести, потому что там нет ярких цитат, как у Лобысевича,⁴ например, в 1878 г., сидят чумазые женщины с роскошными глазами и т.д., тут такого близко нет. То есть в этом смысле подходы изменились, стали более глубокими и корректными. Наверное, мой ответ нет, в целом нет.

В.М. Рынков. Интересное и неожиданное получилось обсуждение. Будем считать его завершенным. Переходим к докладу **Татьяны Викторовны Котюковой «Джадидизм в Туркестане как одна из форм реакции на модернизационную политику Российской империи».**

Д.А. Аманжолова. Татьяна Викторовна, в чем заключалась специфика модернизационной политики российского правительства в отношении мусульман?

⁴ Город Оренбург: Ист.-стат. очерк / сост. Ф.И. Лобысевич. Санкт-Петербург, 1878. 61 с.

Т.В. Котюкова. Модернизация затронула культурно-религиозную сферу, очень чувствительную для мусульманского населения, собственно, сам джадидизм был реакцией на европейский модерн. Восток понимал, что он сильно отстает и надо модернизировать в первую очередь систему образования, чтобы использовать новейшие научные достижения. Еще одним вызовом была неизбежная «русификация», термин, к которому я отношусь без какого-то тяжелого политического надрыва. Оксана Геннадьевна говорила о местных интеллектуалах, которые работали в Туркестанском кружке любителей археологии или в отделе Русского географического общества. Эта интеллектуальная элита стала плодом адаптации мусульман к новой модернизирующей силе в лице Российской империи, но при этом стремилась сохранить свою религиозную и культурную идентичность.

А.Ю. Быков. У меня уточняющий вопрос: есть ли материалы о том, каково было соотношение собственно джадидистских школ и тех, которые были открыты татарами. Прослеживаются ли локальные особенности отношения России к тем или иным школам, к тем или иным регионам, где имелись данные школы?

Т.В. Котюкова. Конечно же, все начиналось с татарских новометодных мактабов. Статистика – вещь сложная, ведь очень часто новометодные мактабы открывались и закрывались, власть не вела какого-то такого жесткого учета подобных учебных заведений. И до определенного момента человек, который открывал мактаб, не должен был запрашивать никаких разрешительных документов у государства. Дальше все зависело от того, имелись ли дети, которые приходили учиться в мактаб, и родители, которые платили за это деньги. Например, хлопкосеющий регион Ферганской долины Туркестана был насыщен татарскими мактабами. Это было связано с тем, что женщины-татарки, которые приезжали с мужьями на хлопкоперерабатывающие заводы Ферганской долины, проявляли большую инициативу. Их мужья относились к среднему техническому персоналу, и так как эти женщины были образованными, то они не бездельничали, а с удовольствием занимались образовательной деятельностью.

А.И. Савин. Короткий вопрос о послереволюционной судьбе джадидизма. В протоколах Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) встречаются упоминания об инспирировании органами

ОГПУ обновленческого раскола в исламе. Есть исследования на данную тему?

Т.В. Котюкова. Я специально данным вопросом не занималась. Могу только адресовать вас к монографии Христофорова и Гусевой⁵, которая в том числе затрагивает эти вопросы. Но понятно, что власть вполне могла проявлять интерес к использованию джадидов в данном ключе.

А.И. Савин. И все же несколько слов о послереволюционных судьбах джадидизма. Он сохранился, был ликвидирован или самолiquidировался?

Т.В. Котюкова. Джадидизм сохранился, но трансформировался и попытался адаптироваться к текущим политическим реалиям. 1930-е гг. знаменовались массовыми репрессиями в отношении джадидов. А в 1920-е гг. они активно сотрудничали с советской властью, выстроили соответствующий культурный, образовательный и даже политический дискурс.

С.В. Любичанковский. Татьяна Викторовна, спасибо за ваше интересное выступление. Скажите, пожалуйста, как реформа образования, Усул-и джадид, на практике меняла самовосприятие туркестанской молодежи. Можно ли говорить, что она формировала новую туркестанскую или тюркскую идентичность, которая отличалась от традиционной мусульманской?

Т.В. Котюкова. Там было множество нюансов и полутонов, даже в советской историографии фигурировали «традиционалисты», «академисты» и «джади́ды» как «прогрессисты-реформаторы». В принципе, такое деление сохранилось и сегодня, хотя я знаю, что в современной узбекской историографии некоторые авторы уже не проводят четких разделительных границ между академистами и джади́дами. Мне кажется, что в целом мусульманская среда Туркестана воспринимала джадидизм с определенной настороженностью как некое кафирское явление. Это утверждение справедливо в отношении мусульман, которые осознавали необходимость современного образования для своих детей. Ты отдаешь детей в русско-туземную школу, там масса каких-то кафирских дисциплин, и они могут пошатнуться в твердости веры. Отдаешь детей в новометодный

⁵ Гусева Ю.Н., Сенюткина О.Н., Христофоров В.С. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.): монография. М., 2021. 456 с.

мактаб, там тоже множество предметов, которые совершенно незнакомы традиционной мусульманской школе и даже медресе. И здесь, конечно, возникало много вопросов у родителей и мусульманской общины, насколько дети, закончившие такую школу, будут сохранять свою идентичность. Поэтому в своей периодике джадиды постоянно заявляли о том, что они сохраняют мусульманскую идентичность. И только уже где-то около 1916 г. начинаются разговоры о некой туркестанской идентичности, которые потом, уже на волне революционных событий, начинают множиться. Мне кажется, что здесь на процесс сильно влияла ускоренная адаптация и ускоренная модернизация. То, что Степной край мог переваривать сто лет, постепенно погружаясь в имперские реалии, Туркестан должен был усвоить фактически в два раза быстрее.

Т.К. Алланиязов. Татьяна Викторовна, насколько мне известно, в Казахстане и, возможно, в Узбекистане присутствует излишняя политизация в исследованиях, касающихся джадидизма. Надеюсь, вы знакомы с трудами Адиба Халида⁶? И у нас в Казахстане и, возможно, в Узбекистане, насколько я знаю, с его работами носят как с писаной торбой. Как вы относитесь к его мнению относительно джадидизма и новометодных мактабов?

Т.В. Котюкова. Я знакома с Адибом Халидом лично, и какое-то время назад я даже помогала с организацией двух его лекций на базе Государственной библиотеки иностранной литературы. Я с вами согласна, в современной Центральной Азии тема джадидизма сильно политизирована, этому есть объяснение. Основная мысль Халида какая? Халид считает, что вся джадидистская модернизация появилась сама по себе, она произрастала изнутри. Я же считаю, что джадидизм стал реакцией на воздействие внешней силы в виде Российской империи, это воздействие стало драйвером и спусковым механизмом развития джадидизма. Халид как исследователь имеет право иметь свою точку зрения.

В.М. Рынков. Коллеги, обсуждаем доклад *Дины Ахметжановны Аманжоловой «Этнополитическая элита Средней Азии и Казахстана: проблемы становления и позиционирования, вклад в советскую модернизацию»*.

⁶ Халид Адиб – профессор истории Карлтонского колледжа (США), ведущий специалист по истории Центральной Азии.

Савин. А.И. Дина Ахметжанова, понятно, что национальные элиты были ключевой составляющей политики коренизации. Далеко неслучайно Юрий Слезкин⁷ писал об этнофилии советской власти, а Терри Мартин⁸ оценивал Советский Союз как империю позитивной дискриминации. Немецкие историки пишут о том, что Советский Союз, особенно в 1920-е гг., можно расценивать применительно к национальной политике как наследника Австро-Венгерской империи. И в целом все они правы. Когда, с вашей точки зрения, у руководства Советского Союза, у Сталина наступило первое серьезное разочарование в политике коренизации? Есть ощущение, что именно неуспех коллективизации в национальных районах был определяющим?

Д.А. Аманжолова. Конечно, проблемы, связанные с коллективизацией, а также кардинальная смена элит, которая происходила в 1930-е гг. через репрессии, подорвали политику коренизации, но мы должны учитывать, что коренизация осуществлялась с целью обеспечить титульному населению большинство в органах власти и управления, затем во всех сферах функционирования государства, а это повлекло за собой целый комплекс мер в общем и профессиональном образовании, создании письменности, переводе делопроизводства на национальные языки, подготовке национальных кадров через специальные учебные заведения, прежде всего партийные, например Коммунистический университет трудящихся Востока и др., в том числе на местах, и т.д. Считаю важным и то, что национальные элиты, которые пришли на смену репрессированным, на местах делали вместе с обществом все, чтобы выиграть Великую Отечественную войну.

В.В. Тихонов. Материал, с которым я работал, демонстрирует, что здесь мощным фактором являлась внешняя политика, а именно приход к власти в 1930-е гг. нацистских, фашистских режимов, японских милитаристов, в результате четко прослеживается позиция советского руководства, что мы не можем больше воспроизводить

⁷ Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Советский период. Сборник. Самара, 2001. С. 329–374.

⁸ Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. 2001. XVII, 496 p.

антиколониальную риторику, которую против нас же потом используют наши внешние враги, фашистские государства. И соответственно, видимо, не только коллективизация сыграла свою роль, внешнеполитический фактор здесь не менее значим, чем внутренние процессы, потому что Советский Союз был очень внешне ориентированным государством.

С.В. Любичанковский. Три вопроса я записал, пока слушал ваш доклад. Насколько, как вы считаете, феномен этнополитической элиты был продуктом целенаправленной политики коренизации? Может быть, это был результат адаптации дореволюционных местных элит к новой власти? Это первое. Второе. Как вы считаете, можно ли говорить об особом среднеазиатском или казахстанском пути советской модернизации, отличным, например, от закавказского или прибалтийского? И третий вопрос. Насколько успехи и достижения в национальных республиках при советской власти в здравоохранении, образовании, насколько они вообще порождение деятельности именно данных этнополитических элит? Или это результат общей политики на модернизацию всей страны? И тогда вклад этнополитической элиты только в том, что она была оператором ресурсов, которые поступали из Центра.

Д.А. Аманжолова. Конечно, коренизация была шансом для элиты, в том числе досоветской, включиться в процесс модернизации, но уже по правилам, которые диктовало большевистское руководство, поэтому процесс следует рассматривать как протяженный, это можно на персоналиях проследить. Насколько можно говорить об особом центральноазиатском варианте советской модернизации? Очень много сходного, если мы сравниваем с республиками Северного Кавказа, национальные элиты в общем демонстрировали сходные модели поведения, но всегда они наполнялись конкретной спецификой, связанной с этнической культурой. Про успехи в социальных областях – очень важный вопрос. Если мы посмотрим на финансирование, на распределение средств, то увидим интересные вещи. Вот Рыков⁹, например, случайно так, между прочим, на одном из съездов заметил, что у нас библиотеки в национальных республиках получают денег больше, чем библиотеки в русских губерниях и областях. А лидеры этих республик, наоборот, жаловались, что им

⁹ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский политический и государственный деятель, председатель Совета народных комиссаров СССР (1924–1930 гг.).

мало средств выделяют и т.д. Конечно, при этом они апеллировали, как сказал Виталий Витальевич, к антиколониальному дискурсу власти, заявляли, что являются примером для стран Востока в борьбе за мировую революцию и т.п. Здесь шло соревнование за ресурсы, и без организационной, финансовой, методической, кадровой помощи Центра осуществить модернизацию и в экономике, и в социально-культурной сфере было бы невозможно. Но этнополитическая элита внесла решающий вклад в то, каким образом, как фактически состоялась эта модернизация на местах.

А.Ю. Быков. Как вы считаете, насколько политика коренизации, которая проводилась в тот период, отразилась на состоянии межнациональных отношений в Средней Азии и Казахстане?

Д.А. Аманжолова. Да, я затронула этот вопрос. Русскоязычное население высказывало недовольство тем, что оно отстраняется от власти и управления, и это звучало в письмах в Центр, артикуловалось на митингах и т.д. Да, это имело эффект, но надо сказать, что Центр в общем достаточно внимательно за этим следил, и борьба с «великорусским шовинизмом», особенно в 1920-е гг., велась наравне с борьбой с «местным национализмом».

В.М. Рынков. Возникла дискуссия, какие факторы сыграли свою роль в процессе свертывания политики коренизации. Но мне кажется, тут нужно иметь в виду еще один аспект, который всегда играл роль ограничителя этой политики. Это прагматика со стороны центра, который стремился балансировать в решении национального вопроса. Вставая на позиции ранее угнетаемых наций, Центр выступал за выравнивание уровня жизни и культурного уровня национальных окраин и в этом смысле был за опережающее развитие периферии, за наделение национальных элит административными полномочиями. Но при этом Центр всегда стремился все процессы упорядочить, систематизировать и унифицировать. И вот здесь политика коренизации воспринималась как препятствие на пути систематизации и унификации. Именно по этой причине Центр стремился сохранять командные высоты за теми функционерами, которые не относились к коренному этносу. При этом сама по себе система территориальных автономий различных уровней в Советском Союзе неизбежно создавала у национальных элит, интегрированных в советскую власть, дополнительный административный ресурс. А если говорить о конкуренции элит, то у национальных элит

всегда имелся дополнительный представительский ресурс, в силу чего, как вы отметили, они получали больше средств, чем РСФСР.

Коллеги, мы переходим к обсуждению следующего доклада, **Максима Андреевича Косицына «Обь-Иртыш и социалистическое преобразование природы: научные и идеологические образы гидростроительства» (1930-е гг.)».**

На тематику, которую вы подняли, хорошо ложится не только научная и научно-популярная литература, но и советская художественная литература, в том числе научная фантастика. Блестяще вписываются в эту проблематику романы Георгия Адамова, не про гидроэнергетику, не про покорение рек, но в целом про покорение природы и ее подчинение интересам человека. Это замечательная возможность для развития вашего концепта.

А.И. Савин. Например, поэмы, посвященные гидростроительству.

В.М. Рынков. Это немного другое, но тоже можно использовать. Из другой эпохи – поэма «Братская ГЭС» Евгения Евтушенко. Если отсмотреть литературные журналы, периодику тех лет, то там, наверное, отложился целый пласт источников, которые вполне можно использовать в рамках имагологии.

А.Ю. Быков. У меня комментарий в продолжение мысли Вадима Марковича. В прошлом году во время экспедиции я по своей инициативе посещал музеи в приграничных райцентрах Российской Федерации с Казахстаном. И меня в этом отношении поразили музеи в Славгороде, это райцентр в Алтайском крае. Я думаю, что для Максима Андреевича там можно почерпнуть очень много.

В.М. Рынков. Спасибо, Андрей Юрьевич. А мы переходим к обсуждению следующего доклада, **Виталия Витальевича Тихонова «Создавая историю советского Таджикистана: институты и акторы в 1930-х – середине 1940-х годов».**

С.В. Любичанковский. Скажите, пожалуйста, концепция «изобретения традиций» Эрика Хобсбаума¹⁰ применима в вашем исследовании? Если да, то какие именно традиции – исторические, культурные – были сконструированы в этот период для Таджикистана? Дальше. Наверняка были какие-то общие проблемы с соседним узбекским народом в области истории. Вот эпоха Саманидов, Са-

¹⁰ Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. New York, 1983. 336 p.

марканд, Бухара. Был какой-то скрытый конфликт с узбекской историографией? И если да, был ли он санкционирован Центром или являлся исключительно плодом местной инициативы?

В.В. Тихонов. Концепция «изобретения традиции» хорошо здесь ложится, с некоторыми, естественно, оговорками. Тем не менее именно территориальные размежевания, которые были проведены в 1920-е гг., в значительной степени создали классическую политическую карту Центральной Азии, к которой мы, собственно говоря, привыкли. Что касается Бободжана Гафурова¹¹, то его концепция таджикского народа до сих пор имеет фундаментальный характер. Когда вы прилетаете в Таджикистан, там же аэропорт¹² находится в городе Гафуров, если память не изменяет. То есть это, безусловно, очень важный проект, он потом дополнялся, изменялся, но что интересно, он до сих пор востребован, т.е. здесь можно говорить не только об «изобретении традиций», но даже о некоем протонационализме. Что касается отношения с соседями, то история – это такой квазиполитический язык, и когда нельзя прямо говорить о том, что у нас какие-то претензии к Таджикистану со стороны Узбекской и Казахской ССР, соответственно это все это переходит на уровень исторических дискуссий, выяснения, чья древность древнее и т.п. Надо сказать, что на Гафурова в ЦК приходили не один, не два и не три если не прямых доноса, то во всяком случае докладные записки, в которых говорилось о том, что Гафуров слишком увлекается таджикским национализмом. Он в ответ тоже писал в ЦК что-то примерно в том же духе, но я думаю, что для Центра его исторический нарратив был более, скажем так, приемлемым, чем, например, культ Кенесары Касымова¹³. То есть в этом смысле Гафуров оказался более ценным ресурсом. Он всегда играл

¹¹ Гафуров Бободжан (1908–1977) – советский государственный и партийный деятель, историк-востоковед, доктор исторических наук (1949), академик АН СССР (1968). В 1946–1956 гг. – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана, 1956–1977 – директор Института востоковедения АН СССР.

¹² Международный аэропорт Худжанд, который носит неофициальное название аэропорт Гафурова, находится между городами Бустон и Гафуров.

¹³ Касымов Кенесары (1802–1847) – казахский государственный, политический и военный деятель, хан Среднего жуза, полководец, выходец из рода чингизидов, внук Абылай-хана, руководитель крупнейшего восстания против власти Российской империи (1837–1847).

рискованно, но так умело балансировал, что потом хорошо отразилось на его академической карьере.

Н.Н. Аблажей. У меня короткий вопрос. Я немного занималась сюжетами, связанными с написанием истории Казахстана. Как это происходило и как актуализировалась ранняя советская история? На каких источниках? Вы здесь можете пару слов сказать, была ли историографическая дискуссия в Казахстане?

В.В. Тихонов. Я даже написал про это статью¹⁴, сейчас в деталях не скажу, как писались раннесоветские разделы, они в принципе всегда были более-менее конвенционными. Напротив, именно древность всегда оказывалась в Средней Азии острым дискуссионным моментом. Мне кажется, какой-то масштабной архивной работы проделано не было. Можете меня поправить, во всяком случае так это выглядело из Москвы, я ссылаюсь на те материалы, которые есть в РГАСПИ.

Т.К. Алланиязов. Ходит легенда, что Гафуров не являлся автором его работы про историю таджиков. Как вы считаете?

В.В. Тихонов. Это не легенда. Гафуров выступал как классический партийный руководитель, т.е. у него были установки, у него была своя концепция, но работал действительно коллектив.

Т.К. Алланиязов. Насколько я услышал из вашего выступления, книга «Таджики»¹⁵ была несколько этноцентричной, я смягчаю здесь слово «национализм». Как вы считаете, почему подобные работы не появились в других республиках Средней Азии и в Казахстане?

В.В. Тихонов. Я как раз думаю, что это связано во многом с такой институциональной особенностью, как кооперация столичных историков, ленинградских и московских с местными учеными, именно так писалась «История Казахской ССР» или «История Узбекской ССР». А вот Гафуров от этой модели отказался.

Т.К. Алланиязов. Не объясняется ли это тем, что партийные руководители всех остальных среднеазиатских республик и Казахстана не были историками?

¹⁴ Тихонов В.В. «Коренной перелом» на историческом фронте: «История Казахской ССР» (1943) и ее критика // История и историки: историографический вестник. М., 2024. С. 138–164.

¹⁵ Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

В.В. Тихонов. Может быть отчасти. Насколько я помню, Гафуров еще в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по секте исмаилитов. Он, наверное, был единственным, кто понял, что партийная карьера рано или поздно может завершиться, а научную можно продолжить. В этом смысле он тоже все предугадал. Но в принципе, если вы вспомните, в той же «Казахской ССР» – там два ответственных редактора, это А.М. Панкратова и М. Абдыкалыков (первое издание 1943 г.) или И.О. Омаров (второе издание 1949 г.). То есть казахские партфункционеры тоже себя позиционировали как специалистов, которые могут принимать участие в написании такого рода исторических текстов, но только Гафуров это довел до некоего логического конца.

Алланиязов А.К Вопрос, не связанный с вашей тематикой. Современная история Таджикистана досоветского периода больше всего разрабатывается вашим центром или все-таки в Душанбе?

В.В. Тихонов. Боюсь, Институт российской истории РАН вообще не занимается данной тематикой. Это следствие еще одной советской модели, когда все было отдано на откуп национальным республикам.

В.М. Рынков. Коллеги, в Таджикистане сейчас выходит довольно много литературы, монографической, преимущественно русскоязычной. Кстати говоря, книги по древней истории в основном публикуются на таджикском, а по советской истории – преимущественно на русском языке. Но если говорить о монографическом уровне, то литература как правило не выходит за пределы республики и становится известной, только если эти монографии имеются в электронном виде. «История таджикского народа» сейчас выходит в шести томах, дописываются пятый и шестой тома, она не только готовится институтом, инициатором открытия которого был Гафуров, но и концептуально повторяет то, что было сделано Гафуровым.

Коллеги, мы переходим к обсуждению следующего доклада, **Кымбат Казалиевны Абдрахмановой «Модернизация города Караганды: благоустройство по-советски».**

А.Ю. Быков. Кымбат Казалиевна, спасибо большое за ваше сообщение. Насколько сильно на архитектуре и структуре Караганды отразилось явление Карлага?

К.К. Абдрахманова. Доклад мой был посвящен модернизации Караганды, с моим научным руководителем Зауреш Сактаганов

вой мы изучали аспекты повседневности. Еще один проект был посвящен непосредственно лагерной тематике. В рамках этого проекта мы нашли много документов, подтверждающих, что заключенные Карлага принимали участие в строительстве множества жилых домов. Насколько мне известно, жилые дома по улице Джамбула были построены руками заключенных. Я приводила в докладе пример летнего театра, построенного силами японских военнопленных. Конечно же, трудовые ресурсы Карлага использовались не только при возведении жилых и общественных строений, но и при сооружении шахт и прочих промышленных объектов.

С. В. Любичанковский. Вопрос, может быть, частного характера. Как вы думаете, национальный орнамент в архитектуре сталинского ампира был уступкой традиции или новой формой советской идентичности?

К.К. Абдрахманова. Мне кажется, что здесь были учтены местные национальные особенности. Конечно, мы знаем, что на сталинских постройках были не только изображения серпа и молота, но и какой-то национальный орнамент. Мне кажется, что здесь была определенная уступка национальному колориту. Может быть, стили казахского орнамента были добавлены уже после 1953 г.

А.И. Савин. Это была классическая формула: культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Никаких уступок здесь не было.

С. В. Любичанковский. Для меня вопрос остается открытым.

В.М. Рынков. Для меня, честно говоря, тоже. Мне кажется, что там, где об этом думали, старались на каждой национальной территории исполнять строительные проекты с таким национальным колоритом, чтобы это чувствовалось. Я помню еще по советским временам в Алма-Ате хрущевки с национальным колоритом: приезжаешь и понимаешь, что ты в столице союзной республики. А вот в Семипалатинске такого национального колорита не было, был такой же стандартный город, как и везде в СССР.

З.Г. Сактаганова: Поскольку Караганда была классическим советским городом периода индустриализации, то как раз в период сталинского ампира национальных элементов в архитектуре практически не было. Появление достаточно яркой этнической составляющей пришлось уже на хрущевский период.

В.М. Рынков. Коллеги, у меня два вопроса. Насколько я понимаю, еще в советское время история Караганды изучалась, мне известны две диссертации, в которых рассматривались отдельные периоды развития города¹⁶. В 1989 г. появилась целая монография, посвященная Караганде¹⁷. Также надо отметить, что в России вышла книга Максима Кима¹⁸. Скажите, в казахстанской историографии Караганде посвящено что-то новое, что позволяло бы артикулировать принципиально новые взгляды на прошлое? Еще вопрос: насколько я понимаю, если смотреть по демографии, то пик развития города пришелся на 1989 г. Кстати, между 1939 и 1959 гг. прослеживается взрывной рост численности, а после 1989 г., уже в период независимости, происходит спад численности населения примерно на 20 %. С чем это связано?

К.К. Абдрахманова. По поводу первого вопроса: безусловно, ведутся исследования, в 2009 г. лично я защищала кандидатскую диссертацию, посвященную повседневной жизни Центрального Казахстана, где Караганда была одним из главных предметов изучения¹⁹. В 2015–2017 гг. у нас был также большой министерский проект, в рамках которого мы изучали повседневность городского населения центрального Казахстана с 1945 по 1991 г. Недавно в кооперации с Зауреш Сактагановой мы издали большую монографию²⁰. Также выходило множество различных сборников документов, энциклопедий. Публикуются исследования Досмагамбетова, посвященные истории Карагандинской области²¹. Также есть такой автор, как Могильницкий²², он не историк, но тем не менее им многое было опубликовано. Есть издания нашего краеведа, к сожалению, ныне по-

¹⁶ Иваненко А.К. История города Караганды в годы довоенных пятилеток: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. 208 с.; Кушумбаева Ш.П. История города Караганды в послевоенные годы, 1946–1960 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1981. 199 с.

¹⁷ Караганда. Алма-Ата, 1989. 189 с.

¹⁸ Ким М.Ю. Караганда жизнь людей в городе угля, 1931–1941 гг. М., 2017. 214 с.

¹⁹ Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: Караганда, 2009. 30 с.

²⁰ История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории. Караганда, 2024. 456 с.

²¹ См.: Досмагамбетов С.К. Центральный Казахстан: природа и природные ресурсы, события и люди, реформы и развитие. Алматы, 2003. 562 с.

²² Могильницкий В.М. Не склонив головы: документальные очерки о великих узниках Карлага. Караганда, 2011. 259 с.

койного Юрия Попова²³, посвященные Караганде, Балхашу, Темиртау и т.д. В общем, мы стараемся работать в этом направлении.

Что касается второго вопроса: как вы совершенно верно отметили, резкий рост численности населения с 1939 по 1959 г. объясняется тем, что это промышленный регион. Город расширялся, вводились в строй новые шахты, новые разрезы, требовались специалисты. Здесь резкий рост численности населения связан прежде всего с миграцией. Спад после 1989 г. входит в общую тенденцию: если сравнить переписи населения 1989 г. и 1999 г., то видно, что население Казахстана потеряло около 2 млн человек. Это было связано с тем, что распался Советский Союз, и представители европейских национальностей – те же русские, украинцы, белорусы, немцы – те, кто в какой-то мере не по своей воле попал в Караганду, например в ссылку, решили вернуться на родину. Нельзя также забывать, что годы перестройки – очень тяжелый период, многие шахты были закрыты, многие люди остались без работы, это тоже сыграло большую роль в принятии решения покинуть Казахстан.

В.М. Рынков. Уважаемые коллеги. Вопросы к выступающим и обсуждения конкретных докладов закончились. Переходим к заключительной части дискуссии, подведем *итоги конференции*.

С.В. Любичанковский. На мой взгляд, итоги работы конференции показывают, что она смогла выстроить целостное видение модернизационных процессов в Центральной Азии от XVIII до начала XXI в. через несколько сквозных линий: имперские и советские проекты модернизации, роль государства и инфраструктуры, социокультурные последствия и трансформации исторической памяти и историографии. В фокус помещаются как сравнительно-исторические и историографические сюжеты, так и локальные кейсы, позволяющие увидеть множественность траекторий модернизации в регионе.

Одной из магистральных линий является имперская и фронтирная модернизация, задающая долгую перспективу: от трансформаций правовых систем в Казахской степи и Средней Азии в контексте фронтирной модернизации Российской империи до возникновения джадидизма как формы реакции на модернизационную политику центра. Важное место здесь занимают первые механизмы советиза-

²³ См., например: *Попов Ю.Г.* Караганда и вокруг нее: первые сто лет карагандинской краеведческой летописи: 1833–1933. Караганда, 2015. 179 с.

ции кочевого общества в 1920–1921 гг., которые раскрываются через сочетание практик принуждения и ответных действий кочевников, демонстрируя конфликтный и неоднородный характер модернизационных процессов на периферии империи.

Вторая магистральная линия связана с многоэтапным проектом социалистической модернизации, раскрывающимся в серии докладов о «Советском Казахстане как феномене социалистической модернизации», о «кунаевском этапе» модернизации, о советизации Памира, об опыте гидростроительства на Иртыше и социалистическом преобразовании природы Обь-Иртыша. Особый смысл приобретает анализ дипломатической активности Ш.Р. Рашидова и экспорта советской агроэкономической и культурной модели в страны Африки, что позволяет рассматривать Центральную Азию не только как объект, но и как активный узел транснациональных модернизационных трансферов позднесоветского периода.

Третья важная линия – сравнительная и зарубежная перспектива, в рамках которой обсуждается зарубежная историография выбора между традицией и инновацией в традиционном казахском обществе, изучение стран Центральной Азии в американских и британских научных центрах, а также израильский опыт возрождения и сохранения национальных традиций и его влияние на государства региона. Такое построение проблематики вписывает центральноазиатские процессы модернизации в глобальный контекст, показывая, как внешние исследовательские и политические оптики формируют представления о модернизационных траекториях и возможностях развития.

Среди сложных и узловых полей можно выделить, во-первых, проблему соотношения традиции, инновации и насилия. Ряд докладов концентрируется вокруг сложного выбора между традиционными укладами и модернизационным давлением: зарубежная историография дилеммы «традиция – инновация» в казахском обществе, анализ первых механизмов советизации Степи через принуждение и ответные формы сопротивления. Этот проблемный узел подчеркивает, что модернизация в регионе не может быть сведена к линейному прогрессу, а разворачивается как поле конфликтов, компромиссов и гибридных форм.

Во-вторых, критически важен узел «государство, империя и границы», где концентрируются доклады об административных рефор-

мах в казахской степи XIX в., экономико-производственных преобразованиях в Туркестанском генерал-губернаторстве, о казахско-синьцзянском участке советско-китайской границы и повседневных приграничных практиках населения. На наш взгляд, насыщенность блока пограничной тематикой показывает, что модернизация здесь выступает не только как внутренний процесс реформ, но и как функция строительства и охраны границ, поиска социальной базы для властных проектов и перераспределения ресурсов и населения на спорных территориях.

К этому же узлу примыкает тема лагерей ГУЛАГа как фактора трансформации политического ландшафта отдельных регионов, в частности Жезказгана, где принудительный труд и лагерная инфраструктура становятся важнейшими элементами модернизационной конфигурации. Таким образом, модернизация оказывается тесно связанной с репрессивными практиками, что требует от исследователя отказа от нормативно-позитивного взгляда и перехода к анализу «темной стороны» модернизационных проектов.

В-третьих, четко обозначается узел «инфраструктура и преобразование пространства», в рамках которого рассматривается советский опыт гидростроительства на Иртыше, роль Таджикских комплексных и Таджикско-Памирских экспедиций в формировании промышленного потенциала Таджикистана, благоустройство городов Центрального Казахстана в хрущевский период и модернизация Караганды по-советски. В совокупности эти сюжеты демонстрируют, что инфраструктура – от гидроэлектростанций до городских благоустроительных проектов – выступает ключевым драйвером и одновременно индикатором модернизации, требующим объединения социальных, политических и экологических подходов.

Социальное измерение модернизации в программе конференции проявляется через фокус на субъектах и носителях изменений. Доклады об этнополитической элите Средней Азии и Казахстана, о ее становлении, позиционировании и вкладе в советскую модернизацию, о трансформации исторического образования в Узбекистане, а также о модернизации как социальном процессе в теоретической и практической перспективах поднимают вопросы об агентности различных групп. Здесь особенно важными выглядят попытки выйти за пределы чисто институциональной оптики и показать, как элиты, профессиональные сообщества и образовательные институ-

ты выступают посредниками между государственными проектами и локальными обществами.

Не менее значим блок, посвященный образам модернизации и исторической памяти. Анализ путеводителя Н.И. Бодрова-Повираева как источника представлений о модернизации Центральной Азии, чтение дневниковых и рабочих записей Л.И. Брежнева о советских республиках Средней Азии, а также исследование формирования истории советского Таджикистана в 1930-е – середине 1940-х гг. раскрывают, как модернизация конструируется, легитимируется и переосмысливается в текстах и институтах памяти. Особую роль играет изучение деятельности Туркестанского отделения ИРГО в годы Первой мировой войны, где на пересечении научных исследований и политического заказа возникает специфический модернизационный дискурс, связывающий знание, управление и войну.

На основании услышанного и прочитанного позволю себе выделить ряд нерешенных и методологически острых проблем, на наш взгляд, важных для дальнейшего развития науки. Первая из них – проблема единой модели модернизации: материалы конференции демонстрируют множественность траекторий – от имперской фронтальной модернизации до социалистических проектов, однако вопрос о возможности выработки целостной концепции «центральноазиатской модернизации» как особого типа остается открытым. Очевидной задачей дальнейших исследований является построение сравнительной модели, позволяющей сопоставить казахстанский, киргизстанский, таджикистанский и узбекистанский варианты модернизационных процессов на единой теоретической платформе.

Вторая нерешенная проблема – соотношение насилия, согласия и локальной инициативы в модернизационных проектах. В какой мере этнополитические элиты, местные сообщества, профессиональные и научные группы присваивали, трансформировали, саботировали или, напротив, усиливали модернизационные инициативы Центра? Изучение этой проблематики требует микросоциальных и микроисторических исследований на уровне общин, городских кварталов и отдельных институтов.

Третья принципиальная проблема – анализ экологических и долгосрочных пространственных последствий модернизации. Инфраструктурные сюжеты, связанные с гидростроительством, индустриализацией и благоустройством городов, лишь намечают контуры

ры экологического измерения модернизационных проектов, не выходя пока на уровень систематического рассмотрения трансформаций ландшафтов, водных ресурсов, миграций и здоровья населения. Для дальнейшего развития исследований представляется необходимым включение в повестку экологической истории, истории техники и городской экологической антропологии, что позволит по-новому прочесть советские и постсоветские модернизационные проекты в регионе.

Из содержания конференции вытекают и более общие перспективы развития научного поля. Во-первых, очевидна необходимость междисциплинарных подходов к изучению модернизации в Центральной Азии, объединяющих правовую историю, политическую историю, социальную антропологию, урбанистику, гендерные исследования и историю науки. Думаю, что можно сформулировать задачу формирования устойчивых исследовательских коллективов, работающих на стыке региональных исследований и глобальных теорий модернизации, что позволит преодолеть разрыв между эмпирическим богатством материала и теоретической рефлексией.

Во-вторых, при всей широте представленной источниковой базы значительная ее часть остается ориентированной на элитные и институциональные материалы – дипломатическую документацию, партийно-государственные архивы, записи лидеров и отчеты крупных экспедиций. В качестве приоритетной нерешенной задачи можно в этой связи выдвинуть систематическое привлечение источников повседневности – личных дневников «рядовых» участников модернизационных трансформаций, устных историй, локальных архивных коллекций, визуальных и материальных источников, что позволит рассматривать модернизацию не только как проект сверху, но и как переживаемый, конфликтный и неоднозначно оцениваемый опыт снизу.

А.И. Савин. Хотелось бы также отметить, что модернизационные процессы в Центральной Азии в XVIII – начале XXI в. рассматривались практически всеми участниками конференции из оптики «центр – периферия». Часть докладчиков традиционно интерпретировала российский/советский центр как доминирующий источник власти и авторитета, сосредоточие культурных и экономических новшеств, которые легитимировали его роль в качестве силы, инспирировавшей и стимулировавшей модернизацию и за

счет этого притягивавшей к себе периферию. Таким образом, Российская империя / Советский Союз воспринимались здесь в качестве однополярного центра модернизации Центральной Азии. В ряде докладов прослеживается другой подход, где традиционная вертикальная модель уступает место модели многомерных вариантов взаимосвязи центра и периферии, подчеркивается то обстоятельство, что Центр нуждался в центральноазиатской периферии, которая являлась оплотом его силы. В результате возникали периферийные центры власти, произошло перераспределение модернизационных интенций между «большим» и «малыми» центрами, где модернизационные процессы протекали с разной динамикой. Одной из причин складывания новых иерархий была идеология национализма, которая если не подрывала, то все время ставила под сомнение «естественное» доверие между традиционным центром и периферией.

В целом заслушанные нами доклады продемонстрировали важность совместной рефлексии ученых, принадлежащих к разным национальным школам, применяющим разные исследовательские оптики. Считаю крайне важным, что обсуждение темы модернизации Центральной Азии было задано организаторами в широких хронологических рамках, что в свою очередь продемонстрировало валидность применения диахронного метода для изучения процессов «большой длительности» (*longue durée*), к которым по определению относится модернизация. В заключение несколько слов о лакунах. Как мне кажется, недостаточно внимания было уделено: 1) персональной истории реципиентов модерна на периферии, которые являлись важным элементом трансфера идей; 2) докладам, посвященным процессам секуляризации – в частности, роли религии (ислама) – в целом в контексте модернизации Центральной Азии. Исключением здесь стал доклад Т.В. Котюковой, посвященный джадидам и джадидизму.

Д.А. Аманжолова. Хочу поблагодарить организаторов. Я получила большое удовольствие, массу стимулов для того, чтобы продолжать исследования и даже посмотреть на какие-то другие ракурсы проблематики, которой я занимаюсь, не только связанной с Центральной Азией, с бывшими республиками Средней Азии и Казахстаном. Надеюсь, что эта конференция станет традиционной, на пример, раз в два года можно было бы это делать. Спасибо!

В.М. Рынков. У нас предполагается в следующем году конференция по тематике, связанной с культурными связями, также обсуждается вариант с коллегами из Киргизии о мероприятии, посвященном 90-летию создания республики. Подобного рода конференции мы будем продолжать организовывать, я надеюсь, что к следующему подобному мероприятию мы постараемся привлечь коллег из Таджикистана и Киргизии. Один из крайне полезных результатов нашей конференции заключается в том, что мы в ходе докладов и дискуссии обменялись информацией о том, что где написано, что где выходит, кто что опубликовал или использует в своих исследованиях, поскольку существуют серьезные коммуникационные барьеры, особенно в плане обмена литературой и доступности литературы, вышедшей в разных государствах. Я уже говорил, например, что в Таджикистане опубликован ряд монографических исследований по экономике, по социальной сфере советского и постсоветского Таджикистана, из которых доступна небольшая часть. То же самое в других республиках. На днях Дина Ахметжановна передала в электронном виде монографию по истории Кыргызстана периода Великой Отечественной войны, о которой мы не знали. Кроме того, мы смогли за эти два дня детально обсудить серьезные научные проблемы. Многие затронуто бегло и требует возможно более детальной дискуссии. А что-то в ходе обсуждения отмечено авторами докладов как новые рубежи собственных исследований.

Литература

1. *Абдрахманова К.К.* Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2009. 30 с.
2. *Бодров-Повираев Н.И.* Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами. Оренбург: орг. контора Оренбург. края и Туркестана, 1908. 106 с.
3. *Город Оренбург: историко-статистический очерк* / сост. Ф.И. Лобысевич. Санкт-Петербург: тип. Э. Гоппе, 1878. 61 с.
4. *Досмагамбетов С.К.* Центральный Казахстан: природа и природные ресурсы, события и люди, реформы и развитие. Алматы: [б. и.], 2003. 562 с.
5. *Гафуров Б.Г.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. 425 с.
6. *История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории)* / под ред.

З.Г. Сактагановой. Караганда: Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, 2024. 456 с.

7. *Иваненко А.К.* История города Караганды в годы довоенных пятилеток: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. 208 с.

8. Караганда / А.С. Елагин, А.К. Иваненко, Б.Н. Абишева и др.; редкол. А.С. Елагин (отв. ред.) и др. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 189, [2] с., [8] л. ил. (История городов Казахстана).

9. *Ким М.Ю.* Караганда: жизнь людей в городе угля, 1931–1941 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 214 с.

10. *Кушумбаева Ш.Р.* История города Караганды в послевоенные годы, 1946–1960 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1981. 199 с. ил.

11. *Мозильницкий В.М.* Не склонив головы: документальные очерки о великих узниках Карлага. Караганда: Гласир, 2011. 259 с.

12. *Попов Ю.Г.* Караганда и вокруг нее: первые сто лет карагандинской краеведческой летописи: 1833–1933. Караганда: Форма Плюс, 2015. 179 с.

13. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.): монография / Ю.Н. Гусева, О.Н. Сенюткина, В.С. Христофоров. М.: Медина, 2021. 456 с.

14. *Райский П.Д.* Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург: Губернская типография, 1915. 178 с.

15. *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Советский период. Самара, 2001. С. 329–374.

16. *Столянский П.Н.* Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург: Оренбургская губернская типография, 1908. 399 с.

17. *Тихонов В.В.* «Коренной перелом» на историческом фронте: «История Казахской ССР» (1943) и ее критика // История и историки: историографический вестник. 2024. С. 138–164.

18. *Hobsbawm E., Ranger T.* The invention of tradition. New York: Cambridge University Press, 1983. 336 p.

19. *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. XVII, 496 p.

Содержание

От редактора	3

Раздел 1.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ И РЕГИОНАЛЬНОМ ПРИМЕНЕНИИ

И.В. Побережников

Трансформации правовых систем в Казахской степи и в Средней Азии в контексте фронтирной модернизации Российской империи (в современной историографии)	6

В.В. Мартынова

Израильский опыт возрождения и сохранения национальных традиций на фоне модернизации и его влияние на государства Центральной Азии	20

С.И. Ковальская

Зарубежная историография о выборе между традицией и инновацией в процессе модернизации традиционного казахского общества	34

Р.М. Сеитов

Изучение истории стран Центральной Азии в американских и британских научных центрах	50

П.И. Дятленко

Особенности модернизации на территории Кыргызстана в XIX–XX веках	60

Ж.А. Ермекбай

Советский Казахстан: феномен социалистической модернизации.....	64

<i>Заседание 1.</i> Общие проблемы модернизации в сравнительно- исторической перспективе и региональном применении	74

Раздел 2.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

А.Ю. Быков

Административные реформы в казахской степи в XIX в.: поиск социальной базы	90

<i>А.А. Турсунметов</i>	
Модернизация как местная потребность и имперское освоение края. Экономико-производственные преобразования в Туркестанском генерал-губернаторстве	97
<i>О.А. Махмудов</i>	
Русская школа на «Крыше Мира»: история создания и значение в советизации Памира	99
<i>Н.Н. Аблажей, А.С. Жанбосинова</i>	
Казахско-синьцзянский участок советско-китайской границы: пограничный режим и приграничные практики населения во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.	111
<i>Т.К. Алланиязов</i>	
Роль лагерей ГУЛАГа в трансформации политического ландшафта Жезказгана	113
<i>К.В. Черепанов</i>	
«Кунаевский» этап модернизации социалистического Казахстана	127
<i>И.Т. Муминов</i>	
Миссия модернизации: дипломатия Шарафа Рашидова и экспорт советской «агроэкономической и культурной модели» в страны Африки. Опыт Анголы.....	142
<i>Заседание 2. Роль государства в модернизации экономики и общества ...</i>	153

РАЗДЕЛ 3. ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ДРАЙВЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

<i>Г.Б. Избасарова</i>	
Модернизация казахской Степи: роль Оренбургско-Ташкентской железной дороги	174
<i>Г.Т. Каженова</i>	
Первые механизмы советизации в Казахской степи: принуждение и формы ответа кочевого общества (1920–1921 гг.)	186
<i>О.Г. Пуговкина</i>	
Война и наука на окраине: деятельность ТО ИРГО в Туркестане, 1914–1917 гг. (по материалам «Известий» ТО ИРГО)	198
<i>Н.С. Кенжаева</i>	
Значение Таджикских комплексных и Таджикско-Памирских экспедиций для изучения перспектив развития промышленности Таджикистана (30-е гг. XX в.)	211
<i>Н.Н. Аблажей</i>	
Гидростроительство на притоках и в верхнем течении реки Иртыш в 1930–1960-е годы	227

<i>З.Г. Сактаганова</i>	
Опытные хозяйства И.Н. Худенко в 1960-е гг. в Казахской ССР: провальный эксперимент или несвоевременные новшества?	240
<i>А.И. Савин</i>	
Казахская ССР в дневниковых и рабочих записях Л.И. Брежнева (1964–1982)	256
<i>Заседание 3. Инфраструктурные драйверы модернизации</i>	268

РАЗДЕЛ 4. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ СПЕЦИФИКА

<i>С.В. Любичанковский</i>	
Образ казахов глазами их пленника: историко-имагологический анализ воспоминаний русского офицера 1840-х гг.	286
<i>Т.В. Котюкова</i>	
Джадидизм в Туркестане как одна из форм реакции на модернизационную политику Российской империи	295
<i>Д.А. Аманжолова</i>	
Этнополитическая элита Средней Азии и Казахстана: проблемы становления и позиционирования, вклад в советскую модернизацию	297
<i>М.А. Косицын</i>	
Обь-Иртыш и социалистическое преобразование природы: научные и идеологические образы гидростроительства (1930-е гг.) ...	309
<i>В.В. Тихонов</i>	
Создавая историю советского Таджикистана: институты и акторы в 1930-х – середине 1940-х гг.	317
<i>С.В. Елеуханова</i>	
Благоустройство городов Центрального Казахстана в хрущевский период.....	323
<i>К.К. Абдрахманова</i>	
Модернизация города Караганды: благоустройство по-советски	333
<i>Заседание 4. Модернизация как социальный процесс: центральноазиатская специфика</i>	350

Научное издание

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (XVIII – НАЧАЛО XXI В.):
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Компьютерная верстка *Т.В. Соболева*

Подписано в печать 18.01.2026.
Формат 60×84/16. Гарнитура PT Serif.
Усл. печ. л. 23,5.

Издательско-полиграфический центр НГУ:
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2
<https://www.nsu.ru/n/university/publishing-center/>